РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2022. Т. 19. № 2

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2022

RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

URAL FEDERAL UNIVERSITY
NAMED AFTER THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

PROBLEMS OF ONOMASTICS

2022. Vol. 19. № 2

EKATERINBURG
Ural University Press
2022

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н.Ельцина

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

ISSN 1994-2400 (print)
ISSN 1994-2451 (online)

Журнал основан в 2004 г.
Выходит три раза в год

Учредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Гоголевский б-р, 2/18/1, стр. 1, 3
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Издатель:

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-75393 от 05 апреля 2019 г. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук.

Журнал индексируется в БД:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CiteFactor, DOAJ, EBSCO,
European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS),
Linguistics Abstracts Online, MLA International Bibliography, Russian Science Citation Index (RSCI)
на платформе Web of Science (WoS), Scopus, Slavic Humanities Index,
Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (WoS)

«Вопросы ономастики» — единственный специализированный ономастический журнал в России. Основу содержания журнала составляют статьи и материалы по следующим направлениям исследований: теоретические проблемы и актуальные вопросы ономастики, методы ономастических исследований; ономастическая лексикография; ономастическое источниковедение; ономастика в различных сферах функционирования: в диалектах и городском просторечии, в фольклоре, художественной литературе, в языке науки и деловом языке, в памятниках письменности и др.; историческая ономастика (топонимика, антропонимика и др.); связи ономастики с другими науками (историей, археологией, этнографией, этимологией, этнолингвистикой, диалектологией, географией и др.), а также с краеведением; методы сбора и хранения ономастического материала; проблемы популяризации ономастических знаний. Преимущественное внимание уделяется славянской, финно-угорской, романской, германской, кельтской, тюркской и иранской ономастике. Материалы публикуются на русском, английском, немецком и французском языках.

Журнал является изданием открытого доступа (open access journal): публикация в журнале бесплатна для авторов, все статьи находятся в свободном доступе на сайте журнала, где они размещаются непосредственно после выхода бумажной версии.

E-mail: voprosy.onomastiki@gmail.com
Сайт: http://onomastics.ru/

Адрес редакции: 620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, ком. 306
Уральский федеральный университет, редакция журнала «Вопросы ономастики»

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2022
© Уральский федеральный университет, 2022

Ural Federal University
named after the first President of Russia B.N.Yeltsin

PROBLEMS OF ONOMASTICS

ISSN 1994-2400 (print)
ISSN 1994-2451 (online)

Established in 2004
Published three times per year

Founders:

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
2/18/1, building 1, 3, Gogolevsky Blvd., 119019 Moscow, Russia
Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
19, Mira St., 620002 Ekaterinburg, Russia

Publisher:

Ural University Press
4, Turgeneva St., 620000 Ekaterinburg, Russia

The Journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. Mass media registration certificate PI FS77-75393 as of April 5, 2019.
The Journal is included in the Russian Higher Attestation Commission list of leading peer-reviewed academic journals approved for the publication of dissertation research results.

The Journal is indexed in:

CiteFactor, DOAJ, EBSCO, European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS), Linguistics Abstracts Online, MLA International Bibliography, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Scopus, Slavic Humanities Index, Web of Science Emerging Sources Citation Index (WoS)

Voprosy onomastiki (*Problems of Onomastics*) publishes original research papers on all aspects of onomastics: theory of proper names and methods of onomastics; lexicography of proper names (presentation of old and new dictionaries); source studies in onomastics; functioning of proper names in different contexts: in dialects and popular language, in folklore and literature, in scientific and administrative discourses; historical studies of anthroponyms and toponyms (including the study of substrate toponymy); onomastics as a crossroad of different disciplines (history, archaeology, ethnology, geography, anthropology, ethnolinguistics, etymology, regional studies, etc.); methods of documentary fieldwork and data processing in onomastics. Preference is generally given to the onomastics of the Slavic, Finno-Ugric, Romance, Germanic, Baltic, Celtic, Turkic and Iranian languages. The journal publishes papers in the Russian, English, German, and French languages.

The journal operates on a no-fee open access basis: the journal does not charge any publication fees, all publications are freely available to the reader on the journal's website immediately after publication.

Email: voprosy.onomastiki@gmail.com
http://onomastics.ru/en

Editorial Office Address: 51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Ural Federal University, *Voprosy onomastiki* (*Problems of onomastics*) Editorial Office

© V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, 2022
© Ural Federal University, 2022

Главный редактор

Березович Е. Л., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Заместители главного редактора

Голомидова М. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Рут М. Э., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Спиридонов Д. В., к. ф. н., доц., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Ответственный секретарь

Кучко В. С., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт славяноведения РАН, Москва

Редакционный совет

Амбросиани П., PhD, проф., Университет Умео, Швеция

Васильев В. Л., д. ф. н., проф., Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород

Васильева Н. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт языкознания РАН, Москва

Галковский А., DrHab, проф., Лодзинский университет, Польша

Гарвалик М., PhD, вед. науч. сотр., Институт чешского языка АН Чешской Республики, Чехия

Горяев С. О., к. ф. н., доц., Уральский федеральный университет; Екатеринбургская духовная семинария; Миссионерский институт, Екатеринбург

Гринберг М. Л., PhD, проф., Университет Канзаса, США

Дзицойты Ю. А., к. ф. н., доц., Юго-Осетинский государственный университет, Цхинвал, Южная Осетия

Дыбо А. В., д. ф. н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН, Москва

Журавлев А. Ф., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт славяноведения РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва

Кабинина Н. В., д. ф. н., проф., Уральский федеральный университет, Екатеринбург

Кюршунова И. А., д. ф. н., доц., Петрозаводский государственный университет

Лома А., PhD, проф., акад. Сербской академии наук и искусств, Белградский университет, Институт сербского языка Сербской академии наук и искусств, Сербия

Макарова А. А., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Матасович Р., PhD, проф., акад. Хорватской академии наук и искусств, Загребский университет, Хорватия

Молчанова О. Т., д. ф. н., проф., Щецинский университет, Польша

Муллонен И. И., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск

Напольских В. В., д. и. н., проф., чл.-корр. РАН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ижевск — Москва

Саарикиви Я., PhD, проф., Университет Хельсинки, Финляндия

Супрун В. И., д. ф. н., проф., Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград

Сурикова О. Д., к. ф. н., ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет, Екатеринбург; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва

Толстая С. М., д. ф. н., проф., акад. РАН, Институт славяноведения РАН, Москва

Успенский Ф. Б., д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Фалилеев А. И., д. ф. н., вед. науч. сотр., Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург

Хенгст К., DrHab, проф., Лейпцигский университет, Германия

Хольцер Г., DrHab, проф., Венский университет, Австрия

Экспертный совет

Айниала Т., PhD, вед. науч. сотр., Университет Хельсинки, Финляндия

Аникин А. Е., д. ф. н., акад. РАН, Институт филологии СО РАН, Новосибирск

Башки И., PhD, проф., Группа по исследованию Средней Азии при Венгерской АН, Венгрия

Бергманн Х., PhD, вед. науч. сотр., Институт новой и новейшей истории Австрийской АН, Австрия

Егоров Н. И., д. ф. н., глав. науч. сотр., Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Чебоксары

Зубов Н. И., д. ф. н., проф., Одесский национальный университет, Украина

Петросян А. Е., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт археологии и этнографии НАН РА, Армения

Рутковский М., PhD, DrHab, проф., Варминьско-Мазурский университет, Польша

Стаховский М., PhD, науч. сотр., Ягеллонский университет, Польша

Сундуева Е. В., д. ф. н., глав. науч. сотр., Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

Торкар С., PhD, науч. сотр., Институт словенского языка Словенской академии наук и искусств, Словения

Хисамитдинова Ф. Г., д. ф. н., проф., Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН, Уфа

Цишианг Х., PhD, науч. сотр., Лейпцигский университет, Германия

Штепан П., PhD, науч. сотр., Институт чешского языка АН Чешской Республики, Чехия

Editor-in-chief

Elena Berezovich, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Deputy editors

Marina Golomidova, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Maria Ruth, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Dmitry Spiridonov, PhD, associate professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Managing editor

Valeria Kuchko, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia

Advisory Board

Per Ambrosiani, PhD, professor, Umeå University, Sweden
Anna Dybo, DrHab, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia
Yuri Dzitstsoity, PhD, professor, South Ossetian State University, Tskhinvali, Republic of South Ossetia
Alexander Falileyev, DrHab, leading research fellow, Institute for Linguistic Studies of the RAS, Saint Petersburg, Russia
Artur Gałkowski, DrHab, professor, University of Łódź, Poland
Sergey Goryaev, PhD, associate professor, Ural Federal University; Ekaterinburg Theological Seminary; Missionary Institute, Ekaterinburg, Russia
Marc L. Greenberg, PhD, professor, University of Kansas, Lawrence, KS, USA
Milan Harvalík, PhD, leading research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic
Karlheinz Hengst, DrHab, professor, University of Leipzig, Germany
Georg Holzer, DrHab, professor, University of Vienna, Austria
Nadezhda Kabinina, DrHab, professor, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Irina Kyurshunova, DrHab, associate professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Aleksandar Loma, PhD, professor, full member of the Serbian Academy of Sciences and Arts, University of Belgrade, Serbian Academy of Sciences and Arts, Serbia
Anna Makarova, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
Ranko Matasović, PhD, professor, full member of the Croatian Academy of Sciences and Arts, University of Zagreb, Croatia
Olga Molchanova, DrHab, professor, University of Szczecin, Poland
Irma Mullonen, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Language, Literature and History of the KarRC RAS, Petrozavodsk, Russia
Vladimir Napolskikh, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Izhevsk — Moscow
Janne Saarikivi, PhD, professor, University of Helsinki, Finland
Vasilii Suprun, DrHab, professor, Volgograd State Social and Pedagogical University, Volgograd, Russia
Olesya Surikova, PhD, senior research fellow, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
Svetlana Tolstaya, DrHab, professor, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia
Fjodor Uspenskij, DrHab, professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Slavic Studies of the RAS, Russian State University for the Humanities, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Valery Vasilyev, DrHab, professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Russia
Natalia Vasilyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Linguistics of the RAS, Moscow, Russia
Anatoly Zhuravlev, DrHab, principal research fellow, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow State University, Moscow, Russia

Reviewers committee

Terhi Ainiala, PhD, leading research fellow, University of Helsinki, Finland
Aleksandr Anikin, DrHab, full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Division of the RAS, Novosibirsk, Russia
Imre Baski, PhD, professor, Research Group for Central Asia, Hungarian AS, Hungary
Hubert Bergmann, PhD, research fellow, Institute of Modern and Contemporary History of the Austrian AS, Austria
Nikolay Egorov, DrHab, principal research fellow, Chuvash State Institute of Humanities, Cheboksary, Russia
Firdaus Khisamitdinova, DrHab, professor, Institute of History, Language and Literature of UFRC RAS, Russia
Armen Petrosyan, DrHab, principal research fellow, Institute of Archaeology and Ethnography of the NAS RA, Yerevan, Armenia
Mariusz Rutkowski, DrHab, professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland
Marek Stachowski, PhD, research fellow, Jagiellonian University, Kraków, Poland
Pavel Štěpán, PhD, research fellow, Institute for the Czech Language of the AS CR, Prague, Czech Republic
Ekaterina Sunduyeva, DrHab, principal research fellow, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Division of the RAS, Ulan-Ude, Russia
Silvo Torkar, PhD, research fellow, Fran Ramovš Institute of the Slovenian Language, Ljubljana, Slovenia
Christian Zschieschang, PhD, research fellow, University of Leipzig, Germany
Nikolay Zubov, DrHab, professor, Odessa National University, Ukraine

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Prósper B. M., *Medrano Duque M.* Ancient Gaulish and British Divinities: Notes on the Reconstruction of Celtic Phonology and Morphology 9

Темиргазина З. К., *Асельдерова Р. О.* Сложные казахские антропонимы с глагольным компонентом: пропозициональная структура 48

Попова Т. Г. Ветхозаветные антропонимы в тексте «Лествицы» Иоанна Синайского 66

Rácz A. Settlement Names Referring to Eastern Slavic Settlers in Medieval Hungary 85

Борлыкова Б. Х., *Меняев Б. В.* К вопросу изучения ойратских гидронимов бассейна реки Или 104

Кузьмин Д. В. Историко-культурный потенциал топонимии карельской деревни Колвица на Кольском полуострове 127

Сундуева Е. В. Топонимическое пространство письменного памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи» 164

Иванова Е. Э. Топонимические предания уральских горщиков 177

Кривощапова Ю. А., *Горяев С. О.* «Каменные» улицы Екатеринбурга 197

Арутюнова Е. В., *Бешенкова Е. В.*, *Иванова О. Е.* Прописные и строчные буквы в собственных именах людей, прозвищах, псевдонимах, кличках: из академических правил русской орфографии 208

СООБЩЕНИЯ

Мухтаров Т. Г. Ономастическое наследие Башкортостана в материалах лингвистических экспедиций 1920–1930-х гг. 230

Цянь Цзысинь. Китайские личные имена, выражающие идею мужественности 239

Горлова Т. В., *Неганова Г. Д.* Историко-этимологическая интерпретация старинных годонимов города Нерехты в Центральной России 250

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы

XIX Международная научная конференции «Ономастика Поволжья» (*Е. Н. Бекасова*, *В. И. Супрун*) 263

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

Елена Николаевна Полякова (1932–2021) (*М. В. Боброва*, *И. И. Русинова*) 270

Библиография ономастических работ Е. Н. Поляковой (*М. В. Боброва*, *И. И. Русинова*) 278

CONTENTS

ARTICLES

Prósper, B. M., *Medrano Duque, M.* Ancient Gaulish and British Divinities: Notes on the Reconstruction of Celtic Phonology and Morphology 9

Temirgazina, Z. K., *Aselderova, R. O.* Kazakh Compound Anthroponyms with a Verbal Element: Propositional Structure 48

Popova, T. G. Old Testament Names in the Text of the *Ladder* of John Climacus 66

Rácz, A. Settlement Names Referring to Eastern Slavic Settlers in Medieval Hungary 85

Borlykova, B. Kh., *Menyaev, B. V.* Towards the Study of Oirat Hydronyms of the Ili River 104

Kuzmin, D. V. Historical and Cultural Value of Place Names of the Karelian Village Kolvitsa on the Kola Peninsula 127

Sundueva, E. V. Toponymic Space of the Written Monument *True Records of the Mongols of the Qing Empire* 164

Ivanova, E. E. Toponymic Legends of Ural Amateur Miners 177

Krivoshchapova, Yu. A., *Goryaev, S. O.* "Stone" Streets of Ekaterinburg 197

Arutyunova, E. V., *Beshenkova, E. V.*, *Ivanova, O. E.* Uppercase and Lowercase Letters in Proper Names, Pseudonyms, Nicknames: Academic Rules of Russian Spelling 208

NOTES

Mukhtarov, T. G. Bashkir Onomastic Heritage in the Materials of Linguistic Expeditions in the 1920s–1930s 230

Qian Zixin. Chinese Personal Names Expressing the Idea of Manliness 239

Gorlova, T. V., *Neganova, G. D.* Historical and Etymological Interpretation of the Old Street Names of the Town of Nerekhta in Central Russia 250

ACADEMIC CURRICULUM

Conferences, Congresses, Symposia

19th International Scientific Conference "Onomastics of the Volga Region" (*E. N. Bekasova*, *V. I. Suprun*) 263

IN MEMORIAM

Elena Nikolayevna Polyakova (1932–2021) (*M. V. Bobrova*, *I. I. Rusinova*) 270

A Bibliography of Works on Onomastics by E. N. Polyakova (*M. V. Bobrova*, *I. I. Rusinova*) 278

СТАТЬИ

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.015
UDC 811.15’344 + 811.15’373.23 + 811.1’37 +
+ 811.124:930.27 + 2-144 + 94(3)

Blanca María Prósper
Marcos Medrano Duque
University of Salamanca
Salamanca, Spain

ANCIENT GAULISH AND BRITISH DIVINITIES: NOTES ON THE RECONSTRUCTION OF CELTIC PHONOLOGY AND MORPHOLOGY

The linguistic study of Celtic divinities attested on Latin inscriptions has proved instrumental in disclosing a number of facts about ancient religion, the relationship with the Roman rule, and the spread of indigenous or syncretic cults. In fact, minor divinities were worshipped on a local basis only, but even under such unfavourable circumstances they managed to become partly integrated in the religious system of the Roman Empire: they acted in the sphere of the higher gods for a time before they vanished for ever, and they must have been much more common than our fragmentary sources suggest. Crucially, the study of their names also provides priceless clues about the early stages of Celtic phonology and morphology, it also helps illuminate insufficiently known aspects of the evolution of Continental and Insular Celtic and their interaction with Latin. In this work, the authors focus on several hitherto misinterpreted Celtic divine names from Britannia (MEDOCIO, ARNOMECIE, BRACIACAE, ARCIACONI, COROTIACO) and Gaul (MEDVTONI, COBRANDIAE, CENTONDI, ROQVETIO, SINQVATI) and try to test their relative importance for Indo-European language reconstruction, distant cultural relationship of ancient populations, ancient religion with special attention to the interaction of major Roman divinities with minor Celtic ones, Latin and Celtic phonetics and morphology, loan phonology and the spread and adaptation of the Latin alphabet to write texts in the indigenous Celtic languages and foreign names in Latin epigraphy.

K e y w o r d s: Celtic languages; Gaulish religion; Celtic phonology; Indo-European onomastics; Indo-European word formation; Latin epigraphy; Latin alphabet; Celtic theonymy

© Prósper B. M., Medrano Duque M., 2022

1. Palatalisation in provincial Latin, palatalisation in Early Brittonic? A reassessment of the evidence of divine names[1]

A Caledonian individual called *Lossio Veda*, a relative (either a nephew or a grandson) of *Vepogenus*, devoted this bronze plate to an apparently syncretic, Romano-Celtic divinity *Mars Medocius*, the protector of the otherwise unknown human group of the *Campenses*, and to his paredra, the *Victory* of "our Emperor Alexander Pius Felix." The inscription reads:

> DEO MARTI MEDOCIO CAMP/E(N)SIVM ET VICTORI(A)E ALEXAN/DRI PII FELICIS AVGVSTI NOS(TR)I / DONVM LOSSIO VEDA DE SVO / POSVIT NEPOS VEPOGENI CALEDO (Colchester, Essex, Britannia, AD 222-235) [RIB-1, 191].

In spite of the fact that the stone was unearthed in 1891, the divine epithet MEDOCIO has never been accorded anything near a scientific etymology. While the plausible connection of this form with **med-* 'to measure, take care' [LIV, *423*, [1]**med-*] goes at least as far back as [Haverfield, 1890, *216*], following a suggestion by Whitley Stokes, its word formation has been systematically neglected.

This form cannot be taken at face value, but as an instance of <CI> for <TI> (see below). It may be traced back to a Celtic agent noun (originally perhaps an action noun) **med-ūt-* 'ruler'. The primitive holokinetic paradigm has been reconstructed as follows: nom. **med-ōt-s*, acc. **med-ot-m̥*, gen. **m̥d-t-és*, dat. **m̥d-t-éi̯*. Consequently, it is the perfect match of Goth. *mitaþs* 'measure' < **med-ot-s* [cf. Vijūnas, 2009, *254*]. In most languages, the phonetic outcome of the oblique cases would jeopardise the paradigmatic uniformity. For that reason, the strong variant *-ot-* of the suffix and the full grade **med-* of the root were consistently spread from the accusative stem. OIr. *coimdiu*, gen. *coimded* 'ruler, chief' may unproblematically be traced back to **kom-med-ūt-s*, *-med-ot-os* (as correctly reconstructed by [Schumacher, 2004, *482*]) and not, as often assumed, to a compound **med-dūt-s* (cf. L. *sacerdōs*), a derivative **med-u̯ūt-s*, let alone a highly anomalous **med-i̯ūt-s*.[2]

MEDOCIO is a derivative in *-i̯o-* of the Insular Celtic oblique stem **med-ot-*, and points to the Brittonic paradigm being identical to the Irish one. As a consequence, we would expect this epithet to be attested as † MEDOTIO. We may then hypothesise that at a Proto-Celtic stage prior to the spread of the full grade of the root, the paradigm looked like this: nom. **med-ūt-s*, acc. **med-ot-am*, gen. **amd-ot-os*.

In Hispania, especially in the territory of the Arevaci, we find this noun in a number of thematic personal and family names all over Hispania: ARGANTO MEDVTICA (Saelices,

---

[1] A list of abbreviations is placed at the end of the article. Texts in the Latin alphabet are rendered in SMALL CAPITALS; texts in (varieties of) the Etruscan alphabet are in *italics*. Throughout this work, /i̯/ and /u̯/ will be treated as separate phonemes, and not as positional variants of /i/ and /u/.

[2] See [Vijūnas, 2009, *254*] in favour of **med-u̯ōt-*, [De Bernardo Stempel, 1999, *438*] for **medyots* (sic!).

Cuenca), ATILIAE MEDVTTIQ(VM) (San Esteban, Soria), RVSTICE / MEDVTTIQ(VM) (Clunia, Burgos), C(AIVS) IVLIVS BARBA/RVS MEDVTTI/CORVM (Barcebalejo, Soria), L AEMILIVS MEDVTVS MIR(OBRIGENSIS) (Garlitos/Mirobriga Turdulorum, Badajoz), and a late pseudo-gentilic name M(ARCVS) MEDVTTIVS / FVSCVS (Vilches/Baesucci, Jaén). Finally, MEDVTTVS CATVRONIS F (Hardomilje, Dalmatia, 1st c. AD) [AE, 1907, 249], was a MILES COH(ORTIS) I / BRACARAVG/VSTANORV[M].

One single Hispanic example of this form may belong to Celtiberian appellative vocabulary. Recently, thanks to new photographs, Olcoz Yanguas & Medrano Marqués [2008] have come up with a reading *mezutos* instead of *metuutos* in the Celtiberian Bronze *Res*. The traditional reading *metuutos*[3] was slightly inconvenient in view of the unexpected *Pleneschreibung* <*tu-u*>. The form *mezutos* removes the last obstacle to the reconstruction of an inherited noun **med-ūt-s*. If this is not a personal name but the genitive of the athematic appellative, as suggested by [Prósper, 2014a], this would mean that the long grade of the suffix spread to the rest of the paradigm, as in most masculine nasal stems.

In addition to *mezutos*, the fricative realisation of the medial dental sound, which in Hispania evolved into [ð] in intervocalic position, is now confirmed by an inscription from Villaminaya (Toledo), originally read as follows: NEZVTVS / CAECILI / LVCANI / SERBVS / H(IC) S(ITVS) EST [AE, 1987, 675]. Velaza [2008, *369–370*] has corrected NEZVTVS into MEZVTVS, which he traces back to **med*^{h}*u*- 'mead, honey'. While we believe his reading,[4] as well as his phonetic explanation for the use of <Z> as reflective of a Celtiberian intervocalic dental segment (usually spelt <*z*> in the Iberian script, but <D> in the Latin alphabet), to be correct, we have to observe that this name is more likely to reflect a thematic **med-ūt-o*-, with or without further changes in the original meaning.

A lost Gaulish dedication reading MEDVIONI / [.]C[.] / [V(OTVM)] S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO) was unearthed in Noves (Bouches-du-Rhône, Narbonensis) [CAG-13-02, *227*]. Despite its unparalleled form, and the slightly outlandish sequence <VIO>, one must allow for the possibility that <I> is a misreading for <T>. In that case, we have here a divine name **medūt-ū* related to government or kingship, in all likelihood a nasal stem with relational or possessive meaning. MEDVTONI may accordingly be considered as the Gaulish counterpart of Brittonic MEDOCIO, and shows that the long grade of the suffix, originally exclusive to the nominative form, was generalised, as in Hispano-Celtic. This conclusion is underpinned by the attestation of a *pagus Medutius* in the *Tabula Alimentaria* of Veleia (Liguria) [CIL, 11, 1147], identified with Valmozzola in Parma (Emilia-Romagna).

The original oblique stem **m̥d-t*- was not completely lost, however: a number of Hispano-Celtic dedications that must be attributed to the *Cantabri Vadinienses*

[3] See [MLH-4, K.0.6; MLH-5, 260].

[4] In fact, the only available photograph seems to confirm this point: though most of the last vertical stroke of <M> is missing, the general ductus and the available room between this and the following letter lead us to believe we have to read <M>, not <N>, which would leave us with an unparalleled name.

exhibit the thematicised stem **andot-o-* (ultimately from **m̥d-ot-*): M(ONVMENTVM) / ANDOTO VBALA/CINO VADONIS F(ILIO) / VAD(INIENSI) (Liegos, León) [ERL, 357], M(ONVMENTVM) / ANDOTI FL/AVI ARENI F(ILII) (Puerto de San Isidro, León) [CIL, 2, 2696; ERL, 356], ARENVS ANDOTI (Riaño, León) [ERL, 364]. This seems to suggest that the suffix underwent leveling, and thereupon this variant was relegated to onomastics and a uniform stem **medot-* or **medūt-* took its place. Alternatively, if we assume that paradigm split took place somewhere down the line, **andot-* is the only remnant of a different appellative word that developed strong cases and had a related meaning but remains unattested.[5] If the first (and intuitively simpler) possibility were accepted, the individual name *Andotus* would be an extremely archaic relic. From the synchronic point of view, the ultimate cognacy of these forms would be unrecoverable for most speakers, especially if it was dialectally conditioned.

In sum, all these forms constitute the *disiecta membra* of one single original paradigm. While this form may be unproblematically projected back to the protolanguage, its restricted distribution, as well as its meaning, are compatible with an early Celto-Germanic innovation, or even with a Celtic loanword in Germanic. MEDOCIO is, so to speak, the missing link that allows us to reconstruct the structure and Ablaut of this paradigm in Proto-Brittonic: the root vowel /e/ of the strong cases, as well as the full grade /o/ of the suffix, which was originally restricted to the accusative stem, must have spread to the rest of the paradigm. We may then reconstruct a paradigm nom. **med-ūt-s*, gen. **med-ot-os* for this dialect and language stage and for the Goidelic branch. While MEDOCIO is in all likelihood a proper name, we cannot entirely rule out the possibility that it could be directly translated by locals as "to the god Mars, holder of the leadership of the Campenses."

A Brittonic divinity attested as DEAE ARNOMECTE in Brough-on-Noe (Derbyshire) [RIB-1, 281] may be simply taken to stand for † ARNEMETIE. The immediate reason for this is the identification of the city of Buxton, also in Derbyshire, with *Aquis Arnemeza* [Geogr. Rav., 2012, *106*, *nr. 57*]. If, as is very likely, the sequence the scribe actually intended to write was ARNOMECIE, this name would contain two errors: <O> for <E> and <CI> for <TI>. For the process behind *-neme-* > *-nome-*, see [Prósper, 2019b, *45*, *fn. 21*]. In what follows, we shall focus on the problem of <CI> for expected <TI>. First of all, the synchronic cluster *-ti̯-* in MEDOCIO and ARNOMECIE requires an explanation, since these divine names are endowed with an IE suffix of appurtenance *-i̯io-*. Their incipient palatalisation can only be put down to early loss of syllabicity. The suffixes *-i̯o-* and *-i̯io-* are, in fact, likely to have merged in Celtic early on [see Malzahn, 2011, *fn. 18*, with literature].

[5] At first sight, one is tempted to relate this name to ANDETIVS, ANDETIACAE, which are attested in Venetia et Histria and derive it from a prefix **ando-* 'inside.' Still, there is an unsurmountable problem related to the derivational suffix, which is *-to-*, not *-ti̯o-* or *-di̯o-* as expected in this kind of deadverbial formations.

According to [Jackson, 1953/1994, *91*] "though some of these changes were completed late, all had their beginnings, and some their full development, while Britain was still a part of the Roman Empire. Nevertheless, there is no certain evidence for any of them having occurred in Britain." In order to state the problem correctly, we may have to introduce a subtle distinction here: while palatalisation and its rendition may be put down to Latin interference, reduction of -*iio*- to -*i̯o*-, which constitutes the precondition for palatalisation, had probably taken place at a previous stage in both languages.

Latin syllables containing the sequences /u.V/, /i.V/ have undergone early hiatus resolution by homorganic glide epenthesis if we accept that their phonetic structure was [u.u̯V], [i.i̯V]. Accordingly, the Late Latin pervasive process we are dealing with here may be more precisely described as one of loss of syllabicity, which turned trisyllabic into disyllabic structures through elimination of the second nucleus. Thus, L. *tenue* 'soft' [ˈte.nu.u̯e] became [ˈten.u̯e]. The resulting sequences immediately became subject to subsequent changes, in our case coalescence triggered by palatalisation of the stop by the following glide. While the inception of this process, which leads to varied Romance outcomes, is often invisible in texts employing standard Latin orthography, documents reflecting oral features, such as the Vindolanda Tablets, directly reflect this change: "I longa" is habitually employed to mark that the syllable boundaries have shifted and that the syllable onset is now [i̯] in such forms as PRETIO, CVPIO [see Cotugno, 2015]. As observed by Cotugno, preceding coronals play a predominant role in the resolution of hiatus. The use of <I> for this purpose recurs elsewhere in the Roman Empire, as in the archives of La Graufesenque in France and the Sulpicii in Pompeii.

This having been said, the occurrence of Latin <CI> for <TI> is widespread and points to incipient palatalisation and merger of -*k(i)i̯*- and -*t(i)i̯*-. Its attestation in indigenous names all over the Roman Empire may respond to the Latinate pronunciation and even transmission of a Celtic name and suggests that the scribes tended to use <CI> if they were unfamiliar with the name. According to [Recasens, 2014, *131*], confusion may have proceeded through the following stages: a) a front velar stop shifts to an (alveolo-)palatal stop; b) the resulting realisations [c, ɟ] are interpreted as /t, d/ by listeners. If this is correct, the rendition <CI> for expected <TI> can only be put down to hypercorrection.

We may wonder, however, why we find hardly any cases of <TI> for orthographic <CI> in the epigraphic record. It is very unlikely that both spellings are covering a single affricate sound [ts] and that the merger of -*k(i)i̯*- and -*t(i)i̯*- had been completed: a considerable number of Romance dialects preserve the difference between these clusters because coarticulation has given rise to two different affricates, respectively [tʃ] and [ts]. According to [Aski, 2001], the classic authors are silent about the articulation of [ki̯] but become, from the 5th c. AD, rather voluble about the change [ti̯] > [ts]. This probably means that this change started at an earlier date, and that, consequently, a high number of cases of <CI> for orthographic <TI> (from the 2nd c. onwards) is what we

would actually expect. In her view, "prior to palatalization of /tj/, estimated to have been in the second or third century, assimilation of the dental and the velar to the following yod produced a range of surface variants which, in some cases, overlapped, as the articulation of the dental retracted toward the palatal and that of the velar moved forward. This phonetic variation, which was generated during the first stage of change, continued undisturbed until palatalization of /tj/ to a dental affricate forced speakers to assign the range of surface variants to either /tj/ or /kj/, a categorization process based on speakers' perceptions."

Under these premises, allophonic variation, here ascribed to the first stage, may not have been strictly symmetrical at the time of our epigraphic sources, and probably progressed faster from the beginning in the case of *-t(i)i̯-* (in fact, the inception of the change may have been earlier than usually assumed, since its effects are visible in the 2nd c.). A pronunciation of *-ti̯-* as [t̪ʲ] in lower registers would be difficult to parse for non-native scribes, due to the retraction of the tongue inherent in assimilation of the coronal to the following glide. Coronal backing may have occasionally given rise to a realisation [cʲ], parsed as underlying /ki̯/ long before velar fronting was distinctly perceived and caused a velar to become ambiguous to the speakers in the same context. As a consequence, *-t(i)i̯-* surfaces as <CI> in the epigraphic record far more often than expected, while <TI> for orthographic <CI> is vanishingly rare: a few instances of TRIBVNITIAE POTESTATIS, PATRITIVS can be put down to morphological confusion with more common suffixes. The final outcome of *-t(i)i̯-* is the dento-alveolar /ts/, but the outcome of *-k(i)i̯-* varies across Romance dialects. Since we are discussing the epigraphic reflection of the early stages only, the typological generalisation that *-t(i)i̯-* is usually palatalised later than *-k(i)i̯-* does not apply. Furthermore, the assumption that full palatalisation of coronals presupposes that of dorsals has been found to be too restrictive by [Bateman, 2011, *592*]. In fact, she has concluded that languages with only coronal palatalisation outnumber those with only dorsal palatalisation. In sum, there is no implicational relationship between the latter two places of articulation.

The abovesaid paves the way for new interpretations of Early British divine names: an altar devoted to BRACIACAE, another epithet of Mars, or, given the mismatch in the morphological expression of gender, a paredra of Mars in asyndeton, was uncovered in the same county as ARNOMECIE:

> DEO / MARTI / BRACIACAE / Q(VINTVS) SITTIVS / CAECILIAN(VS) / PRAEF(ECTVS) COH(ORTIS) / I AQVITANO(RVM) / V(OTVM) S(OLVIT) (Bakewell, Derbyshire, Britannia, 2nd c. AD) [CIL, 7, 176; RIB-1, 278].

BRACIACAE has traditionally been taken from Celtic **mraki-* 'barley,' attested in OIr. *mraich* 'malt,' MW. *brag*, etc., and consequently classified as a divinity of ritual intoxication. Since malt is just the staple from which beer is made, not beer itself as a valuable product, however, the divinity is literally depicted as a 'maltster,' not as a divine force inducing raving, trance, or religious ecstasy: this Dionysiac side

of the presumed origin of the epithet has the flavour of confirmation bias and lacks independent support.[6]

It has been repeatedly claimed, as a counterargument, that this epithet is a match of the alleged attestations of a Gaulish village *Braciacus*, now *Brassac* (Auvergne). *Braciacus* is, however, an artificial scholarly latinisation of the original name, since its attestation dates back to the 9th c. AD. This apparent solution may come as a relief to those scholars uneasy about such an arbitrarily assumed facet of Mars as a god of malt or beer, but in point of fact it simply evades the problem. It has been overlooked that *Braciacus*, BRACIACAE are at least equally likely to reflect **bratiāko-*, a derivative of Celtic **brātu-* 'judgement,' attested in OIr. *bráth*, MW. *brawd* 'judgement,' βρατου in Gaulish δεδε βρατου δεκαντεν/μ 'in gratitude dedicated the tithe'[7] if it is an ancient instrumental in **-tu-h*$_1$ (see also the place name *bratuspantium* 'where judgement is pronounced,' literally 'place of the one pronouncing judgement'?), and in the base of L. *grātu-ītus* 'free'. Alternatively, the base of this form could be the past part. **brāto-*, continued in L. **grātus*, O. *bratom* and perhaps Gaul. βρατου.[8] Finally, it could be traced back to a byform **brāt(i)-*, also attested in Italic, in O. *brateis datas* 'in return of a granted favour' and L. *grātēs* (acc. pl., *plurale tantum*), taken from an action noun **g*^{u}*rā-t-* by [Rix, 2000]. In fact, Prósper [2014b] has traced a number of Celtiberian forms back to this very form or variants thereof: K.6.1 (Luzaga, north of Guadalajara) contains an appellative form *barazioka* that is derived from **brāt(i)-(i)i̯o-*, and the "second name" of the Celtiberian town *Segisama Brasaca*, only found on one inscription that reads D(OMO) SECISAMA BRASACA (Tarraco) [CIL, 2, 4157], undoubtedly goes back to **brāti̯-ākā*. Its precise location is unknown, but the rest of the ancient and modern cases of *Segisama* are comparatively northern and western names.

The problems inherent in the semantic evolution of these forms cannot be sidestepped: **g*^{u}*erH-* 'Zustimmung bekunden' [LIV, *210*] is attested in MW. *barnu* 'to proclaim, judge,' OIr. *barn* (n.) 'judge,' Gaul. BARNAVNOM 'judging/judged' (middle present part., Larzac [cf. Lejeune et al., 1985, *135*, *fn. 52*]). The meaning is consequently different from that of the Italic forms, where the notion of thanksgiving, also

---

[6] For this attribution and the attestations of this word, see [DLG, *85*]. The [Vind. Tab., 3, 646] in fact mentions an individual OPTATO BRACI{I}ARIO. The latter word alludes to his office as a maltster, rather than as a beer brewer. Pliny (Nat. Hist., 18, 62) ascribes *bracis* to the "Gauls": *genus farris quod Galli* bracem *vocant*, and *cervesia* (Nat. Hist., 22, 164) to "Gaul and other provinces." The malting process includes cereal soaking, germination, drying, grinding to obtain flour, mixing with water, and eventually fermentation to obtain beer.

[7] No fewer than fourteen cases. The segmentation and interpretation of the stereotyped formula follows [Szemerényi, 1974].

[8] Other similar forms possibly built from **brat-(o)-* are: the place name *Bratananium* (abl. *Bratananio*, *Tab. Peut.*, 4, 3, Rhaetia), the individual name BRATVLOS (Nasium, Belgica, see [Burnand & Lambert, 2004]), and the pseudo-gentilic name Q BRATONIVS GRATVS (Iuliacum, Germania Inferior, see [Meißner, 2010] for the ultimate identity of the Gaulish and Latin forms), BRATO VETERANVS (nom., Noviomagus Batavorum, Germania Inferior) [CIL, 13, 8718].

found in Gallo-Greek, is primary and that of granting a favour is comparatively early but conceptually secondary, according to [Rix, 2000].

The personal name *Mandubracius* (a chieftain of the Trinovantes in Caesar, *B. Gall.*, 5, 20) has been taken to be a bahuvrihi compound, meaning 'having the buttocks of a young horse' [see KGP, *154–155*], which is slightly far-fetched in view of the fact that it relies on an unsupported semantic interpretation of the Celtic ancestor of Gallo-Latin *braca* 'pant, trouser'. *Mandu-* is, *pace* [DLG, *215* and many others], much more likely to be a match of OIr. *mind* 'badge, honour, signal,' L. *mendum* 'error, physical blemish,' from an IE adjective **mn̥-dʰh₁-ú-* 'putting one's mind on something'.[9] Cf. also the Greek aorist part. μαθών 'having learnt,' from **mn̥-dʰh₁-ónt-*. A similar construction is **mn̥s-dʰh₁-eh₂* in Skt. *medhā-*, Av. *mazdā-* 'wisdom, spiritual force,' where the zeroed form **mn̥s-* is the compositional variant of IE **menos* 'sense'. In sum, *Mandubracius* (also transmitted as *Mandubratius*, see [GPN, *100*]) is likely to reproduce an ancient formula meaning 'who has judgement over honours/marks' (whether the reference is to war deeds or to divination), or simply 'solemnly pronouncing judgement'. If one were allowed to venture further connections, Celtic **ekṵo-mandu-* in the place name † *Epomanduodurum*[10] could be a cognate of Skt. *aśva-medha-*, designating the horse sacrifice ritual, whose second member has resisted a convincing etymological attribution thus far. In short, its second member could be traced back to **mn̥s-dʰh₁(h₂)-ó-*. We can also mention to this effect the Gaulish ethnic name *Viro-manduī* (Gallia Belgica, preserved in the place name *Vermandois* in northern France), which is reminiscent of the Sanskrit personal name *Nr̥-medha-* (a hero who was a favourite of Agni in RigVeda, 10).

Yet another divine name may weigh in on this problem:

> DEO ARCIACON(I) / ET N(VMINI) AVG(V)ST(I) / MAT(-) VITALIS / ORDINATVS V S L M (York, Britannia, 3rd c. AD) [RIB-1, 640].

In all likelihood, this is a local divinity protecting the village or area called **Artiāko-*. It is paralleled by *Artiaca* (Arcis-sur-Aube, Aube, France) in It. Ant. (361, 4) (*Arciaca* in later sources). The modern place names *Arsago Seprio* (Varese), *Arzago d'Adda* (Bergamo) in northern Italy belong here, too. Some coins from mints of northern Hispania read *arzakoz* [MLH-1, A.36] and probably reflect yet another instance of the same place name [see Prósper, 2012].

Other forms containing the same sequence *-tiāko-*, however, exhibit no signs of incipient palatalisation. Take, for instance, an interesting set of British examples:

> DEO MARTI / COROTIACO / SIMPLICIA / PRO SE V(OTVM) P(OSVIT) L(IBENS) M(ERITO) (Martlesham, Suffolk, Britannia) [CIL, 7, 93a = RIB-1, 213].

---

[9] Cf. [GPN, *223*], based on an idea by D'Arbois de Jubainville.

[10] Deduced from the following attestations: *Epomanduo* (Tab. Peut., 2, 2); *Epamanduoduro* (It. Ant., 386, 4); E[POM]ANDVODVRO (Meikirch, Switzerland, around 193 AD) [AE, 2004, 991].

It is obviously related to a personal name attested twice, in all likelihood with the same form:

DEO APOL/LINI CVNO/MAGLO CO/ROTICA IV/TI FIL(IA) V(OTVM) S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO) (Nettleton, Wiltshire, Britannia) [RIB-3, 3053];

D(IS) M(ANIBVS) / CAESORIA CORO[TI]/CA (Great Bulmore, Wales, Britannia) [CIL, 7, 127; RIB-1, 371].

Coroticus is also the name of a Brittonic chieftain of the 5th century, to whom St Patrick addressed his *epistola ad Coroticum*.

In all likelihood, these names go back to a Celtic compound **koro-φoti-* from Indo-European **koro-poti-* 'warlord, leader of the army,' attested in a Lusitanian personal name COROPOTI (gen., Torrejón, Cáceres, early 1st c. AD); edition by [Gamallo Barranco & Gimeno Pascual, 1990, *283*]. This name is in turn probably identical to the Iranian personal name Κηρπατης (dat. sg., Galatia), which has been traced back to an Iranian compound **kār(i̯)a-pati-* 'Führer von Volks- oder Heerstruppen' [see Dressler, 1967, *fn. 42*]. This suggests that this is a very old, inherited compound, and consequently its formation predates the derivational process which resulted in Celtic **kor-i̯o-* 'army'.

2. Some reflections on the fate of Indo-European /p/ in Celtic

2.1. ROQVETIO: rage and desire

Three votive inscriptions found on the same location (Cabasse, Var, France), in the ancient *pagus Matavonicus* (Forum Iulii, Gallia Narbonensis) and published in recent years have brought to light a hitherto unknown Gaulish divinity:

1) PRIMIO C(AI) IVLI / LIBERTVS ROQV/[ETI]O V(OTVM) S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO) [ILN, *163*];

2) IVLIA LAETA / ROQVETIO / [V(OTVM) S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO)] [AE, 1998, 882];

3) OPTA(TVS) V(OTVM) / ROQVETI/O S(OLVIT) L(IBENS) M(ERITO) [AE, 1998, 883].

According to the editors [Borréani & Gascou, 1998], the second and third examples show great differences in the quality of their engraving, the latter being rather poor and possibly commissioned by a slave. The first and second examples at least seem to have been produced by the same workshop in the first half of the 1st c. AD. Their linguistic analysis is circumscribed to the comparison of a number of names beginning with <ROC> and the identification of a suffix *-et-i̯o-*.[11] For all we know, ROQVETIO is

[11] We are only aware of one etymological attempt to explain this divine name: Delamarre [2007, *155*] ignores the uniformly attested sequence <QV> and lemmatises it as *Rocetius*, allegedly from **ro-cēt-io-* 'grand bois.'

a local divinity. In what follows, we will try to show that this name has far-reaching consequences for the reconstruction of Common Celtic and the preservation of ancient structures and fragments of religious beliefs in peripheral areas of the Indo-European continuum.

2.2. What does <QV> stand for in Gaulish?

The use of prevocalic <QV> in a "*p*-Celtic" dialect like Gaulish remains an unresolved issue. When discussing this phenomenon, most handbooks resort to the trite "conservativeness of religious and institutional vocabulary" without the slightest degree of conviction. For instance, the month name EQVOS in the Coligny Calendar (Ain, Lugdunensis) [RIG-3] has been quietly identified with Gaul. *epos* 'horse'. This simply begs the question, since, to begin with, the Calendar contains words with /p/, like PRINNI and POC. As opposed to most of the listed months, EQVOS bears no adjectival suffix. Therefore, it cannot be taken to mean 'the month of the horse,' let alone 'the month devoted to the goddess Epona' (as a matter of fact, this divine name straightforwardly belies the notion that sound change fails to take place in religious vocabulary), but simply 'the horse'. This is only an easy escape route: names do not fail to undergo sound changes,[12] even if there is a certain liberty when it comes to putting them down in writing (mostly when the bearer of the name has some control over its transmission, as in the case of Roman patrician families). Archaism amounts, in this regard, to conscious resistance to the application of spelling conventions when these are updated to respond to established sound change. It may even lead to spelling pronunciations, especially among the upper literate classes, artificially reverting change in a few forms for some speakers, but normally making an at best marginal impact on the system as a whole.

It is rather obvious that Gaulish could not introduce an artificial phonemic contrast and a semantic split in order to differentiate two uses of a single word. The alleged preservation of IE /kṵ/ or /kᵘ/ in several Gaulish forms is contradicted by their consistent evolution to /p/ in Lepontic (by some accounts another word for an archaic stage of Gaulish), in Galatian Ἐπόνη (= *Eponī*, cf. [Bosch, 1967, *78–84*]), in the earliest Gaulish record (Southern Gaulish in the Greek alphabet), and in Hispano-Celtic, where the consistent spelling <P> in names in the Latin alphabet is suggestive of [p] already existing as an allophone of /kᵘ/ at least in some positions when the Iberian script was still in use in Celtiberia, and possibly even before it was adopted [see Prósper, 2016, *183*, *fn. 144*].

In conclusion, the uncommon Gaulish sequence <QV> can be put down to loss of syllabicity in a Celtic sequence in which -*ku*- originally constituted a syllable, separated from the following nucleus by a consonant that has been lost in the meantime.

[12] On the contrary, at least one subclass of names — place names — is more prone to reduction in local pronunciations, because high frequency of use propitiates it. Cf. [Devine & Stephens, 1994, *141–142*].

As we will explain at length in this work, this is only possible when the onset of the next syllable was IE /p/.

EQVOS can be seamlessly traced back to an old Indo-European possessive compound **peḱu=ph$_2$-o-* 'protecting cattle' > 'tasked with or related to cattle raising,' perhaps directly referring to a month in which the climatic conditions played an important role in animal husbandry.[13] It is accordingly the perfect match of Skt. *paśu-pā-* 'protector of cattle'. QVIMON[-] is an intercalary month also attested in the Coligny calendar. It definitely looks like an agent noun, but it is inadvisable to build anything on this form, since Pinault has proposed to read QVSMON (see [Pinault, 1996], on a suggestion by Marcel Brot). All that can be discerned on the photographs is an 'I *longa*,' however, and consequently an agent noun **kuφi/ī-mon-* < **kupi/ē-* (see below) can be considered.

Several divine names of northern Gaul have been brought to bear on this matter, and routinely considered as illustrative of the same "conservative language". The divine name SINQVATI is attested twice: it occurs abbreviated as SILVANO SINQ and in full as DEO SINQVATI (dat., Gérouville, Belgium, Treveri) [CIL, 13, 3968, 3969]. It has been compared to the Marsian dedication to VICTORIE SEINQ (Trasacco, Samnium) [CIL, 1, 388] by [Ernout, 1971, *83*], who reconstructed an epithet suffixed by *-āti-*, a marker of both appurtenance and provenance common to Celtic and Italic, but proposed no etymology. This would be the derivative of a small, non-Celtic place name. In our view, however, SINQVATI is likely to reflect a dative of the active present part. **sink^{u}-n̥t-* > **sink^{u}ant-* 'pouring (streams of water, riches, etc.)' [cf. LIV, *523*, **sei̯k^{u}-* 'ausgiessen'] with trivial omission of <N> in coda position, and a match of the Skt. f. present part. *siñcatī*.[14] In view of the Marsian testimony, one could very tentatively classify this epithet as a provincial Latin relic,[15] or more likely as the syncretic fusion of Silvanus with an autochthonous river divinity **sink^{u}ant(-i)-*.[16]

SEQVANA was the goddess of the river Seine, which probably gave their name to the tribe of the *Sēquanī*. It goes back to an adjective **sei̯k^{u}-Vno-*, built from the same root as SINQVATI. Both names belong to northern Gaul, but one is naturally reluctant to attribute them to peripheral Gaulish, not least because they find their place in the oldest layer of the hydronymy of Europe. They probably became integrated in Gaulish without much phonetic adaptation, because this dialect already had a new contrastive

[13] Cf. [Scarlata, 1999, *307*]. While loss of /p/ has not irretrievably blurred the compound boundaries in this case, where a secondary contrast /p/ — /ku̯/ has emerged, we cannot say the same of other obscured compounds whose second member was conceivably **ph$_2$-ó-*, e.g. *Ambiorix*, if the etymological suggestion by [Lindeman, 2006] is rescued from oblivion.

[14] Cf. *juhubhiḥ siñcatīr iva* (RigVeda 10, 21, 3) 'like (the women) pouring with ladles.'

[15] Both forms show the regular, inherited phonotactics, which prescribe that a nasal infix should remain consonantal. If this is an athematic formation (something that can be true only if this form does not belong to a language in which /a/ and /o/ have merged), its likely transitive-causative function must be put down to the nasal infix. See [Kulikov, 2000] for an interesting study of the covariance of transitivity and athematicity in the Vedic nasalised presents, including *siñc-*.

[16] See [LRP, *153*] for the discussion of other European river names of this origin.

/kᵘ/ in its phonemic system (however low its functional load) before it spread northwards from its original locus.

QVARIAT(IVM) (gen. pl., Eburodunum, Alpes Cottiae) [CIL, 12, 80], *Quariates* (Pliny, Nat. Hist., 3, 35) is an ethnic name of the Gallia Narbonensis. The oft-invoked relatedness of this form with **kᵘario-* 'cauldron,' reflected in Gaulish as **pario-* [see Guyonvarc'h, 1964], must be definitively abandoned. Stifter [2004] has ingeniously argued that this is a derivative of **ko(m)uari-* or **ko(m)uario-*, an adjective attested in OIr. *coäir*, MW. *cywair* 'orderly, fair,' or an abstract **ko(m)uariā*, since a PCelt. cluster *-mu-* became *-μu-*, underwent regressive assimilation and was simplified to *-u-*. Accordingly, *Quariates* must have been syllabified as /kuuariates/. While this connection has the advantage of linking a Continental with an Insular Celtic form, it demands a leap of faith: Stifter assumes that <QV> may be rendering both prevocalic and preconsonantal /ku/, as in the form QVPRINNO in Châteaubleau, often equated to the name COMPRINNVS. True, the use of <Q> before <V> follows a Latin non-standard orthographic habit, by which <Q> may occur instead of <C> preceding a vowel /u/ in epigraphy (as in PEQVNIA, MERQVRIO). In fact, it is often found in indigenous onomastics, like the potter's name AQVTIVS (Aquitania), QVNAVONIS (Britannia), and the name MOSQV[-] QVPITI (Noricum), which must be compared with MOSICVNI, MOSICA (Noricum). As everybody knows, this ultimately mirrors the use of Greek *qoppa*, itself an unnecessary sign. As the Greek alphabet irradiated from the colonies of southern Italy and was adapted to write the Italic languages with the help of Etruscan mediation, this sign was reutilised to note the outcome of the voiceless labiovelars, and it was entirely discarded in Venetic, where it was replaced by <*kv*>. And yet, the limited use of <Q> for <C> in preconsonantal position provided a useful indexical resource that could be used, for instance, to facilitate the interpretation of abbreviated forms.[17]

By contrast, <QV> does not render prevocalic /ku/. A minimal contrast between /p/, /ku/ (or /kᵘ/) and /ku/ must have existed in Gaulish judging by EQVOS vs. VCVETE. Since there are for the time being no certain alternations of prevocalic <QV> vs. <CV> for the same Gaulish word, the different spellings cannot be held to occur haphazardly. In Latin, whose writing system constitutes the model for Gaulish, there is a robust phonemic contrast, manifested in the minimal pairs *quī* vs. *cuī*, *equī* vs. *vacuī*, *aquam* 'water' vs. *acuam* 'I may/shall sharpen'. Gaulish prevocalic <QV> vs. <CV> must in principle be taken to reflect this very contrast. Consequently, we can hardly take the phonemic structure /kuuariates/ for granted. If this etymology has anything to recommend itself, the initial syllable must have undergone extreme phonetic reduction. But since language contact is involved, Latin may simply have adapted word-initial **kʊuV-* as **kuV-* /**kᵘV-*: Early Latin **ko(m)-uV-* no longer existed and new compounds had the form

[17] This also applies to the indigenous languages: in Hispano-Celtic derived family names in the genitive plural, the expected orthographic sequence -<ICVM> is often actually written -<IQVM> or -<IQ>.

con-vV-; in addition, word-initial **kuu̯V-* in polysyllabic forms is virtually nonexistent.[18] Reduction is occasionally found in Gaulish in compound boundaries, as in CVNVANOS (a chieftain name on coins from Alise-Sainte-Reine, Côte-d'Or), ultimately from Celtic **kuno-gᵘa/ono-* 'dog-killer,' etc., and also indirectly in names borrowed or transmitted by speakers of other languages, as in Venetic *Verkvanoi*, rendering **u̯erku̯anos* < Gaul. **u̯erkuu̯anos* < **u̯erkou̯anos* < CCelt. **uφer-ko(m)-gᵘa/onos*, as opposed to apparent Gaulish preservation of the disyllabic sequence in [TA]SCOVAN(I) (Mainz/Mogontiacum, Germania Superior).

In point of fact, we cannot even be sure that the ancient name was *Quariates*. Pliny's text has a *varia lectio Quadriates*, and the Arch of Susa [CIL, 5, 7231], erected in commemoration of the covenant between Augustus and several Alpine tribes, reads QVADIATIVM. Given that the sequence /dr/ is infrequent in Latin, these hesitant spellings cast doubt on the very existence of a form *Quariates*, as well as on its putative Celtic ancestry (it might even be Ligurian).

In support of his view that /kuu̯/ can be rendered <QV>, Stifter [2003] additionally adduces the name QVORDAIONIS (gen., Hasenbach, Noricum) [CIL, 3, 5523; ILLPRON, 160], a compound from **ko(m)-ordai̯on-*, whose second member may be a derivative of Celtic *ordo-* 'hammer'. In point of fact, according to [Casali, 2011, *8*], sequences in which the involved vowels are identical "regularly fail to undergo glide formation." Thus, two adjacent identical vowels can result in a limited number of phonetic realisations: a long vowel (if the system has a contrast of vowel length), a short vowel (through deletion of one vowel, cf. Sp. *lo odio* [ˈloðio̯] 'I hate it'), both of which would be spelt †<CORD>- in the case at issue, or a hiatus, ideally reflected as †<COORD>-.[19] In the last case, an epenthetic glottal stop may occasionally emerge between the vowels. This is consequently not directly comparable with the contact of different vowels: for instance, *-o.e-* may be pronounced [oe̯] or [oe̯], which in turn tends to be optimised over time as [oi̯] or [u̯e].

Interestingly, there are two further attestations of this name in the area, in fact at close quarters, namely QVORDNI (Gmund, Noricum, lost) [CIL, 3, 4728; ILLPRON, 102], *recte* QVORDAI? and QVORDI[-] (Teurnia, Noricum) [ILLPRON, 485]. Their uniform rendition discredits the idea that <QVO> is an anomalous spelling of /ku.o/.

[18] One has to make allowances for *allegro* pronunciations occasionally manifested in the epigraphic record, such as PEQVARIA, which anticipate Proto-Romance correction. The tendency was counteracted for some time in stilted style, as shown by hypercorrections of the type found in CVARTVS. The latter is most unlikely to reflect actual phonetics, but indirectly testifies to the ongoing loss of a contrast. In fact, when both spellings alternate for the same form in verse, as in *relicuus* vs. *reliquus*, the first is tetrasyllabic and the second trisyllabic (irrespective of the reasons for the preservation vs. reduction of /ku.o/, and of the mono- or bisegmental nature of the entity spelt <*qu*>). Cf. [Janssen, 1956].

[19] Such apparent exceptions as American Spanish *pelié* 'I fought' [pe.ˈli̯e], as opposed to standard Iberian Spanish *peleé*, do not result from monophthongisation in a sequence of identical vowels, but attest to the spread of a stem *peli-* generated in *allegro* realisations like [pe.le.ˈar] > [pe.ˈle̯ar] > [pe.ˈli̯ar] 'to fight.'

All things considered, the assumption of a Celtic filiation for this form has nothing to recommend itself. Its derivational base could be identical to L. *cordus*. This adjective applies to animals, as in Varro (*De re rust*. 2, 1, 19): *dicuntur agni cordi qui post tempus nascuntur*, and to cereals reaped later than usual, as in Paulus ex Festo [Lindsay, 1913, 57, 13]: *corda frumenta quae sero maturescunt*. What these phenomena have in common is delayed maturation, but the ultimate cause for this is an interruption in the normal course of things: in both cases we are dealing with living beings whose growth has been impaired (*in utero* or under the ground). *Cordus* is well attested as a cognomen and forms the base of the gentilic name *Cordius*. It can even lay claim to being considered a member of the exclusive club of Roman praenomina [see Chase, 1897, *135*]. It is consequently tempting to assume that **k^uordos* was its Venetic match, and that this name goes back to a Proto-Italic adjective **k^uordo-*. Consequently, L. *cordus* may be traced back to **$k^u r_\circ$-dh$_3$-ó-* 'giving/given a cut, slowed down'.[20]

We shall next address a number of Lepontic forms showing <*ku*> in prevocalic position and their putative Gaulish cognates:

a) The individual name *kuaśoni* (gen. sg., patronymic, Mezzovico-Vira, 5th–4th c. BC) probably derives from a thematic form attested in Germania much later as a potter's name CVASVS. In addition, in Central France, near Clermont-Ferrand, a personal name COASO is mentioned by [CAG, 3, *146*]. If it is the nominative of a nasal stem, it could be a perfect match of the Lepontic form. If one were to indulge in speculation, an old adjective **ko(m)-ad-sth$_2$-ó-* 'ready' would be a conceivable preform, related to L. *astus* 'cunning,' from **ad-sth$_2$-u-* [cf. Vendryes, 1922]. These forms may have been synchronically parsed as compounds, and the juncture *-o.a-* was consequently realised as a non-optimal diphthong [o̯a] or a hiatus [ʊ.a], which were phonemically ambiguous and hence variously spelt. The comparable scribal hesitation in Gaulish CVETIC, COETIC < **ko(m)-eti-k^ue* (both in Larzac, cf. [Lejeune et al., 1985, *74*]) militates in favour of incipient but incomplete hiatus resolution.

b) The individual names *atekua* (nom. sg. f., Stresa, 2nd–1st c. BC), ATECVA (Ornavasso, 30–55 AD) and *kualui* (dat. sg., patronymic, Vira nel Gambarogno, 4th c. BC) may have preserved the sequence **ku.u̯V-* unchanged under the pressure of their base, if this was an athematic monosyllabic nominative **kū* 'dog,' rather than **ku.u̯o-*. Untermann [1995, *737*] derived *kualui* from a personal name COVVS, purportedly found on Gaulish coins. We have not found the actual reference, and he may in fact be mistakenly referring to a personal name COVOS SABINAIVS attested in Làgole di Cadore in Venetic context.[21] If it were Celtic, we could reconstruct the agent noun **kou̯pó-* 'wrathful' or 'full of desire,' corresponding to the object noun preserved in Skt. *kopa-* m. 'wrath,'

[20] [EDLIL, s.u. *cordus*] rejects the association of these forms with a root **skerd-* 'to cut.' In fact, the reconstructed (neo-)root, attested in PGerm. **skarda-* 'cut up, short' is **skerd^h-* 'to pierce, damage?,' also in OIr. *scerdaid* 'to peel off,' Lith. *skerdžiù*, etc., and is thus incompatible with Latin at least.

[21] COVOS had been studied by Untermann [1961, *153*] who compared a barely legible COVIVS in Germania (in fact, COVIA is also attested twice in Italy).

OE. *hēaf* m. 'mourning' (< **kóu̯po-*), beside OE. *hēof* m. 'id'. (< **kéu̯po-*).[22] This may cast some additional light on such names as VERCOVIO[NIS] (Noricum)[23], possibly from **uφer-kou̯φ-(i)i̯o-* 'very wrathful,' or COVIOMARVS 'great in wrath' on Pannonian coins. It follows that **kou̯V-* is preserved as a rule in Gaulish. The sequence (-)*ko.u̯V-* in other polysyllabic compounds of sundry provenance is equally spelt <COV>-: cf. COVIROS, RICOVERIVGVS (Saites) [CIL, 13, 1048], [TA]SCOVAN(I) (Mainz).

It necessarily follows that the Gaulish divine name attested as VCVETE, VCVETIN [RIG- 2/1, L-13], Alise-Sainte-Reine, Côte d'Or) can by no means go back to **uk^u^et(i)-* as formerly assumed in the footsteps of [Schmidt, 1986]. The progressive tendency to loss of syllabicity observed for the above forms suggests that <CVE>, following Latin usage, may be reflecting a synchronic disyllabic sequence [ku.u̯e]. This name is most likely to be an *-i*-stem compound, possibly from **oku-* 'sharp' (which requires some special pleading regarding metaphony or vowel assimilation) + **u̯eth$_2$-i-* 'sayer' [see Mees, 2008, *133*] or perhaps an action noun **u̯ei̯h$_1$-ti-* that evolved into an agent noun 'who goes, pursues,' and *-Cu.u̯V-* was probably still perceived as a compound juncture.

To recap, we are most sceptical as to the possibility that either Gaulish or Lepontic have preserved /k^u^/, /ku̯/ unchanged even at the earliest stages of their documentation, and assume they fell together as /p/ early on.[24] Gaulish <QV> in prevocalic position is reserved to the outcome of IE **kup-* or to loanwords. We can distinguish *-ku̯V-* <QV> from *-ku.u̯V-* <CV> in Celtic forms in the Latin alphabet, probably mirroring common Latin usage. Based on the little evidence available, there is no reason to believe that the use of one or the other was contingent on workshop preferences or regional variation. *A fortiori*, merger of secondary **ku̯V-* with the outcome of PCelt. /k^u^/ and /ku̯/, never took place in a Celtic *p*-dialect.

The fate of these sequences is somewhat different in some parts of Hispano-Celtic, where the tendency to assimilation and loss of syllabicity in (-)*Co.u̯V-* > (-)*Cu.u̯V-* > (-)*Cu̯V-* > (-)*C.C.u̯V-* is earlier and more pronounced, as transpires from the western names DOCQVIRVS, if from **doko-u̯iro-*, QVERATI (gen., Caurium, Vettones) [CILCaceres-4, 1302], if from **ko(m)-u̯erā-to-*. One relevant example comes from Celtiberia: QVIRAVM (gen. pl., Segovia, Arevaci) [ERS, 49] can be explained as an ethnonym **kou̯īr-āu̯o-* <

[22] See [Seebold, 1970, *256*] for the Germanic forms, in fact seldom associated with the Sanskrit one in current scholarship.

[23] This form is unrelated to VERCOBIVS (Rome) [CIL, 6, 2926], featuring a soldier from Cremona. It probably goes back to **uφer-kom-b(i)i̯o-* and contains an agent noun **b^h^iH-ó-* 'foremost fighter.'

[24] Forms with a transparent etymology have undergone the shift /k^u^/ > /p/, but they are unfortunately late: see *pe* < **k^u^e* (1st c. BC). An epigraphic argument has been put forward *against* the possibility that Lepontic had /p/ at the earliest stages of its documentation: if there had been a phonemic contrast /p/ — /b/, the Lugano alphabet would have used two signs, as it did for the other stops, and not one [cf. Rubat Borel, 2005]. However, <φ> for /b/ is attested once in the 5th c. BC, and generalisations are premature, given the fragmentary nature of the available evidence. The letters <*p*>, <*k*>, <*t*> are normally used for stops in Cisalpine Celtic, rendering both unvoiced and voiced stops. The letter <χ> can be employed both for /k/ and /g/; <θ> is only sporadically attested.

kou̯īro-* < **kou̯u̯ēro-* < **kom̥u̯ēro-* 'true' in MW. *kywir*, Gaul. COVIRVS [cf. McCone, 1996, *49*]. This adjective probably occurs as the first member of the Celtib. individual name *kuirorekiios* (Sasamón, Burgos),[25] from **kou̯īro-re/ēg-* (or **kom-u̯ĭro-re/ēg-* 'leader of the assembly' — cf. L. *cūria*). The spelling variation in the Celtiberian names SEGGVES (nom.), SEGOVETIS (gen.) < **sego-u̯et-*, and the thematic derivative SEGVETI, SEGOVESO (gen., dat. < **sego-u̯et-(i)i̯o-*), all of them found in Burgos, bears witness to the same tendency to reduction. Cf. also the names DVITIQ(VM) (Saelices, Cuenca), DVATIVS, DVENIA (Lusitania), the divine name DVILLIS (Palencia), etc., which in our view presuppose the following evolution: CCelt. **dubu̯V-* 'dark' > **dʊu̯u̯V-* > **dou̯V-* > HCelt. **duu̯V-* > ?du̯V-* (see below), and NVAN(A)E (Ávila, featuring a woman from Uxama), which goes back to CCelt. **nou̯anó-* 'ninth'.[26]

2.3. Vestiges of **kup-* in Celtic: **kup-ró-*

[LIV, *359*] reconstructs a root **keu̯p-* '(innerlich) beben'. A verb built directly from this root is not attested in Celtic. But there are vestiges of an adjective **kup-ro-* 'desiring' which shows the typical structure of Indo-European deradical adjectives. It can lay claim to PIE status: Lycian B has a 3rd p. sg. present form *kupriti* 'to love' and a dat. sg. participle *kuprimi*. Both are probably based on a lost adjective **kup-ró-*.[27] CCelt. **kuφro-* evolved into **kʊu̯ro-* which became **kou̯ro-* and eventually **koβro-*[28] in all Celtic dialects except probably in Celtiberian, where the family name BOCOVRIQ(VM) is attested (Madrid, Carpetania) [AE, 1990, 579]. As noted by [Prósper, 2017, *224*], this name is immediately redolent of several OIr. compounds: *milchobar* 'desiring honey' > 'bear,' the king's name *Conchobar* 'desiring dogs,' or the personal name *Ólchobar* 'desiring ale' [cf. Watkins, 1962/1994]. The Celtiberian name **bō-kʊu̯ro-* or **bō-kou̯ro-* underlying BOCOVRIQ(VM) is an agentive compound (as if) from IE **g^{u}ou̯=kupro-* 'wishing for cattle' (whether this must be understood as a name of mythic resonances or as mere craving for food, as in two of the above examples, we cannot say). This form is conceivably matched by the dedication ARA(M) BO/COROBR/EICOBO / TALVSICO/BO (Arroyomolinos de la Vera, Cáceres; see [Prósper, 2017] for this reading and segmentation). These two epithets allude respectively to the hillfort protected by this group of divinities, which

[25] New reading of [MLH-4, K.14.1] by Jordán Cólera [2010], who proposes a different etymology.

[26] On the origin and phonetics of all the above forms cf. [Prósper, 2015; 2016, *134–135*, *162–163*].

[27] See a recent review of the Anatolian forms and their origins in [Sasseville, 2020, *157*, *266*]. The idea that this very adjective gave its name to Cyprus has been discredited since [Neu, 1995], who believes the island's name to go back to a Hurrian name for 'copper.' The intriguing alternative remains possible, however, that Aphrodite was associated with Cyprus because Proto-Greek still preserved an adjective **kup-ró-*, later lost in this branch.

[28] Through resyllabification to **ko.u̯ro-*, triggered (or at least favoured) by the fact that these dialects preserved word-initial *#u̯rV-* (where the minimum sonority distance is eventually reached by occlusivisation of [u̯]). By contrast, **kupnó-* came out as **kou̯no-* and **kapno-* 'haven' as **kau̯no-* in the same dialects, because *#u̯nV-* was not a permissible sequence, given that [u̯] is more sonorous and the sonority distance between both sounds is greater (*#u̯CV-* would be simply absurd).

may have been called **bōkōro-bri-*, and the *gentilitas* they are associated with.[29] In sum, this kind of compound constitutes a valuable relic of Indo-European word-formation. Testimonies of this form are more difficult to track down in Gaul, among which we can mention COBRONIAE (Transpadana) [CIL, 5, 5997], COBROMARVS, COBROMARA 'great in/by his/her desire' (widespread in Pannonia), apparently with a substantival first member, possibly ADCOBROVATI (Dacia) [CIL, 16, 160].

In addition, Irish has a deadjectival verb *ad-cobra-* 'to wish' that derives from **kupro-*. A divine name recently attested on a mangled inscription found in Chassenon (Cassinomagus, Aquitania; 150–200 AD) [Hourcade & Maurin, 2013] has been read as [DEA]E . COBRANDIAE, a goddess worshipped as a paredra of MARTI GRANNO.[30] The text is quite clear and the onomastic context unmistakably Celtic, including the dedicant's name [DV]BNODAGA. The segmentation is apparently reliable in spite of the incomplete state of the text. While it is tempting to reconstruct a present participle of **koβr-ā-* 'wishing, demanding,' a match of OIr. *ad-cobra-*, the voiced stop in the suffix *-nt-* is intriguing. However, a divine name BRIGINDONE or BRIGINDONI (for † BRIGANTONE/I < IE **b^{h}r̥ǵ^h-n̥t-* 'standing high') is attested on another indigenous inscription from Auxey [CIL, 13, 2638]. This constitutes an argument in favour of the above etymology and points to incipient voicing of voiceless stops when a nasal preceded, a crosslinguistically common phenomenon. Other female divinities whose names are residual present participles of verbs related to will or desire are the Hispano-Celtic goddess VELONSAE (Navarra, Hispania Tarraconensis), ultimately from **u̯el(H)-ont-ih$_2$*, and the Paelignian goddess *Herentas* (< **ǵ^{h}er-n̥t-*; cf. also the Hesychian gloss reading Ἐριέντης· Ἀφροδίτης ἐπώνυμον).[31]

Still another instance of this phenomenon may be found in D(ECIMVS) VESVCCIVS / CELER / CENTONDI / V(OTVM) S(OLVIT) (Alpes Maritimae) [CIL, 5, 7867]. A reading CENTONDI[O] cannot be jettisoned in view of the mangled state of the right hand.

[29] The *Talusici* are recently attested in an inscription that commemorates the H(OSPITIVM) F(ACTVM) / INTER TALVSICORV(M) / GENTILITATEM ET / GADARENSIVM (Lusitania, unknown finding place) [AE, 2017, 672].

[30] If this is a single god; GRANNO is an epithet of Apollo everywhere else.

[31] The alternative proposed by the [Hourcade & Maurin, 2013, *148*], on a suggestion by J. Gorrochategui, namely a derivative of **kom-randā* that would mean 'confinalis,' is seductive at first sight but runs up against unsurmountable formational problems. To begin with, Gaulish **randā* 'boundary' is unattested thus far. It has been artificially recovered from place names attested from the Middle Ages onward and traced back to indigenous compounds in *-randā*, like the fictitious **ekṵo-randā*, and are nothing but an influential invention of the 19th c. In fact, if this noun went back to **rannā* 'part,' like OIr. *rann* > *rand*, the sequence *-nd-* would be as secondary as in Middle Irish *-nn* > *-nd*, due to final vowel syncope and not shared by Brittonic (a point exemplified by OBret. *uuenrann* 'white plot of land' > Fr. *Guérande*). The proposed formal and semantic evolution are born out of an arbitrary blend of ICelt. **(φ)rannā* < CCelt. **φarsnā* 'part' with OE. *rand*, OHG. *rant* 'edge, rim,' etc.; the latter are continued by a plethora of Romance borrowings, which in turn form the base of many allegedly Gaulish place names. These have, in turn, an entirely different etymology **rom-ti-*, *-to-*, *-tā*, cf. Lith. *ramtis* 'banister,' which, if present in Celtic at all, would come out as **rontV-*.

We assume this form is a present participle or possibly the continuant of **kanto-φont-(i)i̯o-* 'having one hundred ways'. This compound would be related to the divine name ELVONTIV (dat., Genouilly, Cher) [CIL, 13, 1326], from **φelu-φont-(i)i̯o-* 'having many ways,' as if from **pelh₁u=ponth₂-* [cf. Schmidt, 1991], and a close match of Skt. *śata-patha-*. The scribe hesitated about the correct reflection of a name he heard as [kænˈd̥ondi̯o]-, for which neither he nor the commissioner had any previous experience, and consequently produced "phonetic" spellings, as with BRIGINDONI and COBRANDIAE.[32]

As is well known, important and widespread divine names universally tend to be standardised. But in this case, we are dealing with lesser, possibly chthonic divinities. Their cult may have been especially successful among the lower classes, constituting the extant shreds of Gaulish popular religiosity (where the boundaries between religion and magic tend to be blurred), and their names are for this reason more likely to be erroneously reflected if their transmission was mostly oral, their devotees' pronunciation was far from conservative and the names themselves, being of adjectival origin, more prone to show slight morphological variation (a phenomenon attested in the Latin epithets *Libentina*/*Lubentia*, *Potina*/*Potica*, etc.).

In a nutshell, the rendition of names belonging to popular religiosity anticipates phonetic traits, like contextually raised vowels and palatalised or voiced stops, which surfaced in orthographic writing much later or can be only indirectly recovered from the testimony of the daughter languages. This might be especially true of BRACIACAE and COBRANDIAE, the paredrae of Mars reviewed above (for which this is not a precise name if our conclusions on their functions and essence are right). Like other divine beings probably integrated in the system as epithets or functions of higher gods, these goddesses were only recorded in epigraphy at all because they were bound to a superordinate male god, whose name and divine attributes were by that time comparatively homogeneous all over the Roman empire, and in this way ensured the minor divinities in his sphere their share of short-lived celebrity. They must have been, so to speak, of twofold nature: they tended to embody traits of the major divinities, but were simultaneously invoked as independent beings considered able to channel the concerns of human beings, who also urgently wished, required and desired.

Celtic also possesses an adjective **kou̯no-* < **kʊu̯no-* < **kuφno-* < **kup-nó-*, possibly a (quasi-)participial form meaning 'desired, desirable > beautiful'. This is exemplified by Celtib. COVNEANCVS (a Cluniensis, Aquae Flaviae/Chaves, Vila Real, Callaecia Lucensis) [CIL, 2, 2390], and the Celtiberian family name COVNEIDOQ(VM) (gen. pl., Segovia) [CIL, 2, 5779], in turn a match of MIr. *cúanda*, *cúanna* 'precious, fine'.

[32] This is suggestive of incipient neutralisation of voice after nasals. If voiceless stops had lax realisations in most contexts, and intervocalic voiced stops were fricatives, such context bound confusion would be all but natural.

The Italic adjective **kup-ro-* has survived thus far exclusively in Sabellic. South-Picene has preserved in funerary context an adverb *kuprí* (Capestrano) [ST, Sp, AQ 2], *kupíríh* (Castignano) [ST, AP 2], from **kupr-ē(d)* 'lovingly'. Venetic *kuprikonio.i.* (dat., father's name, Padua) contains a name **kupr-iko-* [see Untermann, 1961, *103*, *155*] rather than an inverted compound **kupri-kon-* 'desiring dogs' [cf. Delamarre, 2004, *125*]. It is also attested as a divine name: four Umbrian dedications to the *mater Cupra* on bronze tablets, which read *cupras matres* in the Umbrian alphabet (gen. sg. marking the destinatary of the dedication; Plestia) [ST, Um 17–20], later CVBRAR MATRER (Tadinum) [ST, Um, 7].[33] Varro has left us a gloss "*cyprum* sabine bonum" (Ling. Lat. 5, 159), which has promoted the association of Cupra with the *bona mater*. There is also a statuette devoted to [M]ARTI CYPRIO (Iguvium) [CIL, 11, 5805] (see [Calderini, 2001, *67–68*] on the different interpretative possibilities), and a Sicel nymph transmitted as Κυπαρα by Strabo, Hesych, etc.[34] This is the indigenous name for a spring at Syracuse that was called Arethusa and personified as a nymph by the Greeks. Finally, a personal name Κυπαρα alternates with Κυπρα and Κυπυρα in Sicily, and is probably found in a recently published Greek inscription reading Κυπαρας εμι [cf. Antonaccio, 1999]. Κυπυρα and Κυπαρα could reflect divergent processes of anaptyxis, probably related to the Oscan filiation of Sicel: while Κυπαρα points to tautosyllabic *muta cum liquida*, Κυπυρα may respond to Latin influence or a heterosyllabic treatment of this kind of clusters. The onomastic evidence can be rounded out with the personal names: Umbrian CVBRENA / L(VCI) L(IBERTA) ALETIA (Iguvium, lost) [CIL, 11, 5854]; Etruscan *cupure*, and the pseudo-gentilic name *Cupronius*.[35]

2.4. **kup-* in comparative perspective

Latin preserves a verb *cupiō* 'to desire,' whose formation is not entirely clear. According to [Meiser, 2003, *126*, *fn. 49*], it must be secondary, since a verb of the 3rd class cannot have had a stem **cupī-* in the perfect and past participle forms. Therefore, either *cupiō* goes back to a lost compound, which was transferred to the *schwache Aoristklasse* in imitation of the compounded type *appellare*, or it has been built after the paradigm

[33] See Rocca [1996, *80–83*]. This Picene divinity is also mentioned by such classical authors as Strabo: τὸ τῆς Κύπρας ἱερόν (Geogr. 5, 4, 2, 20), or Silius Italicus: *litoreae fumant altaria Cūprae* (Punica 4, 342).

[34] See [Antonaccio & Neils, 1995, *269–270*] for the dossier and alternative, but more unlikely, etymologies.

[35] Obviously, Greek influence on Sicily and Magna Graecia has irretrievably blurred the distinction between the indigenous goddess and the famous epithet of Aphrodite, *kypria*, which relates to her mythical birth in Cyprus (see an overview in [Calderini, 2001]). The personal names CVPRIGENIA (Olbia, Regnum Bospori) [CIL, 3, 7623] and CVPROGENIA (Puteoli, Latium et Campania) [CIL, 10, 1568], are instances of a Greek theophoric name alluding to Aphrodite, which celebrates the fact that she was born in Cyprus. Accordingly, all the extant forms can be unproblematically derived from **kup-ro-*, and it is unnecessary to view the South-Picene forms as continuants of **kup-ri-*, in spite of [WOU, *405–406*]; see the discussion in [Calderini, 2001, *79*].

of *concupīscō*, which virtually presupposes the existence of a present **concupiō*. Watkins [1994, *94*, *fn. 1*] devoted some insightful words to this problem. In his words, "it is worth noting that just as the verb *ad-cobra* is a denominative to *accobur*, so is the Latin verb *cupiō* by its form (perf. *cupīvī*) a denominative from a lost root noun form **kup-*."

Similarly, one could trace the following path: a noun **kupi-* existed in Italic, and possibly in Celtic, side by side to a stative present **kupē-i̯o/e-*, which had no past participle: its semantic and syntactic slot was occupied by an adjective *cupidus*, from **kupi=d^h(h$_1$)o-*.[36] Interestingly, this reconstruction is underscored by the Balto-Slavic evidence: Lith. *kūpéti*, OCS. *kypěti* 'to boil, simmer' can be traced back to **kup-eh$_1$-* 'to be in a state of rage, boil with anger or lust' with secondary vrddhi, due to their intensive meaning.[37]

In turn, **kupi-* gave rise in Latin to a verb **kupi-i̯o/e-* of the denominative type exemplified by *fīnis* → *fīnīre* (perf. *fīnīvī*, past part. *fīnītus*). Its infinitive *cupĕre*, however, can only be explained by assuming that, since the underlying noun had receded from use in the meantime, it was attracted to the type of *faciō*. *Cupīdō* 'desire' and its relation to these forms remains unclear.

Nussbaum [2004b] has drawn attention to another Latin relic that weighs in on this problem: *cuppes et cupedia antiqui lautiores cibos nominabant* (Paulus ex Festo [Lindsay, 1913, 42]). In his view, *cuppes* is the acc. pl. of an *-i*-stem **kuppi-* (< **ko̯upi-*?). One wonders, however, if what we find here is the lost **kupi-*, and if in this case *-p-* was attracted to the expressive phonetics of the other forms, or anticipated the geminate expected in *cupedia*, attested as *cuppedia* from Plautus onwards (which can be taken at face value as a derivative of *cuppēd-*). Nussbaum has explained L. *cuppēdia*, *cuppēdō* (where the geminate has come into being by *Lex Iuppiter*) as the outcome of the derivational chain **ko̯upó-* 'appetitive' → **ko̯upēd-* > *cuppēs* 'appetitive (one), glutton(ous)' → **ko̯upēd-(ō)n-* 'desire, market for delicacies'.[38] Alternatively, we may reconstruct, allowing for expressive phonetics, an ancient collocation **kup-eh$_1$ deh$_3$-* 'provide with commotion' [see Kölligan, 2014, *157*, on L. *albēdō*].

In sum, there is reason to posit an Indo-European noun **kupi-* with generalised zero grade of the root. It helps explain the inflectional irregularities of L. *cupiō* 'to desire' (perf. *cupīvī*, past part. *cupītus*), and perhaps also Skt. *kupya-* 'to rage'. This is a post-Vedic formation except for the isolated present part. *ákupyantaḥ* in a corrupt passage (AtharvaVeda, 130). It also accounts for L. *cupi-dus* and the acc. pl. *cuppes*, and can be integrated in the Caland system, since it is related to **kup-ró-* and probably

[36] Cf. for this formation Nussbaum [1999], Hackstein [2002].

[37] Cf. [EDBIL, *264*; EDPC, *25*] — these militate against the *ad hoc* reconstruction of a root **ku̯eh$_1$p-* 'sieden' posited by [LIV, *374*] exclusively on the strength of the Balto-Slavic forms.

[38] We warmly thank Alan J. Nussbaum (Cornell) for sending us his unpublished work.

to a stative present **kup-eh$_1$-*. The Celtic and Lycian verbs meaning 'to desire' are deadjectival to **kup-ró-*.

The Anatolian evidence is often overlooked but highly informative: Luvian has a root verb /kub/ solely attested as a 3rd p. sg. preterite *ku-up-ta* 'to plot, scheme' (in Hittite transmission). A different stem is reconstructed for Luvian as */kubi-/ or */kubi(ya)-/ in order to account for the attested action noun /kubiyad(i)-/ 'plan' and the derived adjective /kubiyadalla/i-/. There is also a Hittite 3rd p. sg. *ku-pí-eš-ke-ez-zi*. Melchert [1997, *87*] simply reconstructs a present stem **kúpye/o-*, which he directly compares with the Sanskrit and Latin verbs, in turn directly traced back to **kup-i̯o/e-* in [LIV, *359*]. It might be very tentatively assumed that the Luvian reconstructed stem is also denominal to **kup-* or **kupi-*.[39]

There is an innovation, common to the Italic and the Celtic verb, by which innovative past participles in *-e-to-* are built to a number of deverbal stative presents (L. *tacēre*, *tacitus*, U. *taçez*) after the suffix *-ei̯o/e-* of the iterative-causative presents was reanalysed as *-e-i̯o/e-*. It follows that ROQVETIO may be directly traced to CCelt. **φro-kuφe-to-*, the past participle corresponding to a stative present **kup-eh$_1$-*. It would mean something like 'in a state of rage'. The old participle, like *tacitus*, behaves as an adjective, is essentially indifferent to voice and tense, and is disconnected from the aspect specifications of the finite verb. This explains the emergence (or at least the success) of the *-idus* type, which often replaces *-itus* in the same functional slot. This formation *may* have analogically replaced the original adjective **pro-kupi-t-o-*, preserved in Skt. *prá-kupita-*, or these may be parallel formations.[40]

Sanskrit *prá-kupita-* is only attested in the oldest Sanskrit layer in RigVeda (2, 12, 2b): *yáḥ párvatān prákupitām̐ áramṇāt* 'who settled the quaking mountains'. It is definitely not the past participle corresponding to a deradical present in *-i̯o/e-*, for which we would expect † *kup-tá-*. The linking vowel *-i-* of *-ita-* has been introduced in some verbs in order to make the root form more transparent or for other, less clear reasons: in the causative, *-i-ta-* is regularly the case, e.g. *cod-i-tá-* (from *cod-áya-ti* 'to set in motion') [see Gotō, 2013, *139*]. The Vedic causative present *kopáyati* 'to shake' should have a past part. **kop-i-tá-*. The actually attested *kupi-tá-* may consequently

[39] Skt. *kupáya-* 'seething' is an epithet of Agni attested once, in RigVeda (1, 140, 3). Interestingly, the suffix *-aya-* is usually denominative. So, one could venture the alternative possibilities that this adjective is based on a root noun **kup-* or possibly **kupi-*. This will of course remain speculative.

[40] The individual names ARQVICI, ARQ[VI]C(I) (gen., Salamanca, Lusitania Emeritensis) [ERPS, 9], ARQVITTIVS [Vind. Tab., 2, 128], Britannia, ARCVITTIVS [Ibid., 129] are very poorly attested, and then mostly in indigenous contexts. At first sight they may look like the only remnants of the Latin form transmitted by Paulus ex Festo [Lindsay, 1913, 19, 10]: *arquites arcu proeliantes*. Nonetheless, it can be unproblematically traced back to a variant **φare-kuφit-(i)i̯o-*. Posttonic /e/ is syncopated in CCelt. **φare-* when it is used as an intensive prefix. See [Prósper, 2019a, *39–45*]. In that case, it bears a striking resemblance to Classical Sanskrit *parikupita-* 'agitated, wrathful.'

reflect the possessive derivative of the lost noun **kupi-*, which is not even certain to have been fully integrated in the verb paradigm.[41]

We may provisionally draw the following scheme, which traces back several peripheral forms to one single Indo-European etymon, conceivably belonging to the core poetic vocabulary of Indo-European:

> ?IE root-noun **kup-*/**kupi-* → **kupit(-o)-* 'raging, quaking' → **pro-kupito-* (the intensive meaning of the prefix, meaning 'excessively, very' when attached to adjectives, is an archaism found both in Celtic and in Sanskrit);
>
> > Skt. *prá-kupita-* (once, RigVeda). Post-Vedic *kupitá-* may attest to the existence of the simplex, or, alternatively, may be decompositional to it, and then secondary in word-formational terms;
>
> > CCelt. **φro-kuφito-* >> **φro-kuφeto-* by reinterpretation of this form as the (innovative) *-e-to-* participle of the stative present **kup-eh$_1$-i̯o/e-* 'to be in a state of anger or commotion' (in Balto-Slavic **kūpē-*, possibly in Hitt. *ku-pí-eš-ke-ez-zi*, perhaps indirectly in L. *cupē-d-*). Its base, **kup-eh$_1$* 'with rage or commotion,' is conceivably the instrumental of the root-noun **kup-*.[42]

As regards the semantics of ROQVETIO, the notion of a divinity that trembles with rage and goes berserk, notably after ritual intoxication and when marching against the enemy's forces, is of course not alien to Indo-European religion, witness such important male gods as Vedic *Indra*, the Roman *Mars*, literally 'destroyer' [see Prósper, forthc.], his Greek counterpart, Ares, called θοῦρος 'furious,' and especially the Germanic king of the gods, **wōðanaz*, attested in OHG. *Wuotan*, OIc. *Óðinn*, etc., whose name means 'raging, furious,' etc. One must, however, be cautious about the postulation of inherited, warlike semantic contents for some derivatives of this root. As noted by [Renou, 1997, *231–232*], Skt. *prakup-* preserves the original meaning 'to set in motion,' and the aggressive nuance generally inherent in forms

[41] Historically, it may reflect a formation in *-it* as explained by [Pinault, 1980; cf. also Widmer, 2005]: along these lines, **kupi-* 'rage' would be enlarged by an instrumental ending *-t-*, in turn thematicised, from which an adjective 'full of rage > angry,' like **reu̯d^{h}i-* 'redness' → **reu̯d^{h}i-t* 'with redness > red' (by hypostasis evolving into 'red thing'; cf. Skt. *rohit-* 'red mare') → **reu̯d^{h}i-t-o-* 'characterised by redness' (cf. Skt. *rohita-* 'reddish,' hypostasised as 'reddish brown horse'); from here, a new layer of adjectives/nouns emerges that descriptively consists of denominatives in *-to-*. According to [Nussbaum, 2004a], by contrast, an adjective in *-i-* gives rise to a nominal *-t-*stem in *-i-t-*, which parallels those in *-o-* → *-e/o-t-*. In fairness, given the existence of decasuative *-to-* adjectives, the *-i-to-* forms could be delocatival derivatives to root nouns, and **kup-i* could be an ancient locative meaning 'in rage.'

[42] A compounded verbal adjective in *-eto-* 'very desirable' is less likely in so far as a present **kup-i̯o/e-* 'to desire' is not certain to have existed (its purported Sansckrit avatar is intransitive). A verb **keu̯p-o/e-* is apparently only continued in PGerm. **heufa-*, an intransitive verb, which, if it belongs here, can in most cases be interpreted as denominative to the noun **kéu̯po-*, preserved in OE. *hēof* m. 'mourning.' Cf. OIc. *hjúfran* 'regret,' OE. *hēofian* [cf. Seebold, 1970, *256*], but there are isolated strong verb forms like the Goth. pret. 1st p. pl. *hufu̯m*. Most accounts favour a segmentation **keu̯-* 'wail' with an enlargement *-p-*. OIc. *hjúfa*, the only form quoted in this respect by [LIV, *359*], is not certain to exist.

of this root in Classical Sanskrit is a function of the violent context in which they are inserted. It must remain for the time being in the dark, however, whether this was just the epithet of an important unmentioned divinity, or whether it had gained a status of its own as a minor local (and possibly chthonic) divinity, operating in the sphere of the higher gods.

2.5. Again on the relative chronology of Celtic loss of /p/

The abovesaid has relevant consequences for the date of weakening and loss of /p/ in Celtic, whose step-by-step evolution is generally held to have proceeded as follows: /p/ > /f/ > /h/ > ø. These changes illustrate one of the two commonly accepted pathways of lenition: "reduction toward deletion maintains the laryngeal state of the consonant, but weakens the oral articulation leading to debuccalization and eventual deletion, as in the sequence: p > f > h > ø" [cf. Bybee & Easterday, 2019, *270*]. Its chronology, however, has been subject to debate in the last decades, and context-sensitive differences still await to be established.

2.6. Is there any testimony of CCelt. /φ/?

The use of <QV> in ROQVETIO shows that /p/ had not been effaced without a trace early enough for the resulting sequence to fall together with the outcome of /kᵘ/ and /ku̯/: otherwise, a secondary /ku̯/ should have become /p/ in Gaulish. The question revolves around what the succession of stages was that culminated in loss of /p/ in the inherited sequence *-upV-*.

On the strength of the Lepontic personal name *uvamokozis* (Prestino, 6th c. BC) < **uφamo-gosti-* < **(H)upm̥(H)o=gʰosti-* 'the one with the highest guests,' Eska has put forward in several works the novel idea "that PIE */p/ was not lost altogether in Proto-Celtic in intervocalic position, but was continued as */φ/, and that it is attested in the Cisalpine Celtic idionym *uvamokozis* represented by the character <*v*>" [Eska, 2013, *40*].[43]

The above cited version of Eska's argumentation is directed against [Isaac, 2007, *11–14*], who had concluded that <*uva*> is the way in which the Lugano alphabet reflected either /u.a/-, realised [u.u̯a], or /u̯a/-, realised [u̯a] (an alternative certainly borne out by the obscure *uvltiauiobos* in Prestino and by Early Etruscan *auvileś*, where <*uv*> seems to be a digraph for /u̯/). As remarked by Eska, /u/ and /u̯/ are both rendered <*u*> in the Lugano alphabet. It is no less true, however, that we have no independent evidence for the rendition of /φ/ or /f/, and as a consequence the argument incurs circularity.[44] As observed by Isaac, one cannot assert that the Lugano alphabet would

[43] The idea that <*v*> could be noting a labiodental could find some eastern parallels in Venetic texts in which it seems to be doing double service [cf. Prósper, 2019a, *33*], but in the latter case the reasons behind the process of simplification of <*hv*>, <*vh*> may have been different.

[44] In point of fact, only recently has an instance of the use of *qoppa* in the Lugano alphabet come to light in a form *quormsklạ* of uncertain segmentation [see Rubat Borel, 2005].

not have pressed the digraphs <*hv*>, <*vh*> into service, if required, to render /f/ or /φ/. The purported difference between the two fricative sounds in Etruscan *vis à vis* Lepontic is irrelevant, since they resemble each other in articulatory terms more than [u̯]. What is more, the sign /φ/ for bilabial fricatives is habitually used in Celtic studies, but virtually all languages having only one voiceless fricative labial phoneme actually have a labiodental /f/ with context-dependent variation (e.g. [φu] [see Foulkes, 1997, *271*]).

Eska also claims that <*uva*> cannot be reflecting /u.a/ [u.u̯a], because, in that case, another character should be used, not an otherwise unemployed one, or none at all, given that this alphabet does not note geminates orthographically. But this is not a geminate, and the distinction is relevant if contrastive pairs opposed by syllable boundaries are involved: one would expect exactly this spelling to distinguish #*u̯V*- <*u*> from disyllabic #*u.u̯V*- <*uv*>. Epigraphic Latin, in spite of having no forms that begin with #*i.u̯V*-, writes *iuvāre*, *iuvenis* with <VV> so as to eliminate the ambiguity in the sequences #*i̯u.u̯V*- (IVVENIS) and #*Ci.u̯V*- (NIVIS; note that Late Latin had no problems adapting the Gaulish plant name *ivus* 'yew').[45] The same applies to #*CRu.u̯i*.- in FLVVIVS, as opposed to #*Cui̯.i̯V*- in CVIVS.[46]

Drawing upon [Lejeune, 1971, *380*], Eska further assumes that the Lepontic name *teu* (Vergiate), which goes back to **dei̯u̯-ū*, shows that intervocalic /u̯/ in this context was omitted in writing from the earliest stages. And yet, this does not straightforwardly demonstrate that "/w/ was represented by <u> at least as early as ca. 500 BCE" [Eska, 2013, *35*]. If /u̯/ had been lost through dissimilation, *teu* may perfectly well be a regular spelling for /de:.u:/, /de.u:/, or even /deu̯:/ with resolution of the hiatus by glide formation, and not /de:.u̯u:/ as implied by Eska's formulation. See in this respect the fate of **dei̯u̯o*- in Latin: it becomes *deus* by context-bound loss of /u̯/ preceding /o/ at an earlier stage, and in all likelihood contains a hiatus at least in formal phonostyles, and is parsed as /de.us/, while *dīvus* is the product of paradigm split and has simply arisen in imitation of the regular genitive. A similar case in point is nom. pl. *boves*, gen. pl. *boum* (consistently disyllabic in poetry) [see Cser, 2020, *29*]. If the same applies to Lepontic, there would be a skewed paradigm with two stem allomorphs: nom. **de*/*ē(ø)-ū*, gen. **dēu̯-on-os*, rendered <*teu*>, and (hypothetically) †<*teuonos*>. It is consequently possible for /u̯/ and zero to alternate in Lepontic within the same paradigm, as in Latin. If <*eu*> reflects a hiatus, it cannot be invoked in defence of the idea that the use of the orthographic sequence <*uva*> to render /u.a/ is anomalous.

[45] No second <V> is inserted in any other form containing -*Cu.u̯V*- (e.g. TENVE, not † TENVVE; SVAVIS #*su̯ā*- and SVA #*su.u̯a*-). Note that the assumption of glide epenthesis is indirectly supported by the lack of distinction of these sequences from those containing etymological -*o.u̯V*- that became -*u.u̯V*- by vowel reduction, like SENATVI, FLVERE, VIDVA.

[46] This is of course far from obligatory: in Republican epigraphy, and occasionally also later on, we still find the simplified spelling <V>, as in IVENTA [CIL, 1², 1603] or FLVIO [CIL, 1², 584, 9].

In what follows, we shall treat /u/ and /u̯/ as phonemes[47] and consider [uu̯] as the prevocalic realisation of /u/, not as a bisegmental /uu̯/; we shall consequently circumscribe /uu̯/ to the formalisation of the heteromorphemic sequence *-u-u̯-*. Under this analysis, the glide [u̯]- was not a positional variant of the high vowel /u/, but, conversely, [uu̯] was.[48] Under the premise that <*uv*> stands for a phoneme /u/, realised [uu̯] in prevocalic position, the problem essentially revolves around whether the approximant historically continues IE /p/ or has come into being just as a hiatus-filler after all trace of /p/ was lost: a sequence *#u.a-*, resulting from complete loss of Indo-European /p/, would be expected to become either *#u̯a-* by glide formation or *#u.u̯a-* by epenthesis of a homorganic glide. The latter is a very common phenomenon in Indo-European languages, favoured by the previous existence of an intervocalic segmental approximant in the language system [cf. Blevins, 2008]. Languages frequently note intrusive glides in writing for varied reasons, often related to the use of different scripts and their limitations (as in Gaulish [ii̯] or Mycenaean [ii̯], [uu̯]).[49] In our case, the scribe may have been trying to reflect the contrast between mono- and disyllabic sequences: *#u̯V-* <*u*> vs. *#u.V-* <*uv*>.[50]

The sequences *-u̯V-* and *-uu̯V-* must have existed at least at the earliest stages of Celtic, but minimal contrasting pairs may have been rare. Later, after IE /p/ was replaced by a glide in this context, new instances of the contrast came into being. If <*u*> had normally been used in Lepontic both for /u/ and /u̯/ because they were positionally predictable in most cases, <*uv*> would have the virtue of eliminating the undesirable homography in the few cases in which there still was a contrast in prevocalic position.

Eska adds that the fate of **(H)i̯uHn̥ko-* > **i̯uu̯anko-* 'young' > **i̯ou̯anko-* > MW. *ieuanc*, OIr. *óac*, Gaul. IOVINCILLOS, and **i̯uu̯antūt-* 'youth' > OIr. *oítiu*, cf. L. *iuventūs*; Gaul. dat. IOVANTVCARO (epithet of Mars), is especially revealing and corroborates the assumption that Celtic **Cuu̯V-* "always remained disyllabic" [Eska, 2013, *35*]. Note that this particular example also involves a long assumed CCelt. rule

[47] See [Cser, 2020, *14–15*] for the phonemic contrast of /u̯/ vs. /u/ in Latin, which is morphologically predictable in many cases, however.

[48] Or [ʊu̯], see below 2.8. The difference is immaterial to the present argument. As we are going to see, /φ/ surfaces as [β], [χ], [u̯] depending on context. But then, these realisations are derived by different rules from more than one underlying phoneme. As a consequence, the degree of opacity is too high, and we must limit our conclusions to surface contrasts.

[49] In fact, this has a conceivable parallel in CCelt. **lou̯erno-* 'fox,' taken from **loperno-* by Schrijver [1998]. If *-u̯-* is a hiatus-filler here, and not a direct continuant of /p/, one does not quite see why the same cannot apply to *-upV-*. In any event, this form might go back to **lou̯p-*, like Skt. *lopāśá-* 'fox, jackal.'

[50] This equally applies to a comparable example brought to bear by Eska: a graffito on pottery from Mantua, dating to the second half of the 3rd c. BC, reads *eluveitie* [cf. Vitali & Kaenel, 2000]. This personal or ethnic name is cogently taken from **φelu-φei̯t-(i)i̯o-* 'having many lands' since [Thurneysen, 1923], and directly identified with the *Helvetiī* mentioned by Caesar. For Eska, <*uv*> testifies to vowel intrusion, caused by the difficulties the Etruscans had in pronouncing a sequence *-lu̯-*. This automatically means that <*uv*> may represent a disyllabic sequence in Etruscan, and also that it rendered Gaulish *-u.u̯-* in compounds, and the ethnic name could only be borrowed as *Helvetiī* in obedience to Latin phonotactic rules.

-u.u̯V- > *-o.u̯V-*. The laryngeal in **h$_2$i̯uh$_1$(e)n-* 'young' has indeed left a hiatus in Celtic and Italic, automatically filled by a homorganic approximant. The above generalisation about *-u.u̯V-* would be lethal to the assumption that <*uv*> renders prevocalic /u/, pronounced [uu̯], and ultimately from /uφ/, because we know this sequence did not remain disyllabic, but was eventually reduced to /u̯/.

A serious objection may be raised against such an overarching tenet, however. Since [i̯] and [u̯] are ranked at the same level in the sonority scale, loss of syllabicity of *#i̯u.u̯a-* to *#i̯u̯a-* is most unlikely to happen: the nonexistent distance in strength between the two segments preceding the syllable nucleus would have made the resulting sequence highly unnatural. The only alternative phonotactic structure would be *#i.u̯a-* (cf. Sp. *Juan* vs. *Iván* or L. *iuvencus* 'calf' vs. U. *iveka*, acc. pl. /iu̯engaf/, IVENGAR, nom. pl.). This is why we have Sp. *joven* from *iuvenis*, despite the fact that other similar sequences regularly undergo Late Latin loss of syllabicity and subsequent processes like metathesis: *vidua* > Sp. *viuda* 'widow'.[51] This example is consequently far from probative.

As regards the other showcase example, **dru-u̯id-* 'druid,' the morpheme boundary must have been easily detectable (as in **su-u̯id-* 'knowledgeable'). Reduction to *#dru̯id-*, with two sonorants in the slope of the syllable head, or to *#dru̯i̯d-* with formation of a non-optimal diphthong /ui̯/, was unlikely to happen, especially if the resulting word was bound to be monosyllabic.[52] The same applies to other instances beginning with clusters: **knuu̯V-* > MW. *cneu*, etc. 'nuts,' and the Gaulish personal name Κνουιλλα; **kruu̯V-* 'blood, slaughter' > MW. *kreu*, etc. By the same token, forms of the structure **Cu.u̯i.i̯V-* > **Cʊu̯.i̯V-*, if they existed (which is contingent on one's preferences about the relative chronology of *-i̯io-* > *-i̯o-*), were hardly expected to become monosyllabic.

Preservation of disyllabic **Cuu̯V-* is apparently well attested in verbs: OIr. *im.soí* 'to turn around,' MW. *amheuaf* 'to disagree' are traced back to **suh$_1$-é-ti*, allegedly a match of Skt. *suváti*, by [McCone, 1991, *109*]. They have allegedly been thematicised from the weak stem of an original present 3rd p. **seu̯h$_1$-ti*, pl. **suh$_1$-é/ónti* [cf. LIV, *538–539*, **seu̯h$_1$-*]. But Celtic may have undergone paradigm leveling from the 3rd p. sg. and then these forms would continue the full grade **seu̯h$_1$-o/e-*. The same applies

[51] We are not implying that change is always (or ever) teleologically driven towards "more natural" sequences, a premise many historical linguists would strongly oppose; we just mean that lack of reduction in this case cannot be extrapolated.

[52] Obeying Sievers' Law, similar sequences are alternatively pronounced as hiatuses by most speakers in our Spanish dialect: [kons.ˈtru̯iɾ], [kons.tɾu.ˈiɾ]; the former is perfectly standard, but potentially harmful to the perception of the contrast with infinitives in -[ˈtɾiɾ], and the same applies to past participles in -[ˈtru̯iðo] vs. -[ˈtɾiðo]. For the same reasons, the past of *dar* 'to give' is universally pronounced [ˈdi̯o] '(s)he gave,' but that of *freír* 'to fry' is mostly realised [fri.ˈo], only distinguished from the equally disyllabic [ˈfri.o] 'cold' by the place of the stress. Needless to say, the retention of hiatus is especially common in morpheme boundaries. In Vulgar Latin, [u̯] could be simply effaced in such complex sequences in isolated forms: cf. *februārius* > FEBRARIAS (Pompeii) [CIL, 4, 4182, etc.].

to OIr. *as.loí*, L. *luō*, usually taken from **luh$_1$-é-ti* 'to set free, release' [cf. LIV, *417*, **leu̯H-*].[53] See also OIr. *as.noí* 'to swear,' *ad.noí* 'to entrust,' MW. *dineu* 'to flow, spill,' this time almost certainly from a full grade present **néu̯-o/e-* 'to nod' [cf. LIV, *455*, **neu̯-*]; differently [EDCP, *295*]. The occasionally adduced MW. *huan* 'sun' is a most unreliable form.[54]

The last outpost of this idea is CCelt. **duu̯o* 'two,' f. **duu̯ī*, as reconstructed by [Cowgill, 1985, *20–25*]; cf. also [Uhlich, 1995, *22*] for OIr. *dáu*, OW. *dou* (MW. f. *dwy* can be directly taken from **du̯ei̯*). He posits **duu̯o* > Early Irish **dou̯-*, and **du̯V-* > proclitic *da*, *di*. The problem revolves around how early this happened (the Gaulish compositional variant *vo-* in the *dvigú*-compound *Vo-coriī*, an ethnonym meaning 'those having two armies' presupposes a preform **du̯o-*). Many other scholars still reconstruct a stressed preform **du̯ōu̯* (where *#du̯-* > ICelt. *#d-*). An interesting paradox should be mentioned here: Cowgill's main reason to reject **du̯ōu̯* is the observation that it is only attested beyond doubt in Sanskrit; surprisingly, the Sanskrit connection is the main reason why **suh$_1$-é-ti* and **luh$_1$-é-ti* are reconstructed for *-soí* and *-loí* in the first place.

We may provisionally assume that things fare differently for sequences beginning with stops, where loss of syllabicity would be unproblematic. Take, for instance, the 3rd p. sg. subj. **b^{h}uH-e-ti*, probably the immediate antecedent of Gaulish BVETI(D) (Chamalières, Lezoux). The resulting form **bu̯eti* never evolved into **bou̯eti*, either because *-uu̯V-* > *-ou̯V-* was not a Common Celtic change after all, or because **bu̯eti* (cf. Skt. *bhuvat*) had become **bu̯eti* early on, and the initial cluster was eventually simplified, yielding OIr. *beith* 'shall be'. McCone [1991, *122*] believes extreme reduction of **bu̯e-* to **be-* to have occurred in analogy to the stem **bu̯i-* (OIr. 3rd p. sg. present form *biid*, Celtib. 3rd p. pl. *bionti*), but this change would have to be placed in Common Celtic and is eminently *ad hoc*.

In fact, McCone's hypothesis is intended to save the following derivation [McCone, 1991, *132*]: 3rd p. sg. OIr. *boí* 'was' < **bou̯e* < **bu̯et* << **b^{h}uH-t*, the IE reconstructed athematic aorist; the Celtic form is achieved through paradigm leveling from a 3rd pl. **bu̯ent* (itself from **b^{h}uH-ent*). But why the reduction **bu̯e-* > **be-* was not extended to the preterite remains unexplained. Of course, BVETI(D) might have remained trisyllabic (something the upholders of the idea that the sequence *-u.u̯V-* aways remained disyllabic would certainly stand up for). But this would *ipso facto* compromise the CCelt. dissimilatory rule "*-u.u̯V-* > *-o.u̯V-*." Conversely, if loss of syllabicity took place early on, other Irish forms not especially likely to result from analogical processes could be neatly explained. For instance, OIr. *baile* 'place, farm, and, town' could be traced

[53] The Latin form may directly continue **leu̯-* or may have been abstracted from compounds and is not decisive.

[54] Schrijver's etymology **suu̯a/ono-* < **suh$_2$-e/on-o-* [Schrijver, 1995, *334*] relies on the possibility of laryngeal metathesis in prevocalic context and advocates a similar solution for Av. *x^{v}āṇg* (gen.) 'sun,' for which Lipp's hypothesis (< **suu̯ens* < **sh$_2$u̯en-s* [cf. Lipp, 2009, *307*]) is more convincing, however. As a consequence, a root **se/ou̯h$_1$-* 'turn, gyrate' cannot be ruled out for the Brittonic form.

back to **buu̯ali̯o-* after all (ultimately a derivative of **bʰuH-lo-*, conceivably through **bʰuHl̥-i̯o-*), and this form has undergone the early change **buu̯a-* > **bu̯a-*. Its base **bʰuH-lo-* could be unproblematically related to Gk. φύλον, etc. (a possibility mentioned and rejected by [Zair, 2012, *176*]).

The validity of the projection of a sound change *-u.u̯V-* > *-o.u̯V-* to Common Celtic is contingent on the interpretation of the *Paradebeispiel *i̯ou̯an-*, itself suspect of being analogical to adjectival forms with a full grade of the root (specifically those in the comparative and superlative degree), and on the assumption that this change cannot have happened dialectally. Since, by recent accounts, /oi̯/ and /ui̯/ were probably neutralised in Old Irish [cf. Uhlich, 1995, *15–16*], the preterite *boí* may have had /u/ in the first syllable all along, and Old Irish monosyllabic forms like *soí* or *loí* are not probative of the existence of this sound law, or, come to that, of a zero grade of the root matching that of the Sanskrit forms.

2.7. CCelt. /φ/ and the fate of clusters of labial + /u̯/

An early, probably CCelt. evolution *-ubu̯V-* > *-uβu̯V-* > *-uβ̞u̯V-* > *-ʊu̯.u̯V-* > *-ou̯V-* has been postulated in several works, like [Prósper, 2015]. It cannot be dismissed as *ad hoc*, since *-Vmu̯V-* > *-Vmu̯V-* > *-Vu̯.u̯V-* > *-Vu̯V-* is hardly controversial, and *-Vφu̯V-* > *-Vu̯.u̯V-* > *-Vu̯V-* is deducible from similar environments in which it precedes a sonorant, albeit not proven. Sequences of a labial consonant + [u̯] are universally dispreferred, and many languages (notably English, except for a few loanwords) lack these clusters; even in languages in which the sequence *bu̯-* exists, like Spanish, there are substandard varieties in which a realisation [gu̯] predominates.

By contrast, the form **bʰuH-o-* resulted in **bʰu̯o-* in PIE compounds as a consequence of primitive laryngeal loss (cf. Skt. *a-bhva-* 'supernatural being'). The resulting **-bu̯o-* became PCelt. **-bo-*: this transpires from such examples as the divine name VIBEBOS in Noricum, a match of Skt. *vibhu-* [cf. Prósper, 2019a, *144* for this and other examples]. A similar process took place in Proto-Italic, where it must have become **-βo-*, witness L. *superbus*, *probus*, O. *prufe*, the originally analytic future forms in *-f/b-*, etc.

Uhlich [1989, *132*] believes the Ogam letter <*V*> to reflect the cluster *-bu̯-* unchanged in compounded personal names with a first member **dubu̯o-* 'dark': *DOVAIDONA*, *DOVATUCI*, *DOVAGNI*, *DOVVINIAS*, etc. This cluster allegedly passed through a stage *-u̯u̯-* and eventually became a voiced fricative (either [v] or [β]). If the latter stage had been reached in Primitive Irish, Uhlich would expect a spelling <*B*>. Unfortunately, the considerably earlier Continental Celtic evidence is entirely ignored in his work and in most recent treatments of the problem. In addition, even supposing such an unstable cluster had survived so long, one would expect it to be rendered <*BV*> in Ogamic and eventually yield [vv] or [ββ] in Old Irish on the strength of *-du̯-* > [ðv] (cf. OIr. *fedb* < **u̯idu̯ā* 'widow'), *-nu̯-* > [nv] (cf. Oir. *menb* < **menu̯o-* 'small'). Lowering of the preceding [u] is explained by Uhlich

as "the result of dissimilation against the heavy labial group that followed it," which looks *ad hoc* and has no direct parallels, since the proposed vowel lowering can hardly be said to promote ease of articulation.

In our view, Ogam <*V*> instead of <*B*> in the above names must be taken at face value and is simply rendering /u̯/. Accordingly, we may provisionally assume that all labial consonants underwent trivial regressive assimilation to a following /u̯/ in Common Celtic. The *Paradebeispiel* is **dubu̯V-* > **duβu̯V-* > **duβ̞u̯V-* > **dʊu̯.u̯V-* > **dou̯V-* 'dark' in obviously related names: NW. HCelt. DOVIDONA, DOVITERVS, Gaul. DOVILLICCO (Amiens) [CAG, 80–01, *160*], Galatian Δοβηδων,[55] and of course Ogamic *DOVAIDONA*, *DOVATUCI*, *DOVAGNI*, etc. Such Irish names as *Dubthach*, *Dubán*, *Dubaéd* apparently show the "wrong" consonantism but, interestingly, also the wrong vocalism, because in all likelihood they have been refashioned in analogy to the athematic adjective **dubu-* 'dark' after loss of *-u̯-* in intervocalic position that rendered the lexical affiliation of these names irretrievable. Consequently, they are hardly diagnostic of a change *-βu̯-* > *-β-*.

There may be other forms illustrating this development: in order to account for OIr. *boí* 'was,' we reconstruct **bou̯e* < **bʊu̯.u̯e* < **buβ̞u̯e* < **buβu̯e* < **bubu̯e* < **bubuu̯e*, which continues an early perfect **bʰu-bʰuH-e* (ultimately from **bʰe-bʰuH-e*, indirectly reflected by Skt. *babhūva*, Gk. πέφῡκε 'is').[56] McCone himself [1991, *124*] derives OIr. *bieid*, *.bia* (3rd p. sg. future of the substantive verb) from **biu̯āset(i)* (< **bibu̯āseti* << PCelt. **bibūseti* < PIE **bʰi-bʰuH-se-ti*, straightforwardly continued by Skt. *bubhūṣati*). This need not mean that, by the time the process conducive to lenition of /b/ in intervocalic position started, **bubu̯V-* could no longer be analysed as a reduplicated formation.[57] In our view, nothing disproves a *lautgesetzlich* development *-VbuV-* > *-Vβu̯V-* > *-Vu̯.u̯V-* >

[55] With secondary fricativisation of /u̯/, as in the personal names Βηπολιτανος < **u̯epo-litano-* 'broad faced' and Ορδοβετου, in all likelihood from **ordo-u̯eχto-* 'hammer fighter' [see Prósper, 2015, *20*, *fn. 37*].

[56] See [Prósper, 2015, *20*, *fn. 36*] for former reconstructions. This one has been formerly proposed by [Schumacher, 2004, *250–254*] with a different phonetic explanation: he starts from a secondary **bu-b-e* that gave ICelt. **buβe*. This accounts for MW. *bu* at the cost of special pleading for Irish, where **buβe* has been dissimilated to **buu̯e*. As noted by Schumacher, MW. *bu* /bʉ/ cannot be taken from **bou̯e*, but it can be regularly traced to **buβ-e*, on the base of **dubu-* > MW. *du* /dʉ/. Hence, we can accept the premise that Brittonic generalised the preconsonantal stem, as in the MW. 1st p. pl. *buam* < **buβ-* < **bʰu-bʰuH-mé*. Since, at any rate, Schumacher's hypothesis is based on analogical changes, its correctness would not influence the ideas put forward here, but only their application to specific forms of this verb.

[57] According to [Schumacher, 2004, *352–353*], a preform **bibu̯āse/o-* was refashioned into ICelt. **bibās-e/o-* [biβa:he/o]-. This sequence underwent lenition (> **bV-β-*) and Early Irish dissimilation (> **bV-u̯-*). For this, the comparative base is limited, and mostly relies on the reconstruction of reduplicated forms for the paradigm of OIr. *benaid* 'to hit.' The proposed dissimilation would be questionable if the listener was aware of the sequence consisting of reduplication + root. It can be more precisely described as context-sensitive weakening, which seems restricted to **bib-*. This process is invoked to avoid the need to posit a change *-bu̯-* > *-βu̯-* > *-β̞u̯-* > *-u̯u̯-* > *-u̯-*: in Schumacher's view, the *lautgesetzlich* outcome would be OIr. *-β-* (and then the future would be † *bebaid*, not *bieid*), in the wake of [Uhlich, 1989]. Schumacher explains Brittonic **bāhe-* as the dereduplicated outcome of ICelt. **bi-bāso/e-*. By the same token, these forms may have emerged in analogy to the *b*-stem.

-*Vu̯V*-. Here, the secondary sequence -*bu̯V*- arose posterior to the shift -*bu̯V*- > -*bV*- in the *probus*-compounds.[58]

2.8. CCelt. /φ/ and the fate of CCelt. clusters of labial + /r/, /n/

Former approaches have failed to notice that the change just discussed looks strikingly similar to that of **kuφro-* > **kʊu̯ro-* > **kou̯ro-* > **koβro-* 'desire' or **suφno-* > **sʊu̯no-* > **sou̯no-* 'sleep'. All these developments can be subsumed under a single CCelt. rule **CuBR-* > **Cʊu̯R-*. For our present purposes, -*BR*- stands for at least five combinations of a labial consonant and a sonorant or approximant, in which the labial segment -*B*- is assimilated either to the preceding nucleus (-*φn*-, -*φr*-), or to the following approximant (-*φu̯*-, -*bu̯*-, -*mu̯*-).[59]

CCelt. /φ/ was not weakened if another vowel preceded it. A 3rd p. fut. preform **φi-φra-s-e-ti* resulted in OIr. *ebraid* 'will bestow,' through the stages **φiφra-* > **iβra-* > **eβra-*. For the evolution of IE **kap-ro-* 'goat' > CCelt. **kaφro-* > HCelt. **kaφuro-* > **kaβuro-* in the individual name CABVRVS, as opposed to -*βr*- in the other Celtic branches, cf. [Prósper, 2017]. Judging by the western place name BLETISAM(AM) (> present day *Ledesma* in Salamanca) vs. Celtib. *letaisama*,[60] the initial cluster #*φl*- was peripherally preserved in Hispania (though omission of /φ/ in Celtiberian may be merely graphic for all we know), but was eventually lost everywhere. This points to a fricative or approximant realisation [β] or [β̞] that was unstable in anlaut, where inherited /b/ was still a stop. If the sequence had been identified with L. #*fl*-, it would undoubtedly have been spelt <FL>.

2.9. By way of conclusion

2.9.1. We have focused on loss of IE /p/ between two syllable nuclei, the first of which is a [+high][+back] vowel /u/, as in **uφamo-* 'highest'. The last stages of this process were reached long after laryngeals were lost in the same context and the resulting structure had undergone hiatus-filling: -*u.HV*- > -*u.V*- > -*u.u̯V*-.

2.9.2. For several scholars, the assumption of a change -*uφV*- (> -*u.hV*- > -*u.V*-) > -*u.u̯V*- > -*u̯V*- is strongly compromised by the idea that -*u.HV*- > -*u.u̯V*- remained

[58] Jasanoff [1997, *181*, *fn. 20*, *182*], reconstructs a perfect **b^{h}eb^{h}uH-e* that passed to **b^{h}eu̯e* in Indo-European by way of sporadic dissimilation and gave CCelt. **bou̯e*. But the rule -*VbuV*- > -*Vu̯u̯V*- > -*Vu̯V*- need not be projected back to Indo-European. And, in spite of Jasanoff's careful argumentation, it cannot be gainsaid by compounds like OIr. *subae* 'well-being' (< **su-bu̯iio̯-*).

[59] Note that, if the system had a contrast between /u/ and /u:/, the short vowel would be phonetically a lax [ʊ] in most contexts (a fact we have ignored thus far for the sake of simplicity), and was consequently doomed to undergo dissimilatory lowering and merge with /o/ over time when tautosyllabic [u̯] (a context-bound outcome of /φ/) followed. Otherwise, the reconstructed intermediate stage **Cuu̯R-* would have become **Cu:R-*. In other words, when we describe the first stages of the evolution of this sequence, we may formalise it in phonemic terms as /uu̯/, but assume that it was probably realised as [ʊu̯] from the beginning (and probably also before /φ/ became an approximant in this context).

[60] Both forms go back to a superlative form **φletisamā* (< **pleth$_2$-*) 'broadest.'

disyllabic. In other words, it is difficult to understand why the sequence *-uφV-* passed through a stage *-u.u̯V-* before it was eventually reduced to *-u̯V-*, if we assume that the preexistent sequence *-u.u̯V-* did not. As we have seen, however, the universal preservation of CCelt. *-u.u̯V-* may be fictitious: some of the putative examples are inherently unsuitable candidates to loss of syllabicity due to the complex structure of their onset and/or the existence of a morpheme boundary, and others may continue full grades and consequently do not even qualify as examples. If, on the other hand, a CCelt. change *-u.HV-* > *-u.u̯V-* > *-o.u̯V-* were accepted, its outcome would be irrelevant for any processes affecting new cases of *-u.u̯V-* of whatever origin. Both motivation and reliable evidence for such an early dissimilatory change are lacking, however.

2.9.3. We may assume that **Cu.HV-* or **Cu.u̯V-* (e.g. in Lindeman's variants) actually became **Cu̯V-* at least in forms containing word-initial stops. This is most likely to have occurred in the case of **b*ʰ*u.HV-* > **bu.V-* > **bu.u̯V-* > **bu̯V-* > ICelt. **bV-*. A sequence **bu̯V-* resulting from laryngeal loss in *probus*-compounds was simplified to **bV-* prior to the above evolution (conceivably at a primitive stage common to Celtic and Italic at least).

2.9.4. A categorical reduction *-u.φV-* > *-u̯V-* is inherently less likely than a many-stage phonetic evolution, however fast it came to an end. The descriptive formulation "/φ/ > ø" is what phonologists call "rule telescoping," which disregards the step-by-step phonetic evolution of the sequence at issue. For this specific context, we may reckon with a leniting process *-u.φV-* > *-u.hV-* > *-u.V-*, eventually > *-u.u̯V-* (by epenthesis) or > *-u̯V-* (by glide formation). This would not significantly differ from the usual evolution of /φ/ in onsets. Alternatively, we may follow another path to arrive at the same outcome, which illustrates the *alternative* leniting process: *-u.φV-* > *-u.β̞V-* (containing a voiced bilabial approximant) > *-u.u̯V-*.[61] At any rate, word-initial *#u.V-* or *#u.u̯V-* would be especially prone to reduction, considering that the preceding word would often terminate in a vowel or diphthong. Apart from this particular context, for all we know, /φ/ may have evolved into [h] exclusively in onsets, specifically in word-initial and intervocalic position. This process may have started in the sequence [φu] for auditory reasons according to [Foulkes, 1997].

2.9.5. The evidence for the preservation a disyllabic sequence *-u.φV-* or *-u.u̯V-* (from **-upV-*) in Lepontic or elsewhere is inconclusive. But it must be noted that if an intervocalic realisation [φ] survived at such a late date, it is surprising that its evolution in the separate dialects is so similar.[62]

---

[61] According to [Bybee & Easterday, 2019, *270*], "sonorization increases the vowel-like properties of a consonant, including both voicing and a decrease in the degree of constriction in the oral cavity, as in the sequence: p > b > w".

[62] In Japanese, /p/ becomes /φ/ and then is further weakened to a voiced velar approximant merging with /u̯/ ([ɯ̞]) in intervocalic position, but lost elsewhere in contact with /u/. Takayama [2015, *639–641*] notes that longer preservation in initial position, where /φ/ eventually becomes /h/, may have served a demarcative function. In fact, spontaneous, non-contrastive laryngeal epenthesis has been associated with prosodic domains [see Blevins, 2008, *83*].

2.9.6. The change *-u.φV-* > *-u̯V-* was in any event completed *only* after CCelt. /ku̯/ or /kᵘ/ became /p/ in several Celtic dialects. Otherwise, nothing would have prevented IE *(-)*kupV-* from becoming *(-)*pV-*, which is definitely belied by ROQVETIO. After **ku.φV-* became **ku̯V-* or **kᵘV-*, a new labiovelar phoneme /kᵘ/ or a new cluster /ku̯/ arose, which seems to have been regularly rendered <QV> in Gaulish. It necessarily follows that Gaul. BVETI(D) was disyllabic. Forms containing <QV> are either foreign names, incorporated into the Gaulish language as it spread to formerly non-Celtic territories, or patrimonial forms going back to *(-)*kuφV-*.

2.9.7. The predictable objection that <QV>, <CV> and <COV> are alternative outcomes or spellings of a single original sequence **ke/ou̯(p)-*, and that ROQVETIO goes back to a Celtic agent noun **φro-kou̯φet-*, is most uncompelling in the present state of our knowledge. CCelt. **kou̯-* is likely to have been preserved in Gaulish, as transpires from VERCOVIO[NIS] (Noricum, if from **uφer-kou̯φ-(i)i̯o-*), COVIOMARVS (Pannonia), etc. Untermann [1961, *153*] additionally mentions a Venetic name *kove.ṭ.ko.s*, attested on a rock inscription, for which he reconstructs a personal name **kou̯et(-i)-*. If correctly read, this form could reflect an agentive form **keu̯φ-et-* 'raging'. Note that, since loss of syllabicity in *-(i)i̯o-* may have been considerably early, an agent noun **kuφ-(i)i̯ó-* or a possessive adjective **kuφi-(i̯)ó-* would be expected to come out as **kou̯.i̯o-* and eventually **kou̯i̯o-* (see below).

The few surviving instances of <CV> are probably due either to the existence of a compound boundary *-ku-u̯V-* (VCVETE, VCVETIN) or to secondary, probably monoglottic derivation from nominative forms in *-ū* (→ *-uu̯-ā* in Lep. *atekua*, ATECVA and → *-uu̯-alo-* in Lep. *kualui*). Judging by the Celtic fate of IE **bʰuHV-*, the IE sequences **ku.HV-*, **ku.u̯V-* may have become CCelt. **ku̯V-*.

2.9.8. When /φ/ precedes a consonant:

a) /φ/ becomes [χ] in coda position whenever an obstruent immediately follows (conspicuously the dento-alveolars /t/ and /s/). The outcome merges with that of all labials and (labio)-velars. This change is partly shared by Italic.

b) /φ/ is regressively assimilated to a preceding [+back][+high] vowel if a sonorant /n/, /r/ or /u̯/, *ex hypothesi* also /l/, /m/, /i̯/, immediately follows. The resulting [u̯] forms a falling diphthong with the preceding lax vowel, which is eventually lowered and phonemicised as /o/. In this way, an optimal diphthong is obtained that merges with CCelt. /ou̯/. A realisation [φ] is apparently preserved longer and voiced if vowels other than /u/ precede it (see above on **kaφro-* 'goat'). Any dialectal differences based on shift in the syllable boundaries are difficult to track down, but may be occasionally deduced from the divergent outcomes, as in Celtib. **kou̯ro-* vs. **koβro-* in Gaulish and Insular Celtic.

AE — Cagnat, R. et al. (Eds.). (1888–). *L'Année Epigraphique*. Paris: Presses Universitaires de France.

Antonaccio, C. M. (1999). *Kupara*, a Sikel Nymph? *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, *126*, 177–185.

Antonaccio, C. M., & Neils, J. (1995). A New Graffito from Archaic Morgantina. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, *105*, 261–277.

Aski, J. M. (2001). Multivariable Reanalysis and Phonological Split. In L. J. Brinton (Ed.), *Historical Linguistics 1999. Selected Papers from the 14th International Conference on Historical Linguistics, Vancouver, 9–13 August 1999* (pp. 31–47). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Bateman, N. (2011). On the Typology of Palatalization. *Language and Linguistics Compass*, *5*, 588–602. https://doi.org/10.1111/j.1749-818X.2011.00294.x

Blevins, J. (2008). Consonant Epenthesis: Natural and Unnatural Histories. In J. Good (Ed.), *Linguistic Universals and Language Change* (pp. 79–107). Oxford: OUP.

Borréani, M., & Gascou, J. (1998). Le dieu *Roquetius* d'après trois inscriptions de Cabasse (Var). *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, *121*, 297–299.

Bosch, E. (1967). *Quellen zur Geschichte der Stadt Ankara im Altertum*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Yayınlarından.

Burnand, Y., & Lambert, P.-Y. (2004). Découvertes récentes d'une inscription gallo-latine sur pierre à Nasium — Naix-aux-Forges (Meuse). *Comptes-rendus des Séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 148e année, 2, 683–690.

Bybee, J., & Easterday, Sh. (2019). Consonant Strengthening: A Crosslinguistic Survey and Articulatory Proposal. *Linguistic Typology*, *23*, 263–302. https://doi.org/10.1515/lingty-2019-0015

CAG — *Carte Archéologique de la Gaule.* 03: *L'Allier*, 1989; 13-02: *Les Alpilles et la Montagnette*, 1999; 80-01: *Amiens*, 2009. Paris: Académie des Inscriptions et Belles Lettres.

Calderini, A. (2001). *Cupra*. Un dossier per l'identificazione. *Evtopia*, *1*, 45–129.

Casali, R. F. (2011). Hiatus Resolution. In M. Van Oostendorp, C. J. Ewen, E. Hume, & K. Rice (Eds.), *The Blackwell Companion to Phonology* (Vol. 3, pp. 1–27). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons. https://doi.org/10.1002/9781444335262.wbctp0061

Chase, G. D. (1897). The Origin of Roman Praenomina. *Harvard Studies in Classical Philology*, *8*, 103–184.

CIL — Mommsen, Th. et al. (Eds.). (1862–). *Corpus Inscriptionum Latinarum*. Berlin: Walter de Gruyter.

CILCaceres-4 — Esteban Ortega, J. (Ed.). (2017). *Corpus de inscripciones latinas de Cáceres. IV. Caurium*. Cáceres: Ediciones Universidad de Extremadura.

Cotugno, F. (2015). I *longa* in iato nel *Corpus Vindolandense*. *Studi e Saggi Linguistici*, *53*, 189–206.

Cowgill, W. (1985). PIE **duo* "2" in Germanic and Celtic, and the Nom.-Acc. Dual of Non-neuter *o*-Stems. *Münchener Studien zur Sprachwissenschaft*, 46, 13–28.

Cser, A. (2020). The Phonology of Classical Latin. *Transactions of the Philological Society*, *118*, 1–218. https://doi.org/10.1111/1467-968X.12184

De Bernardo Stempel, P. (1999). *Nominale Wortbildung des älteren Irischen*. Tübingen: Niemeyer.

Delamarre, X. (2004). Gallo-Brittonica: transports, richesse et générosité chez les Anciens Celtes. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, *54*, 121–132. https://doi.org/10.1515/ZCPH.2005.121

Delamarre, X. (2007). *Noms de personnes celtiques dans l'épigraphie classique*. Paris: Errance.

Devine, A. M., & Stephens, L. D. (1994). *The Prosody of Greek Speech*. New York; Oxford: OUP.

DLG — Delamarre, X. (2003). *Dictionnaire de la langue gauloise*. Paris: Errance.

Dressler, W. (1967). Galatisches. In W. Meid (Ed.) *Beitrage zur Indogermanistik und Keltologie Julius Pokorny zum 80. Geburtstag gewidmet* (pp. 147–154). Innsbruck: Sprachwissenschaftliches Institut der Universität Innsbruck.

EDBIL — Derksen, R. (2015). *Etymological Dictionary of the Baltic Inherited Lexicon*. Leiden: Brill.

EDLIL — De Vaan, M. (2008). *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden: Brill.

EDPC — Matasović, R. (2009). *Etymological Dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill.

ERL — Rabanal Alonso, M. A., & García Martínez, S. M. (2001). *Epigrafía romana de la provincia de León: revisión y actualización*. León: Universidad de León.

Ernout, A. (1971). *Notes de philologie latine*. Genève, Paris: Droz.

ERPS — Hernández Guerra, L. (2008). *Epigrafía romana de la provincia de Salamanca*. Valladolid: Ediciones Universidad de Valladolid.

ERS — Santos Yanguas, J., Hoces de La Guardia, A. L., & Del Hoyo, J. (2005). *Epigrafía romana de Segovia y su provincia.* Segovia: Caja de Ahorros y Monte de Piedad de Segovia.

Eska, J. F. (2013). In Defense of Celtic /φ/. In A. I. Cooper, J. Rau, & M. Weiss (Eds.), *Multi Nominis Grammaticus. Studies in Classical and Indo-European Linguistics in Honor of Alan J. Nussbaum on the Occasion of his Sixty-fifth Birthday* (pp. 32–43). Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.

Foulkes, P. (1997). Historical Laboratory Phonology — /p/ > /f/ > /h/ Changes. *Language and Speech*, *40*, 249–276. https://doi.org/10.1177/002383099704000303

Gamallo Barranco, J. L., & Gimeno Pascual, H. (1990). Inscripciones del Norte y Sudoeste de la provincia de Cáceres: revisión y nuevas aportaciones. *Cuadernos de Prehistoria y Arqueología de la Universidad Autónoma de Madrid*, *17*, 277–306.

Geogr. Rav., 2012 — Schnetz, J., & Zumschlinge, M. (2012). *Itineraria Romana. Vol. 2: Ravennatis Anonymi cosmographia et Guidonis geographica*. Berlin, Boston: B. G. Teubner.

Gotō, T. (2013). *Old Indo-Aryan Morphology and its Indo-Iranian Background*. Vienna: Österreichische Akademie der Wissenschaften.

GPN — Evans, D. E. (1967). *Gaulish Personal Names*. Oxford: Clarendon Press.

Guyonvarc'h, Ch.-J. (1964). Le nom des *Quariates.* Notes d'étymologie gauloises et celtiques, 20. *Ogam*, *16*, 428–429.

Hackstein, O. (2002). Uridg. *CH.CC > *C.CC. *Historische Sprachforschung*, *115*, 1–22.

Haverfield, F. (1890). *Roman Inscriptions in Britain, 1888–90*. Exeter: William Pollard & Co.

Hourcade, D., & Maurin, L. (2013). Mars Grannus à *Cassinomagus* (Chassenon, Charente). *Aquitania*, *29*, 137–153.

ILLPRON — Hainzmann, M., & Schubert, P. (1986). *Inscriptionum Lapidarium Latinarum Provinciae Norici usque ad annum MCMLXXXIV repertarum indices*. Berlin: De Gruyter.

ILN — Gascou, J. (1985). *Inscriptions latines de Narbonnaise. Vol. 1: Fréjus*. Paris: C.N.R.S.

Isaac, G. (2007). *Studies in Celtic Sound Changes and their Chronology*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.

Jackson, K. (1953/1994). *Language and History in Early Britain*. Dublin: Four Courts Press.

Janssen, H.-H. (1956). Qu et gu en latin. In *Hommages à Max Niedermann* (pp. 184–190). Brussels: Berchem.

Jasanoff, J. (1997). Where Does Skr. *bhávati* Come from? In D. Disterheft, J. Puhvel, J. Greppin, M. Huld, & E. Polomé (Eds.), *Studies in Honor of Jaan Puhvel. Part One: Ancient Languages and Philology* (pp. 173–186). Washington, DC: Institute for the Study of Man.

Jordán Cólera, C. (2010). [K.14.1]: Una nota de epigrafía paleohispánica. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, *172*, 155–158.

KGP — Schmidt, K.-H. (1957). *Die Komposition in Gallischen Personennamen*. Tübingen: Niemeyer.

Kölligan, D. (2014). O sufixo latino *-dō* e grego -δών: Origem e desenvolvimento. In M. Viaro (Ed.), *Morfologia histórica* (pp. 154–189). São Paulo: Cortez Editora.

Kulikov, L. I. (2000). Vedic Causative Nasal Presents and their Thematicization: A Functional Approach. In J. Ch. Smith, & D. Bentley (Eds.), *Historical Linguistics 1995. Selected Papers from the 12th International Conference on Historical Linguistics, Manchester, August 1995. Vol. 1: General Issues and Non-Germanic Languages* (pp. 191–210). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Lejeune, M. (1971). Lepontica. *Études Celtiques*, *12*, 357–500.

Lejeune, M., Fleuriot, L., Lambert, P.-Y., Marichal, R., & Vernhet, A. (1985). *Le plomb magique du Larzac et les sorcières gauloises*. Paris: C.N.R.S.

Lindeman, F. O. (2006). Gaulish *Ambiorix*. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, *55*, 50–55.

Lindsay, W. M. (Ed.). (1913). *Sexti Pompei Festi De verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitome*. Leipzig: Teubner.

Lipp, R. (2009). *Die indogermanischen und einzelsprachlichen Palatale im Indoiranischen. Band 1 : Neurekonstruktion, Nuristan-Sprachen, Genese der indoarischen Retroflexe, Indoarisch von Mitanni*. Heidelberg: Winter.

LIV — Rix, H. et al. (2001). *Lexicon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstammbildungen*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.

LRP — Prósper, B. M. (2002). *Lenguas y religiones prerromanas del Occidente de la Península Ibérica*. Salamanca: EUSAL.

Malzahn, M. (2011). Back to the Fields and to the Woods: Old Irish *íath* 'Land, Field' and *fíad* 'Wild; Deer; Uncultivated Land' Revisited. *Journal of Indo-European Studies*, *39*, 116–128.

McCone, K. (1991). *The Indo-European Origins of the Old Irish nasal Presents, Subjunctives and Futures*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.

McCone, K. (1996). *Towards a Relative Chronology of Ancient and Medieval Celtic Sound Change*. Maynooth: National University of Ireland.

Mees, B. (2008). Case and Genre in Gaulish: from Mont Auxois to the Pont d'Ancy. *Journal of Celtic Linguistics*, *12*, 121–138.

Meiser, G. (2003). *Veni, vidi, vici. Die Vorgeschichte des Lateinischen Perfektsystems*. Munich: C. H. Beck.

Meißner, T. (2010). *Bratonio gratias*: Bemerkungen zur festlandkeltischen Onomastik und Phraseologie. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, *57*, 97–106.

Melchert, H. C. (1997). Traces of a PIE Aspectual Contrast in Anatolian? *Incontri Linguistici*, *20*, 83–92.

MLH-1 — Untermann, J. (1975). *Monumenta Linguarum Hispanicarum*. *Vol. 1: Die Münzlegenden*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.

MLH-4 — Untermann, J. (1997). *Monumenta Linguarum Hispanicarum. Vol. 4: Die tartessischen, kelt-iberischen und lusitanischen Inschriften*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.

MLH-5 — Wodtko, D. S. (1999). *Monumenta Linguarum Hispanicarum. Vol. 5: Wörterbuch der kelt-iberischen Inschriften*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.

Neu, E. (1995). Zur Herkunft des Inselnamens Kypros. *Glotta*, *73*, 1–7.

Nussbaum, A. J. (1999). **Jocidus*: An Account of the Latin Adjectives in *-idus*. In H. Eichner, & H.-Ch. Luschützky (Eds.), *Compositiones Indogermanicae. In memoriam Jochem Schindler* (pp. 377–419). Prague: Enigma Corporation.

Nussbaum, A. J. (2004a). A *-t-* Party: Various IE Nominal Stems in **-(o/e)t-*. Talk held at the *16th Annual UCLA Indo-European Conference*, November 2004 (unpublished manuscript).

Nussbaum, A. J. (2004b). Cool **-ēd-*: The Latin *frīgēdō* and Greek ἀλγηδών, τηκεδών, and ῥῑγεδανός Types. Talk held at the *23rd East Coast Indo-European Conference*, Virginia Polytechnic and State University, 24–27 May 2004 (unpublished manuscript).

Olcoz Yanguas, S., & Medrano Marqués, M. M. (2008). Revisión paleográfica de las inscripciones celtibéricas en signario paleohispánico alfabetizado. *Espacio, Tiempo y Forma*, *Serie 2*, 105–122.

Pinault, G.-J. (1980). Instrumental et adverbe prédicatif (en marge de «Genetiv und Adjektiv»). *LALIES*, *1*, 31–33.

Pinault, G.-J. (1996). [Review of *The Gaulish Calendar* by G. Olmsted]. *Gnomon*, *68*, 706–710.

Prósper, B. M. (2012). The Hispano-Celtic Divinity *Ilurbeda*, Gold Mining in Western Hispania and the Syntactic Context of Celtiberian *arkatobezom* "Silver Mine". *Die Sprache*, *49*, 53–83.

Prósper, B. M. (2014a). Some Notes on the Structure and Meaning of the Bronze 'Res'. *Keltische Forschungen*, *6*, 157–164.

Prósper, B. M. (2014b). Time for Celtiberian Dialectology: Celtiberian Syllabic Structure and the Bronze Tablet from Torrijo del Campo (Teruel). *Keltische Forschungen*, *6*, 115–155.

Prósper, B. M. (2015). Celtic and non-Celtic Divinities from Ancient Hispania: Power, Daylight, Fertility, Water Spirits and What they Can Tell us about Indo-European Morphology. *The Journal of Indo-European Studies*, *43*, 1–56.

Prósper, B. M. (2016). *The Indo-European Names of Central Hispania. A Study in Continental Celtic and Latin Word Formation*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.

Prósper, B. M. (2017). Linguistic Observations on Two Divinities of the Celtic Cantabri: ERVDINO, Divinity of the Yearly Cycle. CABVNIAEGINO, the Celtic Fate of IE **kHp-* and the Gaulish Spindle Whorl from Saint Réverien. In R. Häussler, & A. King (Eds.), *Celtic Religions in the Roman Period. Personal, Local and Global* (pp. 207–228). Aberystwyth: Celtic Studies Publications.

Prósper, B. M. (2019a). Celtic and Venetic in Contact: The Dialectal Attribution of the Personal Names in the Venetic Record. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, *66*, 131–176.

Prósper, B. M. (2019b). Language Change at the Crossroads: what Celtic, what Venetic, and what Else in the Personal Names of Emona? *Voprosy Onomastiki*, *16*(4), 33–73. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2019.16.4.044

Prósper, B. M. (forthc.). Mars Veneticus and the '*palma*-Rule'. In F. Chiusaroli (Ed.), *Miscellanea di studi in onore di Diego Poli*. Rome: Il Calamo.

Recasens, D. (2014). *Coarticulation and Sound Change in Romance*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Renou, L. (1997). Les éléments védiques dans le vocabulaire du sanskrit classique. In N. Balbir, & G.-J. Pinault (Eds.), *Choix d'études indiennes* (pp. 157–240). Paris: École Française d'Extrême Orient.

RIB-1 — Collingwood, R. G., & Wright, R. P. (1965). *The Roman Inscriptions of Britain*, *I*, *Inscriptions on Stone*. Oxford: Clarendon Press.

RIB-3 —Tomlin, R. S. O., Wright, R. P., & Hassall, M. W. C. (2009). *The Roman Inscriptions of Britain*, *III*, *Inscriptions on Stone*. Oxford: Clarendon Press.

RIG-2/1 — Lejeune, M. (1988). *Textes gallo-étrusques. Textes gallo-latins sur pierre*. Paris: C.N.R.S.

RIG-3 — Duval, P. M., & Pinault, G. J. (1986). *Recueil des inscriptions gauloises. Tome 3: Les Calendriers (Coligny, Villards d'Heria)*. Paris: C.N.R.S.

Rix, H. (2000). Oskisch *brateis bratom*, Lateinisch *grates*. In A. Hintze, & E. Tichy (Eds.), *Anusantatyai. Festschrift für Johanna Narten zum 70. Geburtstag* (pp. 207–229). Dettelbach: Röll.

Rocca, G. (1996). *Iscrizioni umbre minori*. Florence: Olschki.

Rubat Borel, F. (2005). Lingue e scritture delle alpi occidentali prima della romanizzazione. Stato della questione e nuove ricerche. *Bulletin d'Études Préhistoriques et Archéologiques Alpines*, *16*, 9–50.

Sasseville, D. (2020). *Anatolian Verbal Stem Formation*. Leiden: Brill.

Scarlata, S. (1999). *Die Wurzelkomposita im ṚgVeda*. Wiesbaden: Ludwig Reichert Verlag.

Schmidt, K. H. (1986). Keltiberisch *Tocoitos/Tocoitei* und gallisch *Ucuete/Ucuetin*. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, *41*, 1–4.

Schmidt, K. H. (1991). [Review of *Textes gallo-étrusques. Textes gallo-latins sur pierre*, *Recueil des inscriptions gauloises* by P.-M. Duval]. *Indogermanische Forschungen*, *96*, 362–365.

Schrijver, P. (1995). *Studies in British Celtic Historical Phonology*. Amsterdam: Rodopi.

Schrijver, P. (1998). The British word for 'fox' and its Indo-European origin. *Journal of Indo-European Studies*, *26*(3-4), 421–434.

Schumacher, S. (2004). *Die keltischen Primärverben. Ein vergleichendes, etymologisches und morphologisches Lexikon*. Innsbruck: Innsbrücker Beiträge zur Sprachwissenschaft.

Seebold, E. (1970). *Vergleichendes und etymologisches Wörterbuch der germanischen starken Verben*. The Hague: Mouton.

ST — Rix, H. (2002). *Sabellische Texte. Die Texte des Oskischen, Umbrischen und Südpikenischen*. Heidelberg: Carl Winter Verlag.

Stifter, D. (2003). [Review of *Kelten. Celts. Bilder ihrer Kultur. Images of their Culture* by H. Birkhan]. *Die Sprache*, *43*, 237–243.

Szemerényi, O. (1974). A Gaulish Dedicatory Formula. *Kuhn's Zeitschrift für Vergleichende Sprachwissenschaft*, *88*, 246–286.

Takayama, T. (2015). Historical Phonology. In H. Kubozono (Ed.), *Handbook of Japanese Phonetics and Phonology* (pp. 621–650). Berlin: De Gruyter. https://doi.org/10.1515/9781614511984.621

Thurneysen, R. (1923). Irisches und Gallisches. *Zeitschrift für Celtische Philologie*, *14*, 1–12.

Uhlich, J. (1989). *DOV(A)-* and Lenited *-B-* in Ogam. *Ériu*, *40*, 129–133.

Uhlich, J. (1995). On the Fate of Intervocalic *-*u̯*- in Old Irish, Especially between Neutral Vowels. *Ériu*, *46*, 11–48.
Untermann, J. (1961). *Die venetischen Personennamen*. Wiesbaden: Harrassowitz.
Untermann, J. (1995). Die vorrömischen Personennamen der Randzonen des alten Italien. *Namenforschung / Name Studies / Les noms propres*, *1*, 732–738. https://doi.org/10.1515/9783110114263.1.8.732
Velaza, J. (2008). La onomástica personal en la epigrafía romana de la Meseta Meridional: una aproximación. In G. Carrasco Serrano (Ed.), *La romanización en el territorio de Castilla-La Mancha* (pp. 367–383). Ciudad Real: Ediciones Universidad de Castilla-La Mancha.
Vendryes, J. (1922). *Sur quelques formations de mots latins. I. Les substantifs masculins en -a. II. Quelques dérivés de thème en -u- (-tu-)*. *Mémoires de la Société de Linguistique*, *22*, 97–106.
Vijūnas, A. (2009). *The Indo-European Primary T-Stems*. Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.
Vind. Tab. — Bowman, A. K., & Thomas, J. D. (1994–). *The Vindolanda Writing-tablets (Tabulae Vindolandenses)*. London: British Museum Press.
Vine, B. (2006). On Thurneysen-Havet's Law in Latin and Italic. *Historische Sprachforschung*, *119*, 211–249.
Vitali, D., & Kaenel, G. (2000). Un Helvète chez les Étrusques vers 300 av. J.-C. *Archäologie der Schweiz*, *23*, 115–122.
Watkins, C. (1994). Varia II. 1. Irish *milchobur*. 2. Old Irish *antar*. In L. Oliver (Ed.), *Calvert Watkins. Selected Studies* (Vol. 1, pp. 92–96). Innsbruck: Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft.
Weiss, M. (2020). *An Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor; New York: Beech Stave Press.
Widmer, P. (2005). Der altindische *vrkī́*-Typus und hethitisch *nakki*-: Der indogermanische Instrumental zwischen Syntax und Morphologie. *Die Sprache*, *45*, 190–208.
WOU — Untermann, J. (2000). *Wörterbuch des Oskisch-Umbrischen*. Heidelberg: Carl Winter Verlag.
Zair, N. (2012). *The Reflexes of the Proto-Indo-European Laryngeals in Celtic*. Leiden: Brill.

Received on 18 November 2021

ABBREVIATIONS

Languages

Av.	Avestan	IE	Indo-European	OHG.	Old High German
CCelt.	Common Celtic	L.	Latin	OIc.	Old Icelandic
Celtib.	Celtiberian	Lep.	Lepontic	OIr.	Old Irish
Fr.	French	Lith.	Lithuanian	OW.	Old Welsh
Gaul.	Gaulish	MIr.	Middle Irish	PCelt.	Proto Celtic
Gk.	Greek	MW.	Middle Welsh	PGerm.	Proto-Germanic
Goth.	Gothic	O.	Oscan	PIE	Proto-Indo-European
HCelt.	Hispano-Celtic	OBret.	Old Breton	Skt.	Sanskrit
Hitt.	Hittite	OCS.	Old Church Slavic	Sp.	Spanish
ICelt.	Insular Celtic	OE.	Old English	U.	Umbrian

Other abbreviations

abl.	ablative	m.	masculine	pl.	plural
acc.	accusative	n.	neuter	pret.	preterite
dat.	dative	nom.	nominative	sg.	singular
f.	feminine	p.	person	subj.	subjunctive
fut.	future	part.	participle		
gen.	genitive	perf.	perfect		

* * *

Prósper, Blanca María
PhD, Professor
Department of Indo-European
and Classical Philology
University of Salamanca
Plaza de Anaya S/N,
37008 Salamanca, Spain
Email: indoling@usal.es
https://orcid.org/0000-0002-7888-4817

Проспер, Бланка Мария
PhD, профессор кафедры
индоевропейской и классической филологии
Университет Саламанки
Plaza de Anaya S/N,
37008 Salamanca, España
E-mail: indoling@usal.es

Medrano Duque, Marcos
Graduate Student
Department of Indo-European and Classical
Philology
University of Salamanca
Plaza de Anaya S/N,
37008 Salamanca, Spain
Email: marcos97md@usal.es
https://orcid.org/0000-0002-5320-8150

Медрано Дуке, Маркос
аспирант кафедры индоевропейской
и классической филологии
Университет Саламанки
Plaza de Anaya S/N,
37008 Salamanca, España
E-mail: marcos97md@usal.es

Бланка Мария Проспер
Маркос Медрано Дуке
Университет Саламанки
Саламанка, Испания

ДРЕВНИЕ ГАЛЛЬСКИЕ И БРИТАНСКИЕ БОЖЕСТВА: К РЕКОНСТРУКЦИИ КЕЛЬТСКОЙ ФОНОЛОГИИ И МОРФОЛОГИИ

Лингвистический анализ имен кельтских божеств, отмеченных в латинских надписях, давно доказал свою продуктивность при изучении древней религии кельтов, отношений местных племен с Римом, распространения автохтонных и синкретических культов. Мелкие божества почитались лишь на ограниченных территориях, но, даже несмотря на это, их культам удавалось частично интегрироваться в религиозную систему Римской империи: прежде чем навсегда исчезнуть, мелкие божества получали место среди высших божеств, и, вероятно, число их должно было быть существенно бóльшим, чем количество имен, нашедшее отражение в источниках. Что особенно важно, изучение имен этих божеств дает бесценные сведения о ранних этапах развития кельтской фонологии и морфологии, а также позволяет пролить свет на недостаточно хорошо известные аспекты эволюции континентальных и островных кельтских языков и их связь с латинским языком. В настоящей статье авторы исследуют имена кельтских божеств из Британии (MEDOCIO, ARNOMECIE, BRACIACAE, ARCIACONI) и Галлии (MEDVTONI, COBRANDIAE, CENTONDI, ROQVETIO, SINQVATI), которые до сего момента не получили удовлетворительной интерпретации. В статье предпринимается попытка использовать этот ономастический материал для решения

задач индоевропейской реконструкции, понимания культурных связей древних народов, древней религии (с особым вниманием к взаимодействию основных римских божеств и мелких божеств кельтского пантеона), латинской и кельтской фонетики и морфологии, языковых контактов, включая вопросы распространения и адаптации латинского алфавита для записи текстов на автохтонных кельтских языках, а также для записи иностранных (кельтских) имен в латинской эпиграфике.

Ключевые слова: кельтские языки; галльская религия; кельтская фонология; индоевропейская ономастика; индоевропейское словообразование; латинская эпиграфика; латинский алфавит; кельтская теонимия

Рукопись поступила в редакцию 18.11.2021

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.016
УДК 811.512.122’373.231 + 81’44 +
+ 81’367.625

З. К. Темиргазина*
Р. О. Асельдерова**
* Павлодарский педагогический университет
Павлодар, Казахстан
** Дагестанский государственный
педагогический университет
Махачкала, Россия

СЛОЖНЫЕ КАЗАХСКИЕ АНТРОПОНИМЫ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ: ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

В статье рассматривается семантика казахских антропонимов двусоставной структуры Subst + Verb. Наличие глагола в сложном антропониме придает ему пропозициональный характер, поскольку в композите сохраняются синтаксические отношения, восходящие к исходному (мотивирующему) предложению. Так, существительные как первый компонент в сложном антропониме сохраняют синтаксическую семантику актанта — субъекта или объекта. В соответствии с концепцией Д. Ермоловича интродуктивной пропозицией каждого антропонима является ситуация «родился ребенок», которая выражается имплицитно. В зависимости от специфики пропозициональной структуры антропонимов с глагольным компонентом и культурных особенностей мотивов имянаречения выделяется несколько групп: мужские имена с темпоральным значением, мужские имена с глагольным компонентом *беру*, имена-пожелания и мужские имена-обереги. В первой группе имен две событийные пропозиции связаны темпоральными логическими отношениями. В микросинтаксисе имен с глаголом *беру* в функции субъекта употребляются названия высших сакральных сил, которые, согласно языческим представлениям казахов, одаривают родителей рождением младенца мужского пола — продолжателя родовых традиций, защитника семьи и рода. Основным мотивом имянаречения в именах-пожеланиях с глаголом *болу* также выступает идея

© Темиргазина З. К., Асельдерова Р. О., 2022

предпочтительности и благословенности рождения мальчиков. Эта идея также является мотивом имянаречения девочек, в именах которых интенция пожелания может осложняться интенцией запрета. Охранная функция казахских имен особо важна для мужских антропонимов, поскольку традиционно считается, что мальчики более подвержены воздействию злых сил, сглазу. В именах-оберегах эксплицируется событийная пропозиция негативного характера, предназначенная для «отвращения» злых духов. Имплицитная интродуктивная пропозиция в зависимости от гендерной принадлежности объекта именования содержит разную оценку: рождение мальчика одобряется социально-культурными нормами, рождение девочки одобряется в меньшей степени. Исследование семантики казахских двусоставных антропонимов-композитов с глагольным компонентом показывает ее пропозициональный характер, в котором отражается микросинтаксис глагольного предиката и именных актантов, мотивированность культурными традициями казахского имянаречения.

Ключевые слова: казахский язык; антропонимия; двусоставный композит с глагольным компонентом; пропозиция; пропозициональная структура; имена-пожелания; имена-обереги

Введение

Интерес исследователей к именам собственным обусловлен их спецификой как слов, функционирующих по законам языка, но представляющих интерес и в других аспектах, кроме собственно лингвистического: в историческом, этнографическом, социокультурном и т. п. История происхождения казахских антропонимов непосредственно связана с кочевым укладом жизни этого народа, геоклиматическими условиями местности, которую он населяет (временами года, погодой, ландшафтом), его мировоззрением, обычаями, духовными традициями. «Основной состав казахской антропонимии в большей или меньшей степени отражает культурно-историческую жизнь народа, начиная с древнейших времен и до наших дней» [Джанузаков, 1991, *6*]. В казахстанской ономастике достаточно хорошо изучена история развития антропонимии начиная с памятников тюркской письменности; рассмотрена этимология казахских имен и выделены тематические группы апеллятивов, от которых образованы казахские имена: это названия животных, растений, оружия, предметов, одежды и др. [Джанузаков, 1982; 1991; Махпиров, 1997; Оспан, 2019].

Для семантики имен собственных характерна суггестивность, иначе говоря, в ней накоплены различного рода коннотации, дополнительные смыслы, связанные с культурно-национальными стереотипами и эталонами. «В этом плане представляет особый интерес изучение антропонимиконов тюркоязычных народов, система личных имен которых в процессе исторического прогресса не подвергалась фронтальному изменению под влиянием историко-культурных, социальных факторов, а сохранила древние традиции имянаречения» [Галиуллина, 2009, *3–4*]. У. А. Мусабекова, сопоставляя русскую и казахскую антропонимию,

отмечает: «Казахская антропонимическая система <…> испытывала влияние ислама, однако такой жесткой регламентации, как это наблюдалось в русской антропонимии, процесс именования в казахском языке не подвергался. Отсутствовало вплоть до 1917 г. и давление государства. В силу этих обстоятельств развитие казахской антропонимии шло в соответствии с тенденциями, наметившимися еще на ранних этапах развития языка, к которым относится тесная связь антропонимов и апеллятивных основ, четко выраженная и ясно ощущаемая мотивированность антропонимов, преобладание внутренней мотивации, наличие большого количества мотивов именования» [Мусабекова, 1996]. По мнению этнографа С. Х. Шалгинбаевой, в современном казахстанском обществе к наиболее «жизнеспособным» этническим традициям относится имянаречение — *ат қою* [Шалгинбаева, 2002, *13*].

О семантике имен собственных в ономастике высказываются противоречивые точки зрения, которые колеблются от отрицания их семантического содержания [Реформатский, 1964; Суперанская, 1973; и др.] до его признания [Никонов, 1974; Гак, 1990; и др.]. «Собственные имена образуют в языке особую подсистему, в которой и общеязыковые законы преломляются специфически», — отмечает В. А. Никонов [1974, *6*]. Для определения специфики значения собственных имен важно рассматривать их в соотношении с именами нарицательными, которые обладают классическим лексическим значением. «Каждое имя связано с родовым определяемым (ср. *город*, *река* и т. д.), без связи с понятием которого оно не может функционировать в речи. У нарицательного связь с этим понятием непосредственна, у имени собственного опосредована через вещь. В способности осуществлять и передавать эту связь — основное значение любого слова, в том числе имени собственного» [Горбаневский, 1983, *70*].

Д. И. Ермолович, признавая сложность содержания собственного имени, выделяет в нем четыре плана: во-первых, бытийный, или интродуктивный, содержащий указание на существование и предметность обозначаемого («существует такой предмет»); во-вторых, классифицирующий, который обозначает принадлежность предмета к определенному классу, представляя собой как бы свернутое сообщение («этот предмет — человек (гора, река и т. д.)»); в-третьих, индивидуализирующий — специальная предназначенность данного имени для наречения одного из предметов в рамках денотата, т. е. референт имени. Три названных плана несут информацию: «Есть такой человек, который зовется Смитом». Последним планом является характеризующий, который обозначает набор признаков референта, достаточных для понимания собеседниками, о чем или о ком идет речь [Ермолович, 2001]. Концепция Ермоловича позволяет расширенно толковать понятийно-сигнификативное значение имен собственных, включая в него соотнесенность не только с понятием, но и с пропозицией, что особенно значимо для анализа казахских антропонимов с глагольным компонентом, которые являются объектом изучения в данной статье.

Целью нашей работы является исследование семантических особенностей сложных личных казахских имен, включающих в состав глагольные формы. Для казахской традиции имянаречения характерна мотивационно-словообразовательная связь антропонима не только с нарицательным словом, но и с предложением, предикатом которого выступает глагол. Многие тюркские имена имеют двусоставную форму Subst + Verb, в которой глагол придает семантике имен усложненный характер. Подобные антропонимы-композиты, образованные без соединительного элемента, типичны для словообразовательной системы агглютинативных языков, в том числе казахского (В. Д. Аракин [2005, *207*] характеризует этот способ словообразования как агглютинативный способ).

Исследователи, анализируя способы образования казахских имен, не останавливались детально на специфике семантики имен данной группы [Кульдеева, 2001; Мажитаева, Рахимберлина, 2014]. Наличие глагола в структуре сложного казахского имени позволяет видеть в его семантике пропозициональную составляющую. Глагол, как известно, имеет референциальную соотнесенность с денотатом-пропозицией. Семантика рассматриваемой словообразовательной модели сложения слов «в целом носит пропозициональный характер, так как представляет собой множественную интерпретацию одной сущности через отношение к другим сущностям, т. е. реализует общий принцип пропозициональной записи» [Косырева, 2008, *171*].

Пропозицию определяют как «семантический инвариант, общий для всех членов модальной и коммуникативной парадигм предложений и производных от предложений конструкций (номинализаций)» [Арутюнова, 1990, *401*]. Для нашей работы важно когнитивно-прагматическое понимание пропозиции, предложенное Е. В. Падучевой: «Пропозиция — это то, что фигурирует в речевом акте, т. е. то, что может быть подвергнуто утверждению, сомнению, то, что может быть предметом просьбы, приказания, пожелания, обещания» [Падучева, 2004, *36*].

Значимым элементом в интерпретации мотивов имянаречения выступают культурные смыслы, которые в терминологии пропозициональной семантики близки к импликатурам, т. е. к имплицитным, не имеющим выражения в эксплицитных структурах пропозициям дискурса [Темиргазина, Ибраева, 2021]. Имплицитные пропозиции принципиально исчисляемы, поскольку носят конвенциональный характер.

Методы и материал

Сложные двусоставные имена в количестве 91 единицы отобраны из справочников [Джанузаков, Есбаева, 1988; Джанузаков, 1991], а также собраны путем опроса носителей языка. Критерием отбора служило наличие глагольных и субстантивных словоформ Subst + Verb в личном имени-композите.

Собранный материал был рассмотрен с точки зрения семантико-грамматических признаков словоформ, содержащихся в составе сложного имени, и их актантной роли в пропозициональной структуре исходной синтаксической конструкции. Этот принципиальный подход поддерживает и С. М. Толстая, которая полагает, что семантика праславянских сложных двусоставных антропонимов обусловлена синтаксическим значением мотивирующих словосочетаний: «О. Н. Трубачев настаивает на том, что двусоставные антропонимы не являются непосредственными дериватами соответствующих словосочетаний, тем не менее внутренний синтаксис (или микросинтаксис), связывающий компоненты сложного имени, в этих антропонимах не утрачивается полностью» [Толстая, 2021, *13*]. Это положение о микросинтаксисе компонентов имен-композитов является исключительно значимым не только для праславянских, но и для тюркских сложных имен с мотивирующими синтаксическими конструкциями — предложениями, несмотря на различие в типологическом строе языков, один из которых является флективным, а другой — агглютинативным. Синтаксические функции и актанты относятся к языковым универсалиям. Важно также подчеркнуть еще один тезис, методологически значимый в нашем исследовании: антропонимические модели и механизмы словосложения «в принципе не отличаются от системы словосложения в сфере апеллятивной лексики» [Там же, *9–10*]. Для русского языка зависимости от синтаксических связей между компонентами композита выделяют подчинительные, гипотаксические (*радиоузел*, *зоотехник*) [Гурчиани, 2009, *15*] и сочинительные, паратаксические сложные слова (*железобетон*, *лесостепь*) [Филиппова, 2009, *162*; Земская, 2011, *284*]. Некоторые исследователи характеризуют отношения между компонентами композита как предикативные (*снегопад*), атрибутные (*чернозем*) и объектные (*пылесос*) [Аракин, 2005, *208*; Нелюбин, 2012, *94–95*; Temirgazina et al., 2021].

Важным параметром исследования становится грамматико-синтаксический анализ форм глагола, связанный с прагматическими характеристиками, с интенцией закодированного в сложном имени высказывания, например пожелания, запрета или оберега. Для уточнения культурных кодов, стереотипов и эталонов приводятся комментарии, которые включают сведения культурологического, исторического, антропологического плана.

Пропозициональная структура сложных имен с темпоральным значением

В теории семантического синтаксиса в диктумном устройстве предложения вычленяются событийные и логические пропозиции. Событийные пропозиции «портретируют» действительность, т. е. происходящие в ней события с их участниками. Логические пропозиции представляют результаты умственных операций и сообщают о некоторых установленных признаках, свойствах, отношениях [Шмелева, 1994].

Антропонимы как идентифицирующие имена человека содержат имплицитную интродуктивную событийную пропозицию, включающую информацию о рождении ребенка, для которого требуется процедура имянаречения, т. е. идентификации [см. об этом выше: Ермолович, 2001]. Это базовая для всех антропонимов бытийная пропозиция «родился ребенок».

К. Уразаева пишет об информативности казахских имен: «По казахскому имени можно узнать обстоятельства рождения, место и время рождения, приметы, обладавшие иногда шокирующим воздействием на человека» [Уразаева, 2010]. Время рождения ребенка очень важно для кочевников, хорошо знающих лунные циклы и другие природные хронологические приметы. Так, в диктумном содержании казахских мужских имен-композитов со структурой $\text{Subst}_{\text{им.п.}} + \text{Verb}_{\text{прош.вр.}}$ *Айтуған* (*ай* + *туған* букв. «Месяц родился»), *Айтолды* (*ай* + *толды* букв. «Месяц наполнился / стал полным»), *Күншығар* (*күн* + *шығар* букв. «Солнце восходит») заключены две событийные пропозиции: одна — исходная, имплицитная — $П^1_{\text{событ}}$ «мальчик родился»; вторая — событийная, эксплицитно выраженная — указывает на время рождения ребенка: $П^2_{\text{событ}}$ «месяц родился» / «месяц наполнился» / «солнце взойдет». Первая пропозиция, $П^1_{\text{событ}}$, обусловлена статусом антропонима — имени человека мужского рода. Обе пропозиции связаны временнóй логической связью: «тот, кто родился, когда было начало месяца / когда луна была полной / когда всходило солнце». Пропозициональную семантику анализируемых мужских имен можно эксплицитно представить в сложноподчиненном предложении с придаточным времени. Таким образом, пропозициональная структура этих имен выглядит следующим образом[1]:

$$(П^1_{\text{событ}}) \rightarrow (П^3_{\text{когда}}) \rightarrow П^2_{\text{событ}}$$

Обе событийные пропозиции, означающие рождение ребенка и время его рождения, конкретизированное в соответствии с народными представлениями и приметами, связаны логической пропозицией $П^3_{\text{когда}}$.

Пропозициональная семантика сложных имен с казахским глаголом *беру*

В именах с казахским глагольным компонентом *беру* ‘дать’ обнаруживается связь с архаическими представлениями казахов о том, что продолжателем рода и носителем родовых традиций является мужчина. Соответственно, в семье обязательно должен быть наследник мужского пола. О рождении мальчика молились, обращаясь к высшим силам, поэтому у казахов распространены двусоставные мужские имена со структурой $\text{Subst}_{\text{им.п.}} + \text{Verb}_{\text{прош.вр.}}$: *Тәңірберген* (*Тәңір* + *берген*, букв. «Тенгри дал»), *Құдайберген* (*Құдай* + *берген*, букв. «Бог дал»), *Құдайберды*

[1] Круглые скобки в формуле означают имплицитность, невыраженность.

(*Құдай + берды*, букв. «Бог дал»), *Аллаберген* (*алла + берген*, букв. «Бог дал»), *Аллаберды* (*алла + берды*, букв. «Бог дал»)[2].

Происхождение этой традиции имянаречения младенцев мужского пола не связано с мусульманскими верованиями, она имеет более древние корни и восходит к языческим тенгрианским воззрениям древних тюрков. Божество *Тенгри* «принадлежит древнейшему мифологическому фонду народов Центральной Азии и, возможно, было представлено еще в языке хунну (3 в. до н. э. и раньше)» [Неклюдов, 2008, *972*]. *Кудай* (*Худай*) — верховный бог в тюркской мифологии, обладающий Кутом, т. е. высшей энергией, благодатью и создавший вместе со своим братом Эрликом сушу и растения, горы, моря, деревья [Адаева, Аубакиров, 2020; Токарев, 2008, *1005–1108*] (об этимологии слова *кудай* см. также [Семенов, 2019]). Имена *Аллаберген*, *Аллаберды* возникли позже, в период ислама, в них употребляется имя высшего божества *алла*, которое имеет арабское происхождение.

Пропозициональная структура перечисленных мужских имен также носит усложненный характер, поскольку в него добавляется, кроме событийной имплицитной пропозиции $П^1_{событ}$ «родился мальчик», эксплицитно выраженная пропозиция $П^2_{посесс}$ «Бог дал», означающая изменение посессивности, т. е. отношений обладания: «родился мальчик, которого дал бог». В $П^2_{посесс}$ актант-посессор, выраженный существительными в именительном падеже *Тәңір* ‘Тенгри’, *Құдай*, *алла* ‘Бог’, носит сакральный характер. Это подчеркивает ценность рождения мальчика в казахских семьях, поскольку в пресуппозиции содержится устойчивый культурный код «рождение ребенка мужского пола предопределяется высшими сакральными силами, которые вознаграждают родителей».

Заметим, что подобная пресуппозиция не обнаруживается в женских именах. Иначе говоря, в базовую бытийную пропозицию антропонимов «родился ребенок» в зависимости от пола ребенка включается гендерно мотивированный оценочный модус: «родился ребенок мужского пола, и это хорошо» или «родился ребенок женского пола, и это плохо». Он передает культурно обусловленные гендерные стереотипы казахского общества. Далее в формулах оценочный модус исходной пропозиции отражается как знак (+) = (хорошо) и знак (–) = (плохо).

Предикат *беру* ‘дать’ в прошедшем времени употребляется в посессивном значении ‘изменить принадлежность объекта’, осложненном дополнительным метафорическим значением ‘вознаградить’. Иными словами, пропозициональное диктумное содержание имени можно представить в формуле:

$$(П^{1+}_{событ}) \rightarrow П^2_{посесс}$$

[2] Глагольный компонент *берген* является формой давнопрошедшего времени в казахском языке (*бұрынғы өткен шақ*), компонент *берды* — формой недавно прошедшего времени (*жедел өткен шақ*).

М. Н. Янценецкая отмечает, что в основе метафорических образований обычно лежат несколько вычленяемых пропозиций, последняя из которых носит ментальный характер. Глубинная структура производного слова может быть не одна: бывают варианты и самих пропозиций, и их связей. В этих случаях говорят о субъективном содержании пропозиции, четко не фиксированном, но все-таки обусловленном глубинными формулами [Янценецкая, 1992].

Рассмотрим еще одно имя с глагольным компонентом *берген*, которое имеет другую структуру — $\text{Subst}_{\text{вин.п.}}$ + $\text{Verb}_{\text{прош.вр.}}$: *Ырысберген* / *Рысберген* (*ырыс* + *берген*, где *ырыс* < тюрк. *орыз* ‘счастье, удача’ [Бектаев, 2007, *492*], букв. «Дали счастье, удачу, благополучие»). В этом имени в отличие от предыдущих в поверхностной пропозициональной структуре $П^2$ отсутствует актант-посессор, но эксплицируется актант-объект дарения. Актант-субъект (посессор / даритель) и актант-адресат дарения имплицитно не выражены, но подразумеваются: согласно представлениям казахов, даритель — это высшие сакральные силы (*Құдай*, *алла*, *Тәңір*), адресат — младенец-мальчик.

Сходной семантикой и структурой обладают имена $\text{Subst}_{\text{вин.п.}}$ + $\text{Verb}_{\text{прош.вр.}}$ *Рахимберген* (*рахим* / *рақым* + *берген*, где *рақым* ‘милосердие; мягкосердечие; милость; благоволение; пощада; жалость; доброта’ [Бектаев, 2007, *388*], букв. «Дали / оказали милость»), *Рахимберды* (*рахим* / *рақым* + *берды*, букв. «Дали / оказали милость»). В пропозиции $П^2_{\text{посесс}}$, как говорилось выше, имплицитный, подразумеваемый актант-субъект — высшие сакральные силы, оказывающие милость рождением ребенка мужского пола. По мнению К. Уразаевой, «эти имена являются формами метафизических “контактов” с высшей силой и формулами благодарности Всевышнему за рождение ребенка» [Уразаева, 2010].

Специфика пропозициональной структуры сложных имен-пожеланий с казахским глаголом *болу*

Имена-пожелания тесно связаны с вековыми культурными традициями и менталитетом народа. В таких именах в наибольшей степени проявляется вера казахов в магическую функцию слова [Рахимжанов и др., 2020], закладывается «программа» будущей жизни человека.

Культурно обусловленная идея значимости рождения младенца мужского пола реализуется в именах, в которых содержится пожелание, выраженное казахским глаголом *болу* ‘быть / стать’ в формах будущего времени с предположительным значением индикатива 3 л. ед. ч. *болсын* и повелительного наклонения 2 л. ед. ч. *бол*: $\text{Subst}_{\text{твор.п.}}$ + $\text{Verb}_{\text{буд.вр./повел.н}}$. Например, имя *Ерболсын* (*ер* + *болсын*) буквально означает «Пусть станет мужчиной», *Ербол* (*ер* + *бол*) — «Будь мужчиной». В пропозициональной структуре имен вычленяется имплицитно выраженная событийная $П^1$ «родился мальчик» и эксплицитная $П^2$ тождества «мальчик станет мужчиной». Помимо диктумного содержания, в этих именах в соответствии

с принятым в нашей работе когнитивно-прагматическим толкованием термина *пропозиция* выделяется пропозициональная установка — интенция пожелания ($И_{пожел}$): «мы желаем». Она входит в модусную рамку высказывания. Исследователи говорят о том, что «модальные значения тем или иным образом эксплицируются при семантической записи значения показателя функции высказывания, его пропозициональной установки» [Гусаренко, 2015, *161*].

Таким образом, модусно-диктумное устройство рассматриваемых имен-пожеланий выглядит следующим образом: «мы желаем, чтобы мальчик, который родился, стал мужчиной»:

$$И_{пожел} \rightarrow [(П^{1+}{}_{событ}) \rightarrow П^{2}{}_{тожд}]^{3}$$

Существительное *ер* ‘мужчина’ выполняет в пропозиции функцию объекта-эталона, в котором сосредоточен стереотипный набор качеств, релевантных для носителей языка. См. аналогичное: *Серікбол* (*серік* + *бол*, букв. «Будь другом / спутником»). Иногда в качестве эталона используется прилагательное, означающее эталонное качество: $\text{Verb}_{повел.н.}$ + Adj, например *Берікбол* (*берік* + *бол*, букв. «Будь стойким / крепким»).

Имена могут включать глагольную форму будущего времени индикатива 3 л. ед. ч. *болат* (сокращенный вариант от *болады* ‘будет’[4]) и образовываться по формуле $\text{Subst}_{твор.п.}$ + $\text{Verb}_{буд.вр.}$: *Ерболат* (*ер* + *болат*, букв. «Да будет мужчиной»), *Бекболат* (*бек* + *болат*, букв. «Да будет влиятельным / авторитетным»), *Байболат* (*бай* + *болат*, букв. «Да будет богачом»). Такие имена-пожелания-программы, по представлениям казахов, с самого начала могли определить жизненный путь человека.

Особый смысл приобретает мужское имя-пожелание *Тасболат* (*тас* + *болат*, букв. «Да будет подобным камню»). В космогонии древних тюрков *тас* ‘камень’ — это сакральный символ первоматериала мира. В казахском фольклоре транслируются символические представления о камне как источнике материальной благодати (богатства), света, тепла, жизни [Қондыбай, 2008]. Соответственно, *тас* в составе имени отсылает к эталонным качествам и значит ‘быть богатым / светлым / жизнеспособным’. Сходной по мифологической нагруженности семантикой обладают имена *Нұрболат* (*нұр* + *болат*, букв. «Да будет подобным свету / сиянию»), *Нұрбол* (*нұр* + *бол*, букв. «Будь подобен свету / сиянию»). В них *Нұр* также восходит к традиционным космогоническим воззрениям тюрков, означая священный для них благодатный свет, сияние.

---

[3] Квадратные скобки означают диктумное содержание, которое составляют пропозиции.

[4] В подобной трактовке глагольного компонента мы следуем за Т. Джанузаковым [1989]. Форма *болады* утратила конечный редуцированный гласный *ы*, и согласный *д* на конце слова подвергся оглушению. Таким образом сложилась омонимия глагола *болат* и существительного *болат*.

Интересно, что в казахской антропонимии с идеей предпочтительности рождения младенцев мужского пола связано и имянаречение девочек. Если в семье рождались только дочери, им давались имена с установкой на то, что следующим должен родиться сын. Так, например, в казахском именнике используются женские имена с компонентом *ұл* ‘мальчик / сын’: *Ұлболсын* (*ұл* + *болсын*, букв. «Пусть за ней будет мальчик»), *Ұлданай* (*ұл* + *данай*[5], букв. «Пусть продолжится мальчиком»), *Ұлжалғас* (*ұл* + *жалғас*[6], букв. «Пусть дальше следует мальчик»). Имянаречение девочек в данном случае обусловлено культурным кодом и ситуацией: подобные имена даются родителями в случае рождения нескольких девочек при отсутствии мальчиков. В исходной пропозиции содержится негативная оценка $П^{1-}$ «родился ребенок женского пола, и это плохо». Значение имен интерпретируется так: «мы желаем, чтобы после девочки, которая родилась сейчас, родился мальчик»:

$$И_{пожел} \rightarrow [(П^{1-}{}_{быт}) \rightarrow П^{2+}{}_{событ}]$$

Иногда девочке давали имя *Ұлтуар* (*ұл* + *туар*, букв. «Родится мальчик»), в котором заключено пожелание, чтобы у нее в будущем были сыновья. Глагол *туар* (букв. «родится») в этом случае имеет специфическую форму будущего предположительного времени.

Особую группу составляют женские имена с компонентом *қыз* ‘девочка’, в которых интенция пожелания осложняется интенцией запрещения [Temirgazina, 2013]: *Қызтумас* (*қыз* + *тумас*[7], букв. «Девочка не родится»: ‘Пусть за девочкой не рожает девочку’), *Қыздығой* (*қызды* + *ғой*, букв. «Девочек хватит»: ‘Пусть перестанет рожать девочек’). В формуле отражается пропозициональная установка с интенцией запрета:

$$И_{пожел+запрещ} \rightarrow [(П^{1-}{}_{событ}) \rightarrow П^{2+}{}_{событ}]$$

Отметим, что тенденция к инверсии, наблюдающаяся в микросинтаксисе как славянских, так и индоевропейских антропонимов-композитов, которая объясняется «утратой семантического содержания (внутренней формы) сложения и превращением некоторых компонентов в квазипрефиксы или квазисуффиксы, способные присоединяться к любым основам» [Толстая, 2021, *11*], не характерна для рассматриваемых нами казахских сложных имен с глагольным компонентом.

---

[5] Букв. «пусть продолжится».

[6] Букв. «пусть следует».

[7] В глагольной форме *тумас ту* — корень, *-мас* — аффикс со значением отрицания, т. е. глагольная форма означает «не родится».

Пропозициональная структура охранных имен

Значительное место в архаичном казахском именнике занимали имена-обереги, выполняющие охранительную функцию. Древние тюрки и монголы прилагали все усилия, чтобы сохранить в секрете происхождение своих имен. Об этом явлении в монгольском языке пишет Н. Л. Жуковская: «Обычай замены имени уходит корнями в глубокую древность. Когда-то он был связан с шаманскими запретами называния имен, чтобы не привлекать к их носителям внимания злых духов. <…> В среде знати он выродился в обычай называния по титулу, а в народе превратился в систему замены имени на новое в случае болезни и счастливого выздоровления после нее, а также в обычай давать детям уничижительные имена в семьях, где большая детская смертность» [Жуковская, 1980, *10*].

У казахов существовало поверье о том, что девочки в отличие от мальчиков меньше подвержены воздействию злых духов и сглазу. Х. Аргынбаев отмечает, что именно поэтому для них выбирались самые красивые имена, связанные с космосом, звездами, дорогими камнями, драгоценными металлами, красивыми цветами и т. д., например *Жұлдыз* ‘Звезда’, *Шолпан* ‘Венера’, *Айман* ‘Небесная красавица’, *Алтынай* ‘Золотая луна’, *Күміс* ‘Серебро’, *Раушан* ‘Роза’, *Қызғалдақ* ‘Тюльпан’ [Арғынбаев, 1973]. Иными словами, казахи не боялись привлечь внимание к девочке красивым именем.

Мотивы выбора мужских имен в корне отличались от женских, поскольку были обусловлены иными социокультурными обстоятельствами, иной хозяйственно-экономической ролью мужчины в кочевом родовом обществе. Мальчик должен был вырасти кормильцем, защитником семьи и продолжателем родовых традиций. Исследователи отмечают, что во времена, когда господствовала высокая детская смертность, ребенка мужского пола старались защитить от болезней и смерти, уберечь от сглаза, используя неказистые, иногда уничижительные имена: *Елеусиз* ‘Неприметный’, *Елемес* ‘Незаметный’, *Иткул* ‘Раб собаки’, *Сасықбай* ‘Вонючий’, *Жаман* ‘Плохой’ и др. Родители надеялись, что злые духи «не заметят» мальчика с таким именем, смерть пройдет мимо; а если духи всё же «увидят» ребенка, то он не понравится им из-за своего плохого имени. Таким образом, подобные имена-«прятки», с точки зрения казахов, выполняли оберегающую, охранную функцию.

Среди охранных имен отмечаются и сложные антропонимы, состоящие из глагольного и субстантивного компонентов. В них заключены, помимо исходной пропозиции $П^{1+}$, событийные пропозиции $П^{2}$, в которых эксплицирован актант-субъект либо актант-объект: *Көтібар* (*көті* + *бар*, букв. «У него есть зад»), *Малбағар* (*мал* + *бағар*, букв. «Будет пасти скот»), *Қойбағар* (*қой* + *бағар*, букв. «Будет пасти овец»), *Қойсоймас* (*қой* + *соймас*, букв. «Овцу не зарежет»). В именах *Малбағар*, *Қойбағар* глагол *бағар* имеет форму будущего предположительного времени. В эксплицированной негативно-оценочной $П^{2-}_{событ}$ употребляется бранное слово *көт* ‘зад’, описываются тяжелые, трудоемкие занятия (пасти скот, овец), упоминается

неспособность к элементарным действиям (овцу не может зарезать) — все это должно сделать ребенка непривлекательным и неинтересным для злых духов.

Формула пропозициональной структуры рассматриваемых охранных имен выглядит так:

$$(\Pi^{1+}_{\text{событ}}) \rightarrow \Pi^{2-}_{\text{событ}}$$

Среди имен-оберегов особое место занимают имена со словом *ит* ‘собака’ в функции субъекта или объекта: *Италмас* (*ит* + *алмас*, букв. «Собака не возьмет»), *Итемген* (*ит* + *емген*, букв. «Вскормлен собакой»). Собака — тотемное животное древних тюрков, одна из основных ее функций — быть проводником мертвых душ в потусторонний мир. Тюрколог С. Кондыбай пишет об этом: «Встречающееся у казахов имя *Италмас* (букв. “Да не возьмет собака”) означает “Да не умрет” и связано с мифологией собаки (быть взятым собакой означает умереть) и верой в превращение души покойного в собаку или в пожирание собакой души покойного» [Қондыбай, 2008]. И далее: «За казахским именем *Итемген* (букв. “Вскормленный молоком собаки”) скрывается мифологическое представление о рождении от собаки (тотемизм)» [Там же].

Казахи полагают, что имя человека, данное ему при рождении, и его дальнейшая жизнь связаны незримой нитью. Но в судьбу могут вмешаться злые духи. Чтобы обмануть их, казахи в прошлом часто видоизменяли имена или в дополнение к именам давали еще и прозвища. Обычай *лақап есім беру* ‘давать прозвище’ относится к древнейшим казахским традициям. В сказочном фольклоре отмечаются прозвища, в которых делается акцент на внешних и внутренних характеристиках персонажей: *Керқұла атты Кендебай* ‘Кендебай с гнедым конем’, *Ер Төстік* ‘Мужественный Тостик’, *Күн астындағы Күнікей қыз* ‘Освещенная солнцем Куникей’, *Шық бермес Шығайбай* ‘Негостеприимный Шигайбай’ и т. д.

Заключение

Казахские сложные антропонимы Subst + Verb образованы агглютинативным способом, характерным для тюркских языков. В словообразовательном плане такие антропонимы соотносятся с предложением, между компонентами композита сохраняются синтаксические отношения, свойственные базовому предложению: предикативные, объектные.

Одним из результатов нашего исследования является установление пропозициональной структуры казахских сложных антропонимов Subst + Verb как важного элемента микросинтаксиса компонентов имени. Обязательным элементом их пропозициональной структуры является интродуктивная имплицитная бытийная пропозиция, обусловленная природой антропонима, — «родился младенец». В зависимости от пола младенца она приобретает положительную или негативную

оценочную коннотацию, отражающую культурно-специфические представления носителей казахского языка.

Значительную функционально-прагматическую группу исследуемых антропонимов составляют имена-пожелания и имена-обереги. В пропозициональной структуре имен-пожеланий с казахским глаголом *беру* эксплицируется пропозиция, означающая изменение посессивных отношений, в которой эксплицитным субъектом-дарителем выступают сакральные силы — *Тәңір*, *Құдай*, *алла*, а имплицитно выраженным объектом дарения — младенец мужского пола. В названных именах-пожеланиях обнаруживается еще один вариант пропозиции — с эксплицированным объектом дарения: *рақым* / *рахим*, *ырыс*. В именах-оберегах содержится событийная пропозиция, которая носит негативный оценочный характер, так как, согласно поверьям казахов, эти имена должны отвратить злых духов, отпугнуть смерть.

Таким образом, пропозициональная структура является частью микросинтаксиса казахских имен-композитов с глагольным компонентом, в которых проявляются культурные традиции казахского имянаречения, восходящие к древнетюркским воззрениям.

Источники

Бектаев К. Б. Сөздік. Алматы : Алтын Қазына, 2007.

Джанузаков Т. Есіміңіз кім? Ваше имя? Казахско-русский толковый словарь имен. Алма-Ата : Казахстан, 1989.

Джанузаков Т. Д. Имена народов Казахстана : справочное пособие для работников учреждений ЗАГС, сельских и поселковых Советов народных депутатов, паспортных столов. Алма-Ата : Кітап, 1991.

Джанузаков Т., *Есбаева К.* Казахские имена : словарь-справочник. Алма-Ата : Наука, 1988.

Исследования

Адаева Г. А., *Аубакиров Е. Н.* Пантеон богов в казахской мифологии // Народы и религии Евразии. 2020. № 22 (1). С. 107–116. https://doi.org/10.14258/nreur(2020)1-08

Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. М. : Физматлит, 2005.

Аргынбаев Х. А. Қазақ халқындағы семья мен неке. Алматы : Ғылым баспасы, 1973.

Арутюнова Н. Д. Пропозиция // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 401.

Гак В. Г. Лексическое значение слова // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 261–263.

Галиуллина Г. Р. Татарская антропонимия в лингвокультурологическом аспекте : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.02 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2009.

Горбаневский М. В. К проблеме семантики имени собственного // Лингвистическая семантика и логика : сб. науч. тр. М. : Изд-во УДН, 1983. С. 68–81.

Гусаренко С. В. Пропозиция как компонент актуального дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 159–164.

Гурчиани М. Т. Композиты в русском языке новейшего периода : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2009.

Джанузаков Т. Очерк казахской ономастики. Алма-Ата : Наука, 1982.
Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М. : Р. Валент, 2001.
Жуковская Н. Л. Заметки о монгольской антропонимии // Ономастика Востока / ред. Э. М. Мурзаев. М. : Наука, 1980. С. 9–16.
Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. 3-е изд., испр. и доп. М. : Флинта : Наука, 2011.
Қондыбай С. АрғыҚазақ мифологиясы. Мифология предказахов. Кн. 3. Алматы : СаГа, 2008. URL: http://otuken.kz (дата обращения: 05.06.2021).
Косырева М. С. Категории пропозиционального анализа как предтеча и основа фреймового моделирования в дериватологии // Современные проблемы науки и образования. 2008. № 6. С. 169–172.
Кульдеева Г. И. Антропонимическая система современного казахского языка : автореф. дис. … д-ра филол. наук : 10.02.02 / Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 2001.
Мажитаева Ш. М., *Рахимберлина С. А.* Гносеологические основы неофициальных имен казахского языка // Literature, language and culture influenced by globalization. Vol. 2 / ed. by L. Shlossman. Vienna : “East West” Association for Advances Studies and Higher Education GmbH, 2014. P. 118–130.
Махпиров В. У. Имена далеких предков: Источники формирования и особенности функционирования древнетюркской ономастики. Алматы : Институт востоковедения МН-АН РК, 1997.
Мусабекова У. А. Мотивационный аспект антропонимов казахского и русского языков : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.02 / Алматинский гос. ун-т им. Абая. Алматы, 1996.
Неклюдов С. Ю. Тенгри // Мифы народов мира : энцикл. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : [б. и.], 2008. С. 972–973.
Нелюбин Л. Л. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : Флинта : Наука, 2012.
Никонов В. А. Имя и общество. М. : Наука, 1974.
Оспан Б. Ә. Есімдер: Сақтардан қазақтарға дейін. Алматы : Асыл сөз баспасы, 2019.
Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М. : Едиториал, 2004.
Рахимжанов К. Х., *Акошева М. К.*, *Темиргазина З. К.* Метафорическо-метонимическая интерпретация сердца в казахском и тувинском языках: взаимодействие языка, анатомии и культуры // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 261–271. https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18
Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция / ред. С. Г. Бархударов, Э. М. Мурзаев, Л. П. Калакуцкая. М. : Наука, 1964. С. 9–34.
Семенов Н. А. Этимология якутского слова *кудай*: заимствование из персидского языка? // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2019. № 3 (28). С. 70–76.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
Темиргазина З. К., *Ибраева Ж. Б.* Наблюдатель в поэтическом нарративе (на примере стихотворений П. Васильева) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 72. С. 290–307. https://doi.org/10.17223/19986645/72/16
Токарев, 2008 — Мифы народов мира : энцикл. / гл. ред. С. А. Токарев. М. : [б. и.], 2008. URL: http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/ (дата обращения: 12.08.2021).
Толстая С. М. Двусоставные антропонимы в праславянском языке // Вопросы ономастики. 2021. Т. 18, № 2. С. 9–32. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.016
Уразаева К. Имя по приметам // Диапазон. 2010. URL: https://azh.kz/ru/news/view/4988 (дата обращения: 11.06.2021).
Филиппова Л. С. Современный русский язык: Морфемика. Словообразование. М. : Флинта : Наука, 2009.
Шалгинбаева С. Х. Семейные традиции и социокультурный облик казахов городов Алматы и Тараза (этносоциологическое исследование) : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.07 / Казах. нац. ун-т им. Аль-Фараби. Алматы, 2002.
Шмелева Т. В. Семантический синтаксис. Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 1994.

Янценецкая М. Н. Пропозициональный аспект словообразования (обзор работ сибирских диалектологов) // Актуальные проблемы региональной лингвистики и истории Сибири / под ред. Л. А. Араевой, В. А. Волчек. Кемерово : КемГУ, 1992. С. 4–33.

Temirgazina Z. Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations // World Applied Sciences Journal. 2013. № 24 (6). P. 822–825.

Temirgazina Z., *Albekova A.*, *Kurmanova Z.* One more time about the heart: naive anatomy in the Kazakh, Russian and English pictures of the World // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2021. Vol. 12, No. 2. P. 459–475. https://doi.org/10.31648/pw.6876

Рукопись поступила в редакцию 27.09.2021

* * *

Темиргазина Зифа Какбаевна
доктор филологических наук, профессор
Павлодарский педагогический университет
140005, Казахстан, Павлодар, ул. Мира, 60
E-mail: temirgazina_zifa@pspu.kz

Асельдерова Руманият Омаровна
кандидат филологических наук, доцент
Дагестанский государственный педагогический университет
367000, Махачкала, ул. Магомеда Ярагского, 57
E-mail: rumomarovna@mail.ru

Temirgazina, Zifa Kakbaevna
DrHab, Professor
Pavlodar Pedagogical University
60, Mira Str., 140005 Pavlodar, Kazakhstan
Email: temirgazina_zifa@pspu.kz
https://orcid.org/0000-0003-3399-7364

Aselderova, Rumaniyat Omarovna
PhD, Associate Professor
Dagestan State Pedagogical University
57, Magomeda Yaragskogo Str.,
367000 Makhachkala, Russia
Email: rumomarovna@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-4261-6703

Zifa K. Temirgazina*
Rumaniyat O. Aselderova**

* Pavlodar Pedagogical University
Pavlodar, Kazakhstan

** Dagestan State Pedagogical University
Makhachkala, Russia

KAZAKH COMPOUND ANTHROPONYMS WITH A VERBAL ELEMENT: PROPOSITIONAL STRUCTURE

The article deals with the semantics of Kazakh compound anthroponyms with the Subst + Verb structure. Such names retain syntactic relations of the original motivating sentence. Thus, the full name inherits propositional features of the verb component and the syntactic meaning of the actant: subject or object. Dmitry Yermolovich suggests that each personal name implies an introductory proposition of the situation ‘a child was born’. The paper distinguishes several groups of Kazakh names with a verbal component, based on the specificity of propositional

structure and the cultural background of name's motivation: (1) male names with a temporal meaning, (2) male names with a verbal component *beru* 'give,' (3) wish-names, and (4) male amulet names. In the first group of names, two "event-related" propositions are linked by temporal logical relations. In the second group, the subject is represented by names of the sacred forces which, according to the pagan beliefs of the Kazakhs, bestow the parents with the birth of a male baby — the continuer of the lineage, the protector of the family and clan. The wish-names with the verb *bolu* 'be, become' also convey the idea of the preference and blessing of the birth of boys. Moreover, the same idea often lies behind naming girls, in which case the wish can be laden with the idea of prohibition. The protective function of names is particularly important for male anthroponyms, since it is traditionally believed that boys are more susceptible to the influence of evil forces. Therefore, the amulet-names tend to carry a negative sense intended to avert evil spirits. An implicit introductory proposition varies depending on the gender: the birth of a boy is approved by socio-cultural norms; the birth of a girl is less welcomed. The study of the semantics of Kazakh two-part names with a verbal component reveals its propositional character reflected in internal syntactic relations of the verbal predicate and nominal actants and explicates the cultural traditions of Kazakh naming.

K e y w o r d s: Kazakh language; personal name, two-part compounds with a verbal component; proposition; propositional structure; names-wishes; names-amulets

Adaeva, G. A., & Aubakirov, E. N. (2020). Panteon bogov v kazakhskoi mifologii [Pantheon of Gods in Kazakh Mythology]. *Narody i religii Evrazii*, 22(1), 107–116. https://doi.org/10.14258/nreur(2020)1-08

Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naia tipologiia angliiskogo i russkogo iazykov* [Comparative Typology of English and Russian Languages] (3rd ed.). Moscow: Fizmatlit.

Argynbaev, Kh. A. (1973). *Kazakh khalkyndagy sem'ia men neke* [Family and Marriage in the Kazakh People]. Almaty: Gylym baspasy.

Arutyunova, N. D. (1990). Propozitsiia [Proposition]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (p. 401). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Dzhanuzakov, T. (1982). *Ocherk kazakhskoi onomastiki* [An Essay on Kazakh Onomastics]. Almaty: Nauka.

Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke iazykov i kul'tur* [Proper Names at the Intersection of Languages and Cultures]. Moscow: R. Valent.

Filippova, L. S. (2009). *Sovremennyi russkii iazyk: Morfemika. Slovoobrazovanie* [Modern Russian: Morphemics. Word Formation]. Moscow: Flinta; Nauka.

Gak, V. G. (1990). Leksicheskoe znachenie slova [Lexical Meaning of the Word]. In V. N. Yartseva (Ed.), *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] (pp. 261–263). Moscow: Sovetskaia entsiklopediia.

Galiullina, G. R. (2009). *Tatarskaia antroponimiia v lingvokul'turologicheskom aspekte* [Tatar Anthroponymy in the Linguo-cultural Aspect] (Habilitation thesis). Kazan State University, Kazan.

Gorbanevsky, M. V. (1983). K probleme semantiki imeni sobstvennogo [On the Problem of the Meaning of Personal Names]. In *Lingvisticheskaia semantika i logika* [Linguistic Semantics and Logic] (pp. 68–81). Moscow: Izd-vo UDN.

Gurchiani, M. T. (2009). *Kompozity v russkom iazyke noveishego perioda* [Compounds in the Contemporary Russian Language] (Doctoral dissertation). Kazan State University, Kazan.

Gusarenko, S. V. (2015). Propozitsiia kak komponent aktual'nogo diskursa [Proposition as a Component of Actual Discourse]. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, 4, 159–164.

Kondybai, S. (2008). *Argykazakh mifologiiasy. Mifologiia predkazakhov* [*Argykazakh Mythology. Mythology of pre-Kazakhs*] (Vol. 3). Almaty: SaGa, 2008. Retrieved from http://otuken.kz

Kosyreva, M. S. (2008). Kategorii propozitsional'nogo analiza kak predtecha i osnova freimovogo modelirovaniia v derivatologii [Categories of Propositional Analysis as a Forerunner and Basis of Frame Modeling in Derivatology]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia*, 6, 169–172.

Kul'deeva, G. I. (2001). *Antroponimicheskaia sistema sovremennogo kazakhskogo yazyka* [Anthroponymic System of the Modern Kazakh Language] (Habilitation thesis). Kazan State University, Kazan.

Makhpirov, V. U. (1997). *Imena dalekikh predkov: Istochniki formirovaniia i osobennosti funktsionirovaniia drevnetiurkskoi onomastiki* [Names of Distant Ancestors: Sources of Formation and Features of the Functioning of Ancient Turkic Proper Names]. Almaty: Institut vostokovedeniia MN-AN RK.

Mazhitaeva, Sh. M., & Rakhimberlina, S. A. (2014). Gnoseologicheskie osnovy neofitsial'nykh imen kazakhskogo iazyka [Gnoseological Foundations of Informal Names of the Kazakh Language]. In L. Shlossman (Ed.), *Literature, Language and Culture Influenced by Globalization* (Vol. 2, pp. 118–130). Vienna: "East West" Association for Advances Studies and Higher Education GmbH.

Musabekova, U. A. (1996). *Motivatsionnyi aspekt antroponimov kazakhskogo i russkogo iazykov* [Motivational Aspect of Personal Names in the Kazakh and Russian Languages] (Doctoral dissertation). Abai Almaty State University, Almaty.

Neklyudov, S. Yu. (2008). Tengri [Tengri]. In S. A. Tokarev (Ed.), *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World] (pp. 972–973). Moscow: [s.n.].

Nelyubin, L. L. (2012). *Sravnitel'naia tipologiia angliiskogo i russkogo iazykov* [Comparative Typology of English and Russian Languages]. Moscow: Flinta; Nauka.

Nikonov, V. A. (1974). *Imia i obshchestvo* [Name and Society]. Moscow: Nauka.

Ospan, B. E. (2019). *Esimder: Saktardan kazakhtarga deiin* [Names: From Saksas to Kazakhs]. Almaty: Asyl sez baspasy. (In Kazakh).

Paducheva, E. V. (2004). *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)* [The Statement and its Correlation with Reality (Referential Aspects of the Semantics of Pronouns)] (4th ed.). Moscow: Editorial.

Rakhimzhanov, K. Kh., Akosheva, M. K., & Temirgazina, Z. K. (2020). Metaforichesko-metonimicheskaia interpretatsiia serdtsa v kazakhskom i tuvinskom iazykakh: vzaimodeistvie iazyka, anatomii i kul'tury [Metaphorical and Metonymic Interpretation of the Heart in the Kazakh and Tuvan Languages: The Interaction of Language, Anatomy, and Culture]. *Novye issledovaniia Tuvy*, 4, 261–271. https://doi.org/10.25178/nit.2020.4.18

Reformatsky, A. A. (1964). Toponomastika kak lingvisticheskii fakt [Toponomastics as a Linguistic Fact]. In S. G. Barkhudarov, E. M. Murzaev, & L. P. Kalakutskaia (Eds.), *Toponomastika i transkriptsiia* [Toponomastics and Transcription] (pp. 9–34). Moscow: Nauka.

Semenov, N. A. (2019). Etimologiia iakutskogo slova *kudai*: zaimstvovanie iz persidskogo iazyka? [Etymology of the Yakut Word *kudai*: A Borrowing from Persian?]. *Severo-Vostochnyi gumanitarnyi vestnik*, 3(28), 70–76.

Shalginbaeva, S. Kh. (2002). *Semeinye traditsii i sotsiokul'turnyi oblik kazakhov gorodov Almaty i Taraza (etnosotsiologicheskoe issledovanie)* [Family Traditions and Socio-Cultural Image of the Kazakhs in the Cities of Almaty and Taraz (Ethno-Sociological Research)] (Doctoral dissertation). Al-Farabi Kazakh National University, Almaty.

Shmeleva, T. V. (1994). *Semanticheskii sintaksis* [Semantic Syntax]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.

Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General Theory of the Personal Name]. Moscow: Nauka.

Temirgazina, Z. (2013). Effective Communicative Strategies and Tactics in Verbal Aggression Situations. *World Applied Sciences Journal*, 24(6), 822–825.

Temirgazina, Z. K., & Ibraeva, Zh. B. (2021). Nabliudatel' v poeticheskom narrative (na primere stikhotvorenii P. Vasil'eva) [Observer in Poetic Narrative (Based on Pavel Vassilyev's Poetry)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiia*, 72, 290–307. https://doi.org/10.17223/19986645/72/16

Temirgazina, Z., Albekova, A., & Kurmanova, Z. (2021). One More Time about the Heart: Naive Anatomy in the Kazakh, Russian and English Pictures of the World. *Przegląd Wschodnioeuropejski, 12*(2), 459–475. https://doi.org/10.31648/pw.6876

Tokarev, S. A. (Ed.). (2008). *Mify narodov mira: entsiklopediia* [Myths of the Peoples of the World]. Moscow: [s.n.]. Retrieved from http://www.encyclopedia.ru/cat/books/book/29556/

Tolstaya, S. M. (2021). Dvusostavnye antroponimy v praslavianskom yazyke [Two-part Anthroponyms in the Proto-Slavic Language]. *Voprosy onomastiki, 18*(2), 9–32. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2021.18.2.016

Urazaeva, K. (2010). Imia po primetam [Name According to Beliefs]. *Diapazon. 2010.* Retrieved from https://azh.kz/ru/news/view/4988.

Yantsenetskaya, M. N. (1992). Propozitsional'nyi aspekt slovoobrazovaniia (obzor rabot sibirskikh dialektologov) [Propositional Aspect of Word Formation (Review of the Works of Siberian Dialectologists)]. In L. A. Araeva, & V. A. Volchek (Eds.), *Aktual'nye problemy regional'noi lingvistiki i istorii Sibiri* [Current Issues in Regional Linguistics and History of Siberia] (pp. 4–33). Kemerovo: KemGU.

Zemskaya, E. A. (2011). *Sovremennyi russkii iazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian language. Word Formation] (3rd ed.). Moscow: Flinta; Nauka.

Zhukovskaya, N. L. (1980). Zametki o mongol'skoi antroponimii [Notes on Mongolian Anthroponymy]. In E. M. Murzaev (Ed.), *Onomastika Vostoka* [Onomastics of the East] (pp. 9–16). Moscow: Nauka.

Received on 27 September 2021

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.017
УДК 27-242 + 27-232 + 22.01 + 811.163.1 +
+ 81.161.1’04 + 81’373.231 + 808.2

Т. Г. Попова
Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта
Калининград, Россия

ВЕТХОЗАВЕТНЫЕ АНТРОПОНИМЫ В ТЕКСТЕ «ЛЕСТВИЦЫ» ИОАННА СИНАЙСКОГО*

Целью статьи является описание 21 ветхозаветного антропонима, функционирующего в тексте переводного памятника раннеславянской письменности — «Лествицы» Иоанна Синайского. Эти антропонимы представляют собой особую разновидность библейских цитат, главной функцией которых является указание на события Священной истории. Для исследования привлекался греческий текст «Лествицы» по изданию Ж.-П. Миня и текст древнейшей русской рукописи середины XII в., являющейся первым славянским переводом книги, выполненным в кругу преславских книжников в первой половине X в. Статья написана в русле исследований «коллективной церковной памяти» средневековых книжников, под которой понимается общий набор тем, образов, сюжетов, представлений, выражений, восходящих к тексту Библии. В греческом тексте «Лествицы» выявлены ключевые образы (Моисей, Давид, Адам, Иов и Лот), обозначены функции ветхозаветных антропонимов: отсылочная, символическая, усилительная, указательная. Наблюдения над текстом перевода также выявили и переводческую ошибку (новый Адам), причиной которой, очевидно, было неразборчивое или неверное чтение в греческой рукописи, ставшей оригиналом для перевода. В русской рукописи отмечаются орфографическая неустойчивость в отношении ветхозаветных антропонимов и множественные писцовые ошибки (неверные написания и пропуски имен персонажей), которые являются следствием множественных переписок книги невнимательными и неопытными писцами, одним

* Статья написана при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-18-00005 «Иконография и агиография Лествицы Иоанна Синайского»), за что автор выражает фонду сердечную признательность.

© Попова Т. Г., 2022

из которых был писец древнейшей дошедшей до нашего времени рукописи «Лествицы», созданной через два века после появления первого перевода книги. Указаны лексемы, отсутствующие в исторических словарях русского и старославянского языков (словодатник, речеточный).

Ключевые слова: Ветхий Завет; «Лествица» Иоанна Синайского; библейская антропонимика; раннеславянские переводы с греческого языка; коллективная церковная память; библейские цитаты; древнерусский язык; старославянский язык

Памятник византийской учительной литературы, написанный игуменом Синайского монастыря Иоанном в конце VI — начале VII в., представляет собой грандиозную метафорическую панораму лествицы божественного восхождения, построенную на библейской основе. Текст «Лествицы» изобилует библейскими цитатами, аллюзиями и реминисценциями на события Священной истории, свидетельствами о жизни как ветхозаветных, так и новозаветных персонажей.

Тема отражения Священного Писания в ономастиконе литературных памятников представляется важной, интересной, малоизученной. Этот проблемный вопрос усложняется, если речь идет о переводных памятниках древней книжности, сохранившихся в сотнях рукописей, писцы которых не всегда узнавали цитату или, узнавая, передавали ее в том виде, в каком считали правильным, авторитетным. В связи с этим в исследованиях средневековой литературы можно встретить такие понятия, как «коллективная память», «культурная память», «церковная память», т. е. совокупность «индивидуальных памятей», набор определенных представлений о правильном (авторитетном), каноническом тексте Библии. И автор «Лествицы», и ее переводчики на разные языки, и редакторы, и переписчики многочисленных оригинальных и переводных кодексов имели свои «индивидуальные архивы» этой общей культурной памяти, и эти их знания, благодаря богатейшей рукописной традиции книги, донесены до позднего читателя, в распоряжении которого в отличие от средневековых книжников имеются комментированные научные издания Священного Писания. Феномен средневековой «коллективной церковной памяти» еще не изучен[1]. В настоящей статье под этим термином подразумевается общий набор тем, образов, сюжетов, представлений, выражений, восходящих к тексту Библии, существовавший в сознании средневекового книжника. Выявление объема этой памяти возможно в результате анализа конкретных текстов, каждый из которых связан с частной локально-хронологической традицией.

[1] Вероятно, впервые на феномен коллективной памяти обратил внимание Н. Н. Дурново в рецензии на исследование С. М. Кульбакина о Мирославовом Евангелии [см.: Дурново, 1926–1927]. С того времени в науке накапливаются наблюдения над этим явлением [см., например: Picchio, 1977; Cavallo, 1998; Garzaniti, 2004; Mac Robert, 2008]. Фундаментальных (монографических) исследований названного феномена не существует.

Важнейшим аспектом исследования библейских цитат является антропонимика. Сам факт возникновения библейского антропонима в тексте литературного памятника указывает на аллюзию или реминисценцию. Библейские имена представляют собой особую разновидность цитат из Священного Писания; согласно схеме, предложенной М. Гарзанити, они являются «ссылками на понятия и реалии (события или лица)» [Гарзанити, 2014, *13*]. В связи с этим главной функцией библейских антропонимов становится отсылочная. Кроме того, в ряде случаев библейские антропонимы выполняют другие функции: символическую, усилительную, указательную.

Задача настоящей публикации — выявление библейских антропонимов в тексте «Лествицы», перспективная «сверхзадача» — реконструкция «индивидуальных библейских ономастиконов» средневековых книжников. Текст первого славянского перевода «Лествицы» не имеет научного издания[2]. К настоящему времени благодаря усилиям нескольких поколений славистов доказано, что первый славянский перевод «Лествицы» был выполнен в самом важном литературном и культурном центре Первого Болгарского царства середины X в. — в Преславской книжной школе[3]. По нашим наблюдениям, преславский книжник при переводе использовал ту версию греческого текста, которая вошла в «Патрологию» Ж.-П. Миня [см.: PG, 88, *586–1210*] (совпадения оригинального и переводного тектов наблюдаются в 96–97 % случаев). Поэтому в качестве основных материалов для исследования в настоящей статье использован греческий текст «Лествицы» по изданию Ж.-П. Миня[4] и переводной текст памятника по древнейшей рукописи перевода [Рум. 198][5], созданной около середины XII в., возможно, в Киеве (в любом случае, писец рукописи был носителем киевского диалекта)[6]. Таким образом, применительно к настоящей публикации речь идет об «индивидуальных библейских ономастиконах» трех средневековых книжников: автора, Иоанна Лествичника (жившего на Синае в конце VI — начале VII в.), болгарского переводчика (жившего в Преславе в середине X в.) и русского переписчика (жившего,

---

[2] Научное лингвистическое издание первого славянского перевода «Лествицы», включающее реконструкцию греческого оригинального текста — основы этого перевода, в настоящее время готовится автором этих строк.

[3] Подробно об особенностях первого славянского перевода «Лествицы» см. [Попова, 2020]. К названной работе прилагается обширный список преславизмов в рукописях перевода.

[4] Все греческие примеры ниже цитируются по названному изданию с указанием колонок.

[5] Рукопись доступна для чтения на официальном сайте Троице-Сергиевой лавры в разделе «Библиотека» [Рум. 198]. Все славянские примеры ниже цитируются по названной рукописи с указанием номеров листов и строк.

[6] О несомненно киевском происхождении рукописи говорил А. И. Соболевский [1885, *356–357*]. Наши наблюдения над языком [Рум. 198] корреспондируют мнению ученого: в нем отразились такие яркие особенности древнекиевского говора середины XII в., как переход [е] в [о] после шипящих, [j] и [с] перед твердым согласным, смешение **въ** и **ѹ**, смягчение **к** перед **н**, далеко продвинутый процесс падения редуцированных, употребление *г*-фрикативного. Описание языка рукописи см. в работе [Попова, 2011, *289–349*].

вероятно, в Киеве в середине XII в). При анализе языкового материала использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы.

Современной наукой накоплено множество публикаций, изучающих связи Священного Писания с отдельными текстами средневековой христианской литературы. Обзор истории изучения библейских цитат, в том числе антропонимов, в лингвистическом аспекте представлен в работе: [Garzaniti, 2001, *295–301*]. Монографических исследований, посвященных ономастикону памятников ранневизантийской учительной литературы, по нашим данным, не существует. Описание библейских антропонимов на материале «Лествицы» предпринимается впервые в настоящей статье[7]. Ономастический материал подается в контексте, необходимом для выявления семантической специфики того или иного антропонима. Ономастикон «Лествицы» включает имена персонажей как Ветхого, так и Нового Завета; в рамках данной статьи рассмотрены лишь ветхозаветные антропонимы[8]. Выбор материала обусловлен прежде всего местом создания книги, автор которой всю жизнь провел в пещере на склоне священной горы Синай, неподалеку от горы Моисея, от пещеры Илии-пророка, от неопалимой купины. Синай — место действия ключевых событий Священной истории, и в книге Иоанна Лествичника, которая в рукописях именуется Πλάκες πνευματικαί («Скрижали духовные») и главным символом которой является возводящая на небеса лестница, эти события нашли яркое художественное отражение.

Прежде чем перейти к анализу имен персонажей, необходимо сделать важное замечание. Многочисленные реминисценции на ветхозаветные книги содержат такие контексты, в которых антропонимов нет, однако читатель «Лествицы» хорошо понимает, о каком конкретно персонаже идет речь. Так, например, во фрагменте Слова о странничестве Οὐδεὶς τοσοῦτον τῇ ξενιτείᾳ ἐκδέδωκεν ἑαυτὸν, ὡς ἔτυχεν, ὡς ὁ μέγας ἐκεῖνος, ὁ ἀκηκοώς, Ἔξελθε ἐκ τῆς γῆς σου, καὶ ἐκ τῆς συγγενείας σου, καὶ ἐξ οἴκου τοῦ πατρός σου (Быт. 12:1), καὶπερ ἐν ἀλλόγλωσσῳ καὶ βαρβαρώδει γῇ προσκαλούμενος. Ἔστιν ὅταν κατὰ τὸν μέγαν τοῦτον τινὰ ξενιτεύσαντα, ἐπὶ πλεῖον ὁ Κύριος ἐδόξασεν **нкктоже толма страньствоуꙗ** (так в рукописи; правильно: **страньствоу**? — *Т. П.*) **ѿда сѧ· ꙗкоже прилоучи сѧ· ꙗкоже велкыи· и онъ слышавъ изиди ѿ землѣ своеꙗ· и ѿ рожениѧ твоего· и ѿ домоу ѻ҃цѧ твоего· цѣ и въ иноꙗзыиноу и странноу земл҃ю призываемъ ѥсть· егда акы великаго сего страньновавъшаго· на многѣ г҃ъ въслави** (20г, 8–22) говорится о первом еврейском патриархе, «отце множества» Аврааме (Быт. 11:26–25:10). Антономасия *великий странствующий* заменяет имя *Авраам*. Этот пример весьма

[7] Углубленный функционально-стилистический анализ указанных в настоящей статье антропонимов, предполагающий выявление риторических приемов и учитывающий жанрово-стилистическое своеобразие «Лествицы» как одного из самых поэтичных памятников византийской учительной литературы, является задачей будущих исследований.

[8] Функционированию новозаветных антропонимов в тексте «Лествицы» будет посвящено отдельное исследование.

показателен: первопатриарх еврейского народа был настолько хорошо известен, что автор «Лествицы» не видел смысла называть его по имени. Персонажами Ветхого Завета, имена которых заменены перифразами, являются Авраам, Исаия, Соломон. Непрямые именования библейских персонажей заслуживают специального исследования.

Всего в «Лествице» в 56 контекстах встречаются имена 21 персонажа Ветхого Завета. Рассмотрим антропонимы последовательно, в соответствии с хронологией основных событий ветхозаветной истории, по порядку следования библейских книг.

Из допотопных персонажей в «Лествице» встречаются имена прародителей человеческого рода Адама и Евы.

Антропоним ***Адам*** встречается в «Лествице» шесть раз. В памятнике неоднократно подчеркивается такая характеристика первого человека, как ἁπλότης — *простота*, позднее им утраченная. До тех пор пока Адам имел изначальную простоту, он не видел наготы свой души и не стыдился наготы своего тела: ἁπλότης ἀποίκιλος, ἣν ἕως εἶχεν Ἀδὰμ ἐκεῖνος, οὐκ εἶδε γύμνωσιν ψυχῆς αὐτοῦ, οὐδὲ ἀσχημοσύνην σαρκὸς αὐτοῦ (984A) **простота бес пьстротъ· юже имѧше новъıи адамъ· онъ же не видѣ обнаженнѧ дша его· ни безъобразнѧ плъти его** (132в, 20 — 132г, 3). В этом славянском чтении имя Адама ошибочно сопровождает эпитет *новый* (*Новым Адамом* в богословской традиции именуется Иисус Христос, посланный в мир для спасения человеческого рода от грехов). Эта ошибка, по всей вероятности, объясняется неверным или неясным чтением в той греческой рукописи, которая лежала перед глазами славянского переводчика: переводчик увидел в оригинале не ἕως ‘прежде’, а νέος ‘новый’, и перевел эту форму как **новъıи**[9]. Преславский переводчик был талантливым и высокоэрудированным книжником, и такая его оплошность вызывает недоумение. Традиция сопоставлять Иисуса Христа с Адамом восходит к посланиям апостола Павла (Рим. 5:13–21; 1 Кор. 15:21–22, 45–49), выражение νέος Ἀδάμ — *Новый Адам* (Спаситель) встречается в святоотеческой литературе, в частности в сочинениях Максима Исповедника [PG, 91, *1317A*][10]. Ошибка (греческого писца, а затем преславского переводчика) устранена одним из редакторов перевода, очевидно, привлекавшим к своей работе греческий текст: на месте *новый* (νέος) читается **донелѣже** (ἕως) [см., например: Гильф. 44, *л. 39*; Деч. 71, *л. 123 об.*]. В данном случае функцией антропонима *Адам* является «простота во Христе», о которой писал апостол Павел: «боюсь, чтобы, как змей хитростью своею прельстил Еву, так и ваши умы не повредились, уклонившись от простоты во Христе» (2 Кор. 11: 4).

---

[9] Подобные случаи переводческих ошибок хорошо описаны в методологически важной работе Ф. Томсона [Thomson, 1988]. Некоторые ошибки первого славянского переводчика «Лествицы» названы в работе [Попова, 2020, *116–123*]; однако в процессе дальнейших углубленных текстологических исследований обнаруживаются новые ошибки, как, например, названная.

[10] Сердечно благодарю за консультацию протоиерея Вадима Леонова.

Причиной потери Адамом изначальной простоты стало грехопадение: τὴν πτῶσιν τοῦ Ἀδάμ **паденнє адамово** (94г, 7). В процитированном примере греческий род. п. антропонима переведен им. п. притяжательного прилагательного, что типично для подобных контекстов. Причиной грехопадения первого человека Лествичник считает чревоугодие. Если бы Адам сохранил заповедь воздержания в пище, он бы не познал своей жены: διδάσκει γὰρ τοῦτο καὶ ὁ παλαιὸς ἡμῶν ἐκεῖνος προπάτωρ Ἀδάμ, εἰ μὴ γὰρ τῇ γαστρὶ ἡττήθη, οὐκ ἂν τὴν ὁμόζυγον τί ἦν ἐγίνωσκεν **ѹ҆чнть бо се· н вєтъхын нашъ· онъ прадѣ҃ць адамъ· аще бо не оутробою побѣженъ бы былъ· не бы соупроужниця· чъто бѣ ꙁналъ** (95г, 13–19). Следствием грехопадения стало изменение человеческой природы, выразившееся в слезах, плаче: Οὐκ ἦν ἐν τῷ Ἀδὰμ πρὸ τῆς παραβάσεως δάκρυον (809С) **нє бѣ въ адамѣ прѣдь престоуплєннємь сльꙁы** (73а, 3–6).

Имя *Адам* через антономасию отсылает и к двум другим, не упомянутым по имени, персонажам — сыновьям Адама и Евы, Каину и Авелю: μένουσιν υἱοὶ τοῦ Ἀδάμ, μὴ γινώσκοντες τί ἦν Ἀδάμ **пребываю҆ть с҃нове ѧ҆дамл҃н· нє ꙁнаю҆ще что бѣ адамъ** (96а, 1–4). В данном случае антропоним *Адам* встречается два раза: в греческом языке в формах род. п. и им. п., в славянском переводе форме род. п. соответствует притяжательное прилагательное (τοῦ Ἀδάμ **ѧ҆дамл҃н**).

Как видно из приведенных выше примеров, во всех случаях употребления антропоним *Адам* выполняет функцию отсылки к начальной книге Библии. Символическая функция антропонима *Адам* в «Лествице» проявляется в выражении таких концептов, как «простота», преступление, чревоугодие и плач.

Антропоним ***Ева*** встречается в «Лествице» однократно — в контексте Ἐξορίζεται ἀκουσίως Εὔα τοῦ παραδείσου **нꙁгоннма есть· н нє хотѧщн· є҆ѹга нс породы** (18в, 19–21). Это чтение содержит аллюзию на (Быт. 3:23); антропоним *Ева* используется для отсылки к сюжету грехопадения.

Из других персонажей начала Священной истории автор «Лествицы» упоминает ***Ноя***. Антропоним *Ной* встречается один раз — в контексте τὴν τοῦ Νῶε ἀσχημονθέαν **срамноє видѣніє** (94г, 10–11). *Срамным видением* называется нагота опьяневшего Ноя, увиденная его сыновьями. В этом фрагменте имя Ноя в славянской рукописи утрачено (возможно, в результате гаплографии). В протографе перевода могло читаться **Ноя срамное видение* или **срамное Ноя видение*. Этот фрагмент читается в Слове о ненасытной утробе и является частью обширной дефиниции чревообъядения (Γαστριμαργία ἐστίν...). Таким образом, антропоним *Ной* в «Лествице» выполняет две функции: отсылает к сюжету (Быт. 9:21–23) и символизирует чревоугодие.

Из имен персонажей патриархального периода Священной истории в «Лествице» встречаются антропонимы *Лот*, *Исав*, *Иаков* и *Иосиф*.

Пять раз Лествичник упоминает имя ***Лот***. Антропоним *Лот* употребляется в контекстах, отсылающих к библейским сюжетам (Быт. 11–14, 19). В городе грешников Лот был единственным человеком, ведшим праведную жизнь

и не осуждавшим грешников: ὁ Λὼτ δεδικαίωνται, ὅτι, μέσος ὑπάρχων τοιούτων, οὐδ’ ὅλως ἐφάνη τούτους κατακρίνων ποτέ **лѡтъ· оправда сѧ посредѣ тацѣхъ бывъ· н никакоже ꙗвнт сѧ· снхъ осоуднвъ** (46в, 20 — 46г, 2). В этом примере реализуется символическая функция антропонима: имя концептуализирует такие христианские добродетели, как праведность и неосуждение ближнего.

Спастись из разрушенного гневом Господа Содома было разрешено лишь Лоту с его женой и двумя дочерьми. Жена Лота как олицетворение непослушания и нерешительности дважды упоминается Лествичником в сходных по строению грамматических конструкциях, содержащих антропоним *Лот*: μὴ τὴν σύζυγον, ἀλλὰ τὸν Λὼτ μιμούμενος φεύγῃ **не съпроѹжницѧ· нъ того самого лота· подражаꙗ бѣжн** (17в, 12–14) и μὴ τὴν γυναῖκα, ἀλλ’ αὐτὸν τὸν Λὼτ μιμεῖσθαι σπουδάσωμεν **не жены· нъ самого того лота подражатн· поспѣшнмъ** (19б, 4–6). В этих фрагментах, как и в приведенных выше, антропоним *Лот* выполняет символическую функцию, представляя такую монашескую добродетель, как послушание.

Антропоним *Лот* дважды фигурирует в контекстах, содержащих аллюзии на (Быт. 19:30–38): ὁ Λὼτ ταῖς θυγατράσι παρανόμως συνεγίνετο **лотъ съ дъцерьма беѕаконьнѣ бы** (76г, 13–15) и τὴν τοῦ Λὼτ μέμψιν (94г, 12) (в славянской рукописи лакуна). Второй пример (τὴν τοῦ Λὼτ μέμψιν), будучи включен в обширную дефиницию чревообъядения, иллюстрирует порок чревоугодия.

Антропоним ***Исав*** встречается в тексте «Лествицы» один раз — в контексте τὴν τοῦ Ἡσαῦ ἀπώλειαν **исавовоѹ погыбѣль** (94г, 8), где он не только отсылает к сюжету (Быт. 25:25–34), но и выполняет символическую функцию. Причиной погибели Исава стало чревоугодие. Как и в приведенных выше примерах (τὴν πτῶσιν τοῦ Ἀδάμ **паденнє адамово** (94г, 7), τὴν τοῦ Νῶε ἀσχημονθέαν **срамноє вндѣніє** (94г, 10–11), τὴν τοῦ Λὼτ μέμψιν — 94г, 12), в случае употребления антропонима *Исав* речь идет о символических обозначениях чревоугодия.

Четырежды в «Лествице» упоминается имя патриарха ***Иакова*** (Быт. 25–49). Антропоним *Иаков* употребляется для нескольких ситуаций. Прежде всего, это отсылка к сюжету «Лестница Иакова» (Быт. 28:12), являющемуся для «Лествицы» ключевым: Αἱ μὲν ὅσιαι ἀρεταί, τῇ τοῦ Ἰακὼβ κλίμακι παρεοίκασιν **Прѣподобнаꙗ оу|бо блговолѥнна· ꙗковлн лѣствицн· оуподобнша сѧ** (82б, 19–22) и ὁ Ἰακὼβ ἐπὶ τὴν κλίμακα σε ἐστηριγμένην τεθέαται **ꙗковъ на лѣствнцн тѧ оутвьрженоѹ вндѣ** (200б, 21 — 200в, 2).

Антропоним *Иаков* может отсылать к сюжету святого богоборчества (Быт. 32:24): Τοὺς γὰρ χειραγωγοὺς ἀπήγγειλεν ὁ μαθών σου τὴν πάλην καὶ τὴν ὅρασιν **вожъ бо повѣда оувѣдѣвын твоѥ бьраннє· н вндѣннє** (200в, 15–17). В данном случае автором «Лествицы» использована такая стилистическая фигура, как антономасия.

Имя Иакова для обозначения Бога функционирует в составе неточной цитаты из Псалтири: Οὗτος ὁ βίος, αὕτη ἡ κατάστασις, αὕτη ἡ διαγωγὴ τῶν ὄντως ζητούντων τὸ πρόσωπον τοῦ Θεοῦ Ἰακώβ **снцє жнтнє· такъ оустрон· снцє хоженнє въ нстнноѹ·**

възнскающихъ лица б҃а ꙗковлꙗ (38в, 8–12) (ср.: αὕτη ἡ γενεὰ ζητούντων αὐτόν, ζητούντων τὸ πρόσωπον τοῦ Θεοῦ Ἰακώβ — Пс. 23:6). По мнению Феодорита Киррского, в этом месте Библии Пророк предсказывает появление Спасителя, по воплощении которого уверовавшие в божественную проповедь оставили отеческих богов и *взыскали Бога Иаковля*, см. «Толкование на сто пятьдесят псалмов» [PG, 80, *1032–1033*]. Под *лицем Бога Иаковля* подразумевается Бог-Сын, сказавший: «Видевший Меня видел Отца» (Ин. 14:9) [см.: Клименко, 2004, *289*].

Наконец, антропоним *Иаков* употребляется в контексте μή πως, ὡς ὁ Ἰακὼβ, καὶ αὐτὸν καὶ τὸν ἀγαπώμενον καὶ τοὺς συμφοιτητὰς καταβλάψοι **да не нѣкако ꙗкоже ꙗковъ· и себе и любимаго· и съвъздрастъшаꙗ вредїть** (204а, 6–10). Под словом *любимый* подразумевается одиннадцатый сын Иакова, Иосиф. В этом месте книги, в Слове к пастырю, автор «Лествицы» предостерегает наставников (учителей, пастырей) от выделения одного из учеников — в этом случае страдают все: и учитель, и ученики. Таким образом, антропоним *Иаков* не только указывает на библейский сюжет (Быт. 37), но и выполняет функцию иллюстрации мысли Иоанна Лествичника, усиливает его рассуждения ссылкой на авторитет библейского персонажа.

Антропоним ***Иосиф*** (Быт. 30–50) встречается в «Лествице» один раз — в контексте Εὑρίσκω Ἰωσὴφ ἐκεῖνον, δι' ἀποστροφὴν ἁμαρτίας, καὶ οὐ δι' ἔνδειξιν ἀπαθείας, μακαριζόμενον **обрѣтаю ѡ҆снфа оного· ѡ҆вращенꙗ радї ѿ грѣха· а не показа радн безврѣднаго· блажнма** (167в, 19 — 167г, 1). В данном случае антропоним *Иосиф* используется в символической функции, выражая концепт праведности (*отвращение от греха*).

Из персонажей времени Исхода и обретения земли обетованной в «Лествице» упоминаются Моисей, Аарон, Амалик, Валаам, Иисус Навин и Раав.

Антропоним ***Моисей*** является самым частотным из всех ветхозветных антропонимов: в тексте «Лествицы» он встречается десять раз. Это естественно для книги, автор которой всю жизнь прожил на Синае. Моисея можно назвать главным действующим лицом «Лествицы», идеальным пастырем, взошедшим на вершину божественной лествицы, как некогда он взошел на вершину Синайской горы. Одна из функций антропонима *Моисей* заключается в том, чтобы подчеркнуть важность этого библейского персонажа для автора «Лествицы», усилить значимость сказанного автором: Μωυσῆν γὰρ ἔχω συνήγορον **мѡсѡ҆ бо нмамъ помощнка** (52в, 22 — 52г, 1).

Пророк Моисей в эпоху создания «Лествицы» в византийской культуре воспринимался как прообраз монаха и пастыря [см. об этом: Déroche, 2015]. Это пример, образец для подражания игумену монастыря. Об этом свидетельствует употребление антропонима в Слове к пастырю, в контексте Τύπος σοι καὶ ἐν τούτῳ Μωυσῆς ὁ μέγας ἔστω, πάνσοφε **Образъ тн о семь мѡѷсн велнкын боудн п҃рмдре**

(214в, 4–5). Как и в предыдущем примере, антропоним *Моисей* выполняет функцию усиления авторских рассуждений.

Антропоним *Моисей* употребляется для указания на авторство Закона, т. е. пяти первых книг канонической еврейской и христианской Библии: Ἄρχεται μὲν γὰρ ἐκείνης αὕτη, ὡς Μωυσῆς νόμου **наꙋннаєть бо ономоꙋ акы мѡсн ꙁаконоꙋ** (42г, 20–21). В этой роли антропоним *Моисей* используется в составе фразы, вводящей точную цитату из Пятикнижия, — подчеркивается, что устами этого пророка глаголет Бог: Δειλὸς εἰς πόλεμον μὴ ἐξιέτο, Μωυσῆς, μᾶλλον δὲ Θεός, παρακελεύται **Страшнвын на брань да не нсходнть мѡсн паѵе же б҃ъ велнть** (158г, 3–5) (ср.: Δειλὸς εἰς πόλεμον μὴ ἐξιέτο — Втор. 20:8). В связи со сказанным представляется интересным следующее наблюдение. Иоанн Лествичник называет Моисея *законоположником* (νομοθέτης): κατὰ τὸν μέγαν ἐκεῖνον νομοθέτην **по велнкоꙋмоꙋ ономоꙋ ꙁаконоположннкоꙋ** (215а, 5–7). Лексема νομοθέτης ‘законоположник’ встречается в Библии один раз (Иак. 4:12) и обозначает Бога: только он один стоит выше закона. Иоанн Лествичник употребляет это слово по отношению к Моисею.

Главной функцией антропонима *Моисей*, как и в случае с другими ветхозаветными именами, является отсылка к событиям библейской истории. В этой функции имя *Моисей* употребляется пять раз, их них четыре раза речь идет о сюжете исхода из Египта: Ὅσοι ἐξ Αἰγύπτου καὶ τοῦ Φαραώ ἐξελθεῖν, καὶ φυγεῖν βουλόμεθα, πάντως Μωυσέως τινὸς καὶ ἡμεῖς, μεσίτου πρὸς Θεὸν **єлiко насъ нꙁъ єгупта· н фарѧѡна нꙁнтн· н бѣжатн хоцємъ· всѧко мосѣꙗ нѣкоєго н мы ходатаѧ къ б҃оꙋ** (9а, 18 — 9б, 1); Οἱ μὲν ἐξ Αἰγύπτου ἐξιόντες, Μωυσέα <...> ἐκέκτατο **нꙁлаꙁѧцєн· ѹ҆бо нꙁь єгупта мосѣа̀ <...> ѡ҆брѣтоша** (9б, 14–19); Οὗτος δοξάζεται Μωυσῆς, ὁ θεόπτης ἐκείνος **снце прославлꙗют сѧ монсі· б҃овндьць онъ** (199а, 4–6); Καίπερ ἐκ Θεοῦ Μωυσῆς ἐκεῖνος ὁ θεόπτης, πρὸς σωτηρίαν τοῦ ὁμοφύλου γένους ἀποσταλείς **н мосѝ бо онъ ѿ б҃а вндьць** (так! — *Т. П.*[11])· **на сп҃съ своеплеменьнымъ людьмъ посланъ** (19в, 1–4). Обширный фрагмент «Лествицы», в котором функционирует антропоним *Моисей*, излагает ветхозаветные сюжеты Боговидения, возвращения в египетское рабство и восхождения на Синай: Μωυσῆς μετὰ τὸν Θεὸν ἐν τῇ βάτῳ ἰδέσθαι, πάλιν εἰς Αἴγυπτον ἤγουν σκοτασμὸν πρὸς τὴν πλινθουργίαν τοῦ νοητοῦ ἴσως Φαραὼ ὑπέστρεψεν, ἀλλὰ πάλιν ἀνέρχεται ἐν τῇ βάτῳ, καὶ οὐ μόνον, ἀλλὰ καὶ ἐν τῷ ὄρει **мѡсн по вндѣннн б҃а· пакЪы въ єгупть рекше въ тьмоꙋ· на лаѝнотворнѐ· раꙁоꙋмьнаго васнь фараѡ̑на· възврати сѧ· нъ пакы въсходнть къ коꙋпиннѣ· н не тъꙋню нъ н на гороꙋ** (63в, 5–13).

Один раз в текст «Лествицы» включено имя брата Моисея, ***Аарона*** (Исх., Числ.). Антропоним *Аарон* используется для отсылки к сюжету освобождения

[11] Соответствие θεόπτης **ѿ б҃а вндьць** не встречается ни в одной другой из нескольких десятков рукописей преславского перевода «Лествицы», поэтому оно однозначно квалифицируется как ошибка писца [Рум. 198].

евреев из египетского рабства: Μωυσῇ, κατὰ τὸν τῆς ἱστορίας τύπον, ἰσχνόφωνον ἑαυτὸν ἀποκαλεῖν καὶ βραδύγλωσσαν, ἀλλ’ ἐκεῖνος μὲν Ἀαρὼν ἀρίστου ἐπέτυχε καὶ λογοδότου καὶ λεξιδρόμου (Исх. 4:10–16) **мѡисн по повѣстьноуѫмоу образоу· н хоудогласьноу· нъ онъ оу҆бо арѡна доблꙗаго полоуун· словодатннка· н рѣуетоунаго** (217в, 21 — 217г, 6). Этот фрагмент «Лествицы» содержит противопоставление Моисея и Аарона. Как верно замечено Р. Меестерсом, отношения между автором «Лествицы» (Иоанном Синайским) и заказчиком книги (Иоанном Раифским) в метафорическом плане такие же, как отношения Моисея и Аарона: второй из них — архитектор (ἀρχιτέκτων), а первый — строитель (πληρωτής), получивший задание и вдохновение от архитектора [Meesters, 2017, *43*]. Таким образом, антропоним *Аарон* в «Лествице» используется не только для указания на сюжет библейской истории, но и для скрытой отсылки к заказчику книги. Имени *Аарон* в приведенном выше примере сопутствуют эпитеты *добрый*, *словодатник*, *речеточник*. В связи с этим заметим, что лексемы **словодатьннкъ** λογοδότης и **рѣуетоуьнын** λεξιδρόμος отсутствуют в исторических словарях русского языка и в словарях старославянского языка.

Три раза в «Лествице» упоминается имя ***Амалика***, родоначальника племени амаликитян (Быт. 36:12; 1 Пар. 1:36). Особенностью употребления антропонима *Амалик* в «Лествице» является его использование в обобщенном значении — вместо нарицательного имени (автономасия). Имя *Амалик* обозначает все племя амаликитян, побежденное силой молитвы Моисея. Функция антропонима *Амалик* — отсылка к сюжету победы над амаликитянами (Исх. 17:8–13; Прем. 10:19): τὸν Ἀμαλὴκ τῶν παθῶν τροπωσώνται **амалнкъ вредовъ побѣднть** (так! — *Т. П.*; **побѣдѧ|ть**?) (9б, 9–10); σταύρωσον χεῖρας ἀκινήτως, ἵνα δὴ διὰ τοῦ τύπον τὸν Ἀμαλὴκ αἰσχύνῃς καὶ νικήςῃς **прѣложн· кр҆тъмь роуцѣ неподвнжънѣ· да н образъмь а҆малнка о҆срамнши· н побѣдншї** (108а, 18–21); τὸν Ἀμαλὴκ τῆς οἰήσεως, τὸν μετὰ τὴν νίκην τῆς θαλάττης, ἀπαντᾷν πεφυκότα τοῖς νικηταῖς, ἐκτάσει χειρῶν **амалнка мьнѣнѝнаго· нже побѣдѣ** (так! — *Т. П.*; гаплография, по **побѣдѣ**?) **морьстѣн съръстаеть· побѣдннкы протѧженнемь роуунымь** (215г, 13–17). Как видно из приведенных примеров, антропоним *Амалик* в «Лествице» выполняет и символическую функцию, обозначая страсти (грехи), в особенности самомнение (высокомерие, гордость).

Один раз в «Лествице» появляется антропоним ***Валаам***. Упоминая прорицателя, Иоанн Лествичник отсылает читателя к библейскому сюжету о заговорившей ослице (Числ. 22:28): καὶ δι’ ὄνου ἐπὶ τοῦ Βαλαὰμ τὰ χρειώδη διδάξαντι **н осьлѧтьмь прн валаа҆мѣ потребное на-ѹ҆унвъшоу** (141г, 18–20).

Один раз в «Лествице» встречается имя ***Иисуса Навина***, преемника Моисея, полководца, завоевавшего Ханаан. Как и в других случаях, функция антропонима *Иисус* заключается в отсылке к сюжетам (Иис. Нав. 3–4; 18:10): Ἐπὶ τὸν Ἰορδάνην ἔρχῃ <...> διαιρεῖς λαῷ, ὥσπερ Ἰησοῦς ἐν τῷ λόγῳ **на и҆орданъ прнходншн** <...> **раздѣлꙗкшн людн акы словъмь** (так! — *Т. П*) (216в, 4–8).

В этом чтении славянская рукопись содержит гаплографическую ошибку и пропуск титла: **акы словъмь** следует читать как **акы нс словъмь** (ὥσπερ Ἰησοῦς ἐν τῷ λόγῳ). Таким образом, имя *Иисуса Навина* в результате писцовой ошибки оказалось утраченным, что повлекло за собой утрату смысла этого фрагмента рукописи.

Имя ***Раав*** также встречается в «Лествице» один раз. Функцией названного антропонима является отсылка к библейскому сюжету, согласно которому блудница Раав обманула слуг царя, направив их по ложному следу, и тем самым спасла спутников Навина (Иис. Нав. 2). Аллюзия на этот библейский сюжет включена в Слово о лжи: Τῆς Ῥαὰβ μιμητὴν ἑαυτὸν τεκμαίρεσθαι ψευδοπλάστης ἀνήρ, καὶ δι’ ἀπωλείας οἰκείας τὴν ἑτέραν σωτηρίαν λέγει πραγματεύεσθαι **раавы подражатель сѧ· мьнитъ лъжитворьць· моуж и пагоубою своєю· инѣхъ творѧ сѧ· глєть спсниє** (88в, 19 — 88г, 2).

Из персонажей времени до Вавилонского плена в «Лествице» упоминаются Илий, Саул, Давид, Илия, Манассия.

Антропоним ***Илий*** через ономасию отсылает к неназванным в Библии персонажам — сыновьям священника Илия, которые навлекли на себя гнев Господа и погибли (1 Цар. 4:34). Причиной гибели сыновей Илия стало их чревоугодие, поэтому данный библейский эпизод нашел отражение в Слове о ненасытной утробе, в дефиниции чревообъядения: τὴν τῶν υἱῶν Ἠλεὶ τοῦ ἱερέως ἐξολόθρευσιν **сыновъ· или жръцѧ потреблєниє** (94г, 12–13).

Антропоним ***Саул*** встречается в «Лествице» один раз — во фрагменте: Μὴ προσεύχου περὶ τοῦ λαοῦ τούτου καὶ ἐπὶ τοῦ Σαοὺλ ὁμοίως **и не моли сѧ о людьхъ сихъ· и о саулѣ такоже** (205г, 4–5). Первая часть этого чтения (Μὴ προσεύχου περὶ τοῦ λαοῦ τούτου) представляет собой цитату (Иер. 7:16), которая продолжается фразой καὶ ἐπὶ τοῦ Σαοὺλ, ὁμοίως. Таким образом, этот фрагмент содержит скрытую отсылку к (1 Цар. 16:1): Ἕως πότε σὺ πενθεῖς ἐπὶ Σαοὺλ, κἀγω ἐξουδένωκα αὐτὸν μὴ βασιλεύειν ἐπὶ Ἰσραήλ.

Имя царя ***Давида*** упоминается в «Лествице» семь раз. В целом наблюдения над функционированием цитат в «Лествице» приводят к выводу, что из всех книг Священного Писания чаще всего Лествичник цитирует Псалтирь. По нашим подсчетам, в тексте памятника встречается не менее 212 точных цитат из Псалтири — книги, оказавшей огромное влияние на всю мировую классическую литературу [см. об этом: Stichel, 2007].

Основной функцией имени *Давид* в «Лествице» является указание на цитату из Псалтири: шесть раз из семи именование царя функционирует в составе выражения, вводящего цитату. Как правило, это выражение предваряет или заключает цитату: πάντα τὰ τερπνὰ ὑπὸ τὸν οὐρανὸν ὁ Δαυΐδ ἐξερευνήσας, ἔσχατον πάντων διαπορῶν ἔλεγεν **вса красьнаꙗ подъ небесьмь· двдъ испытавъ· послѣже вьсего недовѣдын глше** (37а, 9–11); Ἦν ἐκεῖ, ὦ φίλοι, ἦν ἐκεῖ τὰ τοῦ Δαυίδ ἐναργῶς θεάσασθαι ρήματα **бѧше тамо ѡ дроузѣ бѣаше тамо двдва ꙗвѣ видѣти**

словеса (55а, 21 — 56а, 1); τοῦτό ἐστιν, ὡς οἶμαι, ὅπερ καὶ Δαυΐδ, εἰ καὶ διδάσκαλος καὶ σοφὸς ὑπήρχεν, ἡνίκα ἐπένθει, πρὸς τοὺς ἐρωτῶντας ἀπεκρίνατο **се есть ꙗкоже мьню· ѥже н двдъ· аще н оучитель· н прмдръ бѣаше· егда плакаше къ въпрашающимъ· ѿвѣщаваше** (70в, 3–7); ὥς φησιν ὁ Δαυΐδ πρὸς τὸν Θεὸν **ꙗкоже рѣ двдъ къ бгу** (87г, 13–15). Как упоминалось выше, тема библейских цитат в «Лествице» не являлась предметом специального исследования. По нашим предварительным наблюдениям, характерной особенностью стиля «Лествицы» является прием разрыва цитаты: автор вставляет внуть цитаты свои рассуждения или, как в случае с контекстами, включающими антропоним *Давид*, аорист **рече** в качестве знака цитации: ὅτι εἰ ἠθέλησας θυσίαν, ἔδωκα ἂν, τῷ Θεῷ φησὶν ὁ Δαυὶδ, ὁλοκαυτώματα σώματα διὰ νηστείας οὐκ εὐδοκήσεις (Пс. 50:18) **ꙗко аще бы въсхотѣлъ жъртвѣ· далъ быхъ бгу рѣ двдъ· всесъжигаемаꙗ телеса· алъчбою не блговолиши** (142г, 19 — 143а, 2); Ὁ μὲν γὰρ Δαυΐδ, ὁ περίφημος ἐν Προφήταις, Ἄνες μοι, φησὶν πρὸς Κύριον, ἵνα ἀναψύζω (Пс. 38:14) **дв҃ѳь** (так! — *Т. П.*) **бо словъи въ прцѣхъ· ослаби мн рѣ къ гу да почию** (195б, 4–7).

Как видно из приведенных выше примеров, имя *Давид* может сопровождаться эпитетами *учитель*, *премудрый*. Олицетворение премудрости является символической функцией антропонима *Давид*. Эта функция отчетливо реализуется в контексте: Θαυμάζω γὰρ ἐὰν τοῦ Δαυὶδ τοῦ Προφήτου ἰσχυροτέρους ἑαυτοὺς λογιζόμεθα, ὅπερ ἀμήχανον **чѹдꙗ бо сѧ аще двда прка· крѣпльше сѧ помышлѧемъ· еже немощно** (104в, 7–10).

В «Лествице» трижды упоминается один из величайших пророков Древнего Израиля ***Илия*** (3 Цар. 17–21; 4 Цар. 1–2). Антропоним *Илия* выполняет функцию указания на реальное место пребывания Иоанна Лествичника. Пещера Илии-пророка у подножия горы Синай находится примерно в 10 км от места подвигов автора Лествицы. В VI–VII вв. вокруг горы Синай существовал крупнейший и важнейший для этого исторического периода монашеский центр, включающий в себя, кроме главного храма (монастыря святой Екатерины), несколько десятков пещер отшельников [см. об этом: Dahari, 2000]. В одном из таких уединенных мест недалеко от пещеры Илии-пророка жил монах Стефан, о котором идет речь в Слове о плаче: ἐκέκτητο τὴν κέλλαν πρὸς τῇ καταβάσει τοῦ ἁγίου καὶ θεόπτου Ἠλίου, ἐν τῷ ἁγίῳ τούτῳ ὄρει **имѣаше хлѣвнноу на съходѣ стго и бовнцѧ· илна· въ стѣи сеи горѣ** (73г, 16–19). В этой пещере в пустыне Илия-пророк много молился, и само расположение подобных мест, по мнению Лествичника, призывает сердца к умилению и радостному плачу: καὶ πεισάτωσαν ἴσως <...> Ἠλίας <...> καθ’ ἑαυτοὺς προσευχόμενοι **да тѧ препираѥть** · <...> **илна** <...> **особь молѧще сѧ** (77а, 8–10).

Второй функцией антропонима *Илия* является отсылка к одному из самых известных библейских сюжетов — восхождению Илии на небо на огненной колеснице (4 Цар. 2:11): Οἷς ὥσπερ τινὶ πυρὸς ἅρματι, κατ’ ἐκεῖνον τὸν φίλαγνον Ἠλίου

ἐν ποσὶν ἀοκνίας ἐπιβεβηκώς **на нєже акы нѣкоє· огньноє ороужнє· по ономоу· любоунсТотьноумоу нлнн· [на небо]**[12] **безъ лѣности въшъдъ** (215б, 3–7).

Антропоним ***Манассия*** встречается в «Лествице» один раз — в контексте: Εὑρίσκω Μανασσῆν ἐκεῖνον ἐν ἀνθρώποις ὡς οὐδέν αὐτοῦ τὸν ἁμαρτήσαντα, καὶ τὸν ναὸν τοῦ Θεοῦ ἐν εἰδώλοις, καὶ πᾶσαν τὴν θρησκείαν μολύναντα, ὑπὲρ οὗ, εἰ πᾶς ὁ κόσμος νενήστευκεν, οὐδὲν ἂν ἄξιον ἀντεισενεγκεῖν ἠδύνατο. Ἀλλ' ἴσχυσεν ἡ ταπείνωσις ἀνίατα ἰάσασθαι **обрѣтаю манасню оного въ ѵ҃лвцѣхъ· ꙗкоже [ннєдного]**[13] **ѿ тѣхъ съгрѣшнвъша· н ц҃рквє б҃ню коумнрмн· н всу жъртвоу осквьрннвъша· за ньже аще н вьсь мнръ бы алкалъ· ннутоже достоинно прннєстн· въ того мѣсто можашє· нъ възмѡже съмѣрєннє нєнсцѣлнаѧ нсцѣлꙗтн** (142г, 7–19). В этом фрагменте содержится отсылка к нескольким библейским книгам (4 Цар. 21:1–18; 1 Пар. 3:13; 2 Пар. 32–33; Мф. 1:10). Царь Манассия, будучи большим грешником, творил многие беззакония, однако в Вавилонском плену он раскаялся и был прощен. В «Лествице» имя *Манассия*, кроме отсылочной, выполняет символическую функцию, обозначая две христианские добродетели: покаяние и смирение.

Из антропонимов персонажей времени Вавилонского плена в «Лествице» встречается имя пророка Иезекииля.

Имя ***Иезекииль*** (Иез.) фигурирует в составе цитаты Ποῦ ἦν τότε ἡ τοῦ Ἰεζεκιὴλ φωνή, ἵνα εἴπῃ πρὸς αὐτούς, ὅτι ἐν ᾧ εὕρω σε, ἐν αὐτῷ καὶ κρινῶ σε, εἶπεν ὁ Θεός; **кдє бѣ тъгда нєзєкнєвъ гл҃а· да рєть къ тѣмъ· ꙗко въ нємже обрѧщоу тѧ соужоу тн· рє б҃ъ** (74в, 16–20). Этот пример относится к числу тех фрагментов книги, которые отчетливо опознаются всеми читателями книги, в том числе ее комментаторами, как чужой текст, но источник цитаты при этом остается неясным. По мнению отптинских старцев, к деятельности которых восходит самая известная в настоящее время русская версия «Лествицы», этот фрагмент связан с (Иез. 33:13–16) [Лествица, 1908, *177*]. В новогреческом издании «Лествицы» в качестве источника этого чтения указывается (Иез. 33:12–16) [Κλῖμαξ, 1997, *151*]. Автор греко-итальянского издания «Лествицы» П. Тревизан усматривает отношения этого фрагмента с (Иез. 7:8) [Scala paradisi, *276*]. В названных стихах Книги пророка Иезекииля, на наш взгляд, связь с ἐν ᾧ εὕρω σε, ἐν αὐτῷ καὶ κρινῶ σε не прослеживается. По контексту в «Лествице» можно сделать лишь однозначный вывод, что Иезекииль пророчествует о приходе Спасителя. Само выражение «В чем я найду вас, в том и буду судить» в Библии отсутствует. В сочинении Иустина Философа (II в.) оно приписывается Иисусу Христу: ὁ ἡμέτερος Κύριος Ἰησοῦς Χριστὸς εἶπειν, ἐν οἷς ἂν ὑμᾶς καταλάβω, ἐν τούτοις καὶ κρινῶ, см. «Диалог Иустина Философа с иудеем Трифоном» (глава 47) [PG, 6, *580*].

[12] Чтение восстановлено по рукописи [Трц. 10, *л. 212*].
[13] Чтение восстановлено по рукописи [Трц. 10, *л. 138*].

Из других персонажей исторических книг Ветхого Завета Иоанн Лествичник упоминает имена Иова и Елифаза.

Антропоним ***Иов*** встречается в «Лествице» пять раз. Судьбу этого персонажа Священного Писания Лествичник описывает в нескольких словах: Πτωχεύει ὁ Ἰώβ, ἀλλὰ πάλιν διπλῶς ἐπλούτησεν **ѡ҆ѹ҆божа въ** (так! — *Т. П.*)· **нъ пакы соугоубо ѻ҆боґатѣ** (63в, 15–17). Писец славянской рукописи изменил это чтение, приняв аорист **ѡ҆ѹ҆божа** за причастие **ѡ҆ѹ҆божавъ**, в результате чего имя *Иов* оказалось утраченным. В этом небольшом фрагменте содержится отсылка ко всей Книге Иова.

В трех употреблениях из пяти антропоним *Иов* используется в функции указания на автора библейского текста: Ἑώρακα τοιαῦτα (Иов. 13:1), καθώς φησιν ὁ Ἰώβ **вндѣхъ таковаꙗ· ꙗкоже ре҆ новъ** (45б, 10–11); Χρόνῳ σπανίζεται θάλασσα (Иов. 14:11), ὥς φησιν ὁ Ἰώβ **временьмь оскоудѣваеть море· ꙗкоже ре҆· и҆ѡвъ** (70а, 1–3); Διὸ καὶ ἐν τῷ Ἰὼβ αὕτη ἡ πάνσοφος ἔλεγε, Πότερον οὐ δέξεταί μου τὸ οὖς ἐξαίσια παρ᾽ αὐτοῦ (Иов. 4:12) **тѣмже и въ иѡвѣ· прем҆рок҃ глше которое· прииметь ли ми слоухъ и҆здрѧднꙑхъ ѿ того** (178а, 13–17). В последнем примере писец славянской рукописи пропустил отрицательную частицу (οὐ δέξεται **прииметь**); в результате этой писцовой ошибки смысл фрагмента изменился на противоположный.

Антропоним *Иов* в «Лествице» символизирует нестяжание и смирение. Символическая функция имени *Иов* реализуется во фрагменте Слова о нестяжании: Οὐκ ἦν ἐν τῷ Ἰὼβ φυλαργυρίας ἴχνος, διὸ καὶ στερηθείς, ἀθόρυβος ἔμεινε **не бѣ въ и҆ѡвѣ ꙁлатолюбьнаго слѣда· тѣмже и лишенъ· бе-съмоущенꙗ пребы** (111г, 20 — 112а, 1). Заметим, что форма **ꙁлатолюбьнаго** (φυλαργυρίας) представляет собой русскую редакторскую правку; в протографе перевода, вероятно, читалось ***сьребролюбьнаго**, эта форма сохранилась в болгарских и сербских рукописях перевода.

Антропоним ***Елифаз*** употребляется в «Лествице» один раз — в контексте Ἔφριξάν μου τρίχες καὶ σάρκες, ὁ Ἐλιφὰς ἔφησε **сьдьрґноуша ми сѧ власи· и плъти елифаꙁь ре҆** (118г, 4–5). Функция антропонима *Елифаз* заключается в отсылке к библейской книге (Иов. 4:15).

* * *

Наблюдения над функционированием личных имен в тексте памятника в аспекте коллективной культурной памяти приводят к следующим выводам.

1. Автор книги мастерски выстроил панораму божественного восхождения, включив в ее текст многие библейские сюжеты, важнейшими из которых для него являются сон Иакова и получение Моисеем скрижалей Завета. Неслучайно книга называется «Лествица, или Скрижали духовные». Кроме Иакова и Моисея, определяющая роль в структуре и семантике книги отведена таким персонажам, как Давид, Адам, Лот и Иов.

Ветхозаветные антропонимы выполняют в «Лествице» четыре функции: отсылочную, символическую, усилительную, указательную.

Отсылочная функция антропонимов заключается прежде всего в отсылках к событиям библейской истории, а также (в редких случаях) к другим реалиям: в имени *Моисей* содержится скрытая отсылка к заказчику книги, Иоанну Раифскому, в имени *Илия* — отсылка к реальному месту событий, в которых происходит действие рассказа о Стефане, включенного в состав Слова о плаче.

Символическая функция антропонимов проявляется в аллегорическом представлении через их посредство тех или иных добродетелей или пороков. Использование антропонимов помогает автору «Лествицы» образно обозначить такие христианские добродетели, как праведность (*Лот* и *Иосиф*), неосуждение ближнего и послушание (*Лот*), «простота» и плач (*Адам*), премудрость (*Давид*), покаяние и смирение (*Манассия*), нестяжание и смирение (*Иов*). С другой стороны, антропонимы могут символизировать такие пороки, как чревоугодие (*Адам*, *Ной*, *Лот*, сыновья Илии) и высокомерие (*Амалик*).

Усилительная функция антропонимов заключается в выделении, подчеркивании авторской мысли в том или ином фрагменте текста, в усилении смысла текста ссылкой на авторитет библейского персонажа. В этой функции могут выступать антропонимы *Иосиф*, *Моисей*, *Давид*.

Указательная функция антропонимов реализуется в указании на авторство той или иной цитаты из Библии. Чаще всего в этой функции используется антропоним *Давид*. В указательной функции могут также выступать антропонимы *Моисей*, *Иов* и *Иезекииль*.

2. Переводчик книги, живший в Преславе в золотой век древнеболгарской культуры, был талантливым и высокообразованным книжником. Он не уступает автору в мастерстве создания художественного текста. Перевод почти всех контекстов, содержащих личные имена, является семантически и грамматически корректным. Единственная ошибка переводчика (*новый Адам*) имеет причиной неясное написание в греческой рукописи, ставшей оригиналом для перевода (ἕως было прочитано переводчиком как νέος). «Индивидуальные архивы» «коллективной церковной памяти» автора «Лествицы» и ее первого славянского переводчика совпадали.

3. Переписчик книги, киевский книжник середины XII в., не был опытным и начитанным. В древнейшей славянской рукописи «Лествицы» не менее 1 200 (!) писцовых ошибок. Как представляется, часть из них была допущена писцами предыдущих, не дошедших до нашего времени рукописей, и писец [Рум. 198] механически перенес эти ошибки в свою книгу, не задумываясь над смыслом переписываемого им текста (или он старательно, буква в букву, переписал текст антиграфа, не решаясь что-либо в нем исправлять).

Самым частотным типом писцовых ошибок в древних рукописях является пропуск, и рукопись [Рум. 198] не исключение. При переписывании из-за

невнимательности писца или гаплографической ошибки имя ветхозаветного персонажа может быть пропущено или искажено (случаи с именами Ноя, Иисуса Навина, Иова). Более того, может быть пропущен весь контекст, в котором функционирует имя (случай с именем Лота).

Орфографическая неустойчивость наблюдается в написании имен *Лот* (**лѡтъ**, **лота**), *Моисей* (**мосѣꙗ**, **монсі**, **мосн**, **мѡсн**), *Давид* (**дв҃дъ**, **дв҃ѳѣь**), *Иов* (**новъ**, **ні҆ѡвъ**). Эти антропонимы возникают в тексте «Лествицы» многократно, и разные варианты их написания свидетельствуют о неопытности переписчика.

Концентрация ошибок в [Рум. 198] очень велика. Первый славянский перевод «Лествицы» по этой древнейшей из дошедших рукописей стал предметом внимания А. В. Горского и К. И. Невоструева и был охарактеризован ими как «темный», «маловразумительный», «во многих местах совсем неверный» [Горский, Невоструев, 1859, *203*, *204*]. Наблюдения над славянским текстом «Лествицы» в разных рукописях перевода приводят к однозначному выводу о том, что «маловразумителен» не перевод в целом, а текст отдельно взятой его рукописи — [Рум. 198]. В более поздних рукописях ошибки, связанные с библейскими антропонимами, могут быть устранены более опытными писцами, хорошо знающими Священную историю и святоотеческую литературу. В связи с этим привлечение других рукописей перевода (русских, болгарских и сербских) может стать интересной перспективой исследования того, как антропонимы функционируют в тексте «Лествицы» в аспекте культурной памяти средневекового славянского книжника.

Источники

Гильф. 44 — Иоанн Синайский. Лествица // РНБ. Ф. 182 (собр. А. Ф. Гильфердинга). Ед. хр. 44. URL: http://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=48E3C704-30F3-4064-BD6A-EA0638403879 (дата обращения: 11.03.2022).

Деч. 71 — Јованова лествица // Народная библиотека Сербии. Собр. Дечанского монастыря. Ед. хр. 71. URL: https://www.decani.org/rs/%D0%B1%D0%B8%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B5%D0%BA%D0%B0/%D0%BA%D1%9A%D0%B8%D0%B3%D0%B5/%D1%80%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BD%D0%B5-%D0%BA%D1%9A%D0%B8%D0%B3%D0%B5/event/DEC_071 (дата обращения: 22.04.2022).

Лествица, 1908 — Преподобнаго отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе. 7-е изд. Сергиев Посад : Козельская Оптина пустынь, 1908.

Рум. 198 — Лествица // РНБ. Ф. 256 (собр. Н. П. Румянцева). Ед. хр. 198. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/256/f-256-198/ (дата обращения: 27.05.2022).

Трц. 10 — Лествица преп. Иоанна Лествичника // РГБ. Ф. 304/I (основное собр. Троице-Сергиевой лавры). Ед. хр. 10. URL: https://lib-fond.ru/lib-rgb/304-i/f-304i-10/ (дата обращения: 28.03.2022).

PG — Patrologiae cursus completus / ed. J. P. Migne. Paris : Typographie catholique, 1857–1866.

Scala paradisi — S. Giovanni Climaco Scala paradisi / testo con introduzione, versione e note del Sac. P. Trevisan. Corona patrum Salesiana. Vol. 8 : Gradini 1–15 ; Vol. 9 : Gradini 16–30. Torino : Società editrice internazionale, 1941.

Κλῖμαξ, 1997 — Ἰωάννου τοῦ Σιναίτου Κλῖμαξ ὑπὸ ἀρχιμ. Ἰγνάτιου. Ωρωπός : ΕΚΔΟΣΙΣ ΙΕΡΑΣ ΜΟΝΗΣ ΠΑΡΑΚΛΙΤΟΥ, 1997.

Исследования

Гарзанити М. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М. : Индрик, 2014.

Горский А. В., *Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Отд. 2 : Писания святых отцов. Ч. 2 : Писания догматические и духовно-нравственные. М. : Синодальная тип., 1859.

Дурново Н. Н. Д-р Ст. М. Кульбакин. Палеографска и езичка испитаваня о Мирославлевом эвангелю // Slavia. 1926–1927. Т. 5. S. 563–571.

Клименко Л. П. Словарь переносных, образных и символических употреблений слов в Псалтири. Нижний Новгород : Изд-во Братства св. Александра Невского, 2004.

Попова Т. Г. Лествица Иоанна Синайского в славянской книжности. Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011.

Попова Т. Г. Первый славянский перевод Лествицы Иоанна Синайского. М. ; СПб. : Нестор-История, 2020.

Соболевский А. И. Источники для знакомства с древнекиевским говором // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. № 2. С. 349–357.

Cavallo G. Scrivere leggere memorizzare le sacre scritture // Settimane di studio del centro italiano di studi sull' Alto medioevo. Spoleto : Centro italiano di studi sull' Alto medioevo, 1998. Vol. 2. P. 987–1013.

Dahari U. Monastic Settlements in South Sinai in the Byzantine Period: The Archaeological Remains. Jerusalem : Israel Antiquities Authority, 2000.

Déroche V. Figures de Moïse à Byzance // Orient et Méditerranée. 2015. No. 18. F. 201–218.

Garzaniti M. Die altslavische Version der Evangelien. Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung. Köln ; Weimar ; Wien : Boehlau-Verlag, 2001.

Garzaniti M. Le citazioni bibliche nella letteratura slavo-ecclesiastica // Studi Slavistici. 2004. No. 1. P. 330–335.

MacRobert M. C. On the Role of Memory and Oral Tradition in the early Transmission of the Church Slavonic Psalter Text // Християнска агиология и народни вярвания / ред. А. Милтенова, Е. Томова, Р. Станкова. София : Изток-Запад, 2008. С. 340–355.

Meesters R. The Afterlife of John Klimax in Byzantine Book Epigrams. Edition, Translation and Commentary of Two Poetic Cycles : Proefschrift voorgelegd tot het behalen van de graad van Doctor in de taal- en letterkunde / Universiteit Gent. Gent, 2017.

Picchio R. The Function of Biblical Thematics Clues in the Literary Code of "Slavia Orthodoxa" // Slavica Hierosolymitana. 1977. No. 1. P. 1–31.

Stichel R. Beiträge zur frühen Geschichte des Psalters und zur Wirkungsgeschichte des Psalmen. Paderborn ; München ; Wien ; Zürich : Schöningh, 2007.

Thomson Fr. J. Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations // Christianity Among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius / ed. by E. G. Farrugia et al. Roma : Pont. Institutum Studiorum Orientalium, 1988. P. 351–381.

Рукопись поступила в редакцию 31.08.2020

* * *

Попова Татьяна Георгиевна
доктор филологических наук, профессор
Института гуманитарных наук
Балтийский федеральный университет
им. Иммануила Канта
236016, Калининград, ул. А. Невского, 14
E-mail: lestvic@mail.ru

Popova, Tatiana Georgievna
DrHab, Professor
Institute for the Humanities
Immanuel Kant Baltic Federal University
14, A. Nevskogo Str., 236016 Kaliningrad, Russia
Email: lestvic@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-8431-2962

Tatiana G. Popova
Immanuel Kant Baltic Federal University
Kaliningrad, Russia

OLD TESTAMENT NAMES IN THE TEXT OF THE *LADDER* OF JOHN CLIMACUS

The paper explores twenty-one Old Testament names found in the text of the translated monument of early Slavic writing, the *Ladder* of John Climacus. These personal names are a special kind of biblical quotations referring to the events of the Holy History. The study builds on a comparative analysis of the Greek text of the *Ladder* according to the publication in *Patrologia Graeca* (Vol. 88) and the text of the oldest Russian manuscript of the 12th century. The author looks to identify various strategies of delivering biblical citations used by the author, translator and scribe of the book, which is explained by the absence of the canonical text of the Holy Scriptures and the long history of existence of the *Ladder* in Byzantine and Slavic book literature. The article follows research on the collective church memory of medieval scribes which manifests itself in the commonality of topics, images, plots, ideas, and expressions that go back to the text of the Bible. The novelty of the work lies in incorporating new linguistic material extracted both from the text published in *Patrologia Graeca* and from the texts of unpublished Byzantine and Slavic codes. Personal names found in the Greek text of the *Ladder* (*Jacob*, *Moses*, *David*, *Job*, *Lot*, *Adam*) allude to key symbolic images and reveal several functions of the Old Testament anthroponyms in the *Ladder* texts: referential, symbolic, emphatic and indexical. Observations on the text of the translation evidenced to the high skill and erudition of the author of the first Slavic translation but at the same time revealed a translation error (*new Adam*), which was obviously caused by illegible or incorrect reading in the Greek version used as a source text for the translation. Contrastingly, the Russian manuscript under study showcases spelling inconsistencies in relation to Old Testament names as well as multiple errors and omissions of the names of characters. These are the result of multiple copies of the book made by inattentive and inexperienced scribes, one of whom was the scribe of the oldest surviving manuscript of the *Ladder*, created two centuries after the first translation appeared.

K e y w o r d s: Old Testament; *Ladder* of John Climacus; biblical anthroponymy; early Slavic translations from Greek; collective church memory; Bible quotes; Old Russian language; Old Slavonic language

Acknowledgements

The paper was supported by the Russian Science Foundation (Project No. 22-18-00005 *Iconography and hagiography of "The Ladder of Divine Ascent" by John Climacus*) to which the author expresses her heartful gratitude.

Cavallo, G. (1998). Scrivere leggere memorizzare le sacre scritture. In *Settimane di studio del centro italiano di studi sull' Alto medioevo* (Vol. 2, pp. 987–1013). Spoleto: Centro italiano di studi sull' Alto medioevo.

Dahari, U. *Monastic Settlements in South Sinai in the Byzantine Period: The Archaeological Remains.* Jerusalem: Israel Antiquities Authority.

Déroche, V. (2015). Figures de Moïse à Byzance. *Orient et Méditerranée*, 18, 201–218.

Durnovo, N. N. (1926–1927). D-r St. M. Kul'bakin. Paleografska i ezichka ispitavania o Miroslavlevom evangeliu [Dr. St. M. Kulbakin. Paleographic and Linguistic Research on Miroslav's Gospel]. *Slavia, 5*, 563–571.

Garzaniti, M. (2001). *Die altslavische Version der Evangelien. Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung*. Köln; Weimar; Vienna: Boehlau-Verlag.

Garzaniti, M. (2004). Le citazioni bibliche nella letteratura slavo-ecclesiastica. *Studi Slavistici*, 1, 330–335.

Garzaniti, M. (2014). *Bibleiskie tsitaty v tserkovnoslavianskoi knizhnosti* [Biblical Quotations in Church Slavonic Literature]. Moscow: Indrik.

Gorsky, A. V., & Nevostruev, K. I. (1859). *Opisanie slavianskikh rukopisei Moskovskoi Sinodal'noi (patriarshei) biblioteki. Otd. 2: Pisaniia sviatykh ottsov. Ch. 2: Pisaniia dogmaticheskie i dukhovno-nravstvennye* [Description of the Slavic Manuscripts of the Moscow Synodal (Patriarchal) Library. Dep. 2: Scriptures of the Holy Fathers. Part 2: Dogmatic and Spiritual-Moral Scriptures]. Moscow: Sinodal'naia tip.

Klimenko, L. P. (2004). *Slovar' perenosnykh, obraznykh i simvolicheskikh upotreblenii slov v Psaltiri* [Dictionary of Figurative and Symbolic Use of Words in the Psalter]. Nizhny Novgorod: Izd-vo Bratstva sv. Aleksandra Nevskogo.

MacRobert, M. C. (2008). On the Role of Memory and Oral Tradition in the Early Transmission of the Church Slavonic Psalter Text. In A. Miltenova, E. Tomova, & R. Stankova (Eds.), *Khristianska agiologiia i narodni viarvaniia* [The Christian Agiology and Folk Beliefs] (pp. 340–355). Sofia: Iztok-Zapad.

Meesters, R. (2017). *The Afterlife of John Klimax in Byzantine Book Epigrams. Edition, Translation and Commentary of Two Poetic Cycles* (Doctoral dissertation). Gent University, Gent.

Picchio, R. (1977). The Function of Biblical Thematics Clues in the Literary Code of "Slavia Orthodoxa". *Slavica Hierosolymitana*, 1, 1–31.

Popova, T. G. (2011). *Lestvitsa Ioanna Sinaiskogo v slavianskoi knizhnosti* [The *Ladder* of St. John Climacus in Slavic Literature]. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing.

Popova, T. G. (2020). *Pervyi slavianskii perevod Lestvitsy Ioanna Sinaiskogo* [The First Slavic Translation of the *Ladder* of John Climacus]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Sobolevsky, A. I. (1885). Istochniki dlia znakomstva s drevnekievskim govorom [Sources for the Study of the Old Kiev Dialect]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniia*, 2, 349–357.

Stichel, R. (2007). *Beiträge zur frühen Geschichte des Psalters und zur Wirkungsgeschichte des Psalmen.* Paderborn; Munich; Vienna; Zürich: Schöningh.

Thomson, Fr. J. (1988). Towards a Typology of Errors in Slavonic Translations. In E. G. Farrugia et al. (Eds.), *Christianity among the Slavs. The Heritage of Saints Cyril and Methodius* (pp. 351–381). Roma: Pont. Institutum Studiorum Orientalium.

Received on 31 August 2020

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.018
UDC 811.511.141'04 + 811.161'04 + 39:94(439) +
+ 913(4) + 81'37

Anita Rácz
University of Debrecen
Debrecen, Hungary

SETTLEMENT NAMES REFERRING TO EASTERN SLAVIC SETTLERS IN MEDIEVAL HUNGARY*

Hungarians arrived at the Carpathian Basin at around 895–900 and after a long journey from the east they occupied the interior plains, mostly the river valleys (in Hungarian history, this event is referred to as the Conquest). The previous tribal alliance had slowly disintegrated by the time of king Stephen I (1001–1038) when pagan beliefs were replaced by Christianity. The peripheral areas of the Kingdom of Hungary, however, were typically uninhabited until the 12th century when the ethnic landscape started changing with the arrival of Saxon settlers, Slavs, Romanians, and Pechenegs. We have no Hungarian written sources from the time preceding the Conquest. The early Latin (less frequently Greek) written sources contain Hungarian words and expressions only sporadically and they are mostly proper names designating places. However, due to their early appearance and low number, these have proved to be truly valuable for linguistics and historical studies exploring the early history of Hungarians and the ethnic and population history of the contemporary Carpathian Basin. In this respect, the settlement names rooted in ethnonyms have a key role as they also shed light on relations between Hungarians and other peoples. This paper studies settlement names that may refer to Eastern Slavic settlers designated by the ethnonym *orosz* in the medieval Hungarian language. The ethnic groups designated by this name were first registered in the 11th–12th century, however, groups of Slavs could have joined the Hungarian populace before the Conquest. The study shows that the highest proportion of settlement names derived from this ethnonym are found in the northeastern, northern, as well

* This study is part of the project carried out by the Research Group for Hungarian Language History and Toponomastics (University of Debrecen — Hungarian Academy of Sciences).

© Rácz A., 2022

as eastern regions of early medieval Hungary, mostly along the border of the country. The author describes the most frequent name formation patterns that can also be used for relative dating of oikonyms, and discusses the extension to which these data may be useful for the reconstruction of the ethnic landscape of medieval Hungary.

K e y w o r d s: Old Hungarian language; Carpathian Basin; toponyms; settlement names; ethnonyms; ethnic history

1. Ethnonyms as sources in historical toponomastics and ethnic history

After a long migration from the east, Hungarians arrived in the Carpathian Basin through the passes of the Carpathian Mountains and completed their conquest by 896. This is referred to in Hungarian history as the Hungarian *Conquest.* However, some aspects of the history of this era (including the linguistic and ethnic features of the Carpathian Basin at the time) are still not fully clarified despite the decades-long research into available sources. We have no Hungarian written sources from the time preceding the Conquest. Latin-language written culture in Hungary emerged with the establishment of the Kingdom of Hungary in the Carpathian Basin (in 1000 with the coronation of St Stephen) and the conversion to Christianity. The early Latin (less frequently Greek) written sources created at this time (charters, chronicles, etc.) contain Hungarian words and expressions only sporadically and most of them are proper names designating places. These, however, due to their early appearance and low number, have proved to be of extreme value for historical linguistics. Historians also use them as evidence when exploring the early history of Hungarians. Apart from that, they attempt to describe the ethnic and population history of the contemporary Carpathian Basin based on the results of historical linguistics related to the semantic and etymological features of names and their origin. In this respect, the settlement names derived from ethnonyms have a key role as they also shed light on relations between Hungarians and other peoples. In this paper, I study those settlement names that may refer to Eastern Slavic settlers designated by the ethnonym *orosz* in the medieval Hungarian language.

The most important question in connection with early toponymic records is how and to what extent these names may be used for the identification of the linguistic (or near that) and ethnic characteristics of a given region. Earlier, it seemed clear that scholars may gain insights into this issue by studying one of the earliest toponym types of the Hungarian name system, particularly settlement names containing ethnonyms. At that time, the majority of Hungarian publications in the fields of history and archaeology derived all settlement names whose form corresponded to an ethnonym directly from that ethnonym suggesting that the relevant ethnic group was inherently present in the area of distribution of the settlement names of this type. Today, however, it is widely accepted that not every such settlement name may be interpreted this way as the ethnonyms appearing in the settlement names do not necessarily indicate

the presence of the given people in the area. In the Hungarian language, the transformation of an ethnonym into a personal name has been a rather frequent name formation process from the beginning, and from the anthroponyms created this way (usually to express ownership) toponyms emerged in multiple linguistic forms. The early personal names and the family names that had emerged until the 14th–15th centuries (when they became hereditary) were motivated by different features of their bearers. The layer of personal names of ethnonymic origin, with only a few exceptions, could refer to the ethnic identity of the name bearer or at least to some kind of a relevant circumstance. Thus, we may also conclude on the history of ethnonyms indirectly, from their double occurrence as toponyms and anthroponyms: the more frequently an ethnonym was used in an era, the more certain its presence is in those two layers of the Hungarian proper name system. Based on these premises, it does not have conclusive significance whether a given settlement name had an ethnonym as its direct antecedent or the following derivational pattern included a personal name as an interim step: ethnonym → personal name → settlement name. Settlement names of ethnonymic origin may thus be considered reliable sources of studies in ethnic history.

At the same time, we also know that the meaning of particular ethnonyms might have changed over the history of the language. In the sources, we may see that the same people or ethnic group could be referred to by different names both simultaneously and in different eras. It also happened that the same denomination used to designate several different groups. The meaning of ethnonyms might be expanded, narrowed, or even changed completely.

Using their own methodology, historical studies have also attempted to find out whether we can really assume the actual presence of the people in question in the given settlement based on the specific settlement name derived from the ethnonym. Therefore, besides the study of toponyms, I also take into consideration the relevant results of historical studies. I believe that we may formulate a well-founded opinion on the actual presence of an ethnic group by comparing and juxtaposing the research results independently obtained by linguists (namely those working in historical onomastics) and historians.

2. The *orosz* lexeme

Orosz [oros][1] is one of the early Turkic loan words in the Hungarian language of the pre-Conquest era (cf. Ottoman, Turkish *urus*, Tatar *urïs* 'Russian person'). It entered Turkic through the borrowing of the Slavic *rus* 'Northern Germanic, Scandinavian' → 'Russian,' while its ultimate source is North Germanic through Finnish [TESz.; EWUng.]. In terms of its entry into the Hungarian language, Lajos Ligeti [1986, *270*] supposes Khazar intermediation, the time of borrowing, however, is uncertain and may be dated to the 9th century [see also WOT.: *orosz*]. The early Hungarian form

[1] The pronunciation of Hungarian language units is henceforth provided with their IPA transcription.

of the ethnonym could be *urusz* [urus], however, at the time its meaning differed from that of today's 'Russian'. For a long time, the lexeme was used as an umbrella term for Eastern Slavic peoples, in the early medieval Hungarian language, it could probably refer to the residents of the Kievan Rus' neighboring the Kingdom of Hungary and the people arriving from there [Benkő, 1998, *60–62*]. This interpretation is confirmed by the fact that for long centuries this was the only lexeme used in Hungarian to refer to the Eastern Slavs. (I discuss the Hungarian designations of specific Eastern Slavic groups later.)

The word *orosz* is first attested as a common noun (thus not in personal names and toponyms) in old Hungarian glossaries and dictionaries at the beginning of the 15th century, around 1405: *oroz* [TESz.]. Its precise meaning at that time, however, cannot be established as the most significant old dictionaries provided definitions of ethnonyms — even centuries later — in concise Latin. The definition 'Ruthenus,' typical of the Middle Ages, appears, for example, in the dictionaries of Albert Szenczi Molnár [1611], Ferenc Pápai Páriz [1708], and Ferenc Kresznerics [1831]. Besides this, the 1801 edition of the dictionary of Pápai Páriz also includes the 'Russus, Moscus,' indicating the word was already used similarly as in the later Hungarian language. The dictionary by Czuczor and Fogarasi [1862–1874] defines it in broader terms, as residents of the Russian Empire, and more narrowly, as people of a Slavic origin and language living mostly in the northeastern part of Europe.

The *orosz* ethnonym was used as an anthroponym quite early on in Hungarian. The dictionary of medieval Hungarian anthroponyms cites relevant data under the *Uruz*, *Oruz*, *Huroz* entry, first quoting a forged charter (+1092/+1274: *Huroz* [ÁSz.])[2]. The first authentic charter mentioning this name dates back to the first half of the 13th century (1214/1550: *Wruz*). It is also attested with a specific anthroponymic formant: 1086: *vruzdi* <'Russian' + *-di* diminutive formant> [WOT.: *orosz*; see also ÁSz.; EWUng.]. Its earliest occurrence as a family name dates to the 14th century (1332: *Oroz* [RMCsSz.]) and after this time numerous occurrences have be registered. Today, out of nearly ten million Hungarian citizens, 16,259 bear the *Orosz* family name and its variants [CsnE., *356*], which makes it quite frequent as compared to other ethnonym-based family names.

3. *Orosz* in Hungarian Settlement Names

3.1. Structural Name Types

Based on historical research, Hungarians arriving in the Carpathian Basin at the time of the Conquest encountered a significant Slavic population in the area. Slavic groups

[2] In brackets, the sign + means that the charter is a forged one; the sign / means that the charter is a copy of the original charter (multiple slashes would mean that the charter was copied more than once); the sign > refers to the fact that the copy is based on a content restored from the original charter; the letter [ɔ:] indicates that the charter is dated incorrectly (it is then emended in the square brackets).

arrived in the country during the early Middle Ages due to the family relations with Hungarian monarchs, the Slavic lineages among the higher levels of society, as well as in the course of migration. According to historical studies, the ethnic groups designated by the *orosz* name were first registered in the 11th–12th century, however, groups of Slavs could have joined the Hungarian populace before the Conquest at the end of the 10th century since according to the 996 report of the early Russian chronicle, there was a good relationship between the Prince of Rus' and King Stephen [Györffy, 1958/1990, *61*]. The large-scale settlement of Eastern Slavic groups living close to the border could start at around 1320 according to sources. Thus, medieval Hungarians used the *orosz* ethnonym referring to this ethnic group and every other Eastern Slavic population designating themselves with the ethnonym created from the *rus-* [rus] stem.

The villages of settlers were often named by the Hungarian-language population living in the surrounding areas with reference to the ethnicity of the settlers, using the *orosz* 'Eastern Slavic (person)' lexeme. In line with this semantic content, particular settlement names could also use different linguistic forms, following the linguistic and name-giving patterns existing in Hungarian. The ethnonym often became a settlement name in itself, through metonymic semantic change, this is how the *Orosz* [oros] toponyms were created, while in other cases, the *-i* toponymic formant was added to the ethnonym lexeme: *Oroszi* [orosi]. The name-formation process in which an appellative formant meaning 'settlement' was added to the ethnonym became more frequent somewhat later: *falu* ~ *falva* [fɔlu ~ fɔlvɔ] 'village' ~ 'his village,' *telek* [tɛlɛk] 'plot,' *földe* [føldɛ] 'his land,' *vár* [va:r] 'castle,' *város* [va:roʃ] 'town,' as well as *vég* [ve:g] meaning 'end' all might be used as a settlement name formant. Another widespread name formation method was the *orosz* attribute getting attached to the name of the settlement where the migrants arrived. The Hungarian names of these settlements (similarly to many other settlement name types), however, are found in Latin charters sometimes in a form translated into Latin (*Villa Ruthenorum*). These structural name forms are also typical of other Hungarian settlement names derived from ethnonyms.

3.2. Geographical Distribution

The *orosz* ethnonym is present in more than 350 name records of more than 50 settlements of medieval Hungary. Among the old Hungarian toponyms, the *orosz* lexeme may first be found in a 1359 copied version of a charter from 1208, more specifically, in the name of *Oroszvár* (*Wruswar*[3]) <*orosz* + *vár* 'castle'>, a village located in Moson County in the western part of the country. In the early 13th century *gesta* of an unknown author (referred to as Anonymous), describing the history of Hungarians at the age of the Conquest (9th century) (*Gesta Hungarorum*), there is even a Latin reference to the settlement called *castrum constituere Ruthenis*. Not much later, the ethnonym

[3] I do not indicate the sources of certain data as these can be found in my work introducing ethnonym-based settlement names in dictionary form [Rácz, 2011, *126–133*].

also appears in a key linguistic record, the Várad Regestrum: the earliest record of *Orosz* settlement in Bihar County is also from the early 13th century (1220/1550: *Vruz*). Thus, the emergence of the ethnonym *orosz* in Hungarian settlement names may be observed relatively early, already at the beginning of the 13th century, but it appears in sources in a higher number in the 14th century. The first written record, however, does not inform us about the time of the establishment of the settlements, which could take place much earlier.

The settlement names containing the *orosz* ethnonym do not really form any areal cluster within medieval Hungary. Settlement names formed from this ethnonym may be found in numerous counties across the country, thus it is better to study the distribution of these names within larger regions. The regions mentioned below in this study do not refer to the natural regions of the country but rather to the geographical and historical development of contacts with Eastern Slavic peoples and are outlined in consideration of their trace in the settlement name corpus.

The first, and in this respect, the most important regional unit is the northeastern part of medieval Hungary (17 settlements**)** where we may assume the direct and natural settlement of this ethnic group from the territory of Kievan Rus', the later Halych. Another significant region is made up of the northern, mountain region of medieval Hungary (10 settlements), edged by the country's border to the north and the Tisza and the upper Danube to the south. Here, besides the arrival of Eastern Slavs and due to the direct connection with the Kingdom of Poland, there was a strong relationship with Western Slavic people during the Middle Ages. The third larger unit from our perspective is made up of the counties of Transylvania (12 settlements) in the eastern part of the country that would, later on, constitute an independent territorial and administrative unit within the country. Due to its geographical location, the Eastern Slavic settlers could still easily reach it. Another (also natural) region is the area west of the Danube and called Transdanubia (11 settlements). Finally, the central, Great Plain region of the country may also be seen as a newer region with fewer and sporadic settlement names of this category (6 settlements).

3.2.1. Northeastern Hungary

As already noted, the northeastern area of the country was in direct contact with the regions inhabited by Eastern Slavic people. This is the reason why it was in this area that the highest number of such settlements appeared whose name also featured the *orosz* ethnonym. Of the eastern counties of medieval Hungary, I mention Bihar first, which is a bit further away from the region populated by Eastern Slavs, but the first settlement name may be found here, as already noted. *Orosz* (1220/1550: *Vruz*) village of Bihar County mentioned in the source may also be found in other records of the end of the 13th century as *Oroszi* <'Russian' + -*i*> (1282: *Vrusi*), i.e. in a form using the -*i* formant. We have data about the settlement even from the end of the 15th century, however, the village does not exist today. The two settlements named *Orosztelek* <'Russian' +

‘plot’> on the right bank of the Sebes-Körös had a similar fate. The first of these was first mentioned in a charter at the beginning of the 13th century, (1291–1294: *Vruzteluk*), while the earliest records of the other can be found in a 15th-century source (1421: *Oroztelek*). Structurally, the names of these villages are made up of two parts — they represent a newer name type that typically appeared in Hungarian from the 13th century. The second name constituting lexeme (*telek*) in their name is a geographical common noun denoting a type of settlement. It is a question, whether the name of the *Oros* (1279: *Vrws*), later *Orosi* (1284: *Vrusi*) settlement in the middle of the county derives from the *orosz* ethnonym or not. According to Zsigmond Jakó, the village was founded by Eastern Slavic prisoners of war or settlers brought in during the 13th century by Hungarian kings, and its name supposedly appeared by distortion of another name form (i.e. *Oros* [oros] instead of *Orosz* [oroʃ]). This hypothesis doesn’t prove very convincing due to the fact that the settlers assimilated into the Hungarian population surrounding them rather soon [Jakó, 1940, *119*, *310*]. The orthography of the name forms, however, makes their anthroponymic (1222/1344: *Oros* [ÁSz., *605*]) origin more likely: the [s] consonant of the *orosz* ethnonym was most frequently marked with the letter *z* at the time, while in the records of this settlement name, with only one exception, we rather find the letter *s* with the sound value [ʃ].

In the Ung County located at the northeastern border of medieval Hungary, there were three settlements named *Oroszfalu* <‘Russian’ + ‘village’> at the beginning of the 15th century. The identification and localization of the first settlement that has only one record in medieval sources (1423: *Orozfalw*) are uncertain and it is also possible that the name record designated one of the two settlements from the county, the other settlement that is recorded under the same name (*Orozfalw*) in a charter dated 1427 was located in the western part of the county. Sources also recorded the earlier name *Oroszka* (1358: *Orozka*) for this settlement and in connection with it. It may be supposed that it represents a combination of the ethnonym *orosz* and the formant *-ka*. On the other hand, this idea is quite doubtful, since the structural model <ethnonym + *-ka*/*-ke* morpheme> is atypical of the old Hungarian settlement name system. Although the *-ka*/*-ke* formant appears in medieval settlement names, it is attached to other types of stems [cf. Bényei, 2012, *112–115*]. This could also result from the assimilation effect of the nearby settlement names of the *Ruszka* type with a Slavic origin. The village was later known under the name of Ordasfalva and it is identified as today’s Slovakian Oreské. The third *Oroszfalu* (1400: *Orozfalu*), the identification of which is uncertain, was located next to the Ung River and does not exist today as an independent settlement.

The *orosz* ethnonym appears in the name of four villages of Bereg County, neighboring Ung County. Of these, *Oroszi* (1260: *Vruzy*) has been registered in sources since the mid-13th century and preserved the ethnonym component also in the later Sárosoroszi name form. By today it has become part of the Ukrainian Orosijevo settlement. A century later, there are already three *Oroszfalu* villages in charters. The first

of these was located near Munkács, one of the significant settlements of the county, and mentioned in sources since 1360 (*Oroszfalu*), but in the same year its name variants *Oroszváros* <'Russian' + 'town'> (1360: *Oroszváros*) and *Oroszvég* <'Russian' + 'end'> (1360: *Orozvig*) were also mentioned in charters. For a long time, the settlement was known under the latter name and today it exists as the Ukrainian Roszvihove, a part of Munkács. The second village bearing this name (14th century: *Oroszfalu*) was also located close to Munkács, it was mentioned at the end of the 15th century as *Ruszkóc* (1484: *Ruszkolcz*) and may be identified as the later Orosztelek and today's Ukrainian Ruszke settlement. The third *Oroszfalu* (1398: *Oroszfalu*) already existing in the Middle Ages, as opposed to those above, did not preserve the ethnonym in its later name variants, as later it was known as *Kissarkad* and today as the Ukrainian *Horbok*.

In Szatmár County neighboring Bereg, we are aware of four settlements from the early 14th century that included the *orosz* ethnonym. The first one is *Oroszi* (*Vruzy*) in the northern part of the county with its first records found in a charter from 1324. This name form exists today in a somewhat modified *Vámosoroszi* form with an attributive first constituent and it is still an independent settlement. In the names of the three other villages, *orosz* appears in an attributive role. *Oroszpályi* [orospa:ji] <'Russian' + *Pályi* (settlement name)> (1336: *Orozpauli*) located in the northwestern part of the county appears in sources at the beginning of the 14th century, with its first constituent distinguishing it from another Pályi settlement nearby. The 1336 charter clearly writes about a village inhabited by Eastern Slavic people in the northwestern part of the county [Németh, 2008, *215*]. Close to a century later, two *Oroszfalva* <'Russian' + 'village'> settlements appear in historical sources. One of them, a village located in the middle part of the county (1411: *Orozfalva*), was later known as Oroszfalu and corresponds to the present Romanian Ruşi settlement. The other *Oroszfalva* (1411: *Orozfalwa*) can now be found in the eastern part of the county. Its later name form *Kékesoroszfalu* still preserves the ethnonym, as does today's Romanian name *Rus*.

In the northern part of Ugocsa County, from a settlement previously referred to as *Komját(i)* [komja:ti] (1339: *Komyati*), *Oroszkomját* <'Russian' + *Komját* (settlement name)> (1405: *Orosz-Komjáth*) and its twin settlement, *Magyarkomját* <*magyar* 'Hungarian' + *Komját* (settlement name)> (1405: *Magyar-Komjáth*) were created at the beginning of the 15th century. Today, the village is known as *Magyarkomját* (*Veliki Komjati* in Ukrainian).

In the southwestern part of Máramaros County, neighboring Ugocsa, Szatmár, and Bereg from the east, we may find *Oroszvíz* <'Russian' + *víz* 'water'> (1373: *Orozviz*) settlement, the name of which refers to its location next to a watercourse and its earliest trace may be found in charters in the final third of the 14th century. At this time, the *Oroszfalu* (1390: *Orozfalu*) name variant also appears, but only two decades later, its *Ruszka* (1411: *Rwzko*) and *Ruszkova* (1411: *Ruzkowa*) names are also recorded in sources. Later it is known as *Visóoroszi* (*Ruscova* in Romanian).

3.2.2. Northern Hungary

Bars County was located to the north of the Danube in early medieval Hungary and had two settlements whose names included the *orosz* lexeme. One of these is located in the southern part of the county. Its first name record comes from the middle of the 13th century in *Orosz* form (1269/1387: *Wruz*), but in the first third of the 14th century, a charter also included the *Oroszi* (1336: *Vruzy* ~ *Wruzy*) name variant with the *-i* formant. Today, the settlement is known by the name of Oroszka (in Slovakian Pohronský Ruskov). Another village named *Oroszi* is located in the southwestern part of Bars County with its first record found with a structure designating a person (1293: Iwan de *Vruzy*), but at the beginning of the 14th century its name form recorded in Latin and with a formant attached may also be found in charters: the probably *Alsóoroszi* <*alsó* 'lower' + *Oroszi*> name used in actual spoken language was recorded by the scribe in *inferiori Urusi* ~ *inferiori Urussi* ~ *inferiori Urussy* form (1307/XVIII). Later it is known as *Nemesoroszi* (today's Slovakian Kukučinov).

Of the northern counties, we should look at *Oroszfalu* (1414–1416: *Orozfalw*) settlement in Sáros County next to the border, first mentioned at the beginning of the 15th century in charters. It was probably located near the Ondava River and no longer exists today.

In the middle part of Zemplén County reaching all the way to the northern border of the country, *Oroszfalu* (1390: *Orozfalu*) settlement appeared at the end of the 14th century. Its origin is obscure, but the historians assume this may be the village also registered as *Oroszkékszeg* <'Russian' + *Kékszeg* (settlement name)> (1392: *Orozkekzeg*) and *Kékszeg* (1424/1426: *Kekzegh*) with records from the same period [see Heller, 1981, *139*].

Another *Orosz* (1280>1358: *Vrs*) settlement with records from the end of the 13th century can be found in the middle part of Abaúj County, and from the first half of the 14th century, we are also aware of its *Oroszi* (1324: *Vrsi*) name form. The settlement is next to *Ruszka* (1220/1550: *Vruzca*), whose name also refers to Eastern Slavs though it actually has a Slavic origin. The later (and today's) Göncruszka could probably be created through the merger of these two settlements [Gy., 1, *126*].

One more *Orosz* (1333: *Oroz*) settlement was located in the southern part of Borsod County, to the southeast of Mezőkövesd, a significant settlement of the county, with records from the first third of the 14th century. The identification of another settlement named *Oroszi* (1370: *Orozy*), with the *-i* topoformant and appearing in the final third of the 14th century, is uncertain.

There is also an *Orosz* village located in the northwestern part of Heves County, to the northwest of Gyöngyös settlement. Its first record comes from the late 13th century (+1275/[XIV c.]: *vrus*), and after half a century its *Oroszi* (1332–1337/Pp. Reg.: Paul de *Huruzi*) name form with the *-i* formant is also recorded in sources. The settlement still exists today as *Gyöngyösoroszi*.

According to historical sources, the first residents of *Oroszi* (1219/1550: *Orsci*) settlement in Nógrád County were Russians moving in from Galicia and Lodomeria

[Gy., 4, *282*]. Later we are also aware of other name variants, including one featuring the *-d* topoformant as in *Oroszd* <'Russian' + *-d*> (1346: *Vruzd*), as well as *Oroszfalu* <'Russian' + 'village'> (1401: *Orosfalu*), *Oroszfalva* <'Russian' + 'village' + *-a* (possessive suffix)> (1401 [ɔ: 1441]///1688: *Oroszffalva*). Later the settlement appears as *Nagyoroszi* and it still exists today.

3.2.3. Eastern Hungary, Transylvania

Belső-Szolnok County was located in the Transylvanian region of medieval Hungary. *Oroszfalu* was situated in the southeastern part of the county and its name record from the early 15th century may also be found in Latin sources (1410: *villa Ruthenorum*, 1414: *Orozfalw*). Known later as *Oroszfalva* <'Russian' + *falu* 'village' + *-a* (possessive suffix)> (1447: duae possessiones *Orozfalua*), the village was then divided into two parts. Today these are *Alsóoroszfalu* and *Felsőoroszfalu* (*Rusu de Jos* and *Rusu de Sus* in Romanian).

Semesnye [ʃɛmɛʃɲɛ] (1325: *Symisne*) settlement in the western part of Belső-Szolnok County appeared under this name in the first third of the 14th century and by the end of the century it was mentioned in charters as *Oroszmező* [orosmɛzø:] (1366: Symisne alio nomine *Wruzmezeu*) <'Russian' + 'field'>. The village is still known under this name (*Rus* in Romanian).

Besides the Hungarian name forms of *Oroszfalu* <'Russian' + 'village'> and *Oroszfalva* <'Russian' + 'village' + *-ja* (possessive suffix)> (1421: *Orozfalw* ~ *Oruzfalwa*) located in the middle part of Doboka County, we are also aware of the *Rewsyndorff* (1412) name forms indicating German language users. These, however, could probably be only temporary names because the village had appeared under the name *Szeret* [sɛrɛt] (1235–1270: *Zereth*) much earlier in sources and today it is called *Szeretfalva* (Romanian *Sărăţel*).

Oroszfája <'Russian' + *fa* 'tree' + *-ja* (possessive suffix)> is located in the eastern part of Kolozs County, bordering Doboka from the south, and it was first mentioned by sources in the 13th century (1297: *Vruzfaya*). One charter also uses the *Oroszi* <'Russian' + *-i*> (1429: *Orozy*) name form with the *-i* formant a century later. This, however, could be a name existing for a short time as today the settlement is known as Oroszfája (Romanian Orosfaia). The identification and localization of another settlement called *Oroszfalu* (1422: *Orozfalu*), with records from the same era, is uncertain. The charters' data, as well as the historical context both suggest that this village is probably identical to the settlement mentioned above.

Torda County is located to the south of Kolozs, in the eastern part of medieval Hungary. Close to the Maros River, there were two settlements named *Oroszfalu* with their first written records in 1319. Of these, one of the *Oroszfalu* (1319: *Vruzfolu*) settlements was also known as *Felsőoroszfalu* <*felső* 'upper' + *Oroszfalu*>, and this form of its name is first recorded in sources with the attribute translated to Latin (1319: *Vruzfolu superior*). It is still an independent settlement today that was later

known as *Oroszidecs* (Romanian *Deleni*). The other *Oroszfalu* (1319: *Vruzfolu*) also emerged nearby at the beginning of the 14th century, with its name appearing in a charter by the end of the century in Latin translation (1393: *villa ruthenorum*). At the same time, the only record of its *Felsőoroszfalu* <'upper' + *Oroszfalu*> (1393: *villa rutinorum superior*) name variant with the *felső* 'upper' attribute also appears in Latin. A third name was also used for the village. The *Nagyoroszfalu* <*nagy* 'big' + *Oroszfalu*> name was first recorded in sources at the beginning of the 16th century (1509: *Nagh Orozfalw*). Similar to the previous example, this settlement also exists today, in later centuries it was called *Marosoroszfalu* and is known today in Romanian as *Ruşii Munţi*. *Felsőoroszi* <'upper' + *Oroszi*> (1393: *villa Ruthenorum superiori*) in the eastern part of Torda County appeared in sources at the end of the 14th century, while *Alsóoroszi* <*alsó* 'lower' + *Oroszi*> (1453: *Alsoorozi*) was recorded in the middle of the 15th century. These were probably created by the division of a settlement named **Oroszi* (without direct records). They appear under the same names later on also: *Felsőoroszi*, today's Romanian *Urisiu de Sus*, and *Alsóoroszi*, today *Urisiu de Jos* in Romanian.

In Hunyad County bordering Torda County from the south, we are aware of two settlement names containing the *orosz* ethnonym. One of them, located in the heart of the county, was already known by two names in the middle of the 14th century when it was first recorded. The names of *Apáti*, with the *apát* [ɔpa:t] 'abbot' lexeme referring to the lord of the settlement and featuring the *-i* topoformant, and *Oroszfalu* <'Russian' + 'village'> (1367: *Apaty* alio nomine *Vruzfolu*) were used in parallel. Besides these, at the beginning of the 16th century, the *Orosz* and *Rusz* name forms also appeared in sources, again in the form of *alio nomine* name variants (1520–1521: *Oroz* alio nomine *Rws*). We are not familiar with the later fate of the settlement. The other village is located in the eastern part of the county and was known under several names in the 15th century. Besides the Hungarian *Oroszfalu* (1453: *Orozfalw*) and *Oroszfalva* <'Russian' + 'village' + *-ja*> (1499: *Orozfalwa*), it also appears in the *Rusz* (1470: *Rws*) form given by the Slavic population. Today the settlement lives on under the name of *Russ* (Romanian *Ruşi*).

Orosztelek <'Russian' + 'plot'> (1300: *Wruzthelek*) appearing in the northern part of Transylvanian Fehér County at the turn of the 13th and 14th centuries is also recorded in sources under the name of *Oroszi* (1300: *Vrusci*). Today it is known as *Marosoroszi* (*Orosia* in Romanian).

3.2.4. The Transdanubia Region

Moson County is located in the northwestern part of the Transdanubia Region at the border of the German language area. *Oroszvár* settlement in the northern part of the country was built for border protection in the first part of the 10th century by Slavs arriving in the Carpathian Basin along with the conquering Hungarians according to the Anonymous' gesta. According to historians, however, fort-building Slavs settled down here at the time when the borders were reinforced after 995 [Gy., 4, *169*].

Its ame already appears in a charter from the same time as the above-mentioned gesta (1208/1359: *Wruswar*). From the final third of the 15th century, the synonymous name of *Oroszfalu* (1474: *Orozfalw*) is also recorded. Today the settlement is known as *Oroszvár* (Slovakian *Rusovce*).

The settlement which was simultaneously referred to by the name forms of *Orosz* (1403: *Oroz*) and *Oroszi* <'Russian' + *-i*> (1403: *Orozy*) could be located in the western part of Hungary, in Somogy County to the south of Balaton, somewhere close to Kaposvár, its first records dating back to the beginning of the 15th century. The localization of another village named *Oroszi* (1478: *Orozy*) that appears in charters in the second half of the 15th century is uncertain. All these settlements have ceased to exist.

The exact location of the *Orosz* settlement in Zala County with a single record from 1304 is also unknown (*Vrus*).

Oroszi (1288: *Orozi*) settlement, whose name variant without the *-i* formant was preserved in sources from the early 15th century in the *Orosz* (1408: *Orooz*) form, is located in the western part of Veszprém County. The settlement today is called Oroszi. The settlement status of *Oroszfölde* <'Russian' + *föld* 'land' + *-e* (possessive suffix)>, located either in Veszprém or Fejér counties, is uncertain also. Its only record is from 1326 (*Vroz-földe*), and we are not familiar with its later history.

One of the two relevant settlements in Fejér County is located in the northwestern part of the county. It is first mentioned by a charter from the early 13th century under the name of *Oroszi* (1232: *Vruscy*) and a few decades later sources recorded its *Orosz* (1269/1275: *Vrus*) name form. The other village of the county could be located close to the Danube with both its *Orosz* (*Oroz*) and *Oroszi* (*Orozy*) name forms known from 1431. None of these exist anymore today as independent settlements.

Pilis County was located in the central part of medieval Hungary, in the bend of the Danube. *Orosz* (1394: *Oroz*) settlement first appearing in sources at the end of the 14th century is located in its northern part, close to the town of Visegrád. Today it is known as *Kisoroszi*.

Oroszi, in the southern part of Transdanubia, in Valkó County at the border of the country, was first recorded at the end of the 13th century (1295: *Wruzy*). The settlement does not exist today.

We are also aware of a village called *Oroszi* (1353: *Oruzy*) in the southern part of Baranya County but its later history after the 15th century is unknown.

3.2.5. Central Hungary, Great Plain Region

Settlement names of this category may only be found in the southernmost part of the region. *Orosztelek* (1360: *Wruzthelek*) settlement in the southwestern part of Csanád County is mentioned in the middle of the 14th century but we are not aware of any later records of it from historical sources.

The first and only record of *Orosz* in Bodrog County (*Oroz*) is from 1520–1521. The settlement is not mentioned later.

Oroszi (1332–1337: *Huruzi ~ Holasi*) settlement in Torontál County is mentioned in the papal survey from the first third of the 14th century and today it lives on under the name of *Torontáloroszi* (Serbian *Rusko Selo*).

A settlement known as *Oroszi* (1332–1337: *Hurusi ~ Vruzi*) then as *Orosz* (1388: *Oroz*) after dropping the *-i* topoformant, is located to the southwest of Temesvár, in the western part of Temes County. According to historical research, the *Füzesoroszi* <*fűzes* 'willowy' + *Oroszi*> (1401: *Fyzesorozy*), and *Egyházasoroszi* <*egyházas* 'having a church' + *Oroszi*> (1456: *Eghazasorozy*) names [Milleker, 1915, *219*] could refer to two parts of the settlement that possibly became independent. The settlement does not exist today.

One of the settlements in the central part of Krassó County, at the southern border of the country, was mentioned by charters under the name of *Oroszi* (1312>1360: *Orozy*), at the beginning of the 14th century, while at the beginning of the 15th century it is recorded as *Ruszóc* (1421: *Rusolch*). Today the name of the settlement is *Óruszolc* and *Újruszolc* (*Rusova Veche* and *Rusova Nouă* in Romanian). The name of a settlement in Krassó County was created by adding the *orosz* attribute to the **Apáti* name having no previous records and its more precise location is unknown: *Oroszapáti* <'Russian' + *Apáti*> (1364: *Vruzapati*).

4. Settlement Names Recorded in Latin and German

As we have already seen, sometimes the settlement names including the *orosz* lexeme in Hungarian and referring to a population speaking Slavic appeared in Latin translation in medieval charters (e.g. *Villa Ruthenorum ~ Villa Ruthenica*). This seems to be a common case with other toponym types, however, it only applies to the written language use. In speech, Hungarian language name forms prevailed and, later on, were fixed in writing.

This is different in the case of settlement names recorded in German and referring to Eastern Slavs. These could reflect real spoken language forms that could be used by German-speaking settlers living in the area when talking about the villages of Eastern Slavs settling down there. German-speaking settlers arrived in the territory of Hungary during the Árpád Era in several waves and as a result of a conscious settlement policy. These people mostly lived in larger populations (e.g. in the eastern, southeastern, as well as northern and northeastern parts of the Carpathian Basin) and preserved (in many cases, until modern times) their first language for centuries. This is also reflected by the linguistic features of the toponyms given and used by them.

To the west, northwest of the town of Nagyszeben, one of the significant settlements of Szeben County in the eastern part of medieval Hungary, in the Transylvanian region, there was a settlement whose name was preserved by early medieval historical sources only in Latin and German. The earliest occurrence of the name in Latin and German comes from the end of the 14th century (1380: *villa Ruthenica ~ Ruszschalk*) and may reflect the contemporary *Rußschalk* form. In later sources, from the beginning

of the 15th century, the settlement was mentioned only in the German *Russdorf* (1409: *Ruesdarf*, 1468: *Rwschdorffchÿn* ~ *Rewsdeorffchyn*) form. The name also reflects that the village was located in an area populated by a Saxon group speaking German, in Saxony. The Hungarian name of the settlement also appears later, with its attributive first constituent referring to the Eastern Slavic inhabitants. Today it is known as *Oroszcsűr* (Romanian *Ruscior*).

Besides the Hungarian name of *Oroszfalu,* a settlement in the middle of Doboka County already discussed, the German *Russindorf* (1412: *Rewsyndorff*) name form also indicates the presence of German speakers.

5. Settlements named *Rusz* and *Ruszka*

The high number of Hungarian and the few German settlement names presented so far indicate that the villages of Eastern Slavs (similarly to other ethnic groups settling down) were named by the people living in the area and speaking the majority language. Less frequently, however, it is also possible that the settlers named their new residence themselves, using their own language, with a lexeme indicating their ethnicity. The basis of the names was the *rus'* self-denomination of the Eastern Slavic people [TESz.; EWUng.: *orosz*]. Often, these names were used simultaneously with the names given by Hungarians. There are also examples when the name given by the Slavic population became the only name form.

The previously mentioned *Oroszfalu* settlement in the eastern part of Hunyad County and the other *Oroszfalu* ~ *Orosz* settlement in the central part of the county bore the name of *Rusz* [rus] (1470: *Rws*) and *Rusz* (1520–1521: *Oroz* alio nomine *Rws*), which means that both the Hungarian and the Slavic names were used. The first village has preserved this Slavic name form in its current name *Russ* (Romanian *Ruşi*), while the second settlement does not exist anymore.

The above-mentioned *Ruszka* [ruskɔ] settlement names may also be associated with the *rusz* ethnonym, which according to the traditional etymological approach derive from the Slavic **Rusьka* (*vьsь*) 'Russian (village)' toponym [FNESz.: *Göncruszka*]. However, their derivation may not necessarily be explained through the attributive structures but may also be seen as the form of the *rus'* [rusь] ethnonym with the *-ьka* topoformant [Šmilauer, 1970, *28–32*].

The settlement mentioned before with the name of *Oroszvíz* and *Oroszfalu* in Máramaros County at the end of the 14th century had both a Hungarian and a Slavic name. At the beginning of the 15th century, its Slavic *Ruszka* (1411: *Rwzko*), and *Ruszkova* [ruskovɔ] (1411: *Ruzkowa*) names were also included in sources (the latter formed with the *-ьkova* topoformant [Šmilauer, 1970, *29*]). The latter name form is preserved today by the Romanian *Ruscove* name of the settlement (while in Hungarian it is known as *Visóoroszi*).

In Abaúj County we are aware of two settlements named *Ruszka.* One of them is a village first mentioned in sources at the beginning of the 13th century (1220/1550:

Vruzca), which is today called Göncruszka after merging with the neighboring *Orosz* ~ *Oroszi* settlement. The first name record of the other *Ruszka* (1303/1329: *Rupka* [ɔ: Ruzka]) settlement in the eastern-northeastern part of the county was preserved by sources at the beginning of the 14th century. We are not aware of its Hungarian designation. This name form has been preserved by the *Regeteruszka* name of the still independent settlement (Slovakian *Ruskov*).

At the beginning of the 13th century, *Ruszka* (1217: *Ruzka*) settlement in Zemplén County also appears in charters. It is located in the central part of the county, nearby the Tapoly River. In the middle of the 15th century, it is mentioned in the *Nagyruszka* [nɔɟruskɔ] <*nagy* 'big' + *Ruszka*> (1468: *Nagh Rwzka*) name form. The purpose of its first constituent is to distinguish it from *Kisruszka* [kiʃruskɔ] <*kis* 'small' + *Ruszka*> (1371: *Kysruzka*) settlement located to the southwest of it. The attributive forms of these names indicate that the names of a Slavic origin were also taken over by the Hungarians living nearby. The two villages were united in the middle of the 20th century and today it is an independent settlement called *Újruszka* (Slovakian *Nový Ruskov*).

In the southern part of Ung County, another settlement named *Ruszka* (1332–1337: *Ruska*) appears in charters, which remains as a village today under the name of *Dobóruszka* (Slovakian *Ruská*).

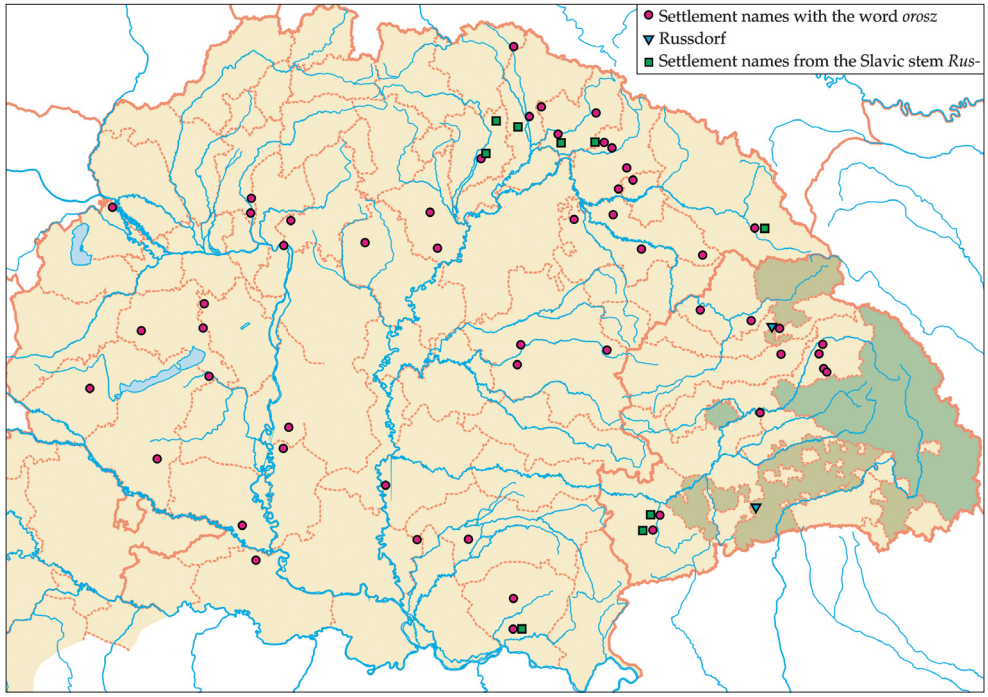
We may also identify the *rus* stem in the *Ruszóc* [ruso:ʦ] (1421: *Rusolch*) name of *Oroszi* settlement in Krassó County with the *-ovьćь* topoformant attached to it [Šmilauer, 1970, *29*]. This name ending assumed the form in *-óc* ~ *-olc* in Hungarian [cf. Kenyhercz, 2014]. Today this name form is preserved by the name of the settlement as *Óruszolc* and *Újruszolc* (*Rusova Veche* and *Rusova Nouă* in Romanian).

These settlement names mostly appear in the northern and northeastern parts of the Carpathian Basin, in Abaúj, Zemplén, Ung, and Máramaros counties, in the regions that have direct contact with the residence of Eastern Slavs.

6. Summary

The highest proportion of settlement names derived from the *orosz* ethnonym is seen in the northeastern, northern, as well as eastern, Transylvanian regions of early medieval Hungary (see the map below). Besides these, settlements with such a name also sporadically appear in other parts of the country, except for the central territories. It is visible that most of the villages in question are situated along the border of the country and in the adjacent counties. Historically, this might be explained by the role of the *orosz* ethnic group in border protection in early medieval Hungary. A few decades ago, it was hypothesized that the residents of some of the above-mentioned villages were royal guards, which led to the suggestion that the lexeme *orosz* could bear the meaning of 'guard, doorkeeper' in the early Middle Ages [Györffy, 1958, *574–577*], however, there is no convincing proof of that in historical research so far [see Kristó, 1980]. At the same time, in the great majority of villages with a name referring to the Eastern

Slavic ethnic group, it was rather a population involved in agriculture and not military services that probably settled down. According to some historical studies, these people mostly settled down in royal estates [Maksai, 1940, *185–186*].



Geographical distribution of the *orosz*-type settlement names in Hungary

Chronologically, the earliest occurrences of the settlement names discussed here were recorded in sources at the beginning of the 13th century while the most part comes from the 14th–15th centuries. The highest number of 13th-century occurrences were recorded in historical sources in the Transdanubia region, which, however, may also be due to the greater number sources in the area and does not necessarily testify to earlier immigration than in other regions. It should be noted that the appearance of these names is, of course, contingent on sources, while it is also clear that the establishment of the settlements always precedes the time of their first recording, maybe even by a century. The above trend, however, still allows us to conclude that the larger scale and typical settlement of a population designated by the *orosz* ethnonym could take place only in the second half of the Árpád Era (995–1301) and the following centuries.

ÁSz. — Fehértói, K. (2004). *Árpád-kori személynévtár 1000–1301.* Budapest: Akadémiai Kiadó.

Benkő, L. (1998). A szlávok népnevei Anonymusnál és ómagyar nyelvi hátterük. In L. Benkő (Ed.), *Név és történelem. Tanulmányok az Árpád-korról* (pp. 58–75). Budapest: Akadémiai Kiadó.

Bényei, Á. (2012). *Helynévképzés a magyarban.* Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.

Czuczor, G., & Fogarasi, J. (1862–1874). *A magyar nyelv szótára.* Pest (Budapest): [s.n.].

CsnE. — Hajdú, M. (2010). *Családnevek enciklopédiája. Leggyakoribb mai családneveink.* Budapest: Tinta Könyvkiadó.

EWUng. – Benkő, L. (Ed.). (1993–1997). *Etymologisches Wörterbuch des Ungarischen* (Vols. 1–2). Budapest: Akadémiai Kiadó.

FNESz. — Kiss, L. (1988). *Földrajzi nevek etimológiai szótára* (4th ed., vols. 1–2). Budapest: Akadémiai Kiadó.

Gy. – Györffy, Gy. (1963–1998). *Az Árpád-kori Magyarország történeti földrajza* (Vols. 1–4). Budapest: Akadémiai Kiadó.

Györffy, Gy. (1958). A magyar nemzetségtől a vármegyéig, a törzstől az országig. *Századok*, *92*, 12–87, 565–615.

Györffy, Gy. (1958/1990). *A magyarság keleti elemei*. Budapest: Gondolat.

Heller, Gy. (1981). *Comitatus Zempliniensis. Die historischen Ortsnamen von Ungarn*. München: Finnisch-Ugrisches Seminar.

Jakó, Zs. (1940). *Bihar megye a török pusztítás előtt.* Budapest: Sylvester Nyomda.

Kenyhercz, R. (2014). A szláv helynévformánsok kölcsönzéséről (az *-óc* végű helynevek a magyarban). *Nyelvtudományi Közlemények*, *110*, 205–226.

Kresznerics, F. (1831). *Magyar szótár gyökérrenddel és deákozattal* (Vols. 1–2). Buda.

Kristó, Gy. (1980). Oroszok az Árpád-kori Magyarországon. *Acta Universitatis Szegediensis. Acta Historica*, *67*, 57–66.

Ligeti, L. (1986). *A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban*. Budapest: Akadémiai Kiadó.

Maksai, F. (1940). *A középkori Szatmár megye*. Budapest: Stephaneum Nyomda.

Milleker, B. (1915). *Délmagyarország középkori földrajza.* Temesvár: Délmagyarországi Történelmi és Régészeti Muzeum-Társulat.

Németh, P. (2008). *A középkori Szatmár megye települései a XV. század elejéig.* Nyíregyháza: Jósa András Múzeum.

Pápai Páriz, F. (1708). *Dictionarium Latino-Hungaricum, succum & medullam purioris Latinitatis, ejúsque genuznam in Lingvam Hungaricam conversionem, ad mentem & sensum proprium scriptorum Classicorum, exhibens: Indefesso XV. Annorum labore, subcisivis ab ordinariis negotiis, temporibus collectum, & in hoc Corpus coactum.* Leutschoviae: [s.n.] (later editions: Nagyszombat, 1762. Szeben and Pozsony, 1767, 1772, 1801).

Rácz, A. (2011). *Adatok a népnévvel alakult régi településneveink történetéhez.* Debrecen: Debreceni Egyetemi Kiadó.

RMCsSz. — Kázmér, M. (1993). *Régi magyar családnevek szótára XIII–XVII. század.* Budapest: Magyar Nyelvtudományi Társaság.

Šmilauer, V. (1970). *Příručka slovanské toponomastiky. Handbuch der slawischen Toponomastik.* Praha: Academia.

Szenczi Molnár, A. (1611). *Lexicon Latino-Graeco-Hungaricum: summa diligentia collectum, adauctum et nunc recens excusum, in quo & propria nominapro studiosis orthographiae Graece sunt expressa, & appellativis synonyma Graeca passim inspersa sunt non pauca: vocibusvero positione & diphthongis carentibus, subjecti sunt versus veterum poetarum, quantitates syllabarum indicantes.* Hanoviae: [s.n.].

TESz. — Benkő, L. (Ed.). (1967–1976). *A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára* (Vols. 1–3). Budapest: Akadémiai Kiadó.

WOT. — Róna-Tas, A., & Berta, Á. (2011). *West Old Turkic. Turkic Loanwords in Hungarian* (Vols. 1–2). Wiesbaden: Harrassowitz Verlag.

Received on 8 November 2021

* * *

Rácz, Anita
PhD, Associate Professor
Department of Hungarian Linguistics
University of Debrecen
Egyetem tér 1, 4032 Debrecen, Hungary
Email: racz.anita@arts.unideb.hu
https://orcid.org/0000-0002-9917-6625

Рац, Анита
PhD, доцент кафедры венгерского языкознания
Университет Дебрецена
Egyetem tér 1, 4032 Debrecen, Hungary
E-mail: racz.anita@arts.unideb.hu

Анита Рац
Университет Дебрецена
Дебрецен, Венгрия

СЛЕДЫ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ОЙКОНИМИИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ВЕНГРИИ*

Венгры пришли в Среднедунайскую низменность около 895–900 гг., после чего расселились по внутренним равнинам, главным образом по берегам рек. Ко времени правления короля Стефана I, когда языческая религия уступила место христианству, предыдущие племенные союзы распались. Окраинные области Венгрии были по большей части не заселены до XII в., затем этнический ландшафт начал меняться — вместе с приходом саксов, славян, валахов и печенегов. Венгерских письменных источников, созданных до колонизации Среднедунайской низменности, не существует. Наиболее ранние памятники письменности на латинском (реже — греческом) языке содержат лишь редкие вкрапления венгерских слов и выражений, и бóльшую часть таких вкраплений составляют топонимы. Благодаря раннему времени фиксации этот немногочисленный топонимический материал оказался чрезвычайно ценным для лингвистики и исследований по ранней истории Венгрии и этнической истории Карпатского бассейна. Особую значимость имеют зафиксированные в средневековых источниках ойконимы, образованные от этнонимов, — они позволяют пролить свет на отношения между венграми и другими народами в Средневековье. Данная статья посвящена ойконимам, содержащим в себе этнонимический компонент *orosz*, который в средневековом венгерском языке обозначал восточнославянских переселенцев. Этот этноним впервые отмечен в источниках XI–XII вв., хотя отдельные группы славян могли присоединиться к венграм еще до их

* Данная публикация является частью исследовательского проекта, реализуемого Научной группой по изучению истории и топонимии венгерского языка (Университет Дебрецена, Венгерская академия наук).

прихода в Среднедунайскую низменность. В исследовании показано, что наибольшее число ойконимов, восходящих к этнониму *orosz*, сгруппированы в северных, восточных и северо-восточных областях средневековой Венгрии, по большей части вдоль границ страны. Автор описывает наиболее частотные словообразовательные модели, характерные для этой группы топонимов, а также обсуждает, в какой мере эти данные могут быть полезны при решении задач реконструкции этнического состава средневековой Венгрии.

Ключевые слова: древневенгерский язык; Среднедунайская низменность; топонимы; ойконимы; этнонимы; этническая история

Рукопись поступила в редакцию 08.11.2021

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.019
УДК 81’286 + 811.824.4:398 +
+ 811.512.37:398 + 81’373.4

Б. Х. Борлыкова
Б. В. Меняев
Калмыцкий государственный университет
Элиста, Россия

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ОЙРАТСКИХ ГИДРОНИМОВ БАССЕЙНА РЕКИ ИЛИ*

В статье рассматриваются ойратские гидронимы бассейна реки Или (*Или*, *Текес*, *Джиргалан*, *Улан булак*, *Арцата Мусар* и др.), зафиксированные в письменных и устных источниках XVII–XXI вв. в разных графических обликах (ойратское письмо тодо бичиг, латиница, кириллица). Ойратские наименования при передаче на другие языки существенно искажаются, что значительно осложняет их верификацию и этимологизацию. В основу включенных в круг рассмотрения материалов вошли перевод памятника XVII в. «Биография Зая-пандиты», карта Джунгарии И. Унковского (1722–1724), карта Джунгарского государства И. Г. Рената (1738), научные и научно-популярные работы российских и зарубежных авторов, словари монгольских и тюркских языков, архивные материалы, хранящиеся в архивах Института восточных рукописей РАН и Калмыцкого научного центра РАН, а также личные полевые материалы авторов статьи, собранные в Иссык-Кульской области Кыргызстана (2009, 2012, 2014, 2021) и уезде Монголкюре Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР (2012, 2013, 2014, 2021). Географические названия Илийского бассейна очень хорошо сохранились в фольклоре сарт-калмыков, проживавших до второй половины XIX в. в долине р. Текес, а также в ойрат-монгольском фольклоре Синьцзяна. Среди выявленных авторами статьи ойратских гидронимов бассейна Или имеются:

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00537 А «Лингвофольклорное и историко-культурное наследие сарт-калмыков Кыргызстана глазами российских ученых: история и современность (по архивным и полевым материалам)».

© Борлыкова Б. Х., Меняев Б. В., 2022

1) наименования, которые можно отнести как к монгольской (ойратской), так и к тюркской лексике; 2) гибридные наименования, состоящие из тюркских и монгольских слов; 3) исконно ойратские наименования; 4) наименования, связанные с буддизмом. Семантический и этимологический анализ ойратских гидронимов, обозначающих водные объекты бассейна реки Или, свидетельствует о том, что в прошлом судьба ойратов-кочевников во многом зависела от водного ландшафта, с учетом которого осуществлялись сезонные перекочевки, что и обусловило детализированность соответствующей терминологии.

Ключевые слова: гидронимы; бассейн реки Или; карты Джунгарии; письменные памятники; сарт-калмыцкий фольклор; ойрат-монгольский фольклор; географические термины; этимология

Объектом данного исследования является ойратская гидронимия бассейна реки Или, протекающей в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) Китая и Алматинской области Казахстана. Материал извлекался из различных источников: ойратского памятника XVII в. «Биография Зая-пандиты», исторических карт XVIII в., словарей, научных и научно-популярных работ, отчетов путешественников, архивных источников, фольклорных полевых записей российских ученых А. В. Бурдукова (1929) [НА КалмНЦ РАН, ф. 21, оп. 1, ед. хр. 1], К. Э. Эрендженова [2013], А. Ш. Кичикова (1972) [НА КалмНЦ РАН, ф. 16, оп. 1, магн. лента № 143 (134)], У.-Ж. Ш. Дондукова [1975], Э. Р. Тенишева [1976], Д. А. Павлова [1990] и др., а также личных экспедиционных материалов авторов статьи, собранных в Иссык-Кульской области Кыргызстана (2009, 2012, 2014, 2021 гг.) и уезде Монголкюре СУАР КНР (2012, 2013, 2014, 2021 гг.). В качестве консультантов привлекались синьцзянские краеведы Т. Торменке, Т. Бадма, Дж. Досан, а также профессор Северо-Западного университета национальностей Китая, специалист по топонимике Синьцзяна До. Менке.

Гидронимы рассматриваемого нами региона восходят к иранским (сарыкольский диалект шугнанского языка), тюркским (уйгурский, казахский, киргизский), монгольским (ойратский, монгольский), тунгусо-маньчжурским (язык сибо) и китайскому языкам. Все народы, жившие на территории Синьцзяна, оставили след в топонимии этого региона, создали современную систему географических названий.

По словам Э. М. Мурзаева, первые сведения о территории и населении Синьцзяна можно найти в источниках классической древности, в индийской, китайской и греко-римской литературе. «Из данных истории известно, что население Таримской впадины в VII–IX вв. говорило на языках иранской группы индоевропейских языков. Их географические названия указаны на картах Джунгарии[1] (*Куча*, *Хами*, *Лоб*, *Кашгар* и др.)» [Мурзаев, 1974, *270*]. Позже произошла

[1] *Джунгария* < монг. *Зүнгар* ‘левая рука, левая сторона’.

смена иранских языков тюркскими и монгольскими языками, появились новые географические названия.

В 1566–1723 гг. ойраты (западные монголы) занимали территорию от Южной Сибири на севере до современной Киргизии на юге и от Китая на востоке до современного Казахстана на западе. В 1697 г. джунгарский правитель Цеван-Рабдан перенес свою *ургу* (ойр. *өргө* ‘ставка правителя’) в долину реки Или. Старая ставка на реке Эмиль-гол[2] (ойр. *эмəл* ‘седло’, *һол* ‘река’) была передана его двоюродному брату Церен-Дондобу, старшему наместнику Северо-Восточной Джунгарии [см.: Джунгары…].

В 1722–1724 гг. в составе посольства, возглавляемого капитаном Иваном Степановичем Унковским, находился «геодезии ученик» Григорий Путилов, который составил «Карту партикулярную калмыцкого кочевья контайшина владения» (известна как карта Джунгарии И. Унковского) [Унковский, 1887, *285*]. На ней отмечены ойратские гидронимы бассейна р. Или: р. *Иля* (< ойр. *ил* ‘открытый’)[3], р. *Гегенъ* (< ойр. *гегəн* ‘один из высших санов буддийского духовенства’), р. *Талки* (< ойр. *тальк* ‘нижняя челюсть’), р. *Цаган усун* (< ойр. *цаһан* ‘белый’ + *усн* ‘вода, река’), р. *Хаши* (< ойр. *хаш* ‘нефрит’), р. *Текес* (< ойр. *тегш* ‘ровный’) и др.; оронимы: г. *Мусат* (< ойр. *мөстə* ‘ледяные’), г. *Коптагай* (< ойр. *хавтха* ‘плоский’), г. *Эмель* (< ойр. *эмəл* ‘седло’) и др.; названия населенных пунктов, мечетей, буддийских монастырей и др. [Там же] (см. рис.).

Важным картографическим источником по ойратской топонимии Джунгарии является карта шведского офицера И. Г. Рената «Songariske Kalmukiet» («Зюнгарская / Джунгарская / Чжуньгарская Калмыкия»), составленная по сведениям джунгарского правителя Галдан-Церена[4] [Волобуев, 2018]. На карту средствами ойратской письменности тодо бичиг и латиницей нанесены названия географических объектов (приток в устье р. Джиргалан — *Arschatu*, правый приток р. Текес — *Charagåll*, правый приток р. Текес — *Gurban-mussar*, река в Семиречье, впадающая в оз. Балхаш, — *Kuku-Usum* и др.), ставок ханов, культовых сооружений, буддийских монастырей, мест добычи полезных ископаемых и др. Более подробно на карте представлена долина р. Или, так как именно здесь Ренат провел 17 лет в джунгарском плену. При его участии усилилась военная мощь джунгарских правителей Цеван-Рабдана и Галдан-Церена. «В 1878 г. Юхан Август Стриндберг, работавший помощником библиотекаря в Королевской библиотеке, обнаружил там копии этих карт и через Я. К. Грота передал их в Императорское Русское географическое общество, где в 1881 г. они были опубликованы А. И. Макшеевым. Десятью годами позднее оригиналы карт были обнаружены в Уппсальском

[2] Эмиль-гол (Эмиль) — река, берущая начало в горах Тарбагатая в Синьцзяне и впадающая в оз. Зайсан [Норбо, 1999, *236–237*].

[3] Здесь и далее перевод сарт-калмыцких лексем, дефиниций и фрагментов текста осуществлен авторами настоящей статьи.

[4] По одной из версий, надписи на ойратском языке нанесены самим Галдан-Цереном (?–1745).

университете, где они и хранятся по сей день» [Ренат]. В 1881 г. А. И. Макшеев составил и опубликовал «Указатель географических названий карты И. Рената», в котором привел 250 надписей монгольского, калмыцкого (ойратского) и татарского происхождения, написанных по-шведски [Макшеев, 1886]. В 2018 г. опубликована монография В. И. Волобуева «Карта Джунгарского государства 1738 г. И. Г. Рената как историко-географический источник» [Волобуев, 2018]. Автор приводит перечень из 253 географических названий и дает историческую справку по каждому из них. Топонимы на ойратском языке, имеющиеся на карте И. Г. Рената, подробно изучены монгольским ученым Ч. Мунхбаяром [Мөнхбаяр, 2019], которым выявлено 536 географических наименований.

В XIX в. изучение территории современного Синьцзяна продолжилось немецкими географами — А. Гумбольдтом, К. Риттером и др.; российскими учеными, путешественниками, военными: Н. Я. Бичуриным, Н. М. Пржевальским, А. Э. Регелем и др.

В 1903 г. Д. Я. Федоров в рамках программы штаба Туркестанского военного округа опубликовал книгу «Опыт военно-статистического описания Илийского края» [Федоров, 1903], в которой подробно описал орографию и гидрографию этого региона. В списке источников значатся личные экспедиционные материалы автора, карты XIX в., а также работы русских и зарубежных авторов (С. Алфераки, В. Бартольда, В. Васильева, Г. Грум-Гржимайло, Я. Бичурина, Л. Ф. Костенко и др.).

В 1961 г. шведский тюрколог Г. Ярринг опубликовал статью «Заметки о тюркских топонимах Центральной Азии», в которой каждый топоним был дан в английском написании, выявлялась языковая принадлежность топонимов и предлагались их краткие этимологии [Jarring, 1961]. В «Списке географических названий» Свена Гедина [Hedin, 1967] приведено около 6 500 названий географических объектов Центральной Азии, в том числе бассейна р. Или.

Анализирует топонимию Синьцзяна советский и российский ономатолог Э. М. Мурзаев. На материале 46 топонимов автор отмечает особенности местной гидронимии: 1) реки получают свои наименования по названиям городов и населенных пунктов; 2) одна и та же река на разных участках называется по-разному, что обусловлено этнографической и языковой принадлежностью народов, проживающих на том или ином участке долины, фактом слияния с другой рекой, резким изменением направления и т. д. [Мурзаев, 1974, *278*].

В 1990 г. во Внутренней Монголии (КНР) была издана книга ойратского ученого из Синьцзяна Ш. Норбо «Зая-пандита» на старописьменном монгольском языке. В книге представлен сводный текст известного памятника средневековой ойратской литературы «История рабджамбы Зая-пандиты[5] “Лунный свет”»

[5] Зая-пандита (1599–1662) — известный просветитель, создатель ойратской письменности тодо бичиг.

и многочисленные комментарии, в том числе статьи, разъясняющие топонимы Джунгарии XVII в. (г. *Тальки*, хр. *Эрээн Хабирга*, местность *Шара Тохой*, р. *Хоргос*, р. *Ухарлаг*, р. *Боро-Худжир*, р. *Кўнггўс*, р. *Цагаан Усун* и др.). Полный перевод книги Ш. Норбо был выполнен калмыцкими учеными [Норбо, 1999].

В 2013 г. китайский исследователь До. Менке опубликовал монографию «Краткий обзор ранней монгольской топонимики Западного края (на материале китайских источников)» [Do. Möngke, 2013]. Автор дает краткое описание названий географических объектов, указывает китайские источники, в которых они встречаются, и приводит некоторые версии происхождения топонимов.

Топонимия Синьцзяна частично освещалась в статьях калмыцких ученых [см.: Санчиров, 2011; Монраев, Монраева, 2008; Омакаева, 2012; Лиджиев, 2013; и др.]. Основное внимание исследователей было сосредоточено на принципах и способах номинации географических объектов, а также структуре топонимов. Э. М. Монраева на основе китайских источников составила краткий словарь топонимов Синьцзяна [Монраева, 2012].

Однако до сих пор ойратский топонимикон Синьцзяна не являлся предметом комплексного исследования, практически нет работ общетеоретического и типологического характера. Остаются нерешенными вопросы происхождения топонимов, семантики топонимического пространства, нет единой методики описания ойратоязычных топонимов. В качестве источника изучения топонимики не привлекался фольклорный материал ойратоязычных субэтносов, проживающих ныне на территории четырех государств: Монголии, Китая, России и Киргизии. Топонимы, зафиксированные в образцах устного народного творчества, являются свидетельством разных исторических эпох ойратов. К примеру, в сарт-калмыцком[6] фольклоре встречаются многие ойратские географические названия Джунгарии, сохранившие память об их родных кочевьях, находившихся до 1860-х гг. в долине р. Или.

---

[6] Сарт-калмыки (иссык-кульские, каракольские калмыки, или калмаки; самоназвание — *өөлд* ‘олёты’, *хар хальмг* ‘кара-калмаки’, *хотн хальмг* ‘хотон-калмаки’, *хальмг* ‘калмыки, калмаки’) — это относительно небольшая монголоязычная народность ойратского происхождения, проживающая в долине р. Каракол (ныне Ак-Суйский район Иссык-Кульской области Киргизии), исповедующая ислам. *Хар хальмг* ‘кара-калмаки’ — калмыки, исповедующие буддизм. Лексема *хар(а)* имеет в монгольских языках более десятка значений, основное из них — ‘черный цвет’. Однако в рассматриваемом словосочетании слово *хар* имеет значение ‘чистый, коренной, исконный’ [КРС, 1911; КРС, 1977, *576*; БРС, *548*], т. е. *кара-калмаки* — «калмыки, не подвергшиеся ассимиляции». Синонимом *хар хальмг* является *уул хальмг* ‘коренные, исконные калмыки’. В сарт-калмыцкой песне «Саглр-саглр модндннь…» <На раскидистом дереве…> встречается словосочетание *уул хальмг*: «Уул деернь hархнь / Уул хальмгм сангдна» <Когда поднимаюсь на гору, вспоминаю родных калмыков>. *Калмак* (*калмык*) — это обозначение кочевых племен, которые не были обращены в ислам [Kara, 2012, *199*]. Слово *калмык* в тюркских языках раньше употреблялось в сочетании с казахскими словами *кәпір* ‘иноверец’ (< ар. *kāfir* ‘неверный, иноверец (немусульманин)’): *кәпір калмак* ‘иноверец калмык’, кирг. *капыр калмак*, тадж. *кофир калмок* и др.

При описании и анализе гидронимов бассейна р. Или мы будем опираться на методологию, предлагаемую Т. Н. Дмитриевой [2017], А. Г. Беляевой, Е. И. Шубниционой [2020], Т. А. Агапкиной, Е. Л. Березович и О. Д. Суриковой [2018]. Сопоставление названий водных объектов бассейна р. Или, записанных российскими и зарубежными картографами, учеными, путешественниками в XVIII — начале XX в., с данными других современных источников, а также фольклора сарт-калмыков Киргизии и ойрат-монголов Синьцзяна позволит нам проследить процесс формирования и развития ойратской гидронимической системы Синьцзяна. При рассмотрении каждого гидронима учитывается гидрографическая характеристика водного объекта, версии происхождения названия, варианты названия в различных источниках, упоминание названия в сарт-калмыцком и ойрат-монгольском фольклоре.

* * *

Названия водных объектов ойратского происхождения, как и монгольские, отличаются большим разнообразием языкового инструментария. Чаще всего используются стандартные топонимические модели, в составе которых имеются аппелятивы, указывающие на то, к какому типу географических объектов относится данное название.

Усн ‘вода; река; водоем’. Лексема имеет следующие значения в монгольских языках: монг. *ус* ‘вода, река’ [БАМРС, 3, *354*], ойр. *усан* (*усун*), калм. *усун*, *усн*, *usṇ*, сарт-калм. *усн*, кирг. *суу* ‘вода’ [Тодаева, 2001, *358*; Ramstedt, 1935, *452*; ЭМА; КРС, 1911, *48*; 1977, *538*; КиРС, *666*], бурят. *уһа(н)* ‘река, вода, воды’ [БМРС, *492*], др.-тюрк. *sub* ‘вода; река’ [ДТС, *512*], кирг. *суу кудук* ‘священный колодец у монголов и калмыков’ [КиРС, *666*]. Лексема может употребляться как апеллятив («Улан булгин *усн*» <Речка Улан Булак> [УБУ, *1*]) или входить в состав названия объекта: «*Усна* көвә:дъ болху гой» <[Снег с высокой горы сходит] на берег водоема> [ӨКД, *2*]; «Чиңһс цаһан *усн*» <Светлая река для полива полей> [БКМ, *6*]; «Нәрхн цаһан *усн*» <Узкая белая река> [БКМ, *10*]; «Җиңнгсн *уснас* усулхий» <Напоить бы студеной водой> [ҖШМ, *2*]; «Сәәхин чегән *усун* бе» <Красивая прозрачная вода> [НСД, *2*]).

Һол ‘река’. Ср. монг., бурят. *гол* ‘река, речка; долина реки’ [БАМРС, 1, *200*; БМРС, *169*], ойр., калм., сарт-калм. *һол* ‘река’ [Тодаева, 2001, *105*; КРС, 1977, *164*; ЭМА], калм. *һол* ‘русло реки’ [КРС, 1911, *112*], *gol* ‘русло, долина реки, поток’ [Ramstedt, 1935, *150–151*], др.-тюрк. *köl* ‘озеро, водоем’ [ДТС, *313*], кирг. *кол* ‘русло реки, речная долина’ (самостоятельно не употребляется, встречается только в географических названиях: *Кара**кол***) [КиРС, *396*]. Термин *һол* может выступать в качестве географического апеллятива («Көкү *һолан* өөдлхий» <Когда идешь вверх по реке Кёке> [НСД, *9*]; «Эн *һолд* цасън орва» <На этой реке пошел снег> [ӨКД, *5*; АҮАД, *1*]; «Тер *һолду* юун болва?» <Что было на той реке?> [ӨКД, *6*;

АҮАД, *2*]) или входить в состав названия: «Уту *һола:су* урсусн» <[Воды, берущие] начало с Длинной реки> [НСД, *1*]; «Бүтү *һолан* өөдлхий» <Когда идешь вверх по Реке, не имеющей притоков> [НСД, *5*].

Экн ‘источник, родник, исток’. Ср. монг. *эх(эн)* ‘начало, истоки’ [БАМРС, 4, *441*], ойр. *экен* ‘исток, источник, родник’ [Тодаева, 2001, *471*], калм. *экин*, сарт-калм. *экн*, бурят. *эхи(н)* ‘начало, исток’, калм. *һолийн экин* ‘верховье реки’ [КРС, 1911, *20*; ЭМА; БМРС, *741*], калм. *ekṇ* ‘начало, источник’, *golin ekṇ* ‘источник реки’ [Ramstedt, 1935, *118*], *экн* ‘начало, источник, родник’ [КРС, 1977, *694*]. В составе географических наименований апеллятив *экн* встречается в притяжательной форме: «Чолута салан *экнднь*» <У истока каменной балки> [ССМ, *17*]; «Зах Җирһлңгин *экнәснь*» <С истоков крайнего Джиргалана> [ЗҖЭ$_1$]; «Аршта Мусрин *экнднь*» <У истоков горного потока Арцтай Мусур> [ШК$_1$, *5*]; «Арштан *экн* шилд» <У истока Аршаты> [КЭШ, *5*].

Булг ‘родник’. Ср. монг., бурят. *булаг*, ойр. *булг* ‘родник, ключ, источник’ [БАМРС, 1, *283*; Тодаева, 2001, *78*; КРС, 1977, *117*; БМРС, *121*], ойр. *булуг* ‘ключ, родник’ [КРС, 1911, *135*], *bulug* ‘источник’ [Ramstedt, 1935, *59*], др.-тюрк. *bulaq* ‘источник; канал, арык’ [ДТС, *121*], кирг. *булак* ‘родник (в болотистом месте на берегу реки); ручеек; источник’ [КиРС, *157*]. Данная лексема употребляется как составная часть топонимических названий: «Улан *булгин* усн» <Речка Улан булак> [УБУ, *1*].

Тоха ‘изгиб, излучина реки’. Ср. монг. *тохой* ‘излучина, изгиб, лука (реки), залив’ [БАМРС, 3, *235*], ойр. *тохаа (тохой)* ‘изгиб, излучина’ [Тодаева, 2001, *335*], калм. *тохой* ‘лука у реки, излучина’ [КРС, 1911, *193*], *toxā̄*, *toxā* ‘изгиб реки, речной луг, речная долина’ [Ramstedt, 1935, *397*], *тоха усн* ‘залив’ [КРС, 1977, *509*], бурят. *тохой* ‘излучина, изгиб, лука реки’ [БМРС, *444*], кирг. *токой* ‘заросли кустарников, часто смешанные с камышом, по поймам рек, речек, по берегам озер, на болотистых местах’ [КиРС, *743*]. «Армгтан иш хәәһәд Илин *тохаһас* олҗ ядҗ үркәд» <Не найдя древка в излучине Или> [Джангар, *6*].

Муср — ойр. ‘бурлящий горный поток’ [Моңһлкүрә шәәнә, *16*], *мусар* ‘небольшой сосуд (для перегонки молочной водки)’ [Тодаева, 2001, *239*]. В [ДТС, *352*; КиРС, *536*] *muz*, *муз* — ‘лед’. В монгольских языках слову соответствует лексема *мөс(өн)* (*мөсүн*) ‘лед, льдина’ [БАМРС, 2, *351*; Тодаева, 2001, *238*]. «Аршта *мусрин* экн» <Исток Аршата Мусар> [ШК$_1$, *5*].

Следует отметить, что образования «определение + определяемое» характерны для всех монгольских языков. Апеллятив входит в состав топонима, образуя сложные структуры: монг. *Цагаан нуур* «Белое озеро», *Хар ус нуур* «Озеро черной (прозрачной) воды», калм. *Алтн булг* «Золотой источник», *Баһ Богд уул* «Малая священная гора» и др.

Ниже приводится анализ ойратских наименований водных объектов, который поможет уяснению гидронимии бассейна р. Или, ранее недостаточно изученной.

Или

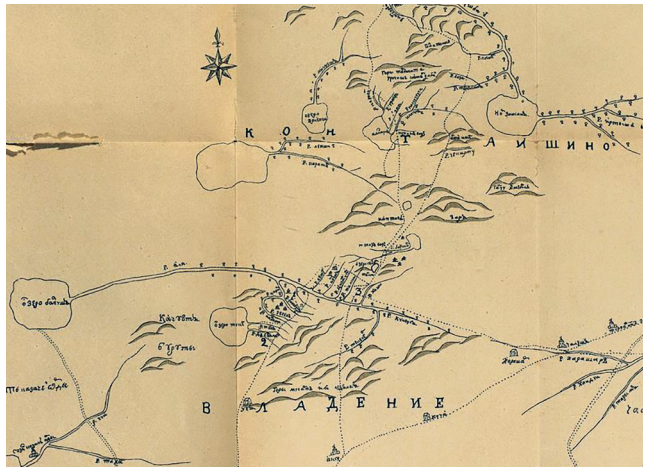
Варианты: *р. Иля* [Унковский, 1887], *Illÿ F:* (*Ili*) [Волобуев, 2018], *Или-гол* ‘[река] Или’ [Бичурин, 1953], р. *Или* [Федоров, 1903; Пржевальский, 1947; Норбо, 1999; и др.]; в фольклоре — *Или*, *Илин усн* ‘река Или’, *Илин тоха* ‘излучина Или’ и др.

Гидроним *Или* достаточно широко известен в отечественной и зарубежной литературе, а также в картографии VIII–XX вв. В. И. Волобуевым подробно изучена история заселения долины Или: V в. — хунны, вторая четверть VII в. — дулу, тюргеши, первая половина VIII в. — княжество Бэйтин, китайцы, 766 г. — карлуки, 840 г. — 15 аймаков уйгур, 1473 г. — калмыки, XVI–XVIII вв. — чоросы (ойраты) [Волобуев, 2018, *55–57*]. На карты р. Или под названием *Иля* впервые была нанесена в 1722–1724 гг. Григорием Путиловым (см. карту).

Одно из ранних описаний р. Или представлено в труде Н. Я. Бичурина (1851): «Или-гол, название реки, протекающей в Чжуньгарии чрез Илийский округ от востока к западу. Сия река, по принятии в себя рек Кунгиса и Хаша с восточной и Тэгусо с южной стороны, идет на северо-запад и впадает в озеро Балхаш. Все ее течение простирается до 1400 ли» [Бичурин, 1953, *30*]. Д. Я. Федоров четко описал всю систему р. Или с ее притоками [Федоров, 1903, *157–202*]. Из правых притоков ойратскими являются: *Каш* (< ойр. *хаш* ‘нефрит’), *Хулустай* (< ойр. *хулста* ‘камышовая’), *Джиргалан* (< ойр. *җирһлң* ‘счастье’), *Шар булак* (< ойр. *шар булг* ‘желтый родник, источник’), *Талки* (< ойр., калм. *тальк* ‘нижняя челюсть’ [Норбо, 1999, *195*]), *Мохэ* (< ойр. *моһа* ‘змея’), *Уластай* (< ойр. *уласта* ‘тополиная’), *Кеген* (< ойр. *гегән* ‘геген, один из высших санов буддийского духовенства’), *Хоргос* (< ойр. *хорһс* < *хорһс(н)* ‘овечий помет’) и др.; из левых притоков: *Наумугун* (< ойр. *номһн* ‘спокойная, тихая’), *Терметы* (< ойр. *термт* ‘с решетчатыми стенами’), *Шарабогучи* (< ойр. *шар бохч* ‘желтые путы (используются при дойке кобыл и верблюдиц)’), *Ямату* (< ойр. *ямата* ‘с козами’), *Алмату* (< ойр. *альмт* ‘яблоневый’), *Джагистай* (< ойр. *заһста* ‘рыбье’), *Шар-нохай* (< ойр. *шар ноха* ‘желтая собака’), *Бороху-ста* (< ойр. *бурһста* ‘ивовая’) и др. Большая часть гидронимов, упоминаемых Д. Я. Федоровым, отмечена на карте Рената (1738).

Существуют разные версии происхождения названия р. Или. В. В. Радлов считает, что *Ilä* соответствует персидскому словосочетанию со значением ‘большая река’ [Койчубаев, 1974, *109*]. Слово *Ilä* в словаре В. В. Радлова дефинируется как ‘ясный, понятный, отчетливый, прозрачный’ [Радлов, 1, *1476*]. Такое же значение лексема имеет и в монгольских языках: монг. *ил* ‘явный, ясный, открытый, видный’ [БАМРС, 2, *267–268*], ойр. *иле*, калм. *ил* ‘ясный, явный, очевидный’ [Тодаева, 2001, *174*; КРС, 1977, *267*], калм. *иле* ‘ясно, явно’, *иле һазар* ‘пространство, которое видно глазами (мера расстояния)’ [КРС, 1911, *25*], *ilə* ‘открытый’, ‘название р. Или и ее окрестностей, бывшая Или-Тарбагатайская

провинция Китая, бывшая Джунгария’ [Ramstedt, 1935, *206*]. Олёты[7] Синьцзяна этимологию названия реки связывают с ее открытым и ровным ландшафтом: *Ил һол* ‘Открытая река’ [ЭМА]. Д. Я. Федоров считает, что р. Или получила свое название по месту слияния темных вод Кунгеса и молочных вод Текеса [Федоров, 1903, *177*]. В [КиРС, *928*] имеется слово *ылай* ‘муть; глина (жидкая)’ иранского происхождения, что соответствует в русском языке слову *ил* ‘глинистая, вязкая, мелко истертая природой земля, обычно пепелистого цвета, на дне вод, или осадок бывших вод’ [Даль, 2, *92*].



Карта партикулярная калмыцкого кочевья
контайшина владения (1722–1724).
Фрагмент [Унковский, 1887, 285]

Рассматриваемый гидроним *Или* очень часто фиксируется в фольклоре ойрат-монголов Синьцзяна и сарт-калмыков Киргизии, например: «Армгтан иш хәәһәд *Илин тохаһас* олҗ ядҗ үркәд, *Тексин экнәс* хәәҗ йовад олад авч, армган ясад ишләд дәкәд мордад Һунн Аюл Дөнн Аюлын ардас хәәһәд некәд орва» <Не найдя древка в излучине Или, нашел [он] его у истока реки Текес, починив древко копья, он вновь отправился на поиски [мангасов] Гунан Аюла и Донен Аюла> [Джангар, *6*]; «*Илин* уснасн һатлад йовад одв» <Переправились через воды [реки] Или> [Зүнһар хан, *11*]; «*Или* Тексин усиг» <Воды рек Или и Текес> [ЭМА]; «*Или* таласнь нисгсн» <Прилетевшая со стороны Или> [ЗҖЭ$_2$, *5*; ИТН, *1*; ҺЗМ, *5*]; «*Илиг* өөдләд хәләхлә» <С высоты посмотрев на Или> [КС, *5*] и др.

[7] Олёты — субэтническая группа ойратов, проживающая в Кобдоском аймаке Монголии и Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая.

В протяжных лирических песнях сарт-калмыки, тоскуя по родным кочевьям, воспевают реку Или. Варианты этих песен зафиксированы в сборнике песен олётов Текеса [ҺЗМ, *5–8*]:

Сарт-калмыцкий вариант	Олётский вариант
Или таласнь нисгсн *Итлг шовун, көөрк,* *Ик нутгаснь*[8] *иргсн* *Бичкн залу, көөрк.* [ЗҖЭ$_2$, *5–8*] «Прилетевшая со стороны Или Птица-балобан, бедняжка, Прибывший с прародины Юноша-бедняжка».	*Или талас нисcн* *Итлг шовун, көөрк бишию,* *Ик нутгас мордсн* *Ах бергн хойр мини.* [ҺЗМ, *5–8*] «Прилетевшая со стороны Или Птица-балобан разве не бедняжка, Прибывшие с прародины Брат и сноха мои».

Китайский исследователь, профессор Университета Внутренней Монголии (Хух-Хото, КНР) Д. Тая отмечает, что «синьцзянские сказители, исполняя эпос “Джангар”, часто вводят в текст реальные названия родных кочевий: местность *Хобугсар*, г. *Сайрин ула*, местность *Минган булаг*, р. *Баян гол*, р. *Хайдаг*, местность *Бортала*, г. *Алаг ула*, р. *Или*, р. *Хашинг* и др.» [ЭМА].

Сородичи сарт-калмыков, олёты уезда Текес СУАР КНР, ежегодно проводят обряд *деер мөрглһн* (букв. «моление на возвышенности») — поклонение духам-хозяевам местности, который сопровождается чтением «Рукописи кроплений» («Цацлын бичг»[9]). В рукописи упоминается вся топонимия Джунгарского ханства, в том числе названия кочевий олётов (сарт-калмыков): р. *Или*, р. *Хаш*[10], р. *Хөнгөс*, р. *Тэхэс*, р. *Гэгэн*, местность *Сайхан тохой* ‘Красивый лес’ и др.

Текес

Главным истоком р. Или является р. Текес с ее многочисленными притоками, питаемая вечными снегами главного хребта Тянь-Шань.

Варианты: р. *Текес* [Унковский, 1887; Федоров, 1903; Пржевальский, 1947; Норбо, 1999; и др.]; в фольклорных текстах — *Текс*, *Тексин усн* ‘воды Текеса’, *Тексин экн* ‘исток Текеса’.

---

[8] Сарт-калмыки под *ик нутг* букв. ‘большая родина’ и *ик һазр* букв. ‘большая земля’ подразумевают свою родину — Илийский край (Джунгарию).

[9] Копия рукописи имеется в личном архиве авторов.

[10] В олётской песне: «Хаңһл боран унсн хөөн, / *Хашин* хойр толһа кедүхн холви?» <Сев на необъезженного сивого, / Далеко ли до двух курганов [реки] Хаш?> [Моңһл ут дууна үг, 1984, *409*].

Одно из первых подробных описаний р. Текес (названия притоков, мостов и др.) имеется в труде подполковника Д. Я. Федорова [1903]: «Начало реки Текес находится в главном массиве Тянь-Шаня, близ высочайшей группы Хан-Тенгри; длина всего течения — около 290 верст. До урочища Капкак р. Текес течет в глубоком скалистом ущелье. Далее долина ее расширяется: у выселка Охотничьего она достигает 16 верст, а на высоте устья р. Касана доходит до 36 верст; прибрежная полоса правого берега при этом значительно шире полосы левого берега. Местность по обоим берегам долины ровная, открытая» [Там же, *163*].

У сарт-калмыков и олётов Синьцзяна существуют две основные версии происхождения названия.

1. *Текс* < ойр. *тегши* ‘ровный (равнина)’ [БАМРС, 3, *282*; КРС, 1911, *191*; 1977, *488*; Тодаева, 2001, *321*; Ramstedt, 1935, *390*; БМРС, *463*]. Вероятно, окончание *-ши* со временем было заменено на окончание *-с* [Өнр, 2010, *23*] В этнографических заметках и фольклорных материалах долина р. Текес описывается как ровная местность.

2. *Текс* < ойр. *тек* ‘дикий горный козел’ [Тодаева, 2001, *321*; Ramstedt, 1935, *390*; КРС, 1977, *490*; БМРС, *470*] + *с* (показатель множественного числа в ойратском языке). В [ДТС, *550*] *текä* ‘козел’; в [КиРС, *220*; Бектаев, 2007, *439*] *теке* ‘нехолощенный козел’. В тюркских языках (уйгурский, киргизский, казахский) отсутствует окончание *-с* как показатель множественного числа, оно есть в ойратском языке: *текс* ‘дикие горные козлы’.

На карты русских исследователей р. Текес впервые была нанесена в 1722–1723 гг. Иваном Унковским и Григорием Путиловым. На карте хорошо видно, что р. Текес берет начало с гор Мусат (< *мөс(н)* ‘лед, льдина’ [БАМРС, 3, *351*; КРС, 1977, *360*; Тодаева, 2001, *238*; Ramstedt, 1935, *267*] + *-та* — окончание сущ. в твор. п.) и впадает вместе с р. Кунгус (*Кунгес*) в р. Или. На схеме Джунгарской Калмыкии, составленной В. И. Волобуевым на основании карты И. Рената 1738 г., изображены притоки р. Текес — *Коксу*, *Джиргалан*. Д. Я. Федоров довольно подробно описывает долину р. Текес и ее притоки: левые — *Сумбе* (< *сүме* ‘буддийский храм’), *Кара-усу*[11] (< ойр. *хар усн* ‘черная (прозрачная) вода’), *Дараты* (*Дабаты*) (< ойр. *давата* ‘с перевалом’), *Улан-булак* (< ойр. *улан булг* ‘красный родник’), *Шарнохай* (< ойр. *шар ноха* ‘желтая собака’), *Бага-харганту* (< ойр. *баһ харһнт* ‘малая карагана’), *Икэ-Харганту* (< ойр. *ик харһнт* ‘большая карагана’), *Икэ-Хонохай* (< ойр. *ик хоноха* ‘большой приток Хоноха[12]’), *Бага-Хонохай* (< ойр. *баһ хоноха* ‘малый приток Хоноха’) и др.; правые притоки р. Текес — *Думдаду-Хабках* (< ойр. *дунд хавхг*[13] ‘средний Хавхак’), *Ихэ-Хабхак*

[11] В киргизском языке *кара* ‘черный, чистый (без примесей)’ [КиРС, *345*].

[12] *Хоноха* < ойр. *хō похоі* ‘светло-рыжая собака’ [Волобуев, 2018].

[13] *Хавхг* ‘глиняная конусообразная затычка с углублением для винокуренного котла, в которую вливали жертвенный напиток’.

(< ойр. *ик хавхг* ‘большой Хавхак), *Баян-гол* (< ойр. *байн һол* ‘богатая река’), *Арча-мусур* (< ойр. *арц муср* ‘можжевеловый горный поток’), *Цаганъ-усу* (< ойр. *цаһан усн* ‘белая река’) [Норбо, 1999, *262*], *Кукэ-усу* (< ойр. *көк усн* ‘голубая река’) [Там же, *30*], *Мохоръ-Джиргалан* (< ойр. *мухр җирһлң* ‘дальний Джиргалан’), *Каргаты* (< ойр. *харһата* ‘сосновая’), *Баг-Джиргалан* (< ойр. *баһ җирһлң* ‘малый Джиргалан’) и др.

В 1972 г. фольклорист А. Ш. Кичиков записал от сарт-калмыка Гапара Сертенова топонимию местности уезда Текес СУАР КНР 1940-х гг.: шесть сомонов олётов проживают в Текесе (*Текс*) (*Күрән уул* ‘гора Кюре’, *Күрән экн* ‘подножие горы Кюре’, *Хашнкин экн* ‘исток реки Хаш’, *Шар уул* ‘гора Шара’ и др.), десять сомонов олётов — в долине р. Кунгес (*Күнәс*) [НА КалмНЦ РАН, ф. 16, оп. 1, магн. лента № 143 (134)].

В фольклоре сарт-калмыков часто упоминается р. Текес как место последнего их кочевья до перехода в долину р. Каракол. Так, в эпосе главный персонаж Джангар находит древко копья именно у истоков р. Текес; в историческом предании «Зүнһар хан» («Джунгарский хан») юноша Галдамба во время охоты ночует в степи, у истока р. Текес: «Һалдмба гидг көвү аңһучлҗ-меңгүчлҗ йовад, кеер хонхд Тексин экнд давхла, көдәд нег ик герин киртә чолун бәәдг санҗ» <Во время охоты юноша Галдамба, ночуя в степи, у истока [реки] Текес, увидел валун размером с большую юрту> [Зүнһар хан, *4*]. В песнях олётов Текеса: «*Тексиг* өөдләд хәләхлә» <С высоты посмотрев на Текес> [КС, *9*]; «*Текс* гидг һазрнь» <Местность Текес> [ТГҺ, *1–4*]; «Или *Тексин* усиг» <Воды рек Или и Текес> [ЭМА] и др.

Джиргалан

Джиргалан является одним из главных правых притоков р. Текес в нижнем течении [Козлов, 1963].

Варианты: *Джергалан* [Унковский, 1887], *ǰirγalang* [Волобуев, 2018], *Джиргалан* [Козлов, 1963; Федоров, 1903; и др.]; в фольклоре — *Зах Җирһлңгин экн* ‘исток крайнего Джиргалана’ [ЗҖЭ$_1$, *1*], *Зах Җирһлңгин көвә* ‘берег крайнего Джиргалана’ [ЭМА], *Зах Җирһлңгин көвә* ‘то же’ [ЗҖК, *1*] и др.

На карте Г. Путилова (1722–1724) р. Джиргалан отмечена под названием *Джералан*, в схеме В. И. Волобуева по карте И. Г. Рената (1738) — р. *Джиргалан* [Волобуев, 2018, *187*]. Подробное описание реки встречается у Д. Федорова: «Мохор-Джиргалан (Малый Джиргалан, или Айдау-Джиргалан) вытекает двумя истоками с северного склона малого хребта Мус-тау, близ высокой скалы Ак-чеку-таш, и течет по скалистому руслу в глубоком ущелье, заросшем сосновым лесом» [Федоров, 1903, *174*]. Гидроним *Джиргалан* (ойр., калм. *җирһлң*, монг. *жаргалан*, каз. *жыргалан*) состоит из существительного *джиргал* (ойр., калм. *җирһл*, монг. *жаргал*) + словообразовательный суффикс *ан-* (ойр., калм. *аң-*, монг. *ан-*). Ойр., калм. *җирһл* (монг. *жаргал*) переводится как ‘счастье,

блаженство; наслаждение; удовольствие’ [КРС, 1977, *230*; БАМРС, 2, *160*]. Производное ойр., калм. *җирһлң* (монг. *жаргалан*) имеет такое же значение: ‘счастье, нега, блаженство; наслаждение; благоденствие; радость; удача’ [Тодаева, 2001, *144*; Ramstedt, 1935, *112*; КРС, 1977, *230*; БАМРС, 2, *160*; БМРС, *247*]. В тюркских языках: кирг. *жыргал* ‘удовольствие, наслаждение, услада, блаженство, благоденствие’ [КиРС, *283*], каз. *Жыргалан* восходит к тюрк. *жырга* ‘наслаждайся’, ‘получай удовольствие’ с окончанием *-лан*, образующим отглагольное существительное со значением ‘благоденствие’, ‘наслаждение’ [Койчубаев, 1974, *106*].

Олёты уезда Монголкюре Или-Казахской автономной области (ИКАО) СУАР КНР различают три течения р. Джиргалан: *Зах Җирһлң* ‘Крайний Джиргалан’ — исток реки, *Төв Җирһлң* ‘Средний Джиргалан’ — середина реки, *Мухр Җирһлң* ‘Дальний (Предельный) Джиргалан’ (второе название — *Баһ Җирһлң* ‘Малый Джиргалан’). Долина реки расположена в уезде Тогус Тара[14] ИКАО СУАР КНР. Есть еще большая река *Ик Җирһлң* ‘Большой Джиргалан’, которая протекает в уезде Инин Или-Казахской автономной области СУАР КНР.

В сарт-калмыцком и олётском песенном фольклоре гидроним *Зах Җирһлң* ‘Крайний Джиргалан’ упоминается как нутук[15] мира и спокойствия (*эңк нутг*): «*Зах Җирһлңгин* экнәснь» <С истоков Крайнего Джиргалана> [ЗҖЭ$_1$; ЗҖЭ$_2$; ЭМА].

Улан булак

Варианты: *Улан булак* [Федоров, 1903; Исаев, 1977; и др.]; в фольклоре — *Улан булгин усн* ‘речка Улан булак’ [УБУ, *1–4*].

Река Текес принимает большое число притоков с правой и левой стороны. Речушка под названием *Улан булак* относится к левому притоку реки Текес. Это небольшой ручей с глинистым, частью песчаным руслом, не всегда доходящий до р. Текес. Препятствий движению он не представляет [Федоров, 1903, *169*]. В настоящее время речка протекает в населенном пункте Геденг (< монг. *гэдэн* ‘выдающийся назад затылок’ [БАМРС, 1, *478*]) уезда Монголкюре ИКАО СУАР КНР близ горы Шара ула (монг. ‘Желтая гора’). Эта речка имеет историческое значение: здесь произошло одно из кровопролитных сражений во время падения Джунгарского ханства в XVIII в. [ЭМА]. Гидроним *Улан булг* состоит из колоратива *улан*, который во всех монгольских языках означает красный цвет, и лексемы *булг* ‘родник, источник’. Название дано по цвету почвы (камней). Источник *Улан-Булак* имеется также в долине оз. Иссык-Куль [Исаев, 1977, *60*]. Территория озера Иссык-Куль в XVIII в. тоже входила в состав Джунгарского ханства.

---

[14] Ойр. ‘Обильные пашни’: *төгс* ‘обильный’ + *тара* ‘поле, пашня’; др.-тюрк. ‘Девять пашен’: *toquz* ‘девять’ [ДТС, *578*] + ойр. *тара(н)* ‘поле, пашня’ [Тодаева, 2001, *313*].

[15] *Нутук* ‘родина, родное кочевье, родной улус’ [КРС, 1977, *387*].

В 1982 г. Д. А. Павлов в с. Бурма-Суу записал от Султана Насымбатова (1925 г. р.) лирическую песню «Улан булгин усн» <Воды речки Улан Булак>. Вариант этой песни зафиксировали авторы этой статьи в 2021 г. от олёта Топан Бадмы.

Сарт-калмыцкий вариант	Олётский вариант
Улан булгин усн *Улвлан бор һатлад,* *Үрглсн үр-дүүнртән* *Медсн дууһан дууллав.* [УБУ, *1–4*] «Воды речки Улан булак. На красно-сивом [коне] переправившись, Младшим братьям-сестрам Исполнил знакомую мне песню».	*Улан булгин усн* *Унярт рн шимәтрн урсна.* *Уйхн төрсн эгч-дү мини* *Холҗх дутман сангдна.* [ЭМА] «Воды речки Улан булак Текут, затягиваясь дымкой, Сердобольные мои сестры, Расставшись [с вами], вспоминаю вас».

***Арцата Мусар* (*Аршата Мусар*)**

Варианты: *Музарт(а)*, *Арча-Мусур*, *Арчала*, *Уртень Музарт*, *Аксайли-Музарт*, *Малый Музарт* [Федоров, 1903], *Мөсн Муср* ‘Ледяной горный поток’ [Моңһлкүрә шәәнә] и др., в фольклоре — *Арцтан экн* ‘исток Можжевелового потока’ [ШК$_2$], *Аршта мусрин экн* ‘исток Аршата Мусар’ [ШК$_1$, *5*], *Арштан экн* ‘исток Аршаты’ [КЭШ, *5*] и др.

На территории уезда Монголкюре ИКАО СУАР КНР находятся два притока р. Текес, сарт-калмыки и олёты их называют *Арцта Муср* (< *арц* (*арч*) ‘можжевельник’ [БАМРС, 1, *157*; КРС, 1977, *52*; Тодаева, 2001, *38*] + *муср* ‘бурлящий горный поток’ [ЭМА]) и *Аршта Муср* (< *аршан* ‘целебный источник’ [БАМРС, 1, *160*; КРС, 1977, *52*; Тодаева, 2001, *39*; Ramstedt, 1935, *15*] + *муср* ‘горный бурлящий поток’ [ЭМА]).

Воды рек *Шатан гол* ‘Река-лестница’, *Дунд гол* ‘Средняя река’, *Марлтан гол* ‘Маралья река’ (приток *Маралты* [Федоров, 1903, *144*]), соединившись, образуют большой поток талой воды *Аршата Муср* ‘Целебный поток’ (краткое название — *Арштан экн* ‘Исток Аршана’). *Аршата Муср* течет с юга на север и впадает в р. Текес. Название потока связано с горячим источником (*аршаном*), находящимся на р. Шатан гол.

Арцта Мусрин экн — начало потоков талой воды с гор, «исток можжевелового горного потока» (краткое название — *Арцтан экн* ‘Исток Арцаты’, другие названия: *Арча-Мусур*, *Арчалы-карагат* [Федоров, 1903, *144*, *170*], *Аксайли-Музарт*, *Малый Музарт*). Воды *Арцата Мусар* протекают по левому берегу р. *Нарин гол* (‘Узкая река’) в местности *Хусмт Хар Усн* (‘Чистые воды березняка’) (граница Синьцзяна с Казахстаном), через реки *Сайхан гол* ‘Красивая река’ и *Эрдньтин*

гол ‘Драгоценная река’ и впадают в р. Текес. Склоны гористого берега Арцата Мусар покрыты можжевеловыми лесами и богаты пастбищами, отсюда и название «Можжевеловый горный поток» [ЭМА].

В отечественной литературе р. *Арцата Мусар* известна под названием *Музарта* ‘Ледяная река’ (< др.-тюрк. *muz* ‘лед’ [ДТС, *352*], кирг. *муз* ‘лед’ [КиРС, *536*]), ойраты и монголы эту реку называют *Мөсн Муср* ‘Ледяной горный поток’ (< *мөс(н)* ‘лед, льдина’ [БАМРС, 3, *351*; КРС, 1977, *360*; Тодаева, 2001, *238*; Ramstedt, 1935, *267*; Моңһлкүрə шəənə, *16*] + *муср* ‘горный бурлящий поток’ [ЭМА]). В картографии XVIII–XIX вв. отмечены лишь ледяные горы: на «Чертеже о Сибири и о Контайшиной земле бытности в Сибири Лихарева» (1719–1720) — на северной части горных хребтов Тянь-Шань написано «Камень *Мусарть*[16], на котором лед», на южной части Тянь-Шаня (Кунь-Лунь) — *Камень Мустак* (*хребет Музтаг*) [Греков, 1960, *216*]; на карте Григория Путилова (1722–1724) — горы *Мусат*, или *Ледяные*; на карте И. Г. Рената (1738) — *Musar-ola Isberg* («Мусар-Ола Исберг», «Мусарт»). Горы Музарта отмечены и описаны А. Ф. Гумбольдтом (1843), Ч. Ч. Валихановым (1858–1859), И. П. Минаевым (1879), М. В. Певцовым (1895) и др.

В сарт-калмыцком песенном фольклоре горные потоки *Арцата Мусар* и *Аршата Мусар* упоминаются в песнях «Шилвлзгсн кеернь» <Озирающийся гнедой>, «Күрмтəн экн шилд» <У подножия горы Курмюте>. Варианты этих песен зафиксированы среди олётов Текеса и представлены в сборнике «Моңһл ут дууна үг»:

Сарт-калмыцкий вариант	Олётский вариант
Арштан экн шилд *Агин үнрнь цеңннə.* *Əмтни деед нойдуднь* *Əрəхн ширəдəн залртн.* [КЭШ, *5–8*] «У истока Аршан Запах можжевельника благоухает. Нойоны — предводители народа, Восседайте на почетном троне с тюфяком».	*Əрүн сəəхн Арцтан шилд* *Аврин үнр күңкннə.* *Əмтнə деед ламнр мини* *Əрүн ширəдəн залрна.* [АШ, *1–4*] «У подножия красивой Арцаты Запах можжевельника благоухает. Ламы — предводители народа Восседают на святом троне».

Кунгес

Варианты: р. *Кунгес* [Федоров, 1903; Мурзаев, 1974], *Кунгус* [Унковский, 1887], *Künges* [Волобуев, 2018], в фольклоре — *Көңгс*.

[16] *Камень Мусарть*, по В. И. Грекову, — это гора Музарт.

Река *Кунгес*, правый приток р. Или, берет начало из высокого горного узла, связывающего хребты Аршан и Нарат. Подробное описание р. *Кунгес* представлено в трудах Г. Е. Грум-Гржимайло [см.: Кунгес], Д. Я. Федорова [1903, *157–163*], Н. М. Пржевальского [1891] и др. Д. Я. Федоровым подробно описаны правые и левые притоки р. Кунгес. Среди них есть ойратские названия водных объектов: *Аршанъ* (< *аршан* ‘целебный источник’), *Боркэ* (< калм. *бөөрг* ‘равнина с впадинами’ [КРС, 1977, *115*], ойр. *бөөрег* ‘буерак, овраг, впадина’ [Тодаева, 2001, *76*]), *Цараносунъ* (< ойр. *цаһаан* ‘белый’ + *усан* ‘вода, река’). Самый крупный приток р. Кунгес — р. *Цагма* (*Цанма*). Монголы называют эту реку *Чань-мань* [Федоров, 1903, *161*]. Вероятно, гидроним *Чань-мань* восходит к ойратскому слову *җиндамани* ‘драгоценный камень, исполняющий желания человека’ (ср. монг. *чандмань* [БАМРС, 4, *306*], калм. *җиндамани* [КРС, 1911, *264*], *җиндмн* [КРС, 1977, *229*]), которое было заимствовано из санскрита: *čintāmaṇi* ‘волшебный драгоценный камень, исполняющий желания’ [Меняев, 2008, *87*]. Притоки р. Цагма: *Дахадъ* (или *Тай-асу*), *Харанорь* (< ойр. *хар* ‘черный’ + *нур* ‘озеро’) или *Караголъ* (< ойр. *хар* ‘черный’ + *һол* ‘река’), *Чолатынъ-дабанъ* (< ойр. *чолуун* ‘камень’ [Тодаева, 2001, *443*; КРС, 1977, *654*] + ойр. *даваан* ‘перевал’ [Тодаева, 2001, *110*; КРС, 1977, *173*]).

Название *Кунгес* имеет монгольское происхождение: «Кунге — какой-то знаменитый герой, живший на этой реке; звук *с* — признак родительного падежа» [Федоров, 1903, *161*]. Э. М. Мурзаев считает, что реки *Кунгес* и *Текес* названы по ориентировке течения: текущая на солнце[17] (на юг) и в противоположном направлении (на север) [Мурзаев, 1974, *12*]. Китайский топограф До. Менке возводит гидроним к уйг. *күң* ‘шум, грохот’ [Do. Möngke, 2013, *150*].

Приток р. Или *Көңгс* упоминается в песне олётов Текеса «Көндлңгин сүм» <Храм местности Кундуленг> [КС, *13*].

* * *

Бóльшая часть ойратских гидронимов бассейна р. Или, зафиксированная в XVIII–XIX вв., не претерпела изменений. Но различное написание одного и того же названия (на ойратском письме тодо бичиг, латинице, кириллице) значительно усложняет установление этимологии названий. Некоторые ойратские гидронимы при передаче на русский язык искажаются, что часто приводит к неправильному этимологическому истолкованию. К примеру, ойратский гидроним *Көңгс* на русский язык передается как *Кунгес*, т. е. звук [ө], отсутствующий в русском языке, заменяется звуком [у].

В составе гидронимии Илийского бассейна имеются гибридные тюрко-монгольские названия, состоящие из двух слов, одно из которых является апеллятивом:

[17] В [ДТС, *326*] слово *kün* ‘солнце’.

Кара-усу (левый приток р. Текес) ‘Черная (чистая) вода’ (< кирг. *кара* ‘черный, чистый (без примесей)’ [КиРС, *345*] + монг. *ус* ‘вода, река’ [БАМРС, 3, *354*], ойр. *усан* (*усун*) ‘вода’ [Тодаева, 2001, *358*]); *Карагол* (р. Баян-гол в среднем течении) ‘Черная (чистая) река’ (< кирг. *кара* ‘черный, чистый (без примесей)’ [КиРС, *345*] + монг. *гол* ‘река, речка; долина реки’ [БАМРС, 1, *200*], ойр. *һол* ‘река’ [Тодаева, 2001, *105*]); *Кок-су* (первый по величине и многоводности правый приток р. Текес) ‘Голубая вода (река)’ (< др.-тюрк. *кӧк* ‘голубой, синий, сизый’ [ДТС, *312*]; кирг. *көк* ‘синий, голубой’ [КиРС, *418*], монг. *хөх* ‘синий, голубой, зеленый’ [БАМРС, 4, *149*], ойр. *көке* ‘синий (часто голубой, зеленый)’ [Тодаева, 2001, *358*] + *су* < др.-тюрк. ‘вода’, ‘река’ [ДТС, *512*]; кирг. *суу* ‘то же’ [КиРС, *666*]) и др. Есть группа наименований водных объектов, которую можно отнести как к монгольской, так и тюркской лексике: *Текес*, *Джиргалан*, *Музарт* и др.

Большая группа — ойратские гидронимы, не имеющие параллелей в тюркских языках. Чаще всего это однокомпонентные (сущ.: *Тальк*, *Моһа*, *Уласта*, *Геген* — правые притоки р. Или) или двухкомпонентные гидронимы (сущ. + сущ.: *Арцтан экн* ‘Исток Арцата’; прил. + сущ.: *Улан булг* ‘Красный родник’, *Цаһан усн* ‘Белая вода’) и др.

Среди ойратских наименований есть гидронимы, связанные с буддизмом: *Геген* < ойр. *гегән* ‘один из высших санов буддийского духовенства’; *Чань-мань* < ойр. *җиндамани* ‘драгоценный камень, исполняющий желания человека’ < санскр. *čintāmaṇi* ‘волшебный драгоценный’; *Сумбе* < ойр. *сүме* ‘буддийский храм’ + *буй*[18] ‘есть’ и др. Слово *сүм* вошло в ойратский язык посредством древнеуйгурского языка, в который, в свою очередь, данный термин был заимствован из китайского языка 寺庙 (пининь: *Sìmiào*) ‘буддийский храм’.

В составе рассматриваемых наименований имеются апеллятивы, конкретизирующие, к какому типу водного объекта относится гидроним: *һол* ‘река’ — *Текс һол* ‘река Текес’; *экн* ‘источник, родник, исток’ — *Зах Җирһлңгин экн* ‘Исток крайнего Джиргалана’; *тоха* ‘изгиб, излучина реки’ — *Илин тоха* ‘Излучина [реки] Или’ и др. В Илийском бассейне одна и та же река на разных участках имеет разные названия. К примеру, р. Кунгес в месте слияния с р. Текес получила название *Или*; правый приток р. Текес — Баян-гол — в среднем течении носит название *Карагол* и т. д.

Привлечение различных источников, в том числе фольклорного материала киргизских сарт-калмыков и синьцзянских ойрат-монголов, способствовало более детальному исследованию историко-культурной «биографии» каждого водного объекта.

[18] Глагол *буй* (*бөй*) ‘есть’ относится к неизменяемым предикативным словам.

Источники

АҮАД — Ард үлдсн ах-дүүнр… (Оставшиеся позади братья…) // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингвистики. 1975. Вып. 2. С. 231.

АШ — Арцтан шил (У подножия Арцаты) // Моңһл ут дууна үг. Үрмч : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 1984. С. 373.

БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь / Монгол орос дэлгэрэнгүй их толь : в 4 т. / под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба ; отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М. : Academia, 2001–2002.

Бектаев К. Қазақша-орысша сөздік (Казахско-русский словарь). Алматы : Алтын Қазына, 2007.

Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 3. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1953.

БКМ — Бичкн кер мөрнь (Маленький гнедой конь) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М. А. Лиджиев, Л. А. Лиджиева. Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2013. С. 241–242.

БМРС — Бурят-монгольско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов ; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951.

БРС — Бурятско-русский словарь / сост. К. М. Черемисов ; под спец. науч. ред. Н. А. Очирова. М. : Советская энциклопедия, 1973.

Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. 4-е изд. СПб. ; М. : Изд. М. О. Вольф, 1912–1914.

Джангар — Сарт-калмыцкая и баитская версия «Джангара» // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 5. Оп. 2. Ед. хр. 6.

Джунгары и их кочевое ханство // Золотая орда. 18.04.2021. URL: https://zolord.ru/articles/2878 (дата обращения: 23.03.2021).

ҖШМ — Җивртә шархл мөрнлә... (Крылатого коня желтой масти…) // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 87.

ЗҖК — Зах Җирһлңгин экнәснь… (С истоков крайнего Джиргалана) // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 87.

ЗҖЭ$_1$ — Зах Җирһлңгин экнәснь… (С истоков крайнего Джиргалана) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М. А. Лиджиев, Л. А. Лиджиева. Элиста : Изд-во Калмыцкого ун-та, 2013. С. 241.

ЗҖЭ$_2$ — Зах Җирһлңгин экнәснь… (С истоков крайнего Джиргалана) // Моңһл ут дууна үг. Урумчи : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 1984. С. 387.

Зүнһар хан // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 21. Ед. хр. 1. Оп. 1. Л. 11.

Исаев Д. Жер-суу аттарынын сыры. Фрунзе : Мектеп, 1977.

ИТН — Или талас нисгсн… (Прилетевшая со стороны Или) // Хальмг үнн. 1964. 18 авг. С. 4.

КиРС — *Юдахин К. К.* Киргизско-русский словарь. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940.

Козлов П. К. Тянь-шань, Лоб-нор и Нань-шань (Отчет помощника начальника экспедиции 1893–1895 гг.) // Козлов П. К. Русский путешественник в Центральной Азии : избр. тр. К столетию со дня рождения (1863–1963). М. : АН СССР, 1963. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XX/1900-1920/Kozlov_P_K_2/text31.htm (дата обращения: 20.03.2021).

Койчубаев Е. Краткий толковый словарь топонимов Казахстана. Алма-Ата : Наука, 1974.

КРС, 1911 — *Позднеев А. М.* Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб. : Тип. Имп. АН, 1911.

КРС, 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М. : Русский словарь, 1977.

КС — Көндлңгин сүм (Храм местности Кундуленг) // Моңһл ут дууна үг. Урумчи : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 1984. С. 375.

Кунгес // Викитека : свободная библиотека. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Кунгес (дата обращения: 23.03.2021).

КЭШ — Күрмтән экн шилд… (У подножия горы Кюрюмт) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М. А. Лиджиев, Л. А. Лиджиева. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та, 2013. С. 242.

Макшеев А. И. Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год // Записки Императорского Русского географического общества по общей географии. Отделение географии математической и физической. Т. 11 / под ред. И. В. Мушкетова. СПб. : Тип. Имп. АН, 1886. С. 107–145.

Моңһл ут дууна үг (Тексты монгольских протяжных песен). Урумчи : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 1984.

Моңһл күрә шәәнә моңһл үндстнә сойл-түүкин — 2 (Материалы по истории и культуре монголов уезда Монголкюре — 2). Үрмч : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 2014.

Монраева Э. М. Географические названия Китая (топонимикон Синьцзяна) : словарь топонимов. Ростов н/Д : РИНХ, 2012.

НА КалмНЦ РАН — научный архив Калмыцкого научного центра РАН (Элиста).

Норбо Ш. Зая-пандита (Материалы к биографии) / пер. со ст.-монг. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 1999.

НСД — Нутган сансн дун (Песня-воспоминание о родном крае) // Павлов Д. В. Каракольские калмыки и их язык. Элиста : Калмыц. гос. ун-т, 1990. С. 53.

ҺЗМ — Һалзн зеерд мөрн (Рыжий лыско) // Моңһл ут дууна үг. Урумчи : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 1984. С. 390.

ӨКД — Өнчн көвүнә дун (Песня о юноше-сироте) // Павлов Д. А. Каракольские калмыки и их язык. Элиста : Калмыц. гос. ун-т, 1990. С. 54.

Өнр Ц. Текс болн нәәмлҗн балһсна үүсл көгҗл (Возникновение и развитие уезда Текес) // Текс шәәнә моңһл үндстнә сойл-түүкин материал — 1 (Материалы по истории и культуре монголов уезда Текес). Үрмч : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 2010. С. 23–26.

Пржевальский, 1891 — Путешествия Н. М. Пржевальского в Восточной и Центральной Азии. СПб. : А. Ф. Девриен, 1891. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Mongol/Przevalskij_Ljalina/text3.phtml?id=4443 (дата обращения: 23.03.2021).

Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. М. : Гос. изд-во геогр. литературы, 1947.

Ренат — Юхан Густав Ренат // Peoplelife.ru : Биографии известных людей. Факты, фото, видео, интересные истории. URL: https://www.peoplelife.ru/241334 (дата обращения: 23.03.2021).

ССМ — Саглр-саглр модндннь… (На раскидистом дереве) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М. А. Лиджиев, Л. А. Лиджиева. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та, 2013. С. 240.

ТГҺ — Текс гидг һазр… (Местность Текес) // Моңһл ут дууна үг. Урумчи : Шинҗәңгин ардын кевллин хора, 1984. С. 438.

УБУ — Улан булгин усн (Воды родника Улан) // Павлов Д. В. Каракольские калмыки и их язык. Элиста : Калмыц. гос. ун-т, 1990. С. 54–55.

Унковский И. С. Посольство к Зюнгарскому Хун-Тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722–1724 годы. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1887.

Федоров Д. Я. Опыт военно-статистического описания Илийского края : в 2 ч. Ташкент : Тип. Штаба Туркестанского военного округа, 1903. Ч. 1.

ШК$_1$ — Шилвзгсн кеернь (Бегающий конь) // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М. А. Лиджиев, Л. А. Лиджиева. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та, 2013. С. 242.

ШК$_2$ — Шилвзгсн кеернь (Бегающий конь) // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. № 143 (134).

ЭМА — экспедиционные материалы авторов.

Эрендженов К. Э. Сарт хальмгин фольклор // Берегущий огонь. Народный поэт Калмыкии К. Э. Эрендженов / сост. М. А. Лиджиев, Л. А. Лиджиева. Элиста : Изд-во Калмыц. ун-та, 2013. С. 243–244.

Hedin S. Memoir on maps. Vol. 1 : Records on Surveys ; Vol. 2 : Indez of Geographical Names. Stockholm : Sven Hedin found. Statens etnogr. museum, 1967.

Jarring G. Some Notes on Central Asian Turkic Place Names. Uppsala : Geological Institutions of the University of Uppsala, 1961.

Исследования

Агапкина Т. А., *Березович Е. Л.*, *Сурикова О. Д.* Топонимия заговоров Русского Севера. I: моря и реки // Вопросы ономастики. 2018. Т. 15, № 1. С. 65–114. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004

Беляева А. Г., *Шубницина Е. И.* К вопросу о происхождении русскоязычных гидронимов бассейна реки Щугор // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 1. С. 95–112. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.005

Волобуев В. И. Карта Джунгарского государства 1738 г. И. Г. Рената как историко-географический источник. М. : Пробел-2000, 2018.

Греков В. И. Очерки истории русских географических исследований в 1725–1765 гг. М. : Изд-во АН СССР, 1960.

Дмитриева Т. Н. Топонимия реки Пелым на рукописных картах Антала Регули и этимологизация мансийских топонимов // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 1. С. 35–55. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.002

Дондуков У.-Ж. Ш. О некоторых языковых особенностях иссык-кульских калмыков // Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингвистики. 1975. Вып. 2. С. 216–233.

ДТС — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев и др. Л. : Наука, 1969.

Лиджиев А. Б. Об антропонимах и топонимах западномонгольских народов // Полевые исследования. 2013. № 1. С. 127–155.

Меняев Б. В. Тексты, посвященные культу бодхисатвы Авалокитешвары у калмыков // Буддийская традиция в Калмыкии в XX веке: памяти О. М. Дорджиева (Тугмед-гавджи) / сост. Д. Н. Музраева ; отв. ред. Н. Г. Очирова. Элиста : КИГИ РАН, 2008. С. 75–89.

Монраев М. У., *Монраева Э. М.* Топонимика Синьцзяна и Калмыкии в сравнительном освещении // Научная мысль Кавказа. 2008. № 4, ч. 2. С. 64–67.

Мөнхбаяр Ч. Ренатын И. Г. газрын зураг дахь газар усны нэрсийн харьцуулсан судалгаа // Тод үсг — 370. Ойрад судлалын олон улсын эрдэм шинжилгээний VI хурлын илтгэлийн эмэтгэл / эмхэтгэсэн А. Батсуурь, На. Сүхбаатар ; ред. Ц. Пүрэвсүрэн. Улаанбаатар : Тод номын гэрэл төв, 2019. С. 28–58.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974.

Омакаева Э. У. Топонимия Синьцзяна как отражение ойратоязычной культуры региона: этнолингвистический аспект // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2012. № 4. С. 162–174.

Павлов Д. В. Каракольские калмыки и их язык. Элиста : Калмыц. гос. ун-т, 1990.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий : в 2 т. СПб. : Изд-во вост. литературы, 1963–1964.

Санчиров В. П. К изучению топонимики ойратов и калмыков (XVII–XVIII вв.) // Новый исторический вестник. 2011. № 3 (29). С. 67–73.

Тенишев Э. Р. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87.

Тодаева Б. Х. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста : Калмыц. кн. изд-во, 2001.

Do. Möngke. Baraqun kiǰaqar-un erten-ü mongγol qaǰar-un ner-e-yin tobči toyimu — kitad surbulǰi bičigün ǰisiyen deger-e. ǰokiyaba. Urumči : Sinǰiyang-un arad-un keblel-ün yerüngkei qoriya, 2013.

Kara D. Sart-Kalmyk — Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan) // Oirad and Kalmyk Linguistic Essays / ed. by A. Birtalan. Budapest : ELTE Eötvös Kiado, 2012. P. 197–210.

Ramstedt G. J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen seura, 1935.

Рукопись поступила в редакцию 13.06.2021

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

ар.	арабский язык	монг.	монгольский язык
бурят.	бурятский язык	ойр.	ойратский язык
др.-тюрк.	древнетюркский язык	сарт-калм.	сарт-калмыцкий язык
каз.	казахский язык	тадж.	таджикский язык
калм.	калмыцкий язык	уйг.	уйгурский язык
кирг.	киргизский язык		

* * *

Борлыкова Босха Халгаевна
кандидат филологических наук,
научный сотрудник
Калмыцкий государственный университет
358000, Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: borlboskha@mail.ru

Меняев Бадма Викторович
специалист Международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве»
Калмыцкий государственный университет
358000, Элиста, ул. Пушкина, 11
E-mail: bmeyaev@mail.ru

Borlykova, Boskha Khalgaevna
PhD, Research Fellow
Kalmyk State University
11, Pushkin Str., 358000 Elista, Russia
Email: borlboskha@mail.ru
https://orcid.org/0000-0001-9264-3430

Menyaev, Badma Viktorovich
Expert, International Research Center “Oirats and Kalmyks in the Eurasian Space”
Kalmyk State University
11, Pushkin Str., 358000 Elista, Russia
Email: bmeyaev@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-9205-4537

Boskha Kh. Borlykova
Badma V. Menyaev
Kalmyk State University
Elista, Russia

TOWARDS THE STUDY OF OIRAT HYDRONYMS OF THE ILI RIVER

The paper explores Oirat hydronyms of the basin of the River of Ili (known as *Ili, Tekes, Dzhirgalan, Ulan Bulak, Artsata Musar,* etc.) recorded in a variety of written and oral sources of the 17th–21st centuries in different graphic and phonetic variants (in the Oirat “Clear Script,” in Latin, and in Cyrillic). Oirat river names are significantly distorted when rendered into other languages, which complicates their etymological interpretation. The material under consideration includes the translation of the 17th century “Biography of Zaya-pandita,” the map of Dzungaria by Ivan Unkovsky (1722–1724), the map of the Dzungar state of 1738 by Johan Gustaf Renat, dictionaries of the Mongolian and Turkic languages, the archive materials of the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences and the Kalmyk Research Center of the Russian Academy of Sciences, as well as personal field materials of the authors collected

in the Issyk-Kul region of Kyrgyzstan (in 2009, 2012, 2014, 2021) and the Mongol-Kurya county of the Xinjiang Uygur Autonomous Region of People's Republic of Korea (in 2012, 2013, 2014, 2021). Geographical names of the Ili River basin are very well preserved in folklore of Sart Kalmyks living in the Tekes River valley until the second half of the 19th century, as well as in the Oirat-Mongolian folklore of Xinjiang. Typologically, Oirat hydronyms of the Ili River basin include: 1) names that can be attributed to both Mongolian (Oirat) and Turkic vocabulary, 2) hybrid names consisting of Turkic and Mongolian words, 3) original Oirat names, 4) names associated with Buddhism. The semantic and etymological analysis of the Oirat hydronyms of the Ili River basin indicates that in past times, seasonal migrations of the Oirats-nomads largely depended on the water landscape, which reflected in the detailed terminology of hydrographic objects.

K e y w o r d s: hydronyms; the Ili River basin; maps of Dzungaria; written documents; Sart-Kalmyk folklore; Oirat-Mongolian folklore; geographical terms; etymology

Acknowledgements

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00537 A *Language, Folklore, Historical and Cultural Heritage of Sart-Kalmyks in Kyrgyzstan from the Perspective of Russian Researchers: Historical Background and Current Situation (Based on Archive and Field Materials)*.

Agapkina, T. A., Berezovich, E. L., & Surikova, O. D. (2018). Toponimiia zagovorov Russkogo Severa. I: moria i reki [Toponyms in the Charms of the Russian North: Rivers and Seas]. *Voprosy onomastiki, 15*(1), 65–114. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2018.15.1.004

Belyaev, A. G., & Shubnitsina, E. I. (2020). K voprosu o proiskhozhdenii russkoiazychnykh gidronimov basseina reki Shchugor [On the Origin of Russian-Language Hydronyms of the Shchugor River Basin]. *Voprosy onomastiki, 17*(1), 95–112. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.1.005

Dmitrieva, T. N. (2017). Toponimiia reki Pelym na rukopisnykh kartakh Antala Reguli i etimologizatsiia mansiiskikh toponimov [Place Names of The Pelym River Area on Antal Reguly's Handwritten Maps and the Etymologization of Mansi Toponyms]. *Voprosy onomastiki, 14*(1), 35–55. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.1.002

Do., Möngke (2013). *Baraqun kiǰaqar-un erten-ü mongγol qaǰar-un ner-e-yin tobči toyimu — kitad surbulǰi bičig-ün ǰisiyen deger-e. ǰokiyaba* [A Short Collection of Early Mongolian Toponyms of the Western Territory (Xinjiang), Compiled on the Basis of Chinese Sources]. Urumči: Sinǰiyang-un arad-un keblel-ün yerüngkei qoriya.

Dondukov, U.-Zh. Sh. (1975). O nekotorykh iazykovykh osobennostiakh issyk-kul'skikh kalmykov [On Some Linguistic Features of the Issyk-Kul Kalmyks]. *Problemy altaistiki i mongolovedeniia. Ser. lingvistiki*, 2, 216–233.

Grekov, V. I. (1960). *Ocherki istorii russkikh geograficheskikh issledovanii v 1725–1765 gg*. [Essays on the History of Russian Geographical Research in 1725–1765]. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR.

Kara, D. (2012). Sart-Kalmyk — Kalmyks of Ysyk-Köl (Karakol, Kirghizstan). In A. Birtalan (Ed.), *Oirad and Kalmyk Linguistic Essays* (pp. 197–210). Budapest: ELTE Eötvös Kiado.

Lidzhiev, A. B. (2013). Ob antroponimakh i toponimakh zapadnomongol'skikh narodov [On Anthroponyms and Toponyms of the Western Mongolian Peoples]. *Polevye issledovaniia*, 1, 127–155.

Menyaev, B. V. (2008). Teksty, posviashchennye kul'tu bodkhisatvy Avalokiteshvary u kalmykov [Texts Dedicated to the Cult of the Bodhisattva Avalokiteshvara among the Kalmyks]. In D. N. Muzrayeva, N. G. Ochirova (Eds.), *Buddiiskaia traditsiia v Kalmykii v XX veke: pamiati O. M. Dordzhieva*

(Tugmed-gavdzhi) [Buddhist Tradition in Kalmykia in the 20th Century: in Memory of O. M. Dordzhiev (Tugmed-gavdzhi)] (pp. 75–89). Elista: KIGI RAN.

Menkhbaiar, Ch. (2019). Renatyn I. G. gazryn zurag dakh' gazar usny nersiin khar'tsuulsan sudalgaa [Comparative Study of Toponyms Recorded on the Renat's Map]. In A. Batsuur', Na. Sukhbaatar, & Ts. Purevsuren (Eds.), *Tod үsg — 370. Oirad sudlalyn olon ulsyn erdem shinzhilgeenii VI khurlyn iltgeliin emetgel* [Clear Script — 370. Materials of the 6th International Conference on Oirat Studies] (pp. 28–58). Ulaanbaatar: Tod nomyn gerel tev.

Monraev, M. U., & Monraeva, E. M. (2008). Toponimika Sin'tsziana i Kalmykii v sravnitel'nom osveshchenii [Toponymy of Xinjiang and Kalmykia in the Comparative Aspect]. *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, 4(2), 64–67.

Murzaev, E. M. (1974). *Ocherki toponimiki* [Essays on Toponymy]. Moscow: Mysl'.

Nadelyaev, V. M. et al. (Eds.). (1969). *Drevnetiurkskii slovar'* [Old Turkic Dictionary]. Leningrad: Nauka.

Omakaeva, E. U. (2012). Toponimiia Sin'tsziana kak otrazhenie oiratoiazychnoi kul'tury regiona: etnolingvisticheskii aspekt [Toponymy of Xinjiang as a Reflection of the Oirat-Speaking Culture of the Region: An Ethnolinguistic Aspect]. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii RAN*, 4, 162–174.

Pavlov, D. V. (1990). *Karakol'skie kalmyki i ikh iazyk* [Karakol Kalmyks and their Language]. Elista: Kalmyk State University.

Radlov, V. V. (1963–1964). *Opyt slovaria tiurkskikh narechii* [Dictionary of Turkic Dialects] (Vols. 1–2). St Petersburg: Izd-vo vost. literatury.

Ramstedt, G. J. (1935). *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura.

Sanchirov, V. P. (2011). K izucheniiu toponimiki oiratov i kalmykov (XVII–XVIII vv.) [To the Study of the Toponymy of the Oirats and Kalmyks]. *Novyi istoricheskii vestnik*, 3(29), 67–73.

Tenishev, E. R. (1976). O iazyke kalmykov Issyk-Kulia [About the Language of the Kalmyks of Issyk-Kul]. *Voprosy iazykoznaniia*, 1, 82–87.

Todaeva, B. Kh. (2001). *Slovar' iazyka oiratov Sin'tsziana* [Dictionary of the Oirat Language of Xinjiang]. Elista: Kalmyts. kn. izd-vo.

Volobuev, V. I. (2018). *Karta Dzhungarskogo gosudarstva 1738 g. I. G. Renata kak istoriko-geograficheskii istochnik* [Map of the Dzungar State in 1738 by J. G. Renat as a Historical and Geographical Source]. Moscow: Probel-2000.

Received on 13 June 2021

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.020
УДК 811.511.112’373.21 + 811.161.1’373.21 +
+ 908(470.21)

Д. В. Кузьмин
Институт языка, литературы и истории
КарНЦ РАН
Петрозаводск, Россия

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ТОПОНИМИИ КАРЕЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ КОЛВИЦА НА КОЛЬСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ*

В статье рассматривается топонимия карельской деревни Колвица на Кольском полуострове, относившейся до мая 1938 г. к территории Карелии, а далее — к территории Мурманской области. Исследование проведено на основе исторических документов и современных данных, бóльшая часть которых получена в результате экспедиций автора в Колвицу летом 2017 и 2018 гг. Главным направлением работы является соотнесение известных исторических сведений о Колвице с топонимическими данными, которые, как показано в статье, не только подтверждают, но и углубляют историческую информацию, позволяя реконструировать многие особенности жизни деревни в прошлом. Анализ начинается с ряда русскоязычных топонимов, которые функционировали еще до карельского освоения Колвицы (*Кандалакша*, *Колвицкая губа*, *Порьягуба* и др.). Большинство этих названий имеет саамское происхождение и, как показано автором, прошли многоступенчатую адаптацию, включающую переход из саамского в русский, потом из русского в карельский — а затем во многих случаях из карельского снова в русский, что связано с обрусением населения деревни в середине XX в. Далее подробно рассматривается карелоязычная топонимия, которая сохранилась достаточно хорошо. Особое внимание автор уделяет крупной группе названий с основами, указывающими на человека: восходящими к антропонимам (*Annin*/*oja* «Ручей Анны», *Kusmal’an*/*talo* «Дом Кузьмы» и др.), этническим наименованиям (*Lapin*/*niemi* «Лопарский мыс», *Ryssän*/*niemi* «Русский мыс»)

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (ИЯЛИ).

© Кузьмин Д. В., 2022

и некоторым апеллятивам. Большое внимание в исследовании уделено также географическим терминам, функционирующим в топонимии деревни. Их анализ, направленный на историческую реконструкцию, позволяет утверждать, что карельское население Колвицы составляли, с одной стороны, переселенцы из Олангской волости, а с другой стороны — из волостей Вокнаволок, Кестеньга, Тихтозеро, Ухта.

Ключевые слова: Кольский полуостров; деревня Колвица; топонимия; антропонимия; географическая терминология; карельский язык; русский язык

Введение

Начало истории деревни Колвица связано с последним десятилетием XIX в., когда на территории Кандалакшской волости Кемского уезда в устье реки Колвица было основано одноименное карельское поселение[1]. В 1910 г. оно состояло из восьми дворов, в которых проживали семьи Артемьевых, Архиповых, Пивоевых, Кундозеровых и Смоленниковых [ДР, 1910, *325–327*]. Деревня быстро разрасталась: в 1911 г. в ней было уже 17 дворов карелов; кроме того, часть карелоязычного населения постоянно проживала на берегах Колвицкого озера — здесь по меньшей мере было три однодворных хутора: *Honkaniemi*, где жила семья Василия Артемьева, *Rissinšuari*, где жил Исак Прокопьев, и *Ant'uhhanlakši* [Визе, 1912, *742*]. В 1921 г. существовал также выселок Вересручей (карел. *Katajaoja*, *Verešoja*), находившийся недалеко от впадения речки Колвица в Колвицкое озеро [Никольский, 1927, *17*]. Более подробные статистические сведения о раннем этапе жизни деревни представлены ниже, в таблице.

Согласно сведениям наших информантов, деревня появилась в начале 1890-х гг., когда из располагавшихся на территории современной Карелии бывшей Олангской волости деревень Варталамбина (карел. *Vartielampi*) и Боровская (карел. *Kankahaini*) сюда переселились три двоюродных брата по фамилии Архиповы и семья Артемьевых. Подтверждение этому мы находим в путевых заметках В. Ю. Визе за 1911 г., где он отмечает, что данное карельское поселение появилось 20 лет назад [Визе, 1912, *742*].

---

[1] Наряду с историческими документами в статье использованы полевые записи автора. Экспедиционные работы проводились в рамках проекта Петара Кехаева “Vanishing Karelian in Murmansk Oblast: Toward a comprehensive documentation and description” (Individual Research Project of Petar Kehayov, Deutsche Forschungsgemeinschaft, 01.05.2017–31.08.2020), целью которого являлось изучение формирования и угасания колвицкого говора собственно-карельского наречия на территории Мурманской области. В ходе экспедиций 2017–2018 гг. автором статьи были опрошены все жители д. Колвица 1930–1950-х годов рождения. Кроме исторических документов и полевых записей, в статье использованы данные топографических карт окрестностей Колвицы, материалы картотеки топонимов ИЯЛИ КарНЦ РАН [КТ КарНЦ] и словари карельского языка [KKS; СКНГТ].

Деревня Колвица по документам 1905–1933 гг.

Год	Количество дворов	Количество жителей	Количество карелов[2]	Источник
1905	5	25	*25	[СНМАГ, 1907, *188*]
1910	8	48	*48	[ДР, 1910, *325–327*]
1911	17	не указано	все	[Визе, 1912, *742*]
1918	33	158	*158	[СНМАГ, 1918, *6*]
1921	37	189	189	[Никольский, 1927, *17*]
1922	40	180	180	[СНМАГ, 1922, *188*]
1926	51	207	183	[СНМ, 1928, *20*]
1933	не указано	278[3]	237	[СНМ, 1935, *12*]

Следует, однако, заметить, что до этого, как сообщают наши информанты — потомки основателей Колвицы, на месте будущей деревни располагалось несколько построенных карелами избушек-полуземлянок (карел. *muštapirtti*, букв. «черная изба»), которые использовались летом — во время рыбной ловли и других промыслов. Здесь же стояла небольшая часовня. Ежегодно путь на промыслы и обратно составлял около 700 км, и по причинам целесообразности основателями поселения со временем было принято решение жить в этом месте постоянно. В. В. Никольский, изучавший быт и промыслы жителей западного побережья Белого моря, в 1921 г. отмечал, что деревня Колвица появилась на пустовавших расчистках, располагавшихся в устье реки Колвица и принадлежавших ранее Кандалакшскому монастырю, позднее — жителям одноименной волости [Никольский, 1927, *14–15*]. Из истории также известно, что на побережье Колвицкой губы Белого моря еще в начале XVIII в. существовала солеварница Кандалакшского монастыря; еще раньше Алай Михалков в писцовой книге 1608–1611 гг. сообщает о двух монастырских варницах в Колвинской губе [см.: Харузин, 1890, *461*]. Сведения о Колвицком усолье мы находим и в письменных источниках более позднего периода: в документе 1705 г. в Колвицкой губе упомянуто усолье с двором и кельями, при котором имелось восемь лошадей и три дойных коровы [Александров и др., 2014, *8*]. Видимо, именно в устье реки Колвица, на месте современной деревни, и находились те самые монастырские расчистки-покосы для прокорма домашнего скота, о которых упоминает В. В. Никольский, побывавший

[2] В отмеченных звездочкой (*) случаях указание на национальный состав населения не предусматривалось изданием.

[3] В 1933 г. в Колвице проживало 237 карелов, 18 финнов и 23 русских [СНМ, 1935, *12*].

в деревне в 1921 г. Память об этом усолье сохраняется по сей день в названии бывшей тони *Vuarniččа* (рус. *Варница*).

Народная память хранит сведения и о том, что в окрестности нынешней Колвицы карелы стали приходить для лова сельди и семги уже в 1820-е гг. Об этом нам сообщила жительница деревни 1935 г. р., которая является внучкой одного из основателей деревни — Кузьмы Савельевича Архипова (1865 г. р.). По рассказам ее деда, пойманную рыбу карелы отвозили в том числе в Архангельск, обменивая ее на товары, которых не хватало в карельских деревнях. В. Ю. Визе отмечал, что другим важным промыслом карелов на внутренних водоемах был лов жемчуга, за который можно было выручить от 200 до 500 рублей [Визе, 1912, *742*]. Согласно рассказам еще одного нашего информанта, предки современных жителей Колвицы занимались также отловом куницы, мех которой продавали в Архангельске или обменивали на муку и соль.

Постепенно в Колвицу стали подселяться жители других карельских деревень — главным образом из бывших Кестеньгской, Вокнаволоцкой, Тихтозерской и Ухтинской волостей. Видимо, это было обусловлено ростом населения в коренных деревнях и связанной с этим нехваткой сельскохозяйственной земли. По сведениям наших информантов, в «лучшие годы» в деревне насчитывалось 64 дома.

До прихода современных карелов Колвицкое озеро входило в том числе в сферу хозяйственных интересов саамского населения. На это указывает, например, название мыса *Lapin/niemi* (букв. «Лопарский мыс») на Колвицком озере, который, видимо, мог быть некой границей промысловых угодий саамов и пришлых карелов на рубеже XIX–XX вв. или даже раньше. Как известно, отэтнонимические названия возникают в результате контактов между представителями различных этносов, маркируя территории и границы их расселения или хозяйственной деятельности. О пограничном расположении Колвицкого озера может свидетельствовать, в частности, документ о вкладе Онтона Козьмина Кандалакшскому монастырю в 1687 г. В этом документе сообщается о передаче им родительских «пол-лука в водах в Колвицы и в сенных покосах пол-лука на озери в Лопской четверти» [Никонов, Пушкина, 2013, *175*]. Не исключено, что сам Антон Кузьмин мог иметь саамское происхождение. Саамом мог быть, видимо, и Иван Григорьев сын Буртов, который в 1632 г. дал в качестве вклада «трех оленей» и «в Колвице мяса оленья на 20 алтын» [Там же, *135*].

О том, что рассматриваемая территория была знакома саамам и входила в круг их хозяйственных интересов, говорит также зафиксированное саамское название Колвицких тундр — *Kolw/tundar* [KKLS, *981*]. Как известно, в окружающем пространстве человек называет прежде всего те места, которые значимы для него и его хозяйственной деятельности. На основании названия горного массива может быть реконструировано и саамское название самого Колвицкого озера — **Kolw/jawr*. В основе его лежит саамский географический термин *kuålv*, *kuålvâš* ‘(ровная) территория, поросшая редким лесом и ягелем; редколесье, поросшее

лишайником и вереском' (*Kuålvâš- > Kolvič-*[4]). Этот географический термин был известен, видимо, и саамам современной территории Карелии, поскольку отмечен в нескольких топонимах: озера *Kolvaz/järvi* в бывшей Ребольской и Ругозерской волостях, р. *Kolvas/jogi* (вар. *Kolvahan/jogi*, совр. *Kollas/jogi*) в бывшей Видлицкой волости на юго-западе Карелии; в Северной Карелии, в б. д. Кургиево Панозерской волости, зафиксирован покос *Kolvičču*. В последнем случае не до конца понятно, относится ли топоним к рассматриваемой группе, поскольку о местонахождении покоса ничего не известно.

В 1910 г. ближайшее к Колвице летнее саамское поселение находилось в 40 км к северо-востоку от Колвицкого озера, где на восточном берегу Верхнего Капустного озера (саам. *Kapest/jawr*) была летняя вежа лопаря Семена Галкина, занимавшегося здесь выловом рыбы. Более крупное летнее саамское поселение Галкиных под названием *Niškkind* располагалось в 17 км от последнего — в месте, где р. Умба вытекает из Умбозера [Визе, 1912, *746–747*]. Зимний же погост семьи Галкиных находился в Ловозере, и это позволяет предполагать, что окрестности Колвицкого озера входили в сферу хозяйственных интересов саамов этого погоста. Саамы-оленеводы периодически бывали и в самой деревне Колвица. По словам одного из наших информантов, они общались с жителями деревни и по-карельски, и по-саамски.

Интересно, что в районе Канлалакши — Варзуги не зафиксировано названий с этнонимической основой *Карел-*. Этот факт, возможно, свидетельствует о том, что языковая среда долгое время была здесь этнически однородной, а переход с карельского языка на русский произошел естественным путем, через стадию билингвизма. В то же время топонимы с основой *Карел-* бытуют на современном русско-саамском пограничье. Так, севернее Канозера, на бывшей саамской территории — на р. Умба, находится порог *Карельский*, название которого, на наш взгляд, является калькой саамского топонима. О вхождении данной территории в сферу промысловых интересов саамского населения свидетельствует и то, что даже на более южных территориях, в районе Канозера, на картах зафиксированы чисто саамские названия, например р. *Каврель/йок*[5], впадающая в р. Кица к западу от карельской деревни Вялозеро. Отметим также, что на саамских территориях Кольского полуострова неоднократно фиксируются названия, хранящие следы

---

[4] Ср. карел. р. *Vuonnisjoki* — рус. *Войница* ≈ р. **Kolvisjoki* / *Kolvašjoki* — *Колвица*. Названия реки и озера вторичны и восходят, на наш взгляд, к названию Колвицких тундр, физико-географическая характеристика которых хорошо соотносится с семантикой саамского термина.

[5] Известно, что на российских топографических картах встречается значительное количество ошибок и опечаток, особенно на территориях, где проживало нерусское население. Поэтому не исключено, что название этой реки написано с ошибкой, ср. возможный вариант **Карельйок*, букв. «Карельская река». На клавиатуре печатной машинки буквы *а* и *в* находятся рядом, что, возможно, при неаккуратном нажатии дало *ав*. Если это так, то данный гидроним можно отнести к группе саамских названий, указывающих на карельское присутствие.

былых контактов с карельским населением: возвышенности *Gorjela-tunturi*, *Karjal*, зал. *Karjal/luht*, мыс *Karjal/ńark*, оз. *Karjel/javr* и др.

1. Топонимия Колвицы

Географические названия любого народа — это отражение его прошлого, своеобразный языковой памятник, хранящий сведения об истории народа, его традиционной культуре и быте. Роль топонимов особенно велика в тех случаях, когда для воссоздания истории региона недостаточно документальных письменных свидетельств.

Именно этим объясняется наш интерес к сбору и изучению топонимии. Далее, анализируя географические названия, мы попытаемся заглянуть в прошлое Колвицы, расскажем о ее быте, природных особенностях местности, а также о людях, здесь проживавших.

1.1. Русскоязычная топонимия и ее адаптация в карельском языке

Ранее мы уже упоминали, что в середине XVIII в., после упразднения Кандалакшского монастыря, все его угодья перешли в деревенскую общину Кандалакши. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что первые карельские поселенцы Колвицы в течение пяти лет жили в лесу во временных хижинах, поскольку крестьянская община Кандалакши отказывала им в разрешении строиться на пустовавших монастырских расчистках. Кроме того, долгое время кандалакшане не допускали колвичан к своим морским тоням и вылову семги в реке Колвица. Этого жителям Колвицы удалось добиться только к 1900 г. [Никольский, 1927, *14*].

Таким образом, место современной деревни, а также ее окрестности еще в начале 1890-х гг. входили в сферу хозяйственных интересов крестьянской общины Кандалакши. Это подтверждается и топонимическими данными. В числе записанных нами в экспедиции топонимов фиксируется целый ряд названий, которые до переселения в Колвицу карелов бытовали в русскоязычной среде. Это, например, окрестные возвышенности и участки по морскому берегу в сторону Кандалакши и Порьягубы, реже по самой реке Колвице и на внутренних материковых территориях: заливы *Kannon/lakši*[6] *(вар. Kannan/lakši*; рус. *Кандалакша*), *Kločihin'a* (рус. *Клочихино*), *Kolvičan/lakši* (рус. *Колвицкая губа*), *Liäkä* (рус. *Ляга*), *Miitrevskoi/lakši* (рус. *Дмитриевская губа*), *Porja/kupa* (рус. *Порья губа*), *Saššeikka* (вар. *Niška*; рус. *Зашеек*); возвышенности *Jolki/tunturi* (вар. *Kuuši/tunturi*; рус. *Ёлкитундры*, *Иолгитундры*), *Kartona* (рус. *Кардон*), *Lepetihä* (рус. *Лебедиха*),

[6] Написание названия города *Кандалакша* (карел. *Kannanlakši*) с *-a-* во втором слоге в настоящее время является вполне устоявшимся, поэтому не совсем понятны истоки зафиксированной нами карелоязычной формы с *-o-*. Возможно, за ней стоит параллельно бытовавшая ранее форма *Кандолакша*, которая упомянута, например, в 1627 и 1760 гг. [КБЧ, *172*; Ломоносов, 1955, *219*].

Luiven'ka(n)/tunturit (рус. *Лувеньгские тундры*), *Simččа* (рус. *Зимец*), *Okat't'evoi* (рус. *Окатьевская варака*); реки *Kolvičan/joki* (рус. *Колвица*), *Tiikši/joki* (рус. *Тикшарека*), *Umman/joki* (рус. *Умбарека*); ручьи *Kločihin'an/oja* (рус. *Клочихинский ручей*), *Vereš/oja* (вар. *Kataja/oja*; рус. *Вересручей*), *Von'učoi/oja* (рус. *Вонючий ручей*); озера *Kano/järvi* (рус. *Канозеро*), *Luiven'ka/järvet* (рус. *Лувеньгские озёра*), *Muna/järvi* (рус. *Мунозеро*); остров *Vlasovan/šuari* (вар. *Lampahan/šuari*; рус. *Власов остров*); берега *Kiiperinskoi(ranta)* (вар. *Ki(i)perin/ranta*; рус. *Киберинский берег*), *Kippoiha* (рус. *Кипноиха*); тони *Ivanovskoi* (рус. *Ивановка*), *Lepetihä* (рус. *Лебедиха*), *Vuarniččа* (рус. *Варница*).

Приведенный список включает ряд освоенных ранее русским языком топонимов с саамскими истоками — это заливы *Колвицкая губа* и *Порьягуба*[7]; горные массивы *Йолгитундры*[8] (*Ёлкитундры*) и *Лувеньгские тундры*; озера *Канозеро*, *Колвицкое озеро*, *Лувеньгские озёра*, *Мунозеро*; реки *Колвица*, *Лувеньга*, *Тикша* и *Умба*. Все они именуют достаточно крупные географические объекты, которые уже не одно столетие являются важными природно-ландшафтными и, видимо, хозяйственными доминантами местности.

Приведенные выше названия русского происхождения составляют в нашем материале около 7 % от всех зафиксированных топонимов. При этом, однако, общее число русских названий может быть несколько больше и доходить до 10 %, поскольку часть топонимов бытует ныне в полностью переведенном на карельский язык виде. Об их русских истоках свидетельствует, в частности, то, что соответствующие географические объекты находятся на удалении от Колвицы, в направлении русских поселений: ручьи *Iivanan/oja* (рус. *Ивановский ручей*), *Maksiman/oja* (рус. *Максимовский ручей*); зал. *Levie/lakši* (рус. *Широкая губа*); мель *Jermakan/šarvet* (рус. *Ермаковы Рога*); мыс *Päntelein/niemi* (рус. *Пентельский наволок*). Кроме того, часть подобных названий известна по исследованию В. В. Никольского 1921 г., где перечислены тони жителей Колвицы: мыс *Высокий наволок* (карел. *Korkie/niemi*), тоня *Синий Камень* (карел. *Šini/kivi*), зал. *Тёмная губка* (карел. *Mušta/lakši*) [Никольский, 1927, *155*]. Некоторые из этих топонимов могут быть русскими переводами этимологически прозрачных карельских

[7] На карте 1627 г. зафиксирована, возможно, близкая к карельскому произношению форма *Порые губа* (**Porie-*) [КБЧ, *171*].

[8] Возвышенности, входящие в состав горного массива *Йолгитундры*, представлены несколькими отдельными названиями, например *Баранья Йолга*, *Избная Йолга*, *Рисовская Йолга*. Видимо, этот факт отразился на названии всего горного массива, что привело к закреплению в атрибутивной части русскоязычного топонима показателя множественного числа *-и-*: *Йолги-*. В настоящее время бытует также вариант *Ёлки-*, который, вероятно, объясняется тем, что переселенцы-карелы отождествили саамский по происхождению атрибутивный элемент *йолга* с рус. *ёлка* — это, в свою очередь, отразилось в появлении переводного карелоязычного варианта названия *Kuuši/tunturi* (ср. карел. *kuuši* 'ель'; вар. *Jolkit*, *Jolki/tunturit*). Для объяснения названия самоґо горного массива может быть привлечен саамский географический термин *jõõlgõs* 'открытое ровное место или территория' [Neahttadigisánit].

названий, но такие полные кальки, как *Šini*/*kivi* (рус. *Синий камень*) и *Rauta*/*veräjät* (рус. *Железные ворота*), являются, на наш взгляд, переводами именно с русского на карельский, поскольку к концу XIX в. указанные топонимические модели в среде карелов уже не использовались, хотя и бытовали на карелоязычных территориях в более ранний период истории — ср. камень *Šini*/*kivi* (Miinoa), расщелина *Rauta*/*veräjät* (Akonlakši) (см. ниже) и др.

В ряде случаев неясно, какая из двух зафиксированных форм одного и того же названия является источником, а какая — ее переводом. Это связано с тем, что в русских говорах Кольского полуострова широко бытуют заимствованные из карельского языка (реже наоборот) географические термины: *варака* (карел. *vuara*) ‘гора, возвышенность’, *корга* (карел. *korko*) ‘мелкое место’, *ламбина*, *ламба* (карел. *lampi*) ‘небольшое озеро’, *луда* (карел. *luoto*) ‘оголяющиеся во время отлива (крупные) камни или остров без растительности’, *падун* (карел. *patuna*) ‘водопад’. Примеры топонимов, отражающих подобную лексику: горы *Kiärmiš*/*vuara* (рус. *Змеиная гора*), *Mušta*/*vuara* (рус. *Чёрная варака*); мель *Kulta*/*korko* (рус. *Золотая корга*); островок *Kulta*/*luoto* (рус. *Золотая луда*); водопад *Mušta*/*patuna* (рус. *Чёрный падун*); оз. *Nekotnoi*/*lampi* (вар. *Paha*/*lampi*; рус. *Негодная ламбина*). Заметим, что модель *Paha*/*lampi* — типовая для карельской топонимии, тогда как рус. *Негодная* не кажется таковой, что может являться знаком карельского истока топонима, переведенного позднее на русский.

Использование карелами топонимии окрестностей деревни находилось в активной моноязыковой стадии только до начала 1940-х гг. После этого произошел резкий сдвиг в сторону русского языка, что отразилось и на топонимии. Об этом ярко свидетельствует тот факт, что современное население Колвицы 1940–1950-х годов рождения, за редким исключением, карельского языка по-настоящему не знает. В ходе двух экспедиций нам неоднократно встречались люди, в том числе 1930-х годов рождения, понимающие по-карельски только отдельные выражения. Другими словами, смена языка в деревне началась, видимо, уже в 1930-е гг., а в 1950-е гг. практически завершилась.

Тем не менее часть не говорящего по-карельски местного населения еще понимает карельский язык. При этом карелоязычная топонимия в некотором смысле «живет» несколько дольше знания языка на уровне родного. Об этом свидетельствует, например, то, что часть названий до сих пор бытует в полностью карелоязычном виде, хотя людей, их использующих, уже нельзя назвать карелоговорящими. Можно предполагать, что если бы топонимия продолжила свое бытование и развитие в полностью карельской среде, то многие из русскоязычных названий со временем вышли бы из употребления или были бы серьезно «переработаны» карельским языком, ср. такую переработку в следующих названиях: заливы *Kolvičan*/*lakši* (вар. *Kolvičan*/*kupa*; рус. *Колвицкая губа*), *Koti*/*lakši* < карел. *koti* ‘домашний’ (вар. *Liäkä*; рус. *Ляга*), *Saššeikka* (вар. *Niška*; рус. *Зашеек*); возвышенности *Kuuši*/*tunturi* < карел. *kuuši* < рус. *ёлка* ‘ель’ (вар. *Jolki*/*tunturit*;

рус. *Йолгитундры*); мель *Šarvet* < карел. *šarvi* ‘рог’ (вар. *Jermakan*/*šarvet*; рус. *Ермаковы Рога*); ручьи *Haisuja*/*joki* (? вар. *Happanu*/*oja*; рус. *Вонючий ручей*), *Kataja*/*oja* (вар. *Vereš*/*oja*; рус. *Вересручей*) (карел. *kataja-* < рус. *верес* ‘можжевельник’); о-в *Lampahan*/*šuari* (вар. *Vlasovan*/*šuari*; рус. *Власов остров*); оз. *Paha*/*lampi* (вар. *Nekotnoi*/*lampi*; рус. *Негодная ламбина*) (карел. *paha*, рус. *негодный* ‘плохой’) и др.

Таким образом, в ходе хозяйственного освоения прилегающих к деревне территорий русская топонимия подвергалась карелоязычной адаптации: становясь частью новой топонимической системы, русские названия претерпевали определенные трансформации согласно фонетическим правилам и словообразовательным моделям карельского языка. Результатом этого стало, например, появление гибридных композитов или сложных по составу топонимов, свойственных карельской топонимии: ср. берег *Kippoihan*/*ranta*, малинник *Kločihan*/*malinnikko*, осинник *Lepetihän*/*huavikko*, остров *Rissin*/*šuari* (букв. «остров Креста») — рус. *Рищев*[9] *остров*, скала *Simčan*/*kallivo*. Другим следствием адаптационных процессов стало появление уже упоминавшихся названий-полукалек (*Jermakan*/*šarvet* — *Ермаковы Рога*, *Vereš*/*oja* — *Вересручей*, *Von’učoi*/*oja* — *Вонючий ручей*) и полных калек (*Rauta*/*veräjät* — *Железные Ворота*, *Šini*/*kivi* — *Синий камень*). Тем самым русскоязычная топонимия постепенно становилась карельской по употреблению.

О незаконченности этого процесса свидетельствуют, на наш взгляд, некоторые случаи, когда в речи разных информантов наблюдается неустойчивость форм наименования одного и того же объекта, ср., например, варианты названия возвышенности *Окатьевская варака* / *Окатьево*: *Okat’t’ivan*/*vuara*, *Okat’t’i*, *Okat’t’e(v)ska*/*tunturi*, *Okat’t’eva*, *Okat’t’evoi*. Видимо, к подобным случаям можно отнести также наименования руч. *Вонючий ручей*: *Haisuja*/*joki* (карел. *haisuja* ‘пахнущий’), *Happanu*/*oja* (карел. *happanu* ‘скисший’ → ‘пахнущий’) и зал. *Козья губа*: *Kosja*/*kupa*, *Kosso*/*lakši*.

1.2. Карелоязычная топонимия

Как приходится констатировать, в связи с изменением уклада жизни населения Колвицы многие географические названия в настоящее время вышли из ежедневного использования. Бóльшая часть выходцев из деревни приезжает сюда только в качестве дачников. Из постоянно проживающих, а также приезжающих на лето лишь немногие выходят сейчас в море для лова рыбы, а на Колвицком озере, например, никто из информантов уже не рыбачит. Домашнего скота и оленей

[9] Обратим внимание на фамилию *Рищеев* (вар. *Рищиев*) из деревни (бывшего выселка) Федосеево, располагавшейся в окрестностях Кандалакши. Видимо, до переселения карелов представители этой семьи могли иметь в окрестностях Колвицы земли хозяйственного назначения. В данном случае не до конца понятно, является ли параллельно бытующая карелоязычная форма *Rissin*/*šuari* адаптацией похожего названия *Рищев остров* или же звуковая близость топонимов — только случайность.

в деревне нет, сенокосы и пастбища запущены. Все это приводит к тому, что названия забываются, а воспоминания о них, живущие пока в памяти информантов, могут быть зафиксированы только во время опроса жителей деревни о их молодости, жизни их родителей или еще более старшего поколения в советский период истории поселения.

Несмотря на все это, топонимы окрестностей деревни нам удалось записать в достаточном количестве. За два года сборов, проводившихся летом 2017 и 2018 гг., в Колвице нами зафиксировано около 400 названий. Такое число топонимов сейчас возможно записать только в по-настоящему «живых» карельских поселениях.

Одной из главных причин хорошей сохранности топонимии Колвицы является, на наш взгляд, то, что во время Второй мировой войны местное население не было эвакуировано, а оставалось в деревне, — это обеспечило «непрерывность» использования местной топонимии. Кроме того, деревня Колвица была достаточно большой — 64 дома, да и сейчас является крупным, хотя уже и «дачным», поселением, что позволило нам проинтервьюировать здесь более 20 человек. В ходе экспедиций мы старались планомерно опросить всех постоянных и непостоянных жителей деревни, записывая как карелоязычные, так и русскоязычные названия, а последние затем проверяли на наличие карелоязычных вариантов у тех представителей старшего поколения, которые еще достаточно свободно говорят на карельском языке. Итогом стало то, что из указанного количества собранных названий только 20 топонимов не имеют в наших материалах карелоязычных эквивалентов. Некоторые из этих двадцати можно легко реконструировать на основании параллельно бытующих топонимов, например: поле *Выдраполе* > **Šuarva*/*peldo* (ср. рядом оз. *Šuarva*/*lampi* — рус. *Выдраламбина*), руч. *Кошкоручей* > **Koški*/*oja* (карел. *koški* ‘порог’)[10], склад *Нижняя Лакша* > **Ala(ni)*/*lakši* (букв. «Нижний залив»), озера *Мёртвые ламбины* — возможно, название именует тот же географический объект, что и зафиксированное *Kuolien*/*lampi* (ср. карел. *kuolie* ‘умерший, мертвый’, *lampi* ‘небольшое озеро’) и т. д.

В то же время отдельные русскоязычные названия являются достаточно поздними и, видимо, вообще не имеют карелоязычных эквивалентов, как, например, *Гигантский ручей* и *Гигантское поле*, рядом с которым, по рассказам местного населения, была установлена карусель «гигантские шаги». К этой же группе относится место *Макшеевский городок*, где был барак лесозаготовителей, и располагавшаяся у магазина *Ресторан-скала*, где после рабочего дня собирались местные жители, в том числе для распития алкогольных напитков. Таким образом, полностью русскоязычные названия в наших материалах составляют менее 6 % — это одна из самых незначительных групп в топонимии деревни.

[10] Топонимы *Выдраполе* и *Кошкоручей* построены по прибалтийско-финской модели сложных топонимов, что явно маркирует их карельские корни.

1.3. Топонимы с основами, указывающими на человека

Данная группа является в нашем материале одной из самых наполненных: она включает 27 % от числа всех зафиксированных в Колвице названий. В большей части атрибутивных компонентов топонимов представлены имена (реже фамилии) жителей деревни и некоторых других людей, участвовавших когда-то в хозяйственном освоении окрестностей Колвицы. Кроме того, в качестве атрибутов выступают указывающие на человека апеллятивы: *akka* ‘(старая) женщина’ — ср. о-в *Akan*/*šuari*, пролив *Akan*/*šalmi*; *kuolie* ‘умерший, мертвый’ — ср. оз. *Kuolien*/*lampi*; *lappi* ‘саам’ — ср. мыс *Lapin*/*niemi*; *ryssä* ‘русский’ — ср. мыс *Ryssän*/*niemi*[11].

Интересно, что в Колвице процент топооснов, указывающих на человека, практически в два раза выше, чем в целом в Беломорской Карелии, где он составляет только 15 %. Возможно, это связано с относительно недавним основанием деревни Колвица — при освоении ее земель незнакомым друг с другом новоселам приходилось маркировать места и территории, уже освоенные соседями. Указание на того, кто пользуется объектом, у карелов всегда было самым распространенным приемом называния, особенно в микротопонимии. Кроме того, карелы, как известно, жили деревенскими общинами, и земля, принадлежавшая той или иной общине, была разделена между ее представителями — тем самым именование объектов по имени, прозвищу или фамилии владельца было естественным основанием для их дифференциации.

Самую большую группу отантропонимных определений составляют в нашем материале мужские христианские имена. Это обусловлено тем, что хозяином дома почти всегда был мужчина: именно он владел принадлежавшей дому землей, он же занимался различными промыслами. Когда хозяйкой дома становилась женщина (например, вследствие утраты кормильца), ее имя также находило отражение в микротопонимии деревни, ср.: руч. *Annin*/*oja*, покос *Annin*/*nurmi*, берег *Annin*/*ranta*, глиняная яма *Annin Šavihauta*. Все названные объекты располагались вблизи дома Анны Ефимовны Малыгиной, муж которой погиб в 1941 г. Всего с войны в Колвицу не вернулись 32 мужчины. Сама Анна Ефимовна была родом из д. Войница Вокнаволоцкой волости и относилась к потомкам известного рунопевческого рода Малинен (карел. pl. *Maliset*). Русскоязычная форма этой фамилии была *Маликин*, но переселившаяся в Колвицу семья была записана как *Малыгины*[12].

---

[11] На мысе *Ryssän*/*niemi* во время войны стоял барак, в котором какое-то время жили эвакуированные сюда русские.

[12] Этот факт хорошо отражает то, как легко фамилия карельской семьи могла быть трансформирована или уподоблена русской. За исключением некоторых фамилий (*Каллиев*, *Келеваев*, *Лангуев*, *Пивоев*), карелы Колвицы носили обыкновенные русские фамилии, а также имена и отчества, хотя были при этом карелоговорящими. Эту ситуацию можно осторожно спроецировать на более ранние периоды истории Кольского полуострова. Речь идет о том, что фиксирующиеся в разного рода письменных источниках XVI–XIX вв. люди с русскими именами и патронимами фактически

Среди других микротопонимов, в которых отразились женские имена, можно назвать следующие: родник *Anis's'an/hete* (< *Анисья*), оз. *M(u)akrin/lampi* (< *Макрида*), покос *Malanien/nurmi* (< *Маланья*), горка *Matron/termä* (< *Матрёна*), берег *Mot'kan/ranta* (< *Матрёна*), островок *Muari(e)n/luoto* (< *Мария*), мыс *Tat't'anan/niemi* (< *Татьяна*), березняк *Tuarien/koivikko* (< *Дарья*), поле *Ul'l'anan/pelto* (< *Ульяна*). В данную группу входят также горки *Karpovnan/termä* (по отчеству *Карповна*) и покос *Ontonakan/nurmi* (от именования женщины по мужу, букв. «Покос жены Антона»).

Обратим внимание на то, что некоторые семьи в деревне именовались не по главам семей, а по фамилиям. Чаще всего подобные случаи отмечаются для семей, которые были единственными носителями той или иной фамилии. Среди них есть как представители русскоязычного населения, которое подселилось со временем в деревню (ср. руч. *Fufajevan/oja* < *Фуфаев*, руч. *Подымниковский ручей* < *Подымников*, горка *Sosinan/termä* < *Созинов*, родник *Tarabarinan/hete* < *Тарабарин*), так и карельские семьи: часть д. *Kallijevan/puoli* (жили *Каллиевы*), берег *Kelevajevan/ranta* (жили *Келеваевы*), берег *Maliginan/ranta* (вар. *Annin/ranta*, жила *Анна Малыгина*), *Яковлевская горка* (карел. *Jyrkilän/čokka*, жил *Егор Яковлев*).

В ходе экспедиций записывались также наименования домов. Если их тоже принять во внимание, то удельный вес названий, указывающих на человека, в топонимии Колвицы возрастает до 38 %. Поскольку деревня появилась только на рубеже XIX и XX вв., а к концу 1950-х гг. в среде местного населения уже произошел сдвиг в пользу русского языка, в карелоязычных названиях домов закрепились главным образом имена жителей первого, второго, реже третьего поколения. Из рассказов наших информантов известно, что первопоселенцами Колвицы были три семьи Архиповых и семья Артемьевых, главами которых были Архипов Кузьма Савельевич (1860 г. р.), Архипов Елисей Федорович (1851 г. р.), Архипов Лупп Евсеевич (1862 г. р.) и Артемьев Кирилл Петрович (1852 г. р.). Их имена сохраняются в названиях деревенских домов, ср.: *Jelesseilän/talo* (< карел. *Jelessei* — *Елисей*), *Kirilän/talo* (< карел. *Kirilä* — *Кирилл*), *Kusmal'an/talo* (< карел. *Kusma* — *Кузьма*), *Luppol'an/talo* (< карел. *Luppo* — *Лупп*).

На то, что эти дома появились на самом раннем этапе истории поселения, указывает присутствие в их названиях суффикса *-la/-l'a/-lä* с локативной семантикой. Как известно, в среде карельского населения названия, содержащие этот суффикс, присваивались, как правило, на начальном этапе заселения — первому дому, родовому гнезду; суффикс присоединялся к имени или прозвищу основателя [см.: Кузьмин, 2003, *67*]. Кроме того, в районе Кестеньги и Оланги (современный

могли быть карелами или даже саамами. Например, *Кириллово болото* (карел. *Kirilän/šuo*) названо по имени карела Кирилла Артемьева, т. е. не является топонимом русского происхождения, а только восходит к русскому личному имени. Другими словами, за этим названием скрывается карельский источник.

Лоухский район Карелии) эта модель была продуктивна в названиях домов вплоть до начала XX в. Тогда неудивительно, что при наименовании домов первопоселенцев Колвицы она также была востребована.

Среди четырех упомянутых выше названий домов топоним *Kirilän/talo* только формально относится к рассматриваемой группе, поскольку карелоязычный вариант имени *Кирилл* — *Kirilä* — сам по себе содержит финаль *-lä*. В то же время при наименовании дома сына Кирилла — Тимофея Кирилловича (1886 г. р.), построившего этот дом в начале 1910-х гг., модель все еще использовалась, ср.: *Ort't'olan/talo* (хозяин *Ort't'o* — Артемий Елисеевич Архипов, 1886 г. р.), *Pekkal'an/talo* (хозяин *Pekka* — Петр Антонович Архипов, 1891 г. р.), *Timol'an/talo* (< карел. *Timo* — *Тимофей*). Все они были сыновьями основателей Колвицы и, соответственно, жителями деревни второго поколения.

В названиях домов, построенных в 1920-е гг., модель уже не использовалась, однако некоторые топонимы сохраняют память о том, из какого дома был выходцем его хозяин, ср. дом *Timol'an Stepanan/talo*, в котором проживал сын Тимофея Кирилловича Артемьева — Степан Тимофеевич.

Таким образом, модель сохраняла активность на первом этапе разрастания деревни и постепенного переселения в Колвицу новых семей; она закрепилась в таких названиях домов, как *Hotattal'an/talo* (хозяин *Hotatta* — Федот Митрофанов), *Issakkal'an/talo*[13] (хозяин *Issakka* — Исаак Васильевич Прокопьев), *Jyrkilän/talo* (хозяин *Jyrki* — Егор Яковлев), *Vaskol'an/talo* (хозяин *Vasko* — Василий Филиппович Иванов). Следует отметить, что все названия домов на *-la*, кроме *Hotattal'an/talo* и *Jyrkilän/talo*, представлены в той части деревни, которая именуется *Большая сторона* (карел. *Šuuri/puoli*), — именно здесь были поставлены дома первых жителей деревни, выходцев из Олангской и Кестенгской волостей. На противоположной *Малой стороне* (карел. *Pieni/puoli*), освоение которой происходило несколько позднее, данная модель почти не использовалась. Возможное объяснение этого можно видеть в том, что жители Малой стороны были преимущественно выходцами из тех частей Карелии, где модель наименования на *-la* в конце XIX в. была уже малопродуктивна; кроме того, в это время она начала выходить из употребления и в самой Колвице.

1.4. Топонимия Колвицы как историко-культурный источник

Топонимы являются исключительным этнографическим и историко-культурным источником, востребованным при освещении вопросов, касающихся различных сторон промысловой и материальной культуры местного населения. В нашем случае мы также можем привлечь их как источник информации

[13] В ряде случаев *-l*-вые формы закрепились в современных русскоязычных наименованиях отдельных семей по дому, ср. *исакалёвские* (жители дома *Issakkal'an/talo*) и *пекалёвские* (жители дома *Pekkal'an/talo*).

о культурных и бытовых особенностях жизни Колвицы, в частности о занятиях местного карельского населения и объектах его хозяйственной деятельности.

Для населения, проживающего на территории, приближенной по природно-климатическим условиям к районам Крайнего Севера, при относительно слаборазвитом (в сравнении с более южными территориями) земледелии и животноводстве большим подспорьем в хозяйстве были охота и особенно рыболовство, которое давало здоровую пищу и часто спасало от голода. Именно в окрестности Колвицы в первой половине XIX в. приходили на морской рыбный промысел[14] отцы и деды первых жителей деревни.

Рыболовство было широко распространенным занятием в большинстве районов современной Карелии. В многочисленных озерах и реках рыба была всегда. Не является исключением и деревня Колвица, расположенная на берегу Колвицкой губы Белого моря, при впадении в него реки Колвица. Здесь ловили и сейчас продолжают ловить разную рыбу — в зависимости от сезона и водоема. Судя по данным В. В. Никольского, на начальном этапе жизни поселения, в конце XIX в., здесь было распространено главным образом речное и озерное рыболовство, преимущественно на Колвицком озере и впадающей в него реке Тикша. Это было обусловлено тем, что доступ к морским сельдяным тоням и разрешение на постановку семужного забора на реке Колвица было получено колвичанами у Кандалакшского общества только к 1900 г. [Никольский, 1927, *14*].

Данный вид промысловой деятельности нашел отражение в современной топонимии окрестностей Колвицы, привязанной к морскому побережью, ср.: место приема рыбы *Faktorija* (*Фактория*); место погрузки рыбы *Нижняя Лакша* (**Ala(ni)lakši*); водопад с отводом для поднятия рыбы на нерест *Kala/patuna*; тони *Kločihin'a* (*Клочихино*), *Korkie/niemi* (*Высокий Наволок*), *Lepetihä* (*Лебедиха*), *Luoto* (*Луда*), *Okat't'evoi* (*Окатьево*), *Ol'okan/pirtti* (букв. «Изба Алексея»), *Pirtti/kivi* (букв. «Камень у промысловой избы»), *Šini/kivi* (*Синий камень*), *Vuarničča* (*Варница*). В 1921 г. В. В. Никольский записал в окрестностях Колвицы названия десяти тоней: *Высокий наволок*, *Долгая корга*, *Клочихино*, *Лебедиха*, *Новый Крест*, *Окатьево*, *Под Тальцем*, *Тёмная губка*, *Синий камень*, *Ямка* [Никольский, 1927, *155*]. Большинство этих названий, как можно видеть, известно жителям деревни и в настоящее время. Наименования *Долгая корга* (карел. *Pitkä/niemi*) и *Тёмная губка* (карел. *Mušta/lakši*) также фиксируются в современной топонимии, однако о существовании там старых тоней наши информанты уже не упоминают.

Кроме морского побережья, лов рыбы производился колвичанами и на внутренних водоемах, где в местах вылова были построены специальные рыболовецкие избы (карел. *pirtti* или *kala/pirtti*) и сараи для хранения сетей (карел. *lato*),

[14] Судя по информации, приведенной ниже, они работали по найму — были наемными работниками у состоятельного населения Кандалакши или рыбопромышленников из других населенных пунктов.

ср.: избы *Ant'uh(h)an/pirtti*, *Issakan/pirtti*, *Korkieniemen/pirtti*, *Kossolahen/pirtti*, *Lammaššuaren/pirtti*, *Ristišuaren/pirtti*, *Saššeikan/pirtti*, *Tat't'ananniemen/pirtti*, *Tiikšin/pirtti*; о-в *Pirtti/šuari*, мыс *Lato/niemi* и др.

К кругу традиционных видов деятельности колвичан наряду с рыболовством относилась охота. Большую роль играла, согласно рассказам местного населения, охота на птиц, а также на крупных лесных зверей, в частности медведя, дикого оленя и лося. Одним из средств охоты на них были специальные ямы и заграждения, которые обычно располагались на узких мысах и перешейках (приб.-фин. *hankas*, *hankaš*) — вероятно, о таком способе охоты свидетельствует название *Hankaš/lakši* в окрестностях Колвицкого озера. Места охоты на лесного оленя и лося были, в частности, близ озер *Petra/lampi* < карел. *petra* 'дикий олень' (рус. *Петраламбина*) и *Hirvi/lampi* < карел. *hirvi* 'лось'. Промысловыми животными были, видимо, также горностай и выдра. Местами их лова могли быть окрестности горы *Kärppi/vuara* < карел. *kärppä* 'горностай' и оз. *Šuarva/lampi* < карел. *šuarva* 'выдра'. Об охоте на глухарей свидетельствуют названия токовищ: *Kiiperinskoirannan/kiima*, *Kotilammin/kiima* < карел. *kiima* 'глухариный ток'. Следует заметить, что в сравнении с рыболовством охота отражена в современной топонимии Колвицы достаточно слабо. Возможно, отчасти это объясняется тем, что большинство наших информантов (за исключением шести) составляли женщины, которые с местами охоты своих дедов, отцов и братьев вообще не соприкасались по причине удаленности большей части охотничьих угодий от поселения.

Имеющийся в нашем распоряжении топонимический материал позволяет сделать вывод о том, что наряду с охотой и рыболовством одним из важных занятий жителей Колвицы было сельское хозяйство[15]. Из-за сурового климата и недостатка естественных кормов, связанного с каменистостью почвы, местное население для расширения сенокосных[16] и пашенных земель делало расчистки, освобождая территорию от кустов и мелколесья, а также осушало болота. Подобные сельскохозяйственные угодья обычно находились в стороне от деревни, по берегам лесных водоемов и на болотах. Следов подсечного земледелия, которое было широко распространено на родовых территориях выходцев из Колвицы, мы в топонимии уже не находим. О местах, где косили сено, а также сажали картофель и капусту, говорят следующие названия: покосы *Alanko/mua*, *Mot'kan Alanko/mua*, *Muarin*

---

[15] Несмотря на то что территория окрестностей Колвицы входит в зону рискованного земледелия, В. В. Никольский в 1921 г. отмечал, что в деревне разведены порядочные огороды, которые дают хорошие урожаи картофеля [Никольский, 1927, *15*]. В то же время пашенного земледелия в деревне практически не было, поскольку сажали главным образом картофель и капусту.

[16] Подкашивание сена было массовым явлением, причем окашивались все окрестные болота, едва ли не в радиусе 45 верст. Практика окашивания болот целиком основывалась на захватном праве: покос принадлежал тому, кто его в этом году обнаружил и скосил. Каким-либо образом закреплять его за собой на будущий год, например постановкой знаков, было запрещено [см.: Никольский, 1927, *65*].

Alanko/*mua* < карел. *mua* ‘земля’, *An’tuh(h)an*/*nurmet*, *Klementeinšuon*/*nurmet*, *Ontonakan*/*nurmi*, *Malanien*/*nurmi*, *Mitrofanovanšuon*/*nurmet*, *Muštajoven*/*nurmet*, *Šuarvašuon*/*nurmet*, *Valkiejoven*/*nurmet* < карел. *nurmi* ‘покос’; поля *Arošuon*/*pellot*, *Kolhosan*/*pellot*, *Kon’ušn’an*/*pelto*, *Laivašuaren*/*pelto*, *Leontin*/*pelto*, *Potakka*/*mua* (рус. *Картофельные поля*), *San’kan*/*pelto*, *Timonšuon*/*pelto*, *Timo-ukon*/*pelto*, *Выдраполе* (**Šuarva(šuon)pelto*) < карел. *pelto* ‘поле’ и др. К этому ряду, видимо, относятся и самые первые сельскохозяйственные угодья, разработанные еще основателями Колвицы, ср. покос *Jyrkilän*/*nurmi* и поля *Jelesseilän*/*pelto* и *Kus’mal’an*/*pelto* — о раннем возникновении этих названий свидетельствуют как имена первопоселенцев в их составе, так и локативный суффикс *-la* (см. выше). Некоторые другие атрибутивные основы карелоязычных топонимов также указывают на сельскохозяйственную деятельность жителей, ср. озера *Riihi*/*lammit* < карел. *riihi* ‘рига’ (рус. *Ригаламбины*) и амбар *Saššeikan*/*aitta* < карел. *aitta* ‘амбар’.

Постоянный спутник земледелия — животноводство. Оно удовлетворяло потребности местного населения в мясе и молоке, давало органические удобрения для полей и лугов[17]. Местное население держало крупный рогатый скот[18], овец, а также лошадей и домашнюю птицу. Об этом свидетельствуют как рассказы наших информантов, так и лексика, отраженная в топонимии, ср.: место *Maito*/*pirtti* < карел. *maitopirtti*, *moločnoi* ‘пункт дойки и приема молока’ (вар. *Moločnoi*), поле *Kon’ušn’an*/*pelto* < карел. *kon’ušn’a* ‘конюшня’, мыс *Kuuričan*/*niemi* < карел. *kuuriččа* ‘курица’[19], острова *Lampahan*/*šuari* и *Lammaš*/*šuari* < карел. *lammaš*, gen. *lampahan* ‘овца’ (рус. *Овечий*). Появление островов с подобными названиями в окрестностях карельских деревень было обусловлено традицией вывоза на них овец в летний период.

Отличительной чертой хозяйственной деятельности населения северных частей Беломорской Карелии в сравнении с более южными территориями являлось оленеводство. Поскольку новопоселенцы Колвицы были выходцами из волостей, где оленеводство имело давние корни, у жителей этого поселения домашних оленей было много[20]: по данным за 1918 г. — 400 голов [Никольский, 1927, *58*], а перед Второй мировой войной оленей было уже около 600 [Александров и др., 2014, *53*]. В топонимии окрестностей деревни сохранились названия, которые указывают на занятие местных карелов оленеводством, ср.: загоны

[17] В. В. Никольский отмечал, что сельскохозяйственные расчистки в Колвице регулярно удобряются навозом [Никольский, 1927, *155*].

[18] По данным на лето 1921 г., в Колвице имелась 51 голова крупного рогатого скота, 77 овец и четыре лошади [Никольский, 1927, *57*]. Отметим здесь, что карелоязычные клички животных уже практически забыты местным населением. Нам удалось записать только несколько, ср. клички коров *Kaunikki* ‘Красотка’, *Kirjo* ‘Пеструха’, *Muššukki*, *Muštikki* ‘Чернуха’, *Ruško* ‘Бурка’; кличка овцы *Man’u* ‘Маня’, кличка барана *Pokko* ‘Баран’, кличка собаки *Nerka* (ср. карел. *nero* ‘умелый’).

[19] В прошлом на мысе располагался курятник.

[20] Есть сведения о том, что в начале 1900-х гг. только у жителя Колвицы по имени *Kirilä* (видимо, у Кирилла Артемьева) было около 300 домашних оленей [Kortesalmi, 1996, *101*].

для оленей *Kaivošlammin*/*poroaita*, *Kaunismuan*/*poroaita*, *Muššanjoven*/*poroaita*, *Valkiejoven*/*poroaita*, *Vaša*/*aita* < карел. *aita*, *poroaita* ‘загон для домашних оленей’, *Poro*/*šuari* < карел. *poro* ‘домашний олень’; место заготовки ягеля *Jäkälä*/*harju* < карел. *jäkälä* ‘ягель’, *harju* ‘хребет горы’.

Понятно, что в условиях севера сельское хозяйство и животноводство не могли полностью обеспечить карельскую семью всем необходимым, поэтому местное население занималось также отхожими промыслами, заготовкой дров, рубкой леса, добычей жемчуга[21] и торговлей. О последнем виде деятельности мы упоминали выше, в связи с информацией об основании деревни. В топонимии представлены сведения о некоторых других видах хозяйственной деятельности жителей Колвицы, например о выкопке глины и смолокурении — выгонке смолы, которая была востребована в крестьянском хозяйстве для таких нужд, как смоление лодок и лыж, а также в народной медицине, ср.: урочища *Annin*/*šavihauta* < карел. *šavihauta* ‘глиняная яма’, *Makarien*/*tervahauta*, *Vuarničan*/*tervahauta* < карел. *tervahauta* ‘смоляная яма’; озера *Hirši*/*lammit* < карел. *hirši* ‘бревно’ (в окрестностях этих озер заготовляли бревна). На торговые и экономические связи Колвицы с русскими поселениями указывают названия зимников в Умбу и Кандалакшу: *Umman*/*talvitie* и *Kannanlahen*/*talvitie* < карел. *talvitie* ‘зимняя дорога’. Кроме того, в окрестностях деревни располагалась плотина *Plotina* (ср. карел. *plotina* ‘плотина’) и водомерная станция, которая находилась рядом с одним из плесов реки Колвица, известным сейчас как *Vesimiärän*/*pl’ossa* < карел. *vesimiärä* ‘водоотмер’.

Таким образом, данные топонимии помогают осветить некоторые стороны и особенности хозяйственной жизни деревни в недавнем историческом прошлом. Мы видим, что для топонимии окрестностей Колвицы, как и многих других карелоязычных поселений, характерна утилитарная направленность, т. е. тесная связь с хозяйственной деятельностью местного населения. Это означает, что основным приоритетом номинации был принцип «географическая реалия как объект хозяйственного использования». Кроме того, полученные в ходе исследования сведения позволяют сделать вывод о том, что закрепляющаяся в топонимии информация действительно может быть использована для реконструкции культурно-бытового уклада той или иной территории, и это наглядно подтверждается корреляцией между топонимическими данными и рассказами местного населения о былой хозяйственной жизни деревни.

1.5. Топонимия Колвицы как этноисторический источник

С точки зрения использования топонимии в целях этноисторической реконструкции многие из рассмотренных выше моделей малопродуктивны. В то же

[21] По словам одного из информантов, жемчужные раковины встречались, в частности, в реке *Kotijoki* (букв. «Домашняя река», рус. р. *Колвица*).

время в топонимии Колвицы представлены и такие топонимические модели, которые обладают определенными этнодифференцирующими признаками. Их распространение может указывать как на исторические связи окрестностей Колвицы с территориями прежнего проживания предков современных колвицких карелов, так и на историко-культурные связи более раннего периода.

Понятие «топонимическая модель» является одним из основополагающих в прибалтийско-финской топономастике. Значимость этого понятия связана с тем, что вместе с языком каждый человек усваивает и систему окружающих его топонимов. Эта система служит для него моделью, когда он дает имена географическим объектам при освоении новых территорий. Новые топонимы создаются не «случайно», а в рамках известных номинатору морфологических типов, семантических классов, топооснов и формантов. Бытование моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических и этноисторических изысканий, поскольку часть их характеризуется временнóй и географической приуроченностью. Другими словами, топонимические модели нередко имеют достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с переселением / экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. [см.: Захарова и др., 2018].

В записанных от местных жителей преданиях об истории родов, проживающих в настоящее время в Колвице, отмечаются следующие исходные населенные пункты, расположенные на территории современной Карелии: дд. *Ahvenlakši* (рус. *Окунёвая губа*), *Kanani* (рус. *Ковдозеро*), *Kankahaini* (рус. *Боровская*), *Kantoniemi* (рус. *Кандонаволок*), *Kuntikylä* (рус. *Кундозеро*), *Muštajoki* (рус. *Чёрная река*), *Vartielampi* (рус. *Варталамбина*), сс. *Kiestinki* (рус. *Кестеньга*), *Pistojärvi* (рус. *Тихтозеро*), *Vuonnini* (рус. *Войница*), *Uhtua* (рус. *Ухта*).

Подтверждение тому, что в первой четверти XX в. карелы переселялись в Колвицу из разных волостей северной части Карелии, можно видеть в топонимии деревни. Показательным маркером, например, являются синонимичные географические термины *termä* и *čokka* со значением ‘горка, пригорок’. Так, на Малой стороне деревни дом Егора Яковлева стоял на пригорке с названием *Jyrkilän*/*termä* — это свидетельствует о том, что Егор мог быть родом из западных частей Беломорской Карелии, где данный термин широко представлен в топонимии и диалектной лексике. В то же время потомки выходцев из Олангской волости именовали это место *Jyrkilän*/*čokka*, поскольку в их говоре для обозначения горки бытовал заимствованный у саамов географический термин *čokka*, который в более южных карельских говорах совсем не использовался.

На этой же стороне деревни фиксируются параллельные названия другой горки — *Muari(e)n*/*čokka* и *Muari(e)n*/*termä*, а также названия горок *Kalmismuan*/*termä*, *Karpovnan*/*termä*, *Koulu*/*termä*, *Kuuričan*/*termä*, *Mitrofanovan*/*termä* и др. Подобные названия есть и на Большой стороне деревни (*Anis’s’an*/*termä*, *Keškikylän*/*termä*, *Kirilän*/*termä*, *Koti*/*termä*, *Palo*/*termä*, *Pekkal’an*/*termä*), но здесь неоднократно

представлены также названия с детерминантом *-čokka*: *Kivi/čokka*, *Koti/čokka*, *Kusmal'an/čokka*, *Vaskol'an/čokka* и др. В данном случае, видимо, принципиально то, от потомков переселенцев какой говорной зоны были записаны приведенные названия.

Есть еще одно, хотя и менее выраженное, «противостояние» — использование в названиях крупных возвышенностей терминов *vuara* и *tunturi*. Судя по нашим материалам, поселенцы из западных частей Беломорской Карелии чаще используют в названиях детерминант *-vuara* 'крупная, поросшая лесом возвышенность', тогда как переселенцы из северной Беломорской Карелии — *tunturi* 'крупная, часто безлесая или поросшая карликовым лесом возвышенность'. Эти термины несколько различаются деталями значения, однако в пределах рассматриваемой территории они выступали как синонимы: поросшие лесом крупные возвышенности карелоязычное население из Вокнаволоцкой, Ухтинской и Тихтозерской волостей называло на основе бытовавшего в их говорах географического термина *vuara* — в отличие от выходцев из Олангской волости, использовавших для этого термин *tunturi*, ср. параллельные названия *Kivi/vuara = Kivi/tunturi*, *Koti/vuara = Koti/tunturi*, *Okat't'ivan/vuara = Okat't'e(v)ska/tunturi*, *Valkie/vuara = Valkie/tunturi*.

Другие подобные оппозиции в топонимии Колвицы не фиксируются, однако некоторые маркирующие различия можно видеть в лексике[22].

О том, что новопоселенцы использовали при наименовании географических объектов окрестностей Колвицы лексическую базу, в частности ландшафтную терминологию, своего родного диалекта, свидетельствуют названия болот *Šuuri Aro/šuo* и *Pieni Aro/šuo* (рус. *Ароболота*). Географический термин *aro* в колвицком говоре известен в значении 'топкое, сырое место'. На территории Карелии лексема *aro* имеет ограниченное распространение: ареал ее бытования включает лишь западные и северные говоры Беломорской Карелии (Оланга, Кестеньга,

[22] Ср., например: *ruatua* (южная и центральная Беломорская Карелия) — *työjellä* (северная Беломорская Карелия) 'работать', *paissa* (южная и центральная Беломорская Карелия) — *puajie* (северная Беломорская Карелия) 'говорить' и др. Это тоже свидетельствует о переселении в Колвицу выходцев из разных диалектных зон, хотя и относившихся к достаточно единой историко-культурной общности, известной как Беломорская Карелия. Следует, правда, отметить, что в языке населения Колвицы фиксируется также лексика, объединяющая местный говор с более южными диалектными зонами карельского языка, ср.: *römistyö* 'сгнить' — *römistyö* 'ветшать, становиться негодным' (Сямозеро, Суоярви); *höplöttyä* 'бубнить' — *höblöttyä* 'неразборчиво говорить' (Ругозеро, Суоярви, Сямозеро); *heprasa* 'тот, кто воображает себя лучше, чем есть на самом деле' — ? *hebruta* 'притворяться, лицемерить' (Суоярви, Сямозеро); *kainoštuo* 'стесняться' — *kainostuo* 'застесняться' (Суоярви, Корписельга), *prällittyä kielellä* 'постоянно болтать' — *brälättyä paissa* '(громко) разговаривать или болтать' (Тунгуда), *ruavisko* 'тощий' — *ruaviško* 'тощий' (Сямозеро), ? *vuolla* 'нарезать' — *vuolla* 'нарезать' (карелы-ливвики) [KKS]. Видимо, данный факт связан прежде всего с недостатками в сборе лексического материала на территории Беломорской Карелии. В то же время нельзя исключать, что общность лексики может быть следствием этноисторических процессов, происходивших на территории Беломорской Карелии в более ранний период истории.

Тихтозеро, Ухта, Вокнаволок), где она, видимо, является заимствованием из финского языка. В указанных говорах *aro* — это ‘луг на сыром месте; открытое травянистое болото; сырая ложбинка в бору; мелкий заросший травой залив в реке’, ср. также фин. *aro* ‘сырой покос на берегу озера или реки; топкая заболоченная ложбина; окно в болоте; трясина’. Рассматриваемый термин фиксируется в том числе в топонимии северной и западной зон Беломорской Карелии — ср., например, бор *Aron*/*kankaš* в д. Костоварака Олангской волости, которая находилась в 4 км от д. Боровская, откуда была родом часть поселенцев Колвицы.

Аналогичный ареал в лексике и топонимии имеет также географический термин *loma*, *lomo* ‘овраг, ложбина, (болотистая) низина между холмами; расщелина’, ср. ложбины *Čihmu*/*loma* (Оланга) и *Poikki*/*loma* (Кестеньга) — ущелье *Kivi*/*lomo* в окрестностях Колвицы.

Несколько шире в севернокарельских говорах бытует термин *kentti*, *kenttä* ‘лужайка или луг на ровном сухом месте; песчаное место на берегу реки, неплодородный участок земли’. В данном случае показательно, что этот географический термин опять-таки фиксируется в топонимии бывшей Олангской волости, откуда карелы переселялись в Колвицу, ср. угодья *Kentti* (Оланга), *Hi*/*kentti* (Костоварака) — дорога *Kentti(tie)* в Колвице.

Локальное бытование в говорах Беломорской Карелии имеет также лексема *hete* ‘родник’. В этом случае мы снова наблюдаем отмеченный параллелизм: ср. родник *Šuola*/*hete* (Костоварака) — родники *Anis’s’an*/*hete*, *Koti*/*hete*, *Leontin*/*hete*, *Muarien*/*hete* в Колвице.

Несколько иной ареальной дистрибуцией характеризуется географический термин *tanner*, *tantere* ‘утоптанная ровная земля; сухая луговина; поле’. Он бытует на всей территории распространения карельского языка, но в топонимии востребован мало. Термин фиксируется только в названиях деревенских площадок для игр в населенных пунктах бывших Ребольской и Поросозерских волостей, ср. поляны *Bes’oda*/*tanner* < карел. *bes’(s’)oda* ‘посиделки, вечерка’ (Реболы) и *Kuri*/*tandere* < карел. *kuri* ‘кююккя (игра карельские городки)’ (Лубосалма). В Колвице площадка для игр деревенской молодежи также называется *Tantere*. Можно полагать, что традиция обустраивания подобных мест отдыха молодежи существовала и на территории тех волостей, откуда были родом первопоселенцы Колвицы, хотя подтверждений этому мы сейчас не находим ни в исторических, ни в этнографических источниках.

Не связана с ландшафтной терминологией лексема *lato* ‘сарай; навес’, однако она также является примером того, как лексика родного говора могла быть востребована при наименовании географических объектов на новой территории проживания. Данное слово не зафиксировано ни в лексике, ни в топонимии бывшей Олангской волости, но в то же время бытует в говорах Кестеньги, Тихтозера, Вокнаволока и Ухты, включая топонимию. Можно, таким образом, полагать, что появление названия *Lato*/*niemi* в Колвице связано с переселением сюда выходцев

из тех волостей, где слово хорошо известно. Напомним, что среди жителей Колвицы были в том числе переселенцы из упомянутых говорных зон.

Подобной дифференцирующей силой обладают также некоторые модели более раннего периода. Например, уникальными для каждого отдельного региона нередко являются образные топонимы. Выше уже упоминался топоним *Rauta/veräjät*, или *Железные Ворота*. Топонимы этого типа имеют параллели на сопредельных с Кольским полуостровом карелоязычных и русских территориях современной Карелии. На основании ареала данной топонимической модели можно, в частности, делать некоторые выводы этноисторического характера, поскольку ее распространение позволяет проследить, откуда и по каким путям шло освоение окрестностей Колвицы и Кандалакши средневековыми карелами.

Данный метафорический тип наименования по значению и функции близок к географическому термину, так как используется в топонимии для номинации объектов определенного вида: узких скалистых порожистых мест на реках или мест, где дорога проходит между двумя скалами или каменистыми возвышенностями. К последнему типу относится, например, топоним *Железные Ворота*[23] в окрестностях Колвицы.

Как показывает картографирование данной модели, все образующие ее названия, зафиксированные в топонимии Карелии, включая Колвицу[24], являются продолжением единого ареала, который тянется вдоль путей средневековой карельской экспансии — от берегов Ладожского озера через Центральную Карелию (Сегозерье и Выгозерье) к Белому морю, в Беломорскую Карелию и далее на север (см. рис.). Пока не до конца понятно, являются ли русскоязычные названия *Железные Ворота* в Карелии кальками карельского метафорического типа *Rauta/veräjät* или же они представляют самостоятельную русскую модель, которая известна в том числе на русских территориях.

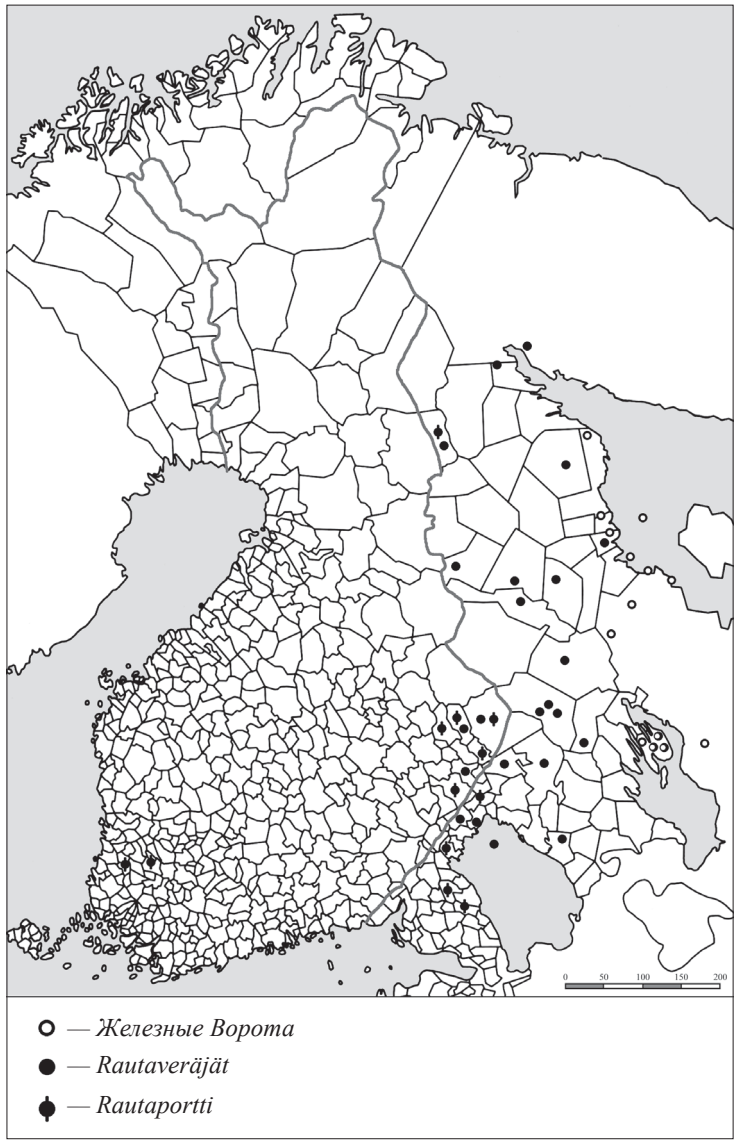
Мы склоняемся к первой версии, поскольку известно, что Выгозерье и все побережье Белого моря в пределах Карелии, включая Соловецкий архипелаг, все еще были в конце Средних веков карелоязычными территориями [см.: Кузьмин, 2016]. Таким образом, распространение модели отражает поэтапное освоение средневековыми карелами земель, расположенных к северу и северо-востоку от их прародины в Приладожье. Видимо, в результате освоения представителями «пяти родов карельских детей» южного побережья Кольского полуострова модель

---

[23] Вот как описывает местность *Rauta/veräjät* в окрестностях Колвицы один из наших информантов: «Это скалистое ущелье, местами с отвесными стенами, между возвышенностями Окатти (Окатьево) и Котитунтури, по которому проходила тропа. Недалеко от этого места мы собирали с родителями малину. Также в деревне была примета, что если Железные Ворота не скрыты в тумане, то дождя в этот день не будет» [КТ КарНЦ].

[24] Напомним, что Кандалакшский район вместе с Колвицей входил в состав Карельской Автономной Советской Социалистической Республики, а в мае 1938 г. был включен в состав Мурманской области.

Rauta/veräjät закрепилась и в топонимии Колвицы. Позднее, в период активного двуязычия, она, будучи этимологически прозрачной, переводилась на русский язык, а с приходом карелов в конце XIX в. по тем же причинам снова обрела карелоязычную форму.



Топонимы *Rauta/veräjät — Железные Ворота*
на территории Приладожья и современной Карелии[25]

[25] Картографирование выполнено на основе [КТ КарНЦ].

К дифференцирующим относятся также некоторые немногочисленные русские модели, фиксирующиеся в карелоязычной топонимии деревни. Одна из них представлена в названии небольшого залива — «загубины» *Liäkä* (вар. *Koti*/*lakši*, рус. *Ляга*), которое, на наш взгляд, существовало в топонимии окрестностей Колвицы еще до переселения сюда карелов. В местных русских поморских говорах лексема *ляга* бытует в значениях ‘наполненное водой углубление в земле; (крупная) лужа; низинное болотистое место со стоячей водой’. Эта семантика полностью подтверждается сведениями наших информантов: «*Liäkä* — это небольшой заливчик, который во время отлива превращается в лужу крупного размера, из которой вода никуда не уходит. Мы рядом с ней глину брали» [КТ КарНЦ]. Согласно данным русской диалектологии, появление лексемы *ляга* в говорах северо-западных регионов России принято связывать с освоением северных территорий выходцами с коренных новгородских земель [Чайкина, 1975, *149*]. В то же время по причине небольших размеров географического объекта наименование *Ляга* вряд ли может являться в докарельской топонимии деревни очень старым.

С проникновением на север населения из новгородских земель принято связывать появление топонимов с суффиксом *-иха* — по крайней мере, результаты анализа материалов новгородских писцовых книг XV–XVI вв. свидетельствуют о значительной активности этого топонимического суффикса на фоне других [см.: Полковникова, 1970, *469–504*]. На беломорском побережье зафиксировано более сотни топонимов на *-иха* [Кузьмин, 2007, *71–73*]. В современной топонимии Колвицы отмечено три названия, образованных в рамках данной модели: зал. *Kločiha* (вар. *Kločihin’a*; рус. *Клочихино*), возв. *Lepetihä* (рус. *Лебедиха*) и берег *Kippoiha* < карел. *Kippo* — форма имени *Киприян* (рус. *Кипноиха*). Это говорит о том, что русскоязычное население некогда осваивало территории, которые ранее входили в сферу хозяйственной деятельности средневековых карелов, — ср. подобные названия на более южных территориях Беломорья: *Гуппоиха* < *Huoppo* — *Фофан* (Кемь), *Кискиха* < *Kiiski* < *kiiski* ‘ерш’ (Сорока), *Коккоиха* < *Kokko* < *kokko* ‘орел’ (Черная Река), *Липпеиха* < *Lippi*, *Lippo* — *Филипп* (Сорока) и т. п.

Приведенные в данном разделе примеры свидетельствуют о том, что в топонимии этнодифференцирующей силой может обладать в том числе ландшафтная лексика, т. е. географическая терминология. Однако бóльшая ее часть не имеет такой силы, поскольку фиксируется в составе универсальных моделей и известна на обширной карелоязычной территории.

Далее в контексте рассмотрения топонимического наследия Колвицы мы обратим внимание на некоторые особенности, связанные с бытованием ландшафтной терминологии, фиксируемой в лексике и топонимии деревни.

2. Географическая терминология

Совокупность местных географических терминов того или иного региона всегда представляет собой своеобразное описание его физико-географических особенностей. Недаром известный российский топонимист Э. М. Мурзаев в свое время писал, что любое топонимическое исследование должно начинаться со сбора и систематизации простых географических терминов [Мурзаев, 1974, *17*].

В отличие от атрибутивных элементов сложных названий, в качестве которых нередко выступают лексемы, по тем или иным причинам отсутствующие в современных говорах или утратившие в процессе языкового развития ландшафтную семантику, детерминанты ориентированы главным образом на современные, «живые» географические апеллятивы. Тем самым они отражают реально существующие в природе разновидности ландшафта.

Сразу отметим, что природно-географическая среда в окрестностях Колвицы и других поселений на территории Республики Карелия во многом схожа, поэтому схожими были и принципы номинации. Этим, в свою очередь, определяется значительное единство типовых основ.

При этом, по нашим наблюдениям, в границах территории одного поселения количество используемой географической лексики всегда меньше, чем в говоре / языке в целом. Ее использование может быть ограничено, например, ландшафтом окрестностей поселения, в котором представлены не все физико-географические формы. В нашем случае к тому же мы имеем дело с уходящим пластом топонимии и отраженной в ней ландшафтной терминологии. Например, в конце 1990-х — начале 2000-х гг. в каждой «живой» карельской деревне нам удавалось записать от местного населения от 700 до 1 000 названий. Можно только предполагать, какое количество топонимов бытовало в округе тех же деревень раньше, в условиях живой промысловой культуры и развитого сельского хозяйства, — видимо, не менее полутора-двух тысяч. Кроме того, карельский язык в настоящее время стремительно выходит из употребления, деревни опустевают, объекты былого хозяйственного назначения часто уже не используются. В силу этих причин бытующая в современной топонимии Колвицы географическая лексика представлена, к сожалению, далеко не полно.

Кроме этого, выбор основного компонента или детерминанта сложного топонима определяется в том числе лексической системой говора, так как происходит из той приуроченной к ландшафту или хозяйственной деятельности географической лексики, которая функционирует в данном говоре. Учитывая это, в списке ниже представлены в порядке убывания частотности наиболее распространенные географические термины, выступающие в качестве основной части или детерминанта сложного названия в топонимии деревни Колвица.

Географические термины в топонимии д. Колвица

1. *lampi* ‘небольшое озеро’	8. *termä* ‘горка, холм’	15. *koški* ‘порог’
2. *niemi* ‘мыс’	9. *ranta* ‘берег’	16. *kivi* ‘камень’
3. *šuari* ‘остров’	10. *joki* ‘река’	17. *čokka* ‘горка, холм’
4. *lakši* ‘залив’	11. *nurmi* ‘покос’	18. *kankaš* ‘бор’
5. *oja* ‘ручей’	12. *järvi* ‘озеро’	19. *koivikko* ‘березняк’
6. *pelto* ‘поле’	13. *vuara* ‘возвышенность’	20. *apaja* ‘тоня’
7. *šuo* ‘болото’	14. *tunturi* ‘возвышенность’	21. *luoto* ‘небольшой остров’

Всего в топонимии окрестностей Колвицы зафиксировано 66 географических терминов, что составляет приблизительно треть подобной лексики, бытующей в топонимии коренных территорий. При этом топонимическая востребованность лексем сильно разнится, и далеко не все из них могут претендовать на роль типовых, т. е. отличающихся большим числом комбинаций — соединений с разными атрибутивными элементами в составе сложного топонима. Так, первые десять терминов (см. список выше), или 15 % от общего числа зафиксированной ландшафтной лексики, выступают в 75 % топонимов деревни в качестве детерминантов. Кроме того, только первые 14 терминов имеют десять и более фиксаций, а 41 %, или 27 терминов, только один раз представлены в современной топонимии окрестностей деревни. С учетом 14 терминов, которые участвовали в образовании топонимов дважды, количество «раритетной» географической лексики возрастает до 62 %. Можно, однако, предполагать, что на ранних этапах существования поселения ситуация была несколько иной.

Таким образом, наши данные свидетельствуют о том, что степень продуктивности местных географических терминов, выступающих в роли детерминантов, различна: от одного случая фиксации до больших серий, включающих десятки топонимов. Наибольшее число комбинаций имеют детерминанты, выраженные родовыми терминами, которые отражают характер местности и физико-географические особенности обозначаемых объектов. Среди них отмечены преимущественно гидрографические термины (*-joki* ‘река’, *-järvi* ‘озеро’, *-šuo* ‘болото’), а также орографические, обозначающие положительные и отрицательные формы рельефа (*-vuara*, *-tunturi* ‘возвышенность’, *-termä*, *-čokka* ‘горка, холм’, *-alanko* ‘низина’).

Особенно системны гидронимные детерминанты, выраженные лексемами, которые характеризуются общеязыковым распространением и практически не имеют диалектных эквивалентов, ограничивающих их употребление. Это *lampi* ‘небольшое озеро’, *niemi* ‘мыс’, *šuari* ‘остров’, *lakši* ‘залив’, *oja* ‘ручей’, *ranta* ‘берег’, *joki* ‘река’, *järvi* ‘озеро’, *šuo* ‘болото’ (см. список выше). В случае с Колвицей существенно и обилие самих водных объектов, которые, благодаря их важному значению в жизни местного населения, были названы жителями не только прежде прочих объектов, но и почти целиком охвачены номинативным процессом (т. е. поименованы почти все).

Территории, населенные карелами, — это озерный край, поэтому неудивительно, что среди наиболее популярных детерминантов отмечаются *-lampi* ‘небольшое озеро’ и *-järvi* ‘озеро’. В окрестностях большинства карельских поселений обычно имеется несколько десятков различных по величине озер. Так, в топонимии Колвицы нами зафиксировано более 30 названий ламбин — небольших озер: *Hauki/lampi*, *Hirši/lampi* (*Šuuri* и *Pieni*), *Hirvi/lampi*, *Hukka/lampi*, *Joučen/lampi*, *Kaita/lampi*, *Kaivoš/lampi* (*Šuuri* и *Pieni*), *Kirilän/lampi*, *Klementein/lampi* (*Šuuri* и *Pieni*), *Koti/lampi*, *Kulmakka/lampi*, *Kuolien/lampi*, *Lehti/lampi*, *Lohi/lampi*, *Makrin/lampi*, *Mušta/lampi*, *Paha/lampi* (*Nekotnoi/lampi*), *Palo/lampi*, *Petra/lampi*, *Pitkä/lampi*, *Riihi/lampi* (*Ala*, *Keški* и *Yli*), *Riijon/lampi*, *Šalmi/lampi*, *Šuarva/lampi*, *Tiikši/lampi*, *Valkie/lampi*.

Береговая линия побережья Белого моря и большинства крупных озер, как правило, сильно изрезана. Кроме того, на Колвицком озере имеется несколько десятков небольших островов, каждый из которых в условиях развитой промысловой культуры обязательно имел название. Все это обеспечило значительную популярность в местной топонимии детерминантов *-niemi* ‘мыс’, *-šuari* ‘остров’, *-lakši* ‘залив’ и *-ranta* ‘берег’.

В пятерку самых востребованных детерминантов входит также лексема *-oja* ‘ручей’, а в десятку — еще и *-joki* ‘река’, что тоже объясняется ландшафтными особенностями края. Например, в Республике Карелия, к которой раньше относилась и Колвица, насчитывается более 12 000 рек, 98 % из них — небольшие, менее 10 км протяженностью [Мамонтова, Муллонен, 1991, *10*]. Многие реки были важны в хозяйственной деятельности местного населения, поскольку именно по берегам рек и ручьев располагались естественные природные луга. Видимо, этим же объясняется присутствие детерминанта *-oja* ‘ручей’ в целом ряде сложных топонимов, зафиксированных в деревне.

Окрестности Колвицы представляют собой очень гористую местность, в пределах которой находится несколько достаточно крупных возвышенностей, входящих в горный массив Колвицкие тундры (саам. *Kolw/tundar*)[26]. Несмотря на это, орографическая терминология представлена в современной топонимии Колвицы в незначительном количестве. К положительному рельефу местности привязаны главным образом географические названия с детерминантами *-termä*, *-vuara*, *-tunturi* и *-čokka*; терминология отрицательного рельефа представлена только лексемами *alanko* ‘низина’ (покосы *Mot’kan Alanko/mua* и *Muarien Alanko/mua*), *lomo* ‘овраг, ложбина’ (ущелье *Kivi/lomo*) и *hauta* ‘(крупная) яма; впадина; углубление’ (впадина *Lumi/hauta*). Как и на других карелоязычных территориях, низинный рельеф в окрестностях Колвицы, видимо, играл значительно меньшую роль в хозяйственной деятельности и в ориентации на местности, чем

[26] Ср. горы *Okat’t’i(vuara)* (539 м над уровнем моря), *Kotitunturit* (547 м и 439 м), *Kotivuara* (540 м), *Simčča(vuara)* (335 м), *Pyörievuara* (636 м) и др.

возвышенности. Однако и частотность детерминантов, обозначающих возвышенные участки местности, различна. В сравнении с топонимией Беломорской Карелии, где фиксируется около 20 орографических терминов, указывающих на положительный рельеф, в Колвице только *-termä*, *-vuara* и *-tunturi* могут претендовать на роль продуктивных детерминантов. Все остальные лексемы представлены единичными примерами, ср.: горка *Jäkälä*/*harju* < карел. *harju* ‘хребет (горы)’, зал. *Šärkkä*/*lakši* < карел. *šärkkä* ‘возвышенность вытянутой формы’, покос *Hotattal’an*/*rintien*/*nurmi* < карел. *rinne* (gen. *rintien*) ‘склон’ (вар. *Mitrofanovan-*), впадина *Tunturin*/*lakka* < карел. *lakka* ‘вершина возвышенности’. Можно полагать, что в тот период истории, когда Колвица была жизнеспособным крестьянским поселением, названий, в которых выступали приведенные выше ландшафтные термины, было несколько больше. По мере угасания деревни и сокращения используемых географических объектов они, как и топонимия в целом, стали выходить из употребления и забываться.

В процессе развития подсечного и пашенного земледелия у карелов, как известно, появилась довольно развитая земледельческая терминология, закрепившая в терминах фактически все этапы подготовки и создания будущего участка пашни или сенокоса, а также их особенности. Однако в названиях культурных объектов, т. е. географических объектов, возникших в результате хозяйственной деятельности, в современной топонимии Колвицы фиксируются только *pelto* ‘поле’, *nurmi* ‘покос’ и *mua* ‘участок земли; сельскохозяйственное угодье’. Нельзя исключать, что, как и в предыдущем случае, бытовавшая ранее система наименований сельскохозяйственных угодий к настоящему времени просто не сохранилась, в том числе из-за перехода в 1930-е гг. от ведения частного сельского хозяйства к колхозам, а также упразднения небольших единоличных сельхозяйственных участков и объединения их в более крупные по площади земли сельскохозяйственного назначения. В то же время именно в названиях мелких частных угодий могла отражаться интересующая нас географическая лексика, представленная, например, в Беломорской Карелии, ср.: *aho* ‘поляна; бывшая подсека’, *huuhta* ‘подсека’, *kaški* ‘подсека’, *kuokoš* ‘расчистка’, *kytö* ‘подсека на болотистом месте’, *luhta* ‘заливной луг’, *niitty* ‘покос, луг’, *palo* ‘росчисть под поле, где сожжен сваленный лес’, *palšta* ‘поле, надел’, *peroš* ‘расчистка’, *puušta* ‘запущенное поле; пустошь’, *raši* ‘подсека, оставшаяся неспаленной’, *šarka* ‘полоса поля’, *uutuuš* ‘новина’ и др.

Остановимся кратко на факте наличия в топонимии Колвицы географических терминов русского происхождения. Они немногочисленны и, как нам представляется, могут относиться к разным временным срезам. Среди них, на наш взгляд, есть относительно старые заимствования, которые бытуют в том числе в Беломорской Карелии, а значит, могли существовать в карельском языке еще до переселения карелов в Колвицу, ср. *pl’ossa* ‘плес’ (*Šiika*/*pl’ossa*, *Vesimiärän*/*pl’ossa*), *patuna* ‘водопад’ (*Kala*/*patuna*, *Mušta*/*patuna*). Последнее из упомянутых названий

появилось в советский период, когда был сделан рыбоотвод для подъема семги на нерест. Разновременными могут быть и названия с детерминантом *-kupa* (< рус. *губа* ‘залив’). Так, наименования крупных морских заливов *Kolvičan*/*kupa* и *Porja*/*kupa* являются явной адаптацией бытующих уже не одно столетие русскоязычных топонимов *Колвицкая губа* и *Порьягуба*. К этой же группе относится название небольшого залива *Liäkä* (вар. *Koti*/*lakši*), о котором говорилось выше. В то же время наименования небольших заливов Колвицкого озера *Tyhjä*/*kupa* (вар. *Tyhjä*/*lakši*, рус. *Пустая губа*) и *Kosja*/*kupa* (вар. *Kosso*/*lakši*, рус. *Козья губа*) могут быть достаточно поздними. Среди заимствований в географической лексике есть и совсем новые, например *saššeikka* < рус. *зашеек* ‘часть озера у истока или устья реки’ — ср. зал. *Saššeikka* (вар. *Niška*, рус. *Зашеек*), *plotina* (плотина *Plotina*) и *kartona* < рус. *кордон* ‘место поста лесной охраны’ — ср. горка *Kartona*. Русским по происхождению является также название современного поселка *Sel’onoiporu* (рус. *Зеленоборский*). В его составе фиксируется русский термин *бор* (карел. *poru*), который, однако, на апеллятивном уровне совсем не востребован. Заметим, что все вышеупомянутые термины представлены в русских говорах побережья Белого моря и, как можно полагать, были восприняты карелами в результате разновременных контактов с русским населением Беломорья.

Кроме сказанного, сохранению общей географической терминологии способствовали сходные климатические и хозяйственные условия, в которых жило население Колвицы и коренных территорий Беломорской Карелии. При этом на новой территории все же наблюдаются некоторые приоритеты в выборе географической терминологии, продиктованные функционированием самой топонимической системы, в которой на выборе детерминанта сказывается роль модели (например, *-termä* — *-čokka*, *-vuara* — *-tunturi*). При этом бóльшая часть слов, классифицирующих природные объекты в окрестностях Колвицы, обнаруживается в списке наиболее распространенных детерминантов на территории Беломорской Карелии.

3. Топонимия Колвицы: настоящее и будущее

Что же произойдет с топонимией деревни Колвица в будущем? Приходится полагать, что, скорее всего, уже в ближайшее время количество используемых географических названий сократится здесь в несколько раз. Выше уже отмечалось, что одна из важных причин этого — постепенное угасание деревни. Население, которое проживает здесь постоянно, год от года сокращается: так в 2010 г. в деревне числилось всего девять человек. Большинство потомков основателей Колвицы проживает сейчас в городах Мурманской области, что обусловлено отсутствием рабочих мест в самой деревне. Наиболее активно Колвица живет в летний период, когда сюда съезжаются в отпуск ее бывшие жители и их потомки.

Другой причиной сокращения числа топонимов является изменение хозяйственного уклада жизни населения. Домашнего скота и оленей в деревне нет, пастбища и покосы запущены, сбор грибов и ягод производится только в ближайших окрестностях, рыболовство ограничивается выходом в море в непосредственной близости от деревни. Все это привело к тому, что сейчас местное население употребляет лишь малую долю тех названий, которые существовали в Колвице еще, например, в 1990-е гг., когда было живо старшее поколение, активно использовавшее в хозяйственных целях не только близкие, но и сравнительно отдаленные окрестности поселения.

Третьей причиной является выход из активного употребления карельского языка. Большинство микротопонимов деревни существовало именно на карельском языке и русских эквивалентов часто не имело. С постепенным уходом носителей карельского языка уходит в небытие и сама топонимия. Современное поколение, не владеющее или плохо владеющее карельским языком, карелоязычную топонимию усвоило очень ограниченно. Приведем в связи с этим некоторые примеры. В Колвицком озере есть зал. *Ant'uh(h)an/lakši*, на берегу которого раньше находилась рыбацкая изба *Ant'uh(h)an/pirtti*, а рядом — покос *Ant'uh(h)an/nurmet*. Нынешнее население чаще всего сообщает, что где-то в озере есть зал. *Артюха* (вар. *Антюха*), но названий примыкающих к заливу промысловых и сельскохозяйственных угодий бóльшая часть жителей 1950–1960-х годов рождения уже не помнит и, соответственно, не называет. Подобен этому пример ряда топонимов с атрибутивной частью *Tiikši-* (р. *Tiikši/joki*, болота *Tiikšin/šuot*, зал. *Tiikši/lakši*, оз. *Tiikši/lampi*, пороги *Tiikšin/košket*), из которых в употреблении сейчас только первые два. Таким образом, из порядка 400 карелоязычных топонимов русские эквиваленты имеют только 110, т. е. вследствие указанных выше причин произошло сокращение количества некарельских названий практически в четыре раза. На самом деле процент используемых средним поколением русскоязычных названий еще ниже, поскольку указанные 110 топонимов записаны в том числе от современного карелоязычного населения старшего поколения, чья осведомленность о местной топонимии значительно лучше.

Ситуация с карелоязычной топонимией еще более грустная. Например, один из наших информантов (1949 г. р.), понимающий, но уже не говорящий на карельском, вспомнил в беседе о топонимии окрестностей Колвицы 48 названий, причем все они первоначально были приведены на русском языке. Только пять топонимов из 48 имели совпадающие с реальными карелоязычными названиями формы: возвышенности *Котитунтури* и *Окатти*, горка *Картона*, ложбина *Уконревиттямя* (букв. «Стариком[27] разорванное», рус. *Стариковская Рвань*) и оз. *Лехтилампи*.

[27] Ср. карел. *ukko* 'старик', 'гром'. В данном случае исходное значение — «Молнией разорванное», поскольку в это место когда-то ударила молния. Русский вариант является, таким образом, неточным переводом карелоязычного названия.

При дальнейшем уточнении возможных карелоязычных форм удалось выявить карельские варианты еще 12 топонимов. В данном случае количество карелоязычных топонимов практически в три раза меньше, чем русскоязычных. Нередка ситуация, когда местные жители 1950–1960-х годов рождения, включая мужчин, знают еще меньше названий, чем наш информант 1949 г. р., который приезжает в деревню только в летний период. В среднем поколение сегодняшних шестидесятилетних и младше использует не более 20 названий, хотя при уточняющих вопросах можно выявить еще 10–15 топонимов.

Из опрошенных нами жителей деревни самым «младшим» карелоязычным на время сборов являлся информант 1956 г. р., предки которого переселились в Колвицу из Кестеньги до революции. От него нам удалось записать более 50 карелоязычных названий. Как можно думать, на территории Мурманской области есть и другие еще говорящие на карельском языке выходцы из деревни того же возраста, однако за время сбора топонимии в 2017–2018 гг. встретиться с подобными людьми нам не удалось, и никто из информантов не упоминал о карелоговорящих родственниках или знакомых такого возраста. К сожалению, в 2021 г. наш информант 1956 г. р. скончался, т. е. теперь карелоязычную топонимию окрестностей Колвицы помнят / используют только жители деревни 1930-х и 1940-х годов рождения. Тем самым, просуществовав около 140 лет, она уже в нынешнем десятилетии уйдет в небытие.

Таким образом, можно констатировать, что топонимия деревни Колвица — как карелоязычная, так и русскоязычная — постепенно выходит из активного употребления. В памяти жителей остаются главным образом микротопонимы, бытующие непосредственно вблизи деревни, а также названия достаточно крупных географических объектов, часть которых вошла в карелоязычную топонимию из русской в конце XIX — начале XX в. При этом, как нам представляется, из русского употребления они никогда по-настоящему не выходили, в том числе по причинам двуязычия местного населения и близкого соседства русскоязычных поселений: Кандалакши с запада и Порьягубы с востока. Сейчас многие из таких названий снова бытуют в той форме, в которой они употреблялись в русской среде до прихода карелов. Можно также полагать, что часть карелоязычных названий продолжит существовать в будущем, поскольку они попали на карты: о-в *Мустасуари*, руч. *Каткоручей*, озера *Берёзовая ламба*, *Кандозеро*, *Салмоламбина*, *Шаркиламбина*, *Хиржиламбина*, *Чёрная ламбина* и ряд других. В то же время неясно, насколько активно они востребованы и будут ли использоваться в дальнейшем, поскольку некоторые из них, к сожалению, представлены преимущественно на крупномасштабных картах, которых нет в свободном доступе.

В рамках данной статьи остановимся кратко на общем вопросе сохранности прибалтийско-финского (дорусского, нерусского) топонимического наследия на обрусевающих или обрусевших территориях. Современное состояние топонимии Колвицы не позволяет дать однозначный прогноз того, что и в какой

форме сохранится от карелоязычных топонимов после того, как местное население, преимущественно уже дачное, перестанет понимать по-карельски. На данный момент полукальки, такие как *Ароболото* (карел. *Aro*/*šuo*), *Узкая ламбина* (карел. *Kaita*/*lampi*), *Хангасгуба* (карел. *Hankaš*/*lakši*), достаточно многочисленны в речи жителей деревни. Однако уже сейчас заметно, что многие названия полностью переводятся местным населением на русский язык. Например, наименования болот в речи нашего информанта 1949 г. р. часто выступают в полностью переводных формах, реже — в виде полукалек: *Антоново болото* (карел. *Onton*/*šuo*), *Выдроболото* (карел. *Šuarva*/*šuo*), *Кириллово болото* (карел. *Kirilän*/*šuo*), *Клементьево болото* (карел. *Klementein*/*šuo*), *Тикшинские болота* (карел. *Tiikšin*/*šuot*). Это относится и к названиям других географических объектов: р. *Белая речка* (карел. *Valkie*/*joki*), о-в *Берёзовый остров* (карел. *Koivu*/*šuari*), оз. *Бревноламбина* (карел. *Hirši*/*lampi*), руч. *Глубокий ручей* (карел. *Šyvä*/*oja*), возв. *Домашняя гора* (карел. *Koti*/*vuara*), мель *Золотая корга* (карел. *Kulta*/*korko*), камень *Синий камень* (карел. *Šini*/*kivi*), зал. *Широкая губа* (карел. *Levie*/*lakši*) и др. Не исключено, что в ситуации перехода с карельского языка на русский и активного двуязычия, а также вследствие относительно недавнего возникновения топонимии деревни многие «прозрачные» карелоязычные названия стали бытовать параллельно на русском и карельском языках, не теряя при этом своей адресной функции. Другими словами, сложилась двуязычная система использования одних и тех же топонимов. В то время как старшее, преимущественно моноязычное, поколение именовало местные объекты на карельском языке, у более молодого двуязычного поколения названия тех же географических объектов выступали в виде адаптированных русским языком простых[28] карелоязычных названий, полукалек или вообще полных переводов.

По-иному происходила смена языка и «русификация» топонимии в более ранний период. В окрестностях многих деревень и сел побережья Белого моря осталось значительное количество нерусских названий, которые не переведены полностью. Чаще всего они представлены полукальками с дорусским первым (атрибутивным) и переведенным вторым (основным) компонентом, который обычно выражен географическим термином. Примером могут служить топонимы бывшей карельской деревни Вялозеро[29], располагавшейся, как и д. Колвица, на Кольском полуострове

---

[28] Ср.: мысок *Немелюшка* (карел. *Niemi*, *Niemel'uška* < *Niemellä*, букв. «На мысу»), зал. *Лахушка* (карел. *Lato*/*lakši*) < *lahukka* ‘небольшой залив’.

[29] *Вялозеро* (карел. *Viel*/*ärvi*) — небольшая карельская деревня, существовавшая на Кольском полуострове еще во второй половине XX в. и прекратившая свое существование, как и множество других небольших населенных пунктов СССР, в связи с ликвидацией «неперспективных» деревень в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Самым ранним документом, в котором упоминается эта деревня, является «сотная грамота» письма дьяка Василия Агалина 1574/75 г. — в то время это была карело-саамская волостка *Вяло-озеро*; в 1584/85 г. в ней упоминаются *Микитка Корелянин*, *Сенка Хавка* (< **Haukka* ‘ястреб’), *Барма Лопин*, *Тимошка Лопин* и др. [СГКЭ, *275–276*]. Видимо, поселение оставалось карело-саамской волосткой еще в первой половине XVII в., поскольку

(к северу от с. Умба), ср.: озера *Вялозеро*, *Ильмозеро*, *Индельозеро*, *Кукончозеро*, *Пасмозеро*, *Хироламбина*; пролив *Войносалма*, возвышенности *Коргасельга*, *Куроварака*, *Пайгорка*, *Паловарака*; реки *Кузрека*, *Панарека*; руч. *Одерручей*; заливы *Ламберушки*, *Лопаканда*, *Неркогуба*, *Оччигуба*, *Райгуба*; мысы *Койбенник*, *Маккорга*, *Мусикнаволок*; острова *Куростров*, *Палостров* и др. [КТ КарНЦ]. Подобные названия, в составе которых фиксируется дорусский компонент, составляют здесь 61 % от всех зафиксированных топонимов (94 топонима из 153).

Намного меньше этот процент в топонимии тех населенных пунктов, где смена языка произошла достаточно давно, однако и там названий нерусского происхождения достаточно много. Например, в топонимии соседнего с Вялозером современного русского села Умба они составляют порядка 23 %: берег *Хирмукин берег*; мысы *Киберинский наволок*, *Лёвнаволок*, *Лёхнаволок*, *Турийнаволок*, *Шомбач*, *Ялокоргский наволок*; пороги *Варгозерский порог*, *Паелга* (*Паялга*); острова *Волийостров*, *Пильские луды*, *Усельский остров*, *Хедостров*; озера *Выпчьозеро* (*Выпсьозеро*), *Каленгозеро*, *Канозеро*, *Лёндозеро*, *Мяндовое озеро*, *Пончозеро*, *Тарбозеро*, *Таргозеро*, *Уккозеро*, *Шогуйозеро*, *Шомбозеро*; возвышенности *Вялгора*, *Паяльская варака*; тони *Великие Юрики*, *Ёкаканда*, *Ёлокорга*, *Ильменево*, *Кидерицы*, *Котаранская*, *Лутка*, *Пахта*, *Пульцы*, *Ройма*, *Тетрино*, *Чукчекорга*; заливы *Будрачгуба*, *Войдова губа*, *Ёканьская губа*, *Каржгуба*, *Панногуба* (*Падангуба*), *Пергуба*, *Пирьгуба*, *Порь(я)губа*, *Ридолакша*, *Роймагубка*, *Хендолакша* (*Хендалокша*); ур. *Лембола*; бол. *Кайковский мох*; ручьи *Кушручей*, *Ругоручей*, *Уккоручей*, *Ханручей*, *Х(ь)ямручей*; реки *Ингарека*, *Мунарека*, *Низьмаречка*, *Таргаречка*, *Умбарека*; покос *Хирмуки* и др. [КТ КарНЦ].

Казалось бы, во всех трех случаях (Колвица, Вялозеро, Умба) переход на русский язык происходил естественным путем, через этап двуязычия. Однако в Колвице, где процесс обрусения еще не завершился, названий нерусского происхождения в итоге оказывается меньше, чем в Вялозере, которое обрусело топонимически в первой половине XX в., и меньше, чем в Умбе, где некая форма прибалтийско-финского языка, близкого к карельскому, «растворилась» в русском, видимо, в течение XVIII в.

Этому есть, как нам представляется, свои причины. Во-первых, карелами Колвицы осваивались территории, которые относительно недавно были русскими. Карелоязычная топонимия здешних мест достаточно поздняя и этимологически прозрачная; ее активное формирование началось только в самом конце XIX в. При

в приходской книге умбского промысла за 1624 г. упоминаются вялозерский *лопин Данила* [Никонов, 2013, *63*], а также *Гришка Лопин* и *Куланко Бармин* (сын *Бармы Лопина*) [ПКДУ, *л. 446 об.–447*]. В более позднее время саамское население карелизировалось, и вплоть до начала XX в. Вялозеро было карелоязычным поселением [см.: Virtaranta, 1988, *117–126*], после чего стало постепенно обрусевать. Однако еще в 1962 г. сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ от местных женщин была записана свадебная песня на карельском языке. В то же время наши информанты 1940 и 1943 г. р. карельского языка в деревне уже не слышали и сами на нем не говорят.

этом, как отмечалось выше, на начальном этапе в карельскую топонимию были инкорпорированы русскоязычные названия, которые продолжали бытовать параллельно с их новыми карелоязычными вариантами. При смене же языка на русский первыми стали выходить из употребления именно карельские топонимы. Возможно, в процессе незакончившейся карелизации территории и начавшемся процессе обрусения система параллельно бытующих на двух языках названий «неосознанно» породила новую адаптационную модель, что на практике вылилось в перевод даже тех названий, у которых первоначально не было русскоязычных эквивалентов.

Во-вторых, этот процесс мог поддерживаться большим количеством отантропонимных названий. Известно, что все карелы имели официальные русские имена, отчества и фамилии, которые в деревенской среде подвергались адаптации согласно нормам и правилам карельского языка (ср.: *Антоний — Ontto*, *Татьяна — Tat't'ana*; *Иван Филиппович — Hilipän Iivana*, *Дарья Лупповна — Lupon Tuarie* и т. п.). Другими словами, зная, например, что в сферу хозяйственных интересов Кирилла Артемьева входило болото *Kirilän/šuo*, обрусевающие карелы могли легко преобразовать это название в *Кирилловское болото*. Кроме того, обрусевающему населению была понятна и географическая лексика, которая задействовалась в процессе называния географических объектов на новой территории, — тем самым и она легко могла быть переведена с карельского языка на русский (ср.: *Onton/niemi — Антонов наволок*, *Valkie/koški — Белый порог*).

В-третьих, видимо, смена хозяйственной деятельности жителей Колвицы (точнее, ее прекращение) также сыграла в этом процессе немаловажную роль, поскольку бóльшая часть топонимов-полукалек фиксируется в настоящее время в отдалении от деревни, тогда как в непосредственной близости от нее чаще представлены полные кальки.

Все эти факторы, на наш взгляд, повлияли на то, что в современной русскоязычной топонимии окрестностей Колвицы фиксируется намного меньше топонимов с нерусскими элементами (в частности, полукалек), чем в тех местах, где процесс обрусения проходил в более ранний период при сохранении традиционной хозяйственной деятельности местного населения.

Заключение

Таким образом, представленная территория с ее географическими названиями является хорошим «полигоном» для анализа взаимодействия различных культурных и языковых начал, слияние которых привело к формированию здесь карельского населения и карелоязычной топонимии.

В случае с Колвицей мы имеем дело с уникальной ситуацией, когда в первой половине XX в. на территории Европейской части России на основе записанного ономастического материала можно «вживую» наблюдать смену русскоязычной

топонимии иноязычной. Подобное, по всей видимости, последний раз случалось в XVII в., в связи с массовой миграцией карелов из Приладожья на земли современных Новгородской, Тверской и ряда других областей. Эта ситуация интересна в том числе и тем, что через 50 лет после освоения карелами окрестностей Колвицы эта территория вновь стала постепенно обрусевать. Тем самым рассматриваемый топонимический материал позволяет нам не реконструировать процесс смены языка и топонимии с русского на карельский, а затем снова на русский, а видеть этот процесс наглядно.

Источники

Александров Г., *Александрова Л.*, *Горяшко А*. Путешествие в Колвицу / под ред. А. Горяшко. СПб. : ЛД-ПРИНТ, 2014.

Визе В. Ю. Из путевых заметок по р. Умбе // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1912. № 16. С. 739–747.

ДР, 1910 — Духовная роспись по Кандалакшскому приходу 3-го Кемского благочиния на 1910 год // ГААО. Ф. 29. Оп. 29. Д. 615.

КБЧ — Книга Большому чертежу, или Древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года. СПб. : Тип. Имп. Росс. Акад., 1838. URL: https://archive.org/details/libgen_00713676/page/n195 (дата обращения: 23.11.2021).

КТ КарНЦ — научная картотека географических названий Карелии и сопредельных областей (Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Петрозаводск).

Ломоносов М. В. Служебные документы. 1742–1765 годов // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 9. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1955. С. 218–220.

Никольский В. В. Быт и промыслы населения западного побережья Белого моря (Сороки — Кандалакша): по материалам исследования летом 1921 г. // Труды Института по изучению Севера. Вып. 36. М. : Изд. науч.-тех. управл. ВСНХ, 1927.

Никонов С. А., *Пушкина Л. В.* Кандалакшский монастырь в XVI–XVIII вв.: исследования и материалы. Ч. 2 : Вкладная книга Кандалакшского Пречистенского монастыря 1562/63–1687 гг. Мурманск : Мурманск. гос. гум. ун-т, 2013.

ПКДУ — Переписные книги Двинского уезда. Кн. 11, подлинник со скрепой подъячих Б. Степанова и А. Подольского. 1621–1624 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1.

СГКЭ — Сборник грамот коллегии экономии. Т. 2 / ред. А. И. Андреев. Л. : Изд-во АН СССР, 1929.

СКНГТ — *Кузьмин Д. В.* Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск : Периодика, 2020.

СНМ, 1928 — Список населенных мест Карельской АССР. Петрозаводск : Изд-во стат. управл., 1928.

СНМ, 1935 — Список населенных мест (по материалам переписи населения 1933 года). Петрозаводск : Изд. УНХУ АКССР, 1935.

СНМАГ, 1907 — Список населенных мест Архангельской губернии к 1905 году / сост. Н. А. Голубцов. Архангельск : Изд. Арханг. губ. стат. комитета, 1907.

СНМАГ, 1918 — Список населенных мест Архангельской губернии. Архангельск : Типо-лит. С. М. Павлова, 1918.

СНМАГ, 1922 — Список населенных мест Архангельской губернии на 1 мая 1922 года / сост. А. Н. Дьячков. Архангельск : Тип. Архгубсоюза кооперативов, 1922.

Харузин Н. Н. Русские лопари. Очерки прошлого и современного быта. М. : Тов. Скоропечатни Левенсон А. А., 1890.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI).

Neahttadigisánit — The Northern Sami — Finnish — Northern Sami Dictionaries of Neahttadigisánit. URL: https://saan.oahpa.no (date of access: 22.11.2021).

Исследования

Захарова Е. В., *Кузьмин Д. В.*, *Муллонен И. И.*, *Шибанова Н. Л.* Топонимические модели Карелии в пространственно-временном контексте. М. : Языки славянской культуры, 2018.

Кузьмин Д. В. Истоки форманта *-šina* в карельской топонимии // Прибалтийско-финское языкознание : сб. ст., посвящ. 80-летию Г. М. Керта / науч. ред. Н. Г. Зайцева, И. И. Муллонен, Ю. Э. Коппалева. Петрозаводск : ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2003. С. 63–68.

Кузьмин Д. В. К проблеме формирования населения западного побережья Белого моря (по данным топонимии) // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте / сост. И. И. Муллонен. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2007. С. 20–89.

Кузьмин Д. В. История освоения карельского поморья (в свете языковых данных) // Linguistica Uralica. 2016. No. 3. P. 179–194.

Мамонтова Н. Н., *Муллонен И. И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 1991.

Мурзаев Э. М. Очерки топонимики. М. : Мысль, 1974.

Никонов С. А. Волость Умба в XVI — первой четверти XVII века // IX Ушаковские чтения : сб. науч. ст. / науч. ред. П. В. Федоров. Мурманск : МГГУ, 2013. С. 54–71.

Полковникова С. А. Географические названия новгородских писцовых книг XV–XVI веков: однокоренные названия с разными суффиксами // Ученые записки Московского государственного педагогического института. 1970. № 353. С. 469–504.

Чайкина Ю. И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров / ред. Н. А. Мещерский. Вологда : Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. С. 3–187.

KKLS — Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. O. 2 / toim. T. I. Itkonen. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 2011.

Kortesalmi J. J. Pohjois-Vienan poronhoito. Talonpoikien poronhoidonalue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922. Helsinki : Vammalan Kirjapaino OY, 1996. (Kansantieteellinen arkisto ; 41).

Virtaranta P. Europaeus Kuolan niemimaan karjalaiskylässä // D. E. D. Europaeus: suurmies vai kummajainen / toim. M. Kuusi, P. Laaksonen, S. Timonen. Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1988. S. 117–126.

Рукопись поступила в редакцию 31.12.2021

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

приб.-фин.	прибалтийско-финский
саам.	саамский

Прочие

вар.	вариант
gen.	genitivus
pl.	pluralis

* * *

Кузьмин Денис Викторович
кандидат филологических наук, PhD,
старший научный сотрудник сектора языкознания
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
185035, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
E-mail: kusmiccu@hotmail.com

Kuzmin, Denis Viktorovich
PhD, Senior Research Fellow
Department of Linguistics
Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the RAS
11, Pushkinskaya Str., 185035 Petrozavodsk, Russia
Email: kusmiccu@hotmail.com
https://orcid.org/0000-0001-6717-4214

Denis V. Kuzmin
Institute of Language, Literature and History,
Karelian Research Centre of the RAS
Petrozavodsk, Russia

HISTORICAL AND CULTURAL VALUE OF PLACE NAMES OF THE KARELIAN VILLAGE KOLVITSA ON THE KOLA PENINSULA

The article deals with the toponymy of the Karelian village of Kolvitsa on the Kola Peninsula which territorially belonged to Karelia until May 1938 and then became a part of the Murmansk region. The study is based on historical documents and present-day data obtained in the course of the author's fieldwork in Kolvitsa in the summer of 2017 and 2018. It focuses on drawing correlations between the known historical facts about Kolvitsa with toponymic data which validates and expands the amount of historical evidence, making it possible to reconstruct many features of the life of the village in the past. The analysis begins with a number of Russian toponyms that existed even before Kolvitsa was reclaimed by Karelians (*Kandalaksha, Kolvitskaya Bay, Poryaguba*, etc.). Most of these names are of Sami origin and, as shown by the author, have undergone several stages of adaptation including the transition from Sami to Russian, then from Russian to Karelian and then in many cases from Karelian back to Russian, due to the Russification of the village population in the middle of the 20th century. Further, the Karelian layer of toponymy is considered in detail, which been preserved quite well. The author pays particular attention to a large group of names with stems indicating a person: derived from personal names (*Annin/oja* 'Anna's Stream,' *Kusmal'an/talo* 'Kuzma's House', etc.), ethnic names (*Lapin/niemi* 'Lopar Cape', *Ryssän/niemi* 'Russian Cape'), and some appellatives. Another focus of the study is constituted by the geographical terms in the toponymy of the village. Their analysis, aimed at historical reconstruction, allows us to assert that the Karelian population of Kolvitsa was made of immigrants from the Olangsky volost and from the former residents of Voknavolok, Kestenga, Tikhtozero, Ukhta.

K e y w o r d s: Kola Peninsula; the village of Kolvitsa; personal names; place names; geographical terminology; Karelian language; Russian language

Acknowledgements

The publication was prepared as part of the State assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (Institute of Language, Literature and History).

Chaykina, Yu. I. (1975). Voprosy istorii leksiki Belozer'ia [Issues in the History of the Belozerye Vocabulary]. In N. A. Meshchersky (Ed.), *Ocherki po leksike severnorusskikh govorov* [Essays on the Vocabulary of Northern Russian Dialects] (pp. 3–187). Vologda: Vologda State Pedagogical University.

Itkonen, T. I. (Ed.). (2011). *Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen* (Vol. 2). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.

Kortesalmi, J. J. (1996). *Pohjois-Vienan poronhoito. Talonpoikien poronhoidonalue, ominaislaatu, ikä, alkuperä ja kehityslinjat vuoteen 1922*. Helsinki: Vammalan Kirjapaino OY.

Kuzmin, D. V. (2003). Istoki formanta -*šina* v karel'skoi toponimii [The Origin of the Formant -*šina* in Karelian Toponymy]. In N. G. Zaitseva, I. I. Mullonen, & Yu. E. Koppaleva (Eds.), *Pribaltiisko-finskoe iazykoznanie: sb. st., posviashch. 80-letiiu G. M. Kerta* [Balto-Fennic Linguistics: Collected Papers to the 80th Anniversary of Georgy Kert] (pp. 63–68). Petrozavodsk: IIaLI KarNTs RAN.

Kuzmin, D. V. (2007). K probleme formirovaniia naseleniia zapadnogo poberezh'ia Belogo moria (po dannym toponimii) [On the Formation of the Population of the Western Coast of the White Sea (Based on Toponymy)]. In I. I. Mullonen (Ed.), *Finno-ugorskaia toponimiia v areal'nom aspekte* [Finno-Ugric Toponymy in the Areal Aspect] (pp. 20–89). Petrozavodsk: KarNTs RAN.

Kuzmin, D. V. (2016). Istoriia osvoeniia karel'skogo pomor'ia (v svete iazykovykh dannykh) [The History of the Development of the Karelian Coast (in the Light of Linguistic Data)]. *Linguistica Uralica*, 3, 179–194.

Mamontova, N. N., & Mullonen, I. I. (1991). *Pribaltiisko-finskaia geograficheskaia leksika Karelii* [Balto-Fennic Geographical Vocabulary of Karelia]. Petrozavodsk: KarNTs RAN.

Murzaev, E. M. (1974). *Ocherki toponimiki* [Essays in Toponymy]. Moscow: Mysl'.

Nikonov, S. A. (2013). Volost' Umba v XVI — pervoi chetverti XVII veka [The Umba Volost in the 16th — Early 17th Century]. In P. V. Fedorov (Ed.), *IX Ushakovskie chteniia: sb. nauch. st.* [Ushakov Readings 9. Collected Papers] (pp. 54–71). Murmansk: MGGU.

Polkovnikova, S. A. (1970). Geograficheskie nazvaniia novgorodskikh pistsovykh knig XV–XVI vekov: odnokorennye nazvaniia s raznymi suffiksami [Geographical Names of Novgorod Cadastres of the 15th–16th Centuries: Same-root Names with Different Suffixes]. *Uchenye zapiski Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*, 353, 469–504.

Virtaranta, P. (1988). Europaeus Kuolan niemimaan karjalaiskylässä. In M. Kuusi, P. Laaksonen, & S. Timonen (Eds.), *D. E. D. Europaeus: suurmies vai kummajainen* (pp. 117–126). Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura.

Zakharova, E. V., Kuzmin, D. V., Mullonen, I. I., & Shibanova, N. L. (2018). *Toponimicheskie modeli Karelii v prostranstvenno-vremennom kontekste* [Toponymic Patterns of Karelia in Spatio-temporal Context]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Received on 31 December 2021

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.021
УДК 811.512.3’04 + 811.581’04 +
+ 94(510“1644/1912” + 930.2:81’22 +
+ 81’373.21

Е. В. Сундуева
Институт монголоведения,
буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ПИСЬМЕННОГО ПАМЯТНИКА «ПРАВДИВЫЕ ЗАПИСИ О МОНГОЛАХ ЦИНСКОЙ ИМПЕРИИ»*

В статье рассматривается пласт монгольских географических названий XVII — начала XVIII в., представленный в письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи», изданном на старописьменном монгольском языке в шести томах в Хух-Хото (КНР) в 2013 г. Рассматриваемый памятник письменной культуры содержит колоссальный объем разноплановой информации и может быть использован для решения весьма широкого круга научных проблем: этнологических, культурологических, лингвистических, политических, социальных, религиоведческих. Изучение такого рода сочинений ценно тем, что они репрезентируют историю, особенности языка и литературной мысли, представления о мире народов прошлых эпох. Исследование семантики топонимических единиц показало, что в XVII — начале XVIII в. уже сложилась дошедшая до наших дней развитая система географических терминов, во многом обусловленная природными условиями местности. Особенностью топонимии того периода можно считать отсутствие мемоpативных имен, появившихся в Монголии в первой половине XX в. и отражающих новые взгляды на общественную жизнь. В структурном плане привлекает внимание почти полное отсутствие глагольных основ, в частности форм причастия настояще-прошедшего времени и многократного причастия, способных выступать в роли определения и представленных в современной топонимии Монголии. Наблюдения над передачей монгольских сложных топонимов в китайском варианте

* Статья подготовлена в рамках государственного задания (проект «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности», № 121031000258-9).

© Сундуева Е. В., 2022

позволяют предположить, что полная их транскрипция указывает на устоявшийся характер топонимов, а использование маньчжурских географических терминов говорит об их факультативности. Топонимикон «Правдивых записей» содержит значимые культурные смыслы и коннотации, характерные для национального ви́дения мира.

Ключевые слова: старописьменный монгольский язык; китайский язык; Цинская империя; монголы; маньчжуры; топонимия; географический термин; семантика; номинация

Вводные замечания

Письменные памятники хранят важную информацию о состоянии языка того времени, когда они созданы, — о его морфологии, синтаксисе, лексике и ономастике. В историческом памятнике «Dayičing ulus-un mongγul-un maγad qauli» («Правдивые записи о монголах Цинской империи»), изданном в 2013 г. в шести томах на старописьменном монгольском языке, можно обнаружить богатый пласт топонимов XVII–XVIII вв. Данное собрание представляет собой выдержки из монгольского варианта объемного труда по истории Цинской империи «Dayičing ulus-un maγad qauli» («Правдивые записи о династии Цин»), касающиеся отношений между монголами и маньчжурами в ту эпоху. Первый том перевода на русский язык был издан в 2019 г., он включает сведения о царствовании первых трех правителей маньчжурской династии: Нурхаци (годы правления: 1616–1626), Хун-тайджи (1626–1643) и Фулиня (1643–1661) [Правдивые записи, 1]. Второй том увидел свет в конце 2020 г., в нем освещается первая половина царствования императора Канси (1661–1695), сидевшего на престоле 61 год [Правдивые записи, 2]. Третий том, охватывающий период правления императора Канси с 1696 по 1722 гг., вышел в 2021 г. [Правдивые записи, 3].

В процессе перевода нами использовался китайский вариант «Правдивых записей о монголах Цинской империи», изданный в Хух-Хото в 2002–2003 гг. [齐木德道尔吉, 2002; 2003a; 2003b], без которого прочтение онимов в тексте имело бы множество вариантов, поскольку в старописьменном монгольском языке гласные *a* и *e* передаются одной и той же графемой, как и согласные *d*, *t*. Так, личное имя *Тада* допускает восемь вариантов прочтения: *Тата*, *Тэтэ*, *Дада*, *Дэдэ*, *Тада*, *Тэдэ*, *Дата* и *Дэтэ*, в то время как китайский вариант достаточно ясно представляет звучание антропонима 塔达 *tǎ dá*.

В переводе сложные монгольские топонимы пишутся через дефис. Если второй компонент топонима представляет собой географический термин, то он пишется со строчной буквы (например, *Шира-тала* «Желтая степь», *Чаган-нагур* «Белое озеро»), если нет — с прописной буквы (например, *Ару-Шибартай* «Северный топкий», *Бага-Улаган* «Малый красный»). Сложные китайские топонимы пишутся слитно (*Губэйкоу*, *Цзиньшацзян*) — в соответствии с общепринятой системой транскрипции Палладия.

Что касается транскрибирования топонимов с интервокальным согласным *ɣ/g* в китайском варианте, то его использование в тексте памятника не имеет устойчивого характера. В некоторых случаях он сохраняется, например: *Гэр-чилагун* (п.-монг. *ger čilaɣun*, кит. 格尔齐拉坤 *gé ěr qí lā kūn*), *Хан-Тэмур-дабаган* (п.-монг. *qan temür dabaɣan*, кит. 汗特木尔达巴汉 *hàn tè mù ěr dá bā hàn*). В других случаях отражается результат стяжения интервокального комплекса: *Баян-нируγу* (п.-монг. *bayan niruɣu*, кит. 巴颜努鲁*bā yán nǔ lǔ*), *Хэгэрэ-Улясутай* (п.-монг. *keger-e uliyasutai*, кит. 克勒乌里雅苏台 *kè lēi wū lǐ yǎ sū tái*).

Перевод памятника на русский язык позволил сотрудникам Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН на протяжении трех лет изучать историографию монголо-маньчжурских взаимоотношений в XVII–XVIII вв., правовые традиции монгольских народов и правовые основы управления Монголией, меры государственной поддержки буддизма, включенные речевые фольклорные жанры [Николаева, Отгонтуул, 2018], а также лексику материальной культуры монгольского языка в период с 1616 по 1722 гг. в рамках проекта РФФИ «История и культура монгольских народов в период правления императора Канси». Были также предприняты исследования антропонимии и этнонимии указанного произведения [Чимитдоржиева, 2018; Сундуева, 2020; 2021].

Место топонимии в тексте письменного памятника

Указатели географических названий включают 580 наименований в первом томе, 554 — во втором и 919 — в третьем. Итого это 2 053 топонима, за вычетом повторяющихся названий — 1 740. Из них 45 % занимают монгольские названия, 35 % — китайские; представлены также маньчжурские и в небольшом количестве тибетские, корейские и русские названия.

Большая часть топонимов встречается при описании высочайших выездов на охоту либо с целью инспектирования монгольских земель. Хроника фиксирует передвижения правителя, отмечая места его остановок на ночлег, а также людей, прибывших в тех местах с дарами на поклон. Например, в среднем осеннем месяце десятого года правления Канси (1671):

> День черной коровы. Император остановился в местности Шалихэ. Прибыл поклониться хорчинский улус-ун тушэ-гун Тусхар.
>
> День желтой овцы. Император сделал остановку в местности Яньтайхэ. Прибыли поклониться харачинский туру-ин дугурэн-цзюньван Бандарша и улус-ун тушэ-гун Удбала.
>
> День белой обезьяны. Император расположился в местности Ляньшань. Прибыли поклониться тумэдский бэйсэ Гуму, а также тайджи и табунанги [Правдивые записи, 2, *73*].

41 географическое название представлено в записи дня черной собаки среднего зимнего месяца восьмого года правления Хун-тайджи (1634), фиксирующей

установленные границы кочевий монгольских нойонов: «Граница кочевий оннигудов и багаринов должна проходить по местностям Хураху и Хухэ-буриду. Граница кочевий багаринов и синего с каймой знамени — Хэрие-хада и Худжир-адаг…», также здесь определены крайние точки территории [Правдивые записи, 1, *184*]. В этом указе топонимы служат вспомогательным средством для определения границ.

О том, какое значение придавал император географическим названиям перед выступлением в поход, свидетельствует запись, сделанная в день черной курицы последнего летнего месяца 29-го года правления Канси (1690):

> В тот же день император велел ванам и чиновникам совета подробно расспросить ныне прибывших халха о названиях местностей на Керулене, а также о расстояниях между ними [Правдивые записи, 2, *286*].

В первом зимнем месяце 1638 г. в донесении из военного лагеря даются названия пяти проходов через Великую Китайскую стену с приведением их монгольских вариантов:

> Китайское название ворот, через которые прошли наши войска, — Цянцзылин, монгольское название — Дагибула. Следующие к западу от Цянцзылина ворота по-китайски называются Хэйюйгуань, по-монгольски — Хэйхулун. Китайское название следующих к западу ворот — Цаоцзячжай, монгольское название — Хайлун. Китайское название следующих к западу ворот — Губэйкоу, монгольское название — Молтуши. Следующие к востоку от Цянцзылина ворота по-китайски называются Цзянцзюньши, по-монгольски — Ушигэн. Китайское название следующих к востоку ворот — Хуанъякоу, монгольское — Джан. Китайское название следующих к востоку ворот — Маланьюй, монгольское — Малай [Правдивые записи, 1, *282*].

В 1707 г. Канси отправил императорского телохранителя Раши разведать, где находится исток реки Хуанхэ. В докладе вернувшегося сановника представлено 32 топонима [Правдивые записи, 3, *206*]. В день белой змеи среднего зимнего месяца 59-го года правления Канси (1720) в связи с покорением тибетских земель был издан указ об истоках не только Хуанхэ, но и таких крупных рек, как Хэйшуй, Цзиньшацзян и Ланьцанцзян. В указе говорится:

> Меня с детства привлекает география. Я всегда стараюсь выяснить все о древних и современных названиях гор и рек даже с самых окраин, изучая топографические карты и расспрашивая об их значении на местном говоре. <…> Следует изучить то, как называют инородцы и китайцы горы и реки, выявляя сходства и различия в их названиях. Только в таком случае дойдет истина до последующих поколений [Правдивые записи, 3, *386*].

Данный указ содержит 112 географических названий тех мест, в которых протекают названные реки. При этом объясняется:

> Исток Хуанхэ находится к востоку от гор Хулгун, расположенных по ту сторону от заставы Синин, и представляет собой бесчисленное множество родников. Издалека они сияют подобно созвездию, поэтому монголы называют их Одун-тала [Правдивые записи, 3, *386*].

Топоним п.-монг. *Odun tala* переводится как «Звездная равнина», его китайский вариант 星宿海 *xīng xiù hǎi* обладает схожей семантикой — «Море созвездий».

Здесь также даются переводы тибетских названий четырех гор, которые находятся в разных частях горной системы Гандиши (кит. 刚谛沙 *gāng dì shā*), располагающейся на юге Тибетского нагорья и идущей почти параллельно Гималаям: в восточной части *Дамджу-Хабаб* «Рот лошади», в южной части *Ланчиян-Хабаб* «Рот слона», в северной части *Сэнгэ-Хабаб* «Рот льва» и, наконец, в западной части *Мабгия-Хабаб* «Рот павлина». Примечательно, что в «Большом тибетско-китайском словаре» несколько иначе представлены направления местонахождения гор, где берут начало четыре священные реки Западного Тибета: на востоке *Langchen Khabub* «Рот слона» (исток реки Сатледж), на юге *Macha Khabub* «Рот павлина» (исток реки Карнали, притока Ганга), на западе *Tachok Khabub* «Рот лошади» (исток реки Брахмапутра) и на севере *Singgye Khabub* «Рот льва» (исток реки Инд) [Bod rgya tshig mdzod chen mo, 1993, *203*]. Из четырех направлений совпадает лишь север. В данной микросистеме оронимов встречаются метафорические названия, представляющие собой одну из топонимических универсалий: кроме названных выше, ср. *Агта-ин-Чихи* «Ухо скакуна», *Тэмэгэн-у-Худжу* «Шея верблюда».

Об интересе императора Канси к географии говорит его диалог с канцлерами, записанный в день белого тигра среднего осеннего месяца 48-го года его правления (1709). Император спросил у канцлеров: «Известно ли вам, откуда берет начало горный хребет Цзеши в Шаньдуне?». Ли Гуанди ответил: «Пожалуй, он начинается в Шэньси и Хэнани». Император сказал: «Нет, горы Шаньдуна тянутся от мукденских гор Урту-Чаган-агула…». Ли Гуанди сказал: «Император полностью овладел знаниями, изложенными в основополагающих древних книгах». Император ответил: «[В сочинениях] говорится, что река Цзишуй (кит. 济水 *jì shuǐ*) в трех местах текла под землей. На самом деле это касается не только Цзишуй. Многие реки в своих истоках текут под землей. Я спрашивал у монголов, они сказали, что в их книгах также отмечены реки Хэйшуй и Жошуй…» [Правдивые записи, 3, *250*].

В день черного дракона первого осеннего месяца 27-го года правления Канси (1688) зафиксировано топонимическое предание, связанное с памятным событием, произошедшим в данном месте:

> Император расположился у скалы Халбиха, которая прежде называлась Нахал. По форме она напоминает ступу, высота составляет более ста больших саженей. Когда император во главе военных и канцелярских чиновников стал стрелять вверх, несколько его стрел перелетело через вершину горы. Стрелы телохранителей Сэнгэ

и Нарашана достигли пика, остальные же не смогли достичь вершины. После этого император поменял название этой горы на Халбиха [Правдивые записи, 2, *257*].

Новое название (п.-монг. *qalbiq-a*, кит. 喀尔必哈 *kā ěr bì hā*) восходит к маньч. *халбаха*[1] ‘шарик, головка на знаменном древке; гайка с винтом поверх кисти у шлема; середина — широкая часть острой стрелы; стрела с широким наконечником; горбатая часть плоской ложки’ [Захаров, 1875, *390*].

В хронике также зафиксирован интересный пример вмешательства императора в естественно сложившуюся топонимическую систему. В день желтой мыши среднего осеннего месяца 41-го года правления Канси (1702) оннигудский туру-ин дугурэн-цзюньван Банди устроил пир, на котором император сказал: «Название места, в котором ты проживаешь, Ин-джаба — неблагоприятно. Поменяй его на Баян-Улджэйту» [Правдивые записи, 3, *196*]. Первоначальное название имело чисто описательный характер: п.-монг. *ing ǰaba*, кит. 营谷 *yíng gǔ*, где 营 *yíng* ‘военный лагерь, казарма’, п.-монг. *ǰaba*, кит. 谷 *gǔ* ‘ущелье’, т. е. «Ущелье, [в котором базируется] военный лагерь». Данное же правителем название стилистически более возвышенно: п.-монг. *bayan ülǰeyitü* «Богатый и благодатный», китайский вариант представляет собой кальку: 巴颜鄂尔寨图 *bā yán è ěr zhài tú.* Как отмечает И. А. Дамбуев, в процессах искусственной номинации, особенно идеологически направленной, топоним, помимо того что выполняет свои основные речевые функции, воспринимается как знак-символ [Дамбуев, 2017, *113*]. Если имена-эпитеты давались с целью задобрить духов местности, то на основании данного топонимического предания реконструируется пожелательная интенция номинации.

Семантическая характеристика топонимов

Для основной части топонимов памятника характерны те же принципы номинации, что и для современного топонимикона (не только) монгольских народов. «Универсальность эта основана прежде всего на общности человеческого мышления, а также на единых путях эволюции именных систем» [Шулунова, 1995, *189*]. Мотивы номинации географических объектов отражают такие их особенности, как:

- р а з м е р: *Бага-агула* «Малая гора», *Гун-нагур* «Глубокое озеро», *Ехэ-агула* «Большая гора», *Ундур-хошигу* «Высокий мыс», *Ургэн-гуу* «Широкая ложбина», *Урту-булаг* «Длинный родник»;
- ц в е т: *Алаг-агула* «Пестрая гора», *Улаган-нагур* «Красное озеро», *Харатохуй* «Черная излучина», *Хуа-толугай* «Рыжеватый холм», *Чаган-булаг* «Белый родник», *Чэгэн-гол* «Белая река», *Шира-буриду* «Желтое болотце»;

[1] Здесь и далее маньчжурские лексемы приводятся по [Захаров, 1875].

▪ форма: *Дурбэлжин* «Квадратный», *Муруй-бэлчир* «Изогнутое место слияния рек», *Мушгия* «Скрученный», *Нарин-гол* «Узкая река», *Сагса-Тугуриг* «Густой круглый», *Сэрбэгэр-амасар* «Неровная падь», *Сэртэн* «Выдающийся, торчащий»;

▪ расположение в пространстве: *Байча-ин-джаба* «Ущелье утеса», *Джаха-булаг* «Крайний родник», *Джэгун-хундэй-джаба* «Ущелье восточной впадины», *Дэгэду-Хомурга* «Верхний круг», *Добуту-олум* «Брод у холма», *Майла-ин-гун-олум* «Глубокий брод у южного склона», *Тала-булаг* «Полевой родник», *Убэр-Хундулун* «Южный поперечный», *Хэгэрэ-джаба* «Степное ущелье»;

▪ растительный мир: *Бургасутай* «Ивовый», *Гичигэнэ* «Лапчатка гусиная», *Джамагту-нагур* «Тинистое озеро», *Джулгэту* «С луговой травой», *Нарасутай* «Сосновый», *Сухай* «Тамариск», *Тэрэлджи* «Багульник», *Тэс-гол* «Рябиновая река», *Улиясутай* «Осиновый», *Хайласутай* «Ильмовый», *Хилгана* «Ковыль», *Хулусутай* «Камышовый», *Чичиргана* «Облепиха», *Хагурай-Дэннэгустэй* «С сухими кочками»;

▪ животный мир: *Алаг-мориту* «С пегими лошадьми», *Ангирту* «С огарями», *Бага-Шилугусутай* «Малый с рысями», *Барс-хада* «Тигр-гора», *Бору-Унага* «Сивый жеребенок», *Бугуту* «Олений», *Гахайту-амасар* «Кабанья падь», *Гун-Галагутай* «Глубокое гусиное», *Джигасутай* «Рыбный», *Ёлу-хада* «Гриф-скала», *Начин* «Сокол», *Таулай* «Кролик», *Тэмэгэту* «С верблюдами», *Халигуту-гол* «Река с выдрами», *Хэрие-хошигу* «Вороний мыс», *Хэрэмутэй-джаба* «Беличье ущелье», *Хирса-булаг* «Корсак-родник», *Хонгур-Аджирга* «Буланый жеребец», *Чинуа-гол* «Волчья река», *Шира-нохай* «Рыжая собака»;

▪ особенности почвы: *Асгату* «С каменистой осыпью», *Билэгуту* «С точильным камнем», *Боруджи* «Солончак», *Мулсун-агула* «Ледяная гора», *Худжир-адаг* «Солончаковое устье», *Хурэмту* «Базальтовый», *Часуту-агула* «Снежная гора», *Чилагутай* «Каменистый», *Шибартай* «Глинистый», *Элэсуту-дабаган* «Песчаный перевал», *Ганган-Сэтэрхэй* «Разорванный овраг»;

▪ свойства гидрообъектов: *Галджагу-мурэн* «Бурная река», *Ехэ-Тургэн-гол* «Большая быстрая река», *Номухан-гол* «Спокойная река»; *Дабасуту-нагур* «Соленое озеро», *Тунгалаг* «Прозрачный», *Хахир-гол* «Скудная река», *Хуйтэн-эхин* «Холодный исток», *Шинэ-булаг* «Новый ручей»;

▪ количество, неопределенное множество объектов: *Гурбан-Тулга* «Три подпорки», *Долуган-дабаган* «Семь перевалов», *Йисун-хабчил* «Девять ущелий», *Олан-элэсу* «Много песков», *Табин-Гэр* «Пятьдесят домов», *Табун-Ташигай* «Пять пологих», *Хояр-нагур* «Два озера»;

Некоторые названия отражают практическую деятельность, религиозную и обрядовую стороны жизни человека: *Бумбату-хабчил* «Ущелье с могильной насыпью», *Горугэчин-у-гачаган* «Поселение охотников», *Дархан-агула* «Священная гора», *Эмэгэлчин-у-гачаган* «Поселение седельщиков».

В топонимическом материале памятника зафиксированы следующие мелиоративные эпитеты: *arbin* ‘изобильный’ (*Улджэйту-Арбин-агула* «Благодатная изобильная гора»), *bayan* ‘богатый’ (*Баян-агула* «Богатая гора», *Баян-джаба* «Богатое ущелье», *Баян-толугай* «Богатый холм» и пр.), *buyantu* ‘добродетельный’ (*Буянту-гол* «Добродетельная река»), *dügüreng* ‘полный, изобильный’ (*Дугурэн-хота* «Изобильный город»), *erdeni* ‘драгоценный’ (*Эрдэни-толугай* «Драгоценный холм»), *ögemür* ‘щедрый’ (*Огэмур-Бургасутай* «Щедрый ивовый»), *ülǰeyitü* ‘благодатный’ (*Улджэйту-гол* «Благодатная река»).

Кроме того, в тексте памятника представлен ряд метафорических, образных названий — часть из них базируется на сравнении с бытовыми предметами и инструментами (*Алтан-Эмэгэл* «Золотое седло», *Сэнджиту-хада* «Скала с ушком», *Уран-Души* «Искусная наковальня», *Халбагату* «С ложкой» и др.), другие репрезентируют типичную для монголов антропоморфизацию пространства, т. е. основаны на сравнении с частями тела человека (*Агусхи* «Легкие», *Баян-Джирухэ* «Богатое сердце», *Олухуй-нагур* «Озеро в виде толстой кишки, дуговидное озеро», *Сэгуджи* «Бедро», *Урту-хабирга* «Длинное ребро», *Хуйсу-булаг* «Пуп-родник»).

Безусловно, в памятнике представлены топонимы с непрозрачной семантикой, которые могут быть этимологизированы на материале как монгольского, так и маньчжурского языка. Как отмечает В. Л. Васильев, топонимы, содержащиеся в памятниках письменности, подвергаются порой серьезным искажениям, сведения о них зачастую разрозненны и обрывочны, носят случайный характер [Васильев, 2005, *31*]. В дальнейшем немаловажно рассмотрение данных топонимов в маньчжурском варианте памятника.

Структурная характеристика топонимов

28 % монгольских топонимов являются односоставными, возникшими в результате онимизации апеллятива, в частности географического термина: *Байча* «Скала», *Бэлчир* «Место слияния рек», *Гуу* «Ров», *Джурхэн* «Гора с заостренной вершиной», *Хамар* «Мыс», *Хурхирэ* «Водопад», *Хэгэрэ* «Степь» и др. 90 % сложных топонимов представлены двухосновными названиями. Детерминатив выступает в качестве главного компонента 72 % сложных топонимов. Как видно из приведенных выше примеров, набор географических терминов в топонимии памятника совпадает с современным состоянием монгольской топонимии.

Вызывает интерес сравнение монгольских сложных топонимов с детерминативами и их переводов в китайском варианте памятника. Как отмечается в предисловии к изданию, при составлении «Правдивых записей» каждого императора создавался специальный приказ, в котором назначался сановник, осуществляющий общий надзор над составлением памятника. В приказе «Правдивых записей» было три отдела: маньчжурского письма, китайского письма и монгольского

письма. Просмотренный императором китайский (первоначальный) вариант служил основой для перевода на маньчжурский язык, последний, в свою очередь, переводился на монгольский. В составе отдела «Правдивых записей» на монгольском языке были такие подразделения, как сектор составления, сектор написания, сектор перевода, секция сверки, хранилище кистей и бумаги. В связи с такой обширной работой по созданию монгольского варианта «Правдивых записей династии Цин» его нельзя считать простым переводом с маньчжурского языка [Dayičing ulus-un, 2013, *2*, *5*].

Во многих сложных топонимах в китайском варианте географический термин представляет собой кальку лексемы маньчжурского языка, а зависимый компонент — кальку монгольского слова. Название реки *Хорхуг-гол* (п.-монг. *qorquγ γoul*) выглядит как 和尔和克毕喇 *hé ěr hé kè bì lǎ*, где 毕喇 *bì lǎ* — от маньч. *бира* ‘река вообще (менее реки, называемой словом *ула*)’ [Захаров, 1875, *504*]. Ср. также *Хурхирэ-гол* (п.-монг. *kürkir-e γoul*, кит. 瑚尔希勒毕喇 *hú ěr xī lēi bì lǎ*), *Тургэн-иджар-гол* (п.-монг. *türgen iǰar γoul*, кит. 图尔根伊扎尔毕喇 *tú ěr gēn yī zhā ěr bì lǎ*), *Нухудай-гол* (п.-монг. *nuqudai γoul*, кит. 弩湖岱毕喇 *nǔ hú dài bì lǎ*). Однако не во всех случаях термин п.-монг. *γoul* ‘река’ заменяется на маньч. *бира*, он может транскрибироваться в виде кит. 郭尔 *guō ěr* (п.-монг. *narin γoul* «Узкая река», кит. 纳林郭尔 *nà lín guō ěr*). Вероятно, в данном случае детерминатив *γoul* прочно вошел в состав сложного гидронима, в то время как названия рек *Нухудай*, *Хорхуг*, *Хурхирэ* могли функционировать без него.

Примечательно использование маньчжурского гидрографического термина *ула* ‘река’ в монгольском тексте: *Qar-a müren Sungγari qoyar ula-yin aγulǰar-un γaǰar-tur* «У места слияния двух рек, Амур и Сунгари» [Dayičing ulus-un, 2013, *498*]. Скорее всего, это продиктовано географическим положением указанных рек.

В китайском варианте оронима *Ширга-морин-у-агула* «Гора соловых лошадей» (п.-монг. *sirq-a morin-u aγula*) 西尔哈莫林阿林 *xī ěr hā mò lín ā lín* географический термин 阿林 *ā lín* представляет собой кальку маньч. *алинь* ‘гора, горы, горный хребет’ [Захаров, 1875, *32*]. Он также встречается в тексте памятника: 上于迤哈玛尔阿林行围 *shàng yú yí hā mǎ ěr ā lín xíng wéi* «Император охотился на горе Хамар» [Dayičin ulus-un, 2013, *518*]. В ряде устоявшихся оронимов п.-монг. *aγula* транскрибируется как 敖拉 *áo lā*: *Бага-агула* (п.-монг. *baγ-a aγula*, кит. 巴汉敖拉 *bā hàn áo lā*), *Ехэ-агула* (п.-монг. *yeke-aγula*, кит. 伊克敖拉 *yī kè áo lā*).

При переводе всех топонимов с термином п.-монг. *amasar* ‘горный проход’ он заменяется на маньч. *анга* ‘узкий проход, ущелье в горах, устье реки’ [Захаров, 1875, *16*]: *Мунхэ-амасар* (п.-монг. *möngke amasar*, кит. 跸孟克昂 *mèng kè áng ā*), *Хайласутай-амасар* (п.-монг. *qayilasutai amasar*, кит. 海拉苏台昂阿 *hǎi lā sū tái áng ā*), *Хамар-амасар* (п.-монг. *qamar amasar*, кит. 哈玛尔昂阿 *hā mǎ ěr áng ā*) и др. Термин п.-монг. *qabar* ‘нос, мыс’ переводится как 鄂佛罗 *è fó luó* — от маньч. *офоро* ‘нос, мыс горы’ [Там же, *134*]: *Нарасун-хабар* (п.-монг. *narasun qabur*, кит. 扎克旦鄂佛罗 *è fó luó*, где 扎克旦 *zhā kè dàn* от маньч. *чжакдань*

‘сосна; хвойное дерево вообще’), *Хада-хабур* (п.-монг. *qada-qabur*, кит. 哈达鄂佛罗 *hā dá è fó luó*) [Захаров, 1875, *961*]).

Термин *ǰaba* ‘ущелье’ передается с помощью кит. 和洛 *hé luò* — от маньч. *холо* ‘широкая или узкая долина между двумя горами, овраг, буерак, ров’ [Захаров, 1875, *429*], например *Айли-джаба* (п.-монг. *ayili ǰaba*, кит. 爱里和洛 *ài lǐ hé luò*), *Байча-ин-джаба* (п.-монг. *bayiča-yin ǰaba*, кит. 拜察和洛 *bài chá hé luò*), *Чилагуту-джаба* (п.-монг. *čilaγutu ǰaba*, кит. 齐老图和洛 *qí lǎo tú hé luò*). В топониме *Гиу-джаба* (п.-монг. *giu ǰaba*, кит. 鹫和洛 *jiù hé luò*) первый компонент транскрибирован с кит. 鹫*jiù* ‘гриф, стервятник’.

Маньчжурский топоним *Илан-Мухалянь*, где маньч. *илан* ‘три’, *мухалянь* ‘ком, глыба, куча земли’ [Захаров, 1875, *902*], передается в китайском языке в полной транскрипции: 宜阑穆哈连 *yí lán mù hā lián*, тогда как в монгольском варианте первая часть топонима переводится на монгольский язык: *Гурбан-Мухалиян*, где п.-монг. *γurban* ‘три’. Китайский вариант топонима *Табин-гэр* «Пятьдесят домов» (п.-монг. *tabin ger*) 苏赛包 *sū sài bāo* состоит из маньч. *сусай* ‘пятьдесят’ [Там же, *640*] и кит. 包 *bāo* ‘юрта, жилище’. Полный перевод топонима на китайский язык наблюдается в *Гурбан-чунхурэг* «Три впадины» (п.-монг. *γurban čüngkereg*, кит. 三洼 *sān wā* «Три углубления»), *Долуган-нагур* «Семь озер» (п.-монг. *doluγan naγur*, кит. 七溪 *qī xī* «Семь ручьев»), *Халагун-усун* «Горячий источник» (п.-монг. *qalaγun usun*, кит. 汤泉 *tāng quán* «Горячий ключ, термальный источник»).

Наблюдения над передачей монгольских сложных топонимов в китайском варианте позволяют предположить, что полная их транскрипция указывает на устоявшийся характер топонима, в то время как использование маньчжурского географического термина говорит о его факультативности.

Как видно, в образовании топонимов участвуют существительные, прилагательные и числительные. Из глагольных образований зафиксирована лишь одна форма причастия настояще-будущего времени в топониме *Оргиху-булаг* «Бьющий родник», употребление которой в топонимии возможно благодаря ее способности выполнять функцию определения. По всей видимости, словообразовательная модель с указанным типом причастия стала продуктивнее в более позднее время — ср. современные географические названия Монголии *Дөрөө-Хавирах* «[Ущелье, в котором] стремена звенят», *Чоно-Харайх* «[Река, которую] волк перепрыгнет». В современной монгольской топонимии представлены и такие ойконимы, как *Бадрах* «[То, что будет] процветать, развиваться», *Бүрэнтогтох* «Всё установится», *Дэлгэрэх* «Распространяться», *Мандах* «Расцветать, расти», *Налайх* «Быть спокойным, добродушным», *Сайжрах* «Улучшаться», *Түвшрүүлэх* «Успокаивать, упорядочивать», представляющие собой результат топонимизации формы причастия настояще-будущего времени. Они появились уже в XX в., и их можно отнести к футуронимам, идеологически насыщенным названиям, отражающим черты и тенденции новых взглядов на общественную жизнь [Суперанская, 1985, *42*].

Заключение

Памятник письменной культуры «Правдивые записи о монголах Цинской империи» содержит уникальный материал, проливающий свет на истоки создания многих названий. Хотя топонимы и уступают антропонимам в количественном отношении, они занимают в памятнике важное место, фиксируя состояние топонимии монголов более чем трехсотлетней давности. Рассмотрение семантики и структуры топонимов памятника подтверждает общие закономерности топонимической системы монгольских народов. Изучение данного пласта лексики имеет не только историко-лексикологическую, но и историко-культурную значимость — как отражение развития духовной культуры монголов, истории социальных и экономических отношений в обществе, языковых, хозяйственных и культурных связей с маньчжурами и китайцами в XVII–XVIII вв.

Источники

Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб. : Тип. Имп. АН, 1875.

Правдивые записи о монголах Цинской империи. Т. 1 : Правление Тайцзу, Тайцзуна и Шицзу ; Т. 2 : Правление Шэнцзу (1661–1695 гг.) ; Т. 3 : Правление Шэнцзу (1696–1722 гг.) / пер. со старописьм. монг. Е. В. Сундуевой. Иркутск : Оттиск, 2019–2021.

Bod rgya tshig mdzod chen mo. Vol. 1 / transl. V. Loshchenkov. Pecin : Mi rigs dpe skrun khang, 1993.

Dayičing ulus-un mongγul-un maγad qauli. Nigedüger emkitgel. Köke-qota : Öbür mongγul-un surγan kümüǰil-ün keblel-ün qoriy-a, 2013.

齐木德道尔吉，巴根那。清朝太祖太宗世祖朝实录蒙古史史料抄 呼和浩特：内蒙古大学出版社， 2002.

齐木德道尔吉，黑龙，宝山，哈斯巴根，任爱君。清朝圣祖朝实录蒙古史史料抄（上） 。呼和浩特：内蒙古大学出版社，2003a. P. 3–842.

齐木德道尔吉，黑龙，宝山，哈斯巴根，任爱君。清朝圣祖朝实录蒙古史史料抄（下） 。呼和浩特：内蒙古大学出版社，2003a. P. 843–1399.

Исследования

Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). Великий Новгород : Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2005.

Дамбуев И. А. Эволюция концепции топонима в России в XVII–XIX вв. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 1. С. 113–116.

Николаева Н. Н., *Отгонтуул Т.* Орнитоморфная символика в летописных памятниках монголов и произведении «Правдивые записи о монголах Цинской империи» (Dayičing ulus-un mongγol-un maγad qauli) // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11 (2). С. 107–124.

Сундуева Е. В. Сочетаемость монгольских антропонимов в письменном памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. «Язык. Литература. Культура». 2020. Вып. 2. С. 12–16.

Сундуева Е. В. Особенности антропонимии в тексте памятника «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 3 (43). С. 68–73.

Суперанская А. В. Что такое топонимика? М. : Наука, 1985.

Чимитдоржиева Г. Н. Обзор некоторых маньчжурских этнонимов в памятнике «Правдивые записи о монголах Цинской империи» // Культура Центральной Азии: письменные источники. 2018. № 11 (2). С. 125–137.
Шулунова Л. В. Ономастика Прибайкалья. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1995.

Рукопись поступила в редакцию 04.10.2021

СОКРАЩЕНИЯ

кит.	китайский язык
маньч.	маньчжурский язык
п.-монг.	старописьменный монгольский язык

* * *

Сундуева Екатерина Владимировна
доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела языкознания
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6
E-mail: sundueva@mail.ru

Sundueva, Ekaterina Vladimirovna
DrHab, Chief Research Fellow
Department of Linguistics
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the RAS
6, Sakhianova Str.,
670047 Ulan-Ude, Russia
Email: sundueva@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-2299-3384

Ekaterina V. Sundueva
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russia

TOPONYMIC SPACE OF THE WRITTEN MONUMENT *TRUE RECORDS OF THE MONGOLS OF THE QING EMPIRE*

The author considers the layer of the 17th — early 18th centuries Mongolian place names presented in the written monument *Dayičing ulus-un mongγul-un maγad qauli* (*True Records of the Mongols of the Qing Empire*), published in the old-written Mongolian language in six volumes in Hohhot (China) in 2013. The considered monument of written culture contains a colossal amount of information of various kinds and touches upon a wide range of ethnic, cultural, linguistic, political, social, and religious aspects of the life of the Mongols. The study of such works is valuable in that they represent ancient material reflecting the history, peculiarities of language and literary thought, and the mindset of the peoples of the past. The semantic study of the Mongolian place names attested in the studied document indicates that a developed system of geographic terms which has come down to our days, has already been present

in the 17th — early 18th centuries. It was largely motivated by the physical and geographical characteristics of the area. A particular feature of the toponymy of that period is the absence of memorial names that appeared in Mongolia in the first half of the 20th century and reflect the trends of new views on public life. In terms of structure, these toponyms are notable for almost complete absence of verb stems, including iterative and Present-Past participle forms that serve as attributes in the modern Mongolian toponymy. Analyzing the ways of rendering Mongolian complex toponyms in Chinese, the author notes that the use of transcription shows the established character of the toponym, while the use of Manchu geographical terms testifies to its optional character. The system of place names the work contains, holds significant cultural meanings and associations that are characteristic of the national worldview.

K e y w o r d s: old-written Mongolian language; Chinese language; Qing Empire; Mongols; Manchus; toponym; geographical term; semantics; naming

Acknowledgements

The research was carried out within the State assignment (project *Man's World in Mongolian Languages: Analysis of Expressive Means of Emotional Breadth*, No. 121031000258-9).

Chimitdorzhieva, G. N. (2018). Obzor nekotorykh man'chzhurskikh etnonimov v pamiatnike "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" [Review of Some Manchu Ethnonyms in the Monument "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki*, 11(2), 125–137.

Dambuev, I. A. (2017). Evoliutsiia kontseptsii toponima v Rossii v XVII–XIX vv. [The Evolution of the Toponym Concept in Russia in the 18th–20th Centuries]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 1, 113–116.

Nikolaeva, N. N., & Otgontuul, T. (2018). Ornitomorfnaia simvolika v letopisnykh pamiatnikakh mongolov i proizvedenii "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" (Dayičing ulus-un mongγol-un maγad qauli) [Ornithomorphic Symbolism in the Written Monuments of the Mongols and in "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Kul'tura Tsentral'noi Azii: pis'mennye istochniki*, 11(2), 107–124.

Shulunova, L. V. (1995). *Onomastika Pribaikal'ia* [Onomastics of the Baikal Region]. Ulan-Ude: Buriat. kn. izd-vo.

Sundueva, E. V. (2020). Sochetaemost' mongol'skikh antroponimov v pis'mennom pamiatnike "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" [Cooccurrence of Mongolian Personal Names in the Written Monument "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. "Iazyk. Literatura. Kul'tura"*, 2, 12–16.

Sundueva, E. V. (2021). Osobennosti antroponimii v tekste pamiatnika "Pravdivye zapisi o mongolakh Tsinskoi imperii" [Features of Personal Names in the Text of the Monument "True Records of the Mongols of the Qing Empire"]. *Vestnik Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi akademii nauk*, 3(43), 68–73.

Superanskaya, A. V. (1985). *Chto takoe toponimika?* [What is Toponymics?]. Moscow: Nauka.

Vasilyev, V. L. (2005). *Arkhaicheskaia toponimiia Novgorodskoi zemli (Drevneslavianskie deantroponimnye obrazovaniia)* [Archaic Toponymy of the Novgorod Land (Old Slavic Deanthroponymic Formations)]. Veliky Novgorod: Yaroslav-the-Wise Novgorod State University.

Received on 4 October 2021

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.022
УДК 811.161.1’373.21 + 398:622(470.5) +
+ 94(470.5)

Е. Э. Иванова
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ПРЕДАНИЯ УРАЛЬСКИХ ГОРЩИКОВ*

В статье анализируются предания уральских горщиков — людей, занимающихся добычей драгоценных и цветных камней частным образом. Фольклор горщиков (в отличие от фольклора горняков — профессиональных горных рабочих) до сих пор практически не изучен. Материалом для исследования послужили полевые записи разных времен — как вышедшие в свет, так и неопубликованные, извлеченные из картотеки «Лексика, топонимия, этнография камня», хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета. В статье показано, что предания вырастают из реальной практики горщиков, дополняясь традиционными мотивами, в том числе фантастическими. В центре исследования — топонимические предания, которые рассматриваются как источник выявления внутренней формы топонима и его мотивации. Автор отмечает, что обращение к историческим данным и комплексный этнолингвистический анализ позволяют установить истинность или ложность мотивации топонима, содержащейся в предании. Выявлено, что корреляция устойчивого мотива преданий и устойчивой номинативной модели помогает определить верную мотивировку топонима. Предания горщиков рассматриваются также как источник изучения их образа жизни и мировоззрения; анализируются мотивы, характерные для их преданий: мотив фарта и случайной находки самоцветов, мотив «недающегося» клада и неудачной разработки месторождения, мотив вещего сна, мотив нарушения запрета и наказания за жадность, мотив удивительного богатства месторождений. Автор показывает, как

* Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056).

© Иванова Е. Э., 2022

в преданиях горщиков известные повествовательные мотивы конкретизируются применительно к данной профессиональной среде: мотив самопогребения чуди замещается мотивом погребения сокровищ.

Ключевые слова: русский язык; топонимия; фольклор; топонимическое предание; мотив предания; мотивация топонима; история Урала

«Мы привыкли считать Урал сокровищницей минеральных богатств и самоцветов, мы хорошо знаем разные украшения из уральских самоцветов, но нам мало известны условия нахождения этих камней и характер их добычи», — писал академик А. Е. Ферсман [1960, *69*]. История уральского самоцветного промысла началась в 1668 г. с находок драгоценных камней братьями Тумашевыми в районе Мурзинской слободы на реке Нейва. Слухи о замечательных находках Тумашевых заставили многих крестьян пойти на поиски самоцветов. Называли они себя горщиками (*горщик* ‘человек, занимающийся добычей драгоценных и цветных камней’ [ЛТЭК]). Слово не зафиксировано ни в одном словаре, однако активно употребляется на Среднем и Южном Урале, и образовано оно от сущ. *гора.* Под *горой* понимается не форма рельефа, а коренные породы, которые горщики разрабатывают в надежде добраться до самоцветов. Гор в привычном понимании на территории Самоцветной полосы нет (по меткому замечанию П. П. Бажова, «иная гора наружу выходит, а иная в земле» [Бажов, 2019, *722*]). Таким образом, *работать в горе* — ‘разрабатывать коренные горные породы’ [ЛТЭК].

Горщики (в отличие от горняков — профессиональных работников горной промышленности) не имели специальной подготовки, знания приобретались опытным путем и часто передавались из поколения в поколение, отсюда знаменитые династии горщиков: Зверевых, Южаковых, Китаевых. Тяжела была работа по добыче самоцветных камней, трудно было предугадать результат: приведет ли жила к гнезду с самоцветами или обманет. Безусловно, необходимы были знания, чутье, но и это не гарантировало удачу, во многом от случая, или фарта[1], зависел успех горных работ.

Менталитет горщика отличался от менталитета крестьянина: «Если в соседних деревнях и селах идеалом считался работящий крестьянин <…> который своим тяжелым трудом наживает небольшой, но надежный достаток, а тех, кто ждет журавля в небе не уважали и порицали <…> то для жителей сел и деревень страны Самоцветов было характерно особое “фартовое” сознание. Сотни крестьян после осенних работ на земле, которые, словно синица в руке, несли надежный, но невысокий доход, устремлялись в леса на старательские работы в поисках своего “журавля в небе” — дорогих каменьев, враз способных обогатить. <…>

[1] «Фарт — очень употребительное на Урале и частично в Сибири слово, означающее случай, удачу, фортуну» [Ферсман, 1960, *70*].

Удачливый старатель, или “фартовщик”, становился героем целой округи: “Раздайся, народ, фартовщик идет” — слова из местной песни» [Рычков, 2013, *39–40*].

У горщиков сложился свой язык (местные наименования минералов), своя топонимическая система (названия копей, карьеров, жил) и свой фольклор, до сих пор практически не изученный.

В центре данного исследования — топонимические предания горщиков. Материалом послужили полевые записи разных времен: предания, записанные в 1930-е гг. и представленные в сборнике Е. М. Блиновой «Тайные сказы рабочих Урала» [Блинова, 1941]; предания, записанные фольклорной экспедицией Уральского университета в 1970–1980-е гг. и опубликованные в сборнике «Предания и легенды Урала» [ПЛУ]; предания, записанные Топонимической экспедицией УрФУ в 2020–2021 гг. и извлеченные из картотеки «Лексика, топонимия, этнография камня», хранящейся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета [ЛТЭК]. Привлекались художественные произведения, написанные горщиками [Артемьев, 2012; Маковецкий, 2013] или основанные на рассказах горщиков [Власова, 1961] и содержащие предания.

Известно, что предания — это устные рассказы, претендующие на исторически верное изображение действительности. В. К. Соколова справедливо замечает, что предания могли возникать посредством обобщения и типизации действительных фактов. «Это всегда рассказ о сравнительно недавних событиях, современниками и свидетелями которых были если не сами рассказчики, то их отцы и деды» [Соколова, 1970, *257*]. Это суждение подтверждается нашими материалами. Предания уральских горщиков рождались из баек и рассказов, передаваемых очевидцами или со слов очевидцев. Они вырастали из реальной практики горщиков, характеризуя их быт и мировоззрение. «Повторяясь, воспоминания отливались в устойчивую форму и отрывались от своего рассказчика, становились преданием в полном смысле этого слова и дополнялись традиционными мотивами» [Там же, *258*].

Термин *топонимическое предание* определяют по-разному; в рамках нашего исследования мы вслед за Е. Л. Березович, В. С. Кучко и О. Д. Суриковой понимаем его как текст, который обнаруживает связь своей мотивной структуры с мотивировкой какого-либо географического названия [Березович и др., 2015, *109*]. Основное назначение топонимического предания — объяснить происхождение топонима.

Термин *мотив* в традиционном понимании — это структурная формула, организующая сюжет, в которой должны присутствовать субъект, объект и связывающее их действие [Швабауэр, 2002, *184*]. Структурные элементы мотива уточняются (не только действие субъекта, но и его состояние) и расширяются (к основным добавляются обстоятельства действия) [Грибанова, 2006, *7*; Криничная, 1987, *19*]. Среди прочих фольклористы выделяют топонимический мотив,

который определяет структуру топонимического предания: «В топонимических преданиях сюжетообразующую роль имеет топонимический мотив: он является отправной точкой в развитии сюжета, им открывается либо завершается произведение» [Грибанова, 2006, *9*; Пешина, 2018, *72*]. Под *топонимическим мотивом* понимается мотив, объясняющий названия географических объектов [Грибанова, 2006, *7*]. Топонимический мотив может быть представлен в структуре предания в чистом виде, вне связи с другими мотивами. Текст «Старцевскую копь заложил Старцев, в ней огромный берилл был найден, о нем все журналы писали» (Кайгородское) [ЛТЭК] уже может считаться топонимическим преданием, так как он содержит топонимический мотив: Старцев (субъект) заложил (действие) копь (объект), которую назвали *Старцевская* (раскрыто происхождение топонима). На наш взгляд, такие краткие тексты лучше отделять от полноценных преданий и называть *топонимическими нарративами*, содержащими мотивацию топонима.

Однако часто топонимический мотив выступает в тесной связке с другими мотивами. Так, в предании про копь *Сарафанницу* топонимический мотив совмещен с устойчивым мотивом случайной находки самоцветов: «Проезжали повозки, дожди размыли колею, и в рубчике от колес телеги девушка увидела камушки. Это были аметисты. Она их собрала и в сарафане принесла, а там копь заложили — *Сарафанницу*» (Мурзинка) [ЛТЭК]. Таким образом, топонимическим преданием может быть назван фольклорный текст, в котором хотя бы один мотив связан с мотивировкой географического названия.

Лингвистов топонимические предания интересуют прежде всего как источник выявления внутренней формы топонима и его мотивации. Известно, что в предании не всегда содержится истинная мотивация. Предание о месторождении аметистов *Ватиха* гласит, что первым на это место наткнулся дряхлый старик, настолько седой и белый, что вся округа иначе как *Ватой* его не называла, поэтому гору назвали *Ватихой* [ЛТЭК]. На самом деле месторождение названо по фамилии горщика из д. Сизикова Ивана *Ватина* [Соловьев, 1969, *39*]. В подобных случаях лингвисты говорят о ложной мотивации или фольклорной ремотивации топонима [Березович, 2000, *429*]. Как правило, обращение к историческим данным и комплексный этнолингвистический анализ позволяют установить истинность или ложность мотивации топонима, изложенной в предании.

Перейдем к анализу материала.

Предания об открывателях и разработчиках месторождений

Одна из самых многочисленных групп топонимических преданий и нарративов — тексты, в которых географическое название производится от имени первооткрывателя или разработчика копи / месторождения. На протяжении всей истории добычи самоцветов наряду с государственными разработками существовали частные, которые чаще всего именовались по имени владельца: «Есть *Артемьевская яма*

за Кайгородкой. Там Артемьев работал, завалило его. Раньше ведь без крепи работали, без опалубки. На гнилой веревке на глубину спускались. Часто заваливало. Рискованные были люди» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Першина яма* — на аквамарин. Мой прадед, Першин Николай, ее заложил» (Черемисское) [ЛТЭК].

Благодаря топонимическим нарративам удалось выявить особенности мотивации некоторых гидронимов на территории Самоцветной полосы. Если в других регионах небольшие речки именовались по именам владельцев покосов на берегах, на Среднем Урале гидрообъекты могли называть по именам первооткрывателей россыпей самоцветов в руслах речек и ручьев: «Дальше речка *Ивановка* есть. Там Иван тоже открыл какие-то камушки. Он открыл для себя, вот *Ивановкой* и назвали. Дальше-то идет *Софьин Лог*. Раньше артели были, и в этой артели была женщина Софья. И эта Софья была удачливая. И вот она в ложке тоже нашла какие-то камушки» (Колташи) [ЛТЭК].

Иногда в предании (нарративе) указывается на коллектив владельцев / открывателей / разработчиков месторождения: «Рыл я, где *Французские отвалы*. Там концессия была французская до революции» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Семейные копи* после Великой Отечественной войны разрабатывались семьей казахов, живших в соседнем населенном пункте — Бокситах» (Реж) [ЛТЭК].

В ряде случаев топонимы, изначально мотивированные указанием на первооткрывателя, подвергаются ремотивации — ср. описанный выше случай с месторождением *Ватиха* или следующий пример. Известный на Урале горщик и писатель И. И. Артемьев упоминает в рассказе «Клад» предание, услышанное от местных жителей: «Реж перебредешь, тут тебе и знаменитые турмалиновые копи *Мора*. У шайтанских я спрашивал: почему копи так нарекли? А они мне в ответ: сколь народу заморили-то в яме, с этого и зовется; хотя названа она по фамилии горного начальника Мора» [Артемьев, 2012, *133*]. Действительно, установлено, что копи названы по фамилии директора Екатеринбургской гранильной фабрики Якоба Мора, который вел работы на копях в 1810–1812 гг. Вот что писал об этом А. Е. Ферсман: «Яма австрийского минералога Мора, командира гранильной фабрики, снабдившая <…> в 1810–1812 гг. все музеи Запада редкими штуфами турмалинов» [Ферсман, 1960, *76*]. Местные жители не помнят, кто такой Мор, поэтому топоним осознается как производный от глагола *заморить*.

Предания с мотивами «чудь добывает полезные ископаемые» и «чудь хоронит свои сокровища»

Горщики в поисках месторождений нередко натыкались на старые, заброшенные копи. Самоцветные копи назывались *дедовскими*[2], копи, в которых добывали

[2] *Дедовские копи* — общее название старых, заброшенных самоцветных копей [ЛТЭК]. *Дедами* горщики называют своих предшественников: разведчиков и добытчиков самоцветов XVIII–XIX вв.

руду, — *чудскими*. По уральским преданиям, эти копи принадлежали аборигенам края, обитавшим здесь до прихода русских, — *чуди*. Предания о чуди распространены на Русском Севере, Урале, в Сибири [см. подробнее: Березович, 2012, *560–562*]. Уральская чудь занималась добычей полезных ископаемых и плавила руду. Так, в предании о начале города Полевского сообщается: «…раньше на этом месте жила чудь — нехристи, они занимались плавкой руды и вырыли рудокопные ямы» [ПЛУ, *36*]. Это подтверждается историческими данными: «Гумешевское месторождение <у г. Полевского> разрабатывалось в незапамятные еще времена, незапамятным же и загадочным народом, который русские называют чудью, или чудаками. Народ этот, не умевший обрабатывать железные руды, деятельно занимался добыванием меди и серебра; многие из богатых рудников на Алтае и на Урале найдены были по следам чудских работ — по так называемым чудским копям» [Чупин, 1873, *27*].

Уральские предания рассказывают о несметных подземных богатствах чуди. Традиционный мотив о самопогребении изменяется: услышав, что придут *белые люди*, *чудаки* хоронят не себя, а свои сокровища (добываемые металлы, самоцветы), сами же уходят в другие края. «Переосмысление осуществлено на реальной жизненной основе: чаще всего открытие металлов — золота, меди, серебра — происходило в местах древних разработок, по следам деятельности неизвестных (“старых”) рудокопов» [Лазарев, 1970, *51*].

Изначально *чудская копь* — имя нарицательное, в таком статусе употребляется и сегодня: «*Чудских копей* много по Уралу: в районе Сысерти, Полевского и на Южном Урале. Когда начали Урал осваивать, Татищев и де Генин издали указ: искать чудские копи. По ним и находили руду. На Гумёшках *чудская копь* была, там чудь медь добывала, но и малахита много было. Чудь малахит тоже плавила, как и руду. Когда копь вскрыли, нашли орудия их труда» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Однако на сегодняшний день таких копей осталось немного, они уникальны, и их обозначения могут иметь статус имени собственного, например *Чудская копь* в окрестностях г. Пласт (Пластовский р-н Челябинской обл.).

В окрестностях г. Полевской Свердловской области зафиксировано название копи *Яма Чуди белоглазой*: «За Полевским, в районе речки Зюзелки, ближе к Дегтярке есть *Яма Чуди белоглазой*. Там чудь добывала сернистое железо. А белоглазая — потому что были они со светлыми глазами, видимо, предки финских племен. Сейчас эта яма заброшена, но мы в ней копались» (Кайгородское) [ЛТЭК], ср.: «Раньше здесь — давно это было — жили разные народности. У нас еще сохранилась поговорка: *Чудь белоглазая, чудь белобрысая* — это так называли местных жителей пришлые люди» [ПЛУ, *42*].

Еще одно название древнего населения Урала — *стары люди*, это наименование встречается в районе Полевского и Сысерти Свердловской области и на Южном Урале. Предания о *Гумёшевском медном руднике*, основанном еще *старыми людьми*, слышал П. П. Бажов на Полевском заводе: «Гумёшки-то нам от *старых*

людей достались. Только, конечно, шахты никакой не били, сверху брали, не как в нонешнее время» [Бажов, 2019, *10*]. С приходом русских они захоронили свое богатство: «Тогда *стары люди* запрятали золото в Азов-гору, медь в Гумёшки вбухали и место утоптали, как гумно сделали»[3] [Там же, *738–739*], а сами ушли: «*Старые люди* давно здесь жили, в пещере на Азов-горе. Потом ушли на юг, но каждое лето сюда возвращались, чтобы посетить свои места родовые и за рудой. Тогда еще все их ходы подземные были открыты» (Полевской) [ЛТЭК].

В топонимическом предании про *Копань-гору*[4] *старые люди* добывали самоцветы: «Так слушайте сказ про Копань-гору и ее клады. В старое далекое время здесь, в этих местах, жили *старые люди*. Охотничали да самоцветы добывали они. Проезжим купцам их продавали. Несметные богатства смарагдов — теперь они изумрудами зовутся — лежали в Копань-горе. Ишь, она вся изрыта — оттого и Копань-горой зовется. Прослышали про эти камни царские воеводы и решили не только Копань-горой завладеть, но и всей землей в округе. Напали воеводы с войском на здешних людей. Многих перебили, многие сами ушли — бежали в горы, в степь. А как завладели царские воеводы Копань-горой, так тут же дали приказание слугам — рыть гору. Самоцветы искать. Искали, копались и снова искали изумруды царские слуги, но ни единого камешка не нашли. Будто все самоцветы старые люди с собой унесли или так спрятали, чтоб никто найти не смог» [Власова, 1961, *99–100*]. Авторы [СРГСУ, 2, *47*] приводят для слова *ко́пань* общее значение ‘канава, яма, небольшой котлован’ (Верхняя Тавда), однако благодаря приведенному контексту значение можно уточнить: ‘открытая горная выработка, копь’, ср.: «Монахи давно открыли в горах железную и медную руду по чудским копаням» <Мамин-Сибиряк. Охонины брови> [Там же, *47*].

Предания с мотивом «недающегося» клада

Во многих уральских преданиях отражен мотив «недающегося» клада, причем под кладом часто понимаются богатства земных недр. Он намечен в приводившемся выше предании про Копань-гору: царские люди искали самоцветы, но «ни единого камешка не нашли».

---

[3] В топонимическом предании о Гумёшках, несмотря на мифологический мотив, верно прослеживается связь со словом *гумно.* Ср. в диалектах: влг. *гуме́нце* ‘место, где тетерева собираются на ток’, арх. *гумёшко* ‘вытоптанное до голой земли место для ловли птиц силками’, ‘небольшая поляна, на которую во время ночевки в лесу пускают пастись лошадей’ [СРНГ, 7, *229*]. Эти данные позволяют считать наиболее общим значением для диалектных слов *гуме́нце*, *гумёшко* ‘открытое место, поляна’. Все эти слова образованы от *гумно* ‘место, где молотят хлеб’, для которого ученые восстанавливают первичное значение ‘место, где скотина мнет скошенный хлеб’, т. е. опять-таки ‘открытое, чистое, вытоптанное место’» [Матвеев, 2008, *75*]. Гумёшевский медный рудник действительно заложен на открытом, чистом месте.

[4] Сегодня гора называется *Копаная*, она находится в Сысертском районе Свердловской области.

Любопытно предание о *Лысой горе* близ Нижнего Тагила: «*Лысая* — она особенная гора. Стоит она, сверху дерном, будто шалью, накрылась. Из боков, как из рваной шапки ветошь, простецкий камень серяк выпирает. <…> Для отвода глаз бедной сиротинкой прикинулась. На самом деле Лысая хранит в себе несметное богатство. <…> Но Лысую-то ни с которого бока трогать нельзя. Недотрога она. Приступи только, разрежь, как из горы сразу же могутная подземная вода хлынет, и никак с ней не сладить. Устремится она, поднимет пруд и зальет весь поселок» [Гора-недотрога, *3*]. Мотив хлынувшей из горы воды имеет реальную основу: часто копи затоплялись грунтовыми водами, что не давало возможности работать. Вероятно, ту же мотивацию имеет название копи *Недотрога* в Челябинской области, близ озера Синара.

Этот мотив встречается и в преданиях об *Азов-горе*: в пещере живет девка Азовка, которая охраняет самоцветы и золото, надо знать особое «заговоренное слово», чтобы пещера с кладом открылась, однако слово никто не угадывал и клад оставался недосягаем: «Азов-то гора непростая. Богатства в ней много, да достать-то его трудно. <…> Многие хотели богатство достать, да не умели. Было здесь имечко заклянено, кто его назовет — тому гора откроется. Угадать надо было имечко это. Тогда было бы счастье. А имечко… девки Азовки имечко было. Это ее люди девкой-то Азовкой прозвали» [ПЛУ, *69*]. Сюжетообразующим здесь является мотив заговоренного клада, но из повествования становится понятно, что название горы связано с именем *девки Азовки*. Ср.: «Говорили раньше старые люди, что гора называется *Азов*, потому что живет на ней в глубокой пещере *девка Азовка*» [Там же, *72*]. В преданиях отражена народная ремотивация топонима, научная же этимология такова: *Азов* — метафорический перенос башк.-тат. *азау* ‘коренной зуб’ [Матвеев, 2008, *10*] (вершина горы увенчана скалой, напоминающей коренной зуб). Эту версию подтверждает форма *Азав*, зафиксированная П. С. Палласом [1786, *187*].

Предания о плаче заточенной в гору Азовки [см.: ПЛУ, *70*] породили новый топоним: у подножья Азов-горы есть родник, который местные жители и туристы называют *Азовкины слёзы* (Полевской) [ЛТЭК]. Перед нами замечательный пример того, что топонимы могут возникать как «реакция» на устойчивые предания и «провоцироваться» устойчивыми мотивами (превращение слез девушек в воду).

Предания с мотивом неудачной разработки месторождения

Мотив «недающегося» клада конкретизируется применительно к жизненной практике горщиков и перерастает в мотив неудачной разработки месторождения: горщики долго и упорно работали, но не смогли добраться до *занорыша* — гнезда с самоцветами. О такой работе рассказывают старики-горщики Семенин и Краснояров в предании о горе *Поцелуихе*: «Пришла к горе артель горщиков. Стали рыть землю. Видят, идет жила. Старики рады. Деревянной колотушкой вгоняют

они в землю деревянные клинья. Откалывают горную породу. Деревянными совочками выгребают. Работают день. Два. Неделю. Медленно подвигается дело. Но жила лежит путеводной нитью. Старики не теряют ее. А работать становится трудней: порода чем дальше, тем крепче. Вот наконец появляются уже “щетки” (так называют горщики и теперь небольшие друзы самоцветов). Значит, сейчас дойдут до гнезда. А порода крепчает с каждым вершком. Опытный глаз стариков видит, что залежи самоцвета буквально в одном вершке. Старики отбросили клинья. Хворосту натаскали. Костер разожгли, греют камень. Накаляют его. Потом холодной водой заливают, чтобы лопался. Трещит, а ничего не выходит. Крепка порода. Даже огню не поддается. Сколько старики ни мучились, так и не смогли добраться. Вот уж подлинно: видит око, да зуб неймет!.. Так и ушли. Увидели, поцеловали, да и ушли, с чем пришли. Оттого-то гора и называется *Поцелуиха*» [Блинова, 1941, *104*].

На мотивацию топонима, отраженную в предании, повлияли идиомы прост. *поцеловать пробой* ‘придя к кому-либо, не застать его дома’ [Федоров, 2008, *514*], перм. *поцеловать замок* ‘не суметь попасть внутрь чего-н.’ [Акчим, 18, *105*]. Однако истинная мотивация топонима иная. Рядом с копью Поцелуиха находится одноименная *редка* (свердл. *ре́дка* ‘редкий невысокий лесок’ [СРНГ, 35, *18*]) — *Поцелуиха*. В номинативном комплексе «лесок — копь» первично наименование леса, который служил местом встреч влюбленных (ср. номинативные параллели на Русском Севере: покос *Поцелуиха*, лес *Поцелуйница* и др.).

Мотив неудачной разработки отражен и в других номинациях и посвященных им топонимических нарративах: «*Копь Голодная* — ну, тут понятно, камень редко шел, можно деньги все прожить и голодным остаться, значит, не часто самоцветы попадались» [Артемьев, 2012, *193*] (ср.: *голодная* ‘о жиле, изначально непродуктивной’ (Кайгородское) [ЛТЭК]); «*Яма Голодная* — бывает, рылись, рылись, ничего не нарыли, деньги забу́хали и с голоду опухли» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Копь Дурманница* — горщик думал, что аметисты найдет, а оказались только дурмашки[5]» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Копи *Обманщица и Обманка* обманули ожидания горщиков — многообещающие жилы привели к занорышу без самоцветов: «Надеялись, надеялись что-то найти, а она обманула. Вот и *Обманка*. Бывало, полгода ро́бят-ро́бят, а ничего нет!» (Кайгородское) [ЛТЭК].

Предания с мотивом случайной находки, везения, фарта

Мотив случайной находки закономерен для сознания горщика, ведь именно от случая, удачи, фарта зависел во многом успех горных работ: выведет ли жила к большому занорышу с самоцветами — или труд окажется напрасным, а вложенные деньги пропадут.

[5] *Дурмашки* ‘кристаллы горного хрусталя низкого качества’ (Кайгородское) [ЛТЭК].

Многочисленны предания горщиков, в которых встречается мотив случайной находки самоцветов в своем огороде, погребе, в поле после вспашки, в размытой колее. Приведем некоторые топонимические предания и нарративы, содержащие мотивацию топонимов: «*Министерские Ямы* девушка одна открыла: после ливня в промоине камушки увидела. Но эту копь богатую быстро к рукам прибрали, министерство лапу наложило. Поставили управляющего от министерства, вот и назвали *Министерские ямы*» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «*Копи Мора* нашли братья Кузнецовы случайно. Они просеку делали — увидели дерево вывернутое, а в корнях два камушка — турмалины. Начали рыться и нашли жилу. Потом в честь голландца, маркшейдера Мора, назвали» (Черемисское) [ЛТЭК]; «*Волчьи ямы*. Это, опять же, так копь называется. Недалеко от Нейвы на пригорке волки нору вырыли. И вместе с землей аметисты из земли выкинули» [Артемьев, 2012, *194*]; «*Копь Халявка* появилась случайно: в конце 1990-х годов грибники наткнулись на упавшую березу, а в ее корнях сверкали аметисты. Хорошую жилу березка показала, с тех пор “на халяву” там добыли немало аметистов» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Названия копей *Неожиданная*, *Нежданная* также говорят о случайном открытии месторождений: «*Неожиданную копь* нашли случайно. Работали на поле, сели отдыхать — а там промоина. Стали раскапывать и камни нашли» (Октябрьское) [ЛТЭК].

Горщики отмечают, что случайные находки — для людей бескорыстных, не алчущих: «Камень дается светлому человеку. Человек идет в лес, радуется, и камень ему открывается. Некоторые ходили за камнями и хотели разбогатеть. Кто хотел разбогатеть — камней не находил. Могли пройти мимо и не увидеть камень. Если у вас черные мысли, хотите разбогатеть — ничего не найдете» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Иногда люди, случайно нашедшие самоцветы, предстают в предании блаженными, не понимающими ценность камней. «А еще говорили мужики, что есть такие люди, ну вроде как Богом меченные, правда, они больше на юродивых похожи, вот им-то и жилы попадались с лучшими камнями, и зря они не работали, а попадали сразу в занорыш. Да только никто из них богатым не становился. Они с радостью делились со всеми, и богатство уходило мимо, как вода просачивалась меж пальцами. А их все одно называли счастливчиками» [Артемьев, 2012, *216*].

По мнению горщиков, везет также детям и пьяницам, так как они бескорыстны: «Детям больше на камни везет, глаз у них не привык к камням. У Галанина мы водили группу — все прошли, а мальчик топазик нашел» (Октябрьское) [ЛТЭК]; «Он, может, пьяница последний, но с чистой душой, бескорыстный — и ему с камнями повезет» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Этот мотив отражен в нарративах о копи *Похмельная*: «Старики говорили, что мужик с похмелья эту копь обнаружил» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «Работали мужики в “Уралгеологии”. Ну, напились как-то. А им надо было копать шурф в заданной точке. Так они в заданной не смогли, не дошли до нее. Спрятались

в тенечке, начали там яму копать — ну а там аметисты. Вот и назвали *Похмельная*» (Екатеринбург) [ЛТЭК].

Один из вариантов мотива случайной находки — «камень из-под копыта животного»: бык / корова выбивают самоцветы копытом. Таковы предания про копь *Бык*: «Говорят, есть в этом районе копи *Бык*? — поинтересовался я, — почему так назвали? — Как почему? по имени первооткрывателя. Бык первый нашел это месторождение. Сошлись, говорят, два быка, скрестили рога. Один из них, осердясь, ударил копытом об землю — разлетелись самоцветы»[6] [Саримов, 1975, *37*]. Отметим, что в данном случае без «аккомпанемента» предания предположить мотивировку топонима невозможно.

Мотивируется подобным образом название копи *Подкопытница*: «…это коровы камень копытами выбили» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Возможно, названия копей *Конское Копыто* / *Копыто* и *Конь* образованы в рамках этой же модели. Ср. уральские предания об огненном коне, который указывает на клад [ПЛУ, *117–118*]. Этот мотив нашел отражение в известном сказе П. П. Бажова «Серебряное копытце»: «Тот козел особенный. У него на правой передней ноге серебряное копытце. В каком месте топнет этим копытцем, там и появится дорогой камень. Раз топнет — один камень, два топнет — два камня, а где ножкой бить станет — там груда дорогих камней» [Бажов, 2019, *114–115*].

Предания о появлении самоцветов из-под копыт животных имеют вполне реальную основу: это возможно при поверхностном залегании месторождения. Так рассказы о действительных событиях, повторяясь, становятся преданиями, оформляются с использованием известных мотивов — ср. ситуацию на Русском Севере, где встречается родственный, но более древний мотив: целебные источники, появляющиеся из-под копыт животных [Березович, 2007, *67*].

Предания с мотивом вещего сна

Один из распространенных мотивов преданий горщиков — мотив вещего сна. Во сне они видят знакомое место, где начинают копать яму и находят продуктивную жилу или занорыш с самоцветами. Увиденное сбывается наяву. Приведем некоторые из таких преданий: «Вот будто здесь же, в Баженовском районе, случилась такая история. Один старатель по камню спит и видит сон: спустился он в выработанную шахту и нашел богатейшие александриты. Проснулся старатель и попал в эту шахту. И действительно, после того как выбросил несколько лопат породы, попались ему александриты: чаша, а на ней кругом кристаллы. Много тысяч рублей получил за эти кристаллы старатель» [Блинова, 1941, *131*]; «На Верхнем Тальяне робили. У них глубина шахты была 12 метров. Ничего не попадало,

[6] Р. Саримов передает свою беседу с известным горщиком И. И. Зверевым, внуком Данилы Зверева.

артель вся разбилась, а потом Василий Никонович и говорит Никону: “Пойдем, Никонка, на Тальян, я сон хороший видел”. Пошли на Тальян и нашли занорыш аметистов. Когда потом разложили на столе, то они как огонь горят» [ПЛУ, *105*].

Мотив вещего сна древний и универсальный: он встречается, например, в мифологии немецких горняков [Швабауэр, 2002, *229*]; бесконечное множество устных фантастических рассказов о том, как сон помог старателю найти самородок, бытовало на старых приисках Башкирии [Ахметшин, 2017, *186*] и т. д.

Среди преданий с мотивом вещего сна встречаются и топонимические: «А копь *Под ельником* свою историю имеет: горщик рыл, рыл — ну не везёт, и всё тут, хоть волком вой. И приснился ему сон, что в знакомом месте под ельником аметистов груда. Утром встал, пошел, нашел. Правда или нет, но мне так старики говорили» [Артемьев, 2012, *193*].

Предания с мотивом нарушения запрета

При работе на копи существовал определенный поведенческий этикет, на некоторые действия накладывались запреты: так, во время работы нельзя свистеть, ругаться, нельзя прерывать работу, если камень «идет», иначе удача отвернется. Определенные правила и обычаи регулировали отношения с потусторонними силами — Хозяйкой или Хозяином гор. Горщики старались их не нарушать, иначе тут же последует наказание, о чем говорится в многочисленных байках: «О том, как кто-то вдруг жилу изубожит или вообще в сторону уводит, и, сколь ни рой, ничего больше не попадет, а все лишь потому, что, перед тем как спуститься в копь, в баню не сходил или нехорошим словом в яме выругался. Или о том, как кто-то незримый в яме-то следит за тобой, и ежели ты обжулил кого или жаден без меры, то и обрушить мог на тебя породу или залить водой, а потом, сколь ни откачивай, век не откачаешь» [Артемьев, 2012, *203*].

Запреты морально-этического плана регулировали взаимоотношения горщиков друг с другом: нельзя брать чужое, воровать, обманывать тех, кто работает рядом. Когда горщик уходил домой, ставил на копь елку. Говорили: *копь заёлена* — значит, занята (Екатеринбург) [ЛТЭК]. «Горщики знали: если возьмешь камни с чужой копи — случится дома несчастье» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Один из запретов — нельзя рассказывать про свои находки, иначе фарт уйдет: «Когда идешь с копи домой, никто не говорит, кто что нашел, чтобы не сглазили. Скажешь: “Не фартануло!” — и все» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Однако иногда такой запрет осмысливается философски: «Горщики считают, что их камни зовут. Камень вас позвал, душу открыл, а вы другому рассказали. Нельзя предавать камень, нельзя рассказывать, где камень нашел» (Мурзинка) [ЛТЭК].

Нарушение запрета может привести к более печальным последствиям, что отражено в топонимическом предании о копи *Вдовья*: «Есть копь у Сизикова, один сизиковский мужик нашел там аметисты, начал яму копать. Но началась

Великая Отечественная война, он на фронт ушел. Сказал про копь дочерям, что они могут копать и камушки продавать, если трудно будет. Но никому про копь говорить нельзя. Ну они и ковыряли камни, шикарные были аметисты. Потом одна вышла замуж и рассказала мужу про копь. Тот и умер, а копь стали называть *Вдовья*» (Кайгородское) [ЛТЭК]. Есть копь *Вдовьи ямы* у г. Асбеста. Возможно, они разрабатывалась вдовами: бывало, что после смерти мужа дело продолжала его вдова. Однако в лексике горщиков *вдова* — ‘шурф, в котором не работают’, ‘заброшенная копь’, ‘непродуктивное месторождение’ (ср.: «Раньше копали по многу лет. Копают, копают, скажут: “Ну, вдова чёртова, ничего не нашли”, — и бросали шахту» (Черемисское) [ЛТЭК]), поэтому не исключено, что *Вдовьими* называли бедные, оставленные копи.

Предания с мотивом наказания за жадность

Примыкает к предыдущему мотив наказания за жадность. В преданиях горщиков везет бескорыстным людям, а жадные всегда бывают наказаны: добытые самоцветы исчезают или приносят горе. Если добыча сопряжена с обманом, то наказание более суровое: горщик заболевает или лишается ума. Приведем предание про жадность и обман: «У одного мужика отец был горщик и показал ему как-то место, где камни можно добывать. Вот он и вспомнил, что там-то хороший занорыш. Ну, позвал мужиков, они пошли и поробили. Вот он чувствует, что скоро будет занорыш. Думает: зачем я буду делиться? И говорит мужикам: бросаем работу, не будет камня! А у этого мужика жена все зудела: ты голытьба, ничего у нас нет. И очень шубу хотела. Вот он и говорит жене: занорыш там, но ты должна помочь, надо на вороте стоять. И вот они тайно ночью работали, а камни в подпол прятали. Самые хорошие камни он хотел в Мюнхене продать. Другие камни здесь продали, а жена на эти деньги шубу купила. Мужики увидели, что у него деньги появились, и заподозрили в обмане. Вот он как-то возвращается из поездки домой и видит, что в его стороне что-то горит. Подходит, а это его дом! А в подвале-то камни самые главные, так и сгорели. У него крыша и поехала, дурачком стал. Ходит и все про Мюнхен говорит» (Кайгородское) [ЛТЭК].

Развернутое топонимическое предание про *Серафимову копь* встречаем в рассказе И. И. Артемьева. Горщику Серафиму снится сон, в котором некий дед указывает ему на месторождение аметистов. Серафим действительно находит это место и россыпь аметистов, но берет только один кристалл и дарит соседу, рассказывая о месторождении: «Собери мужиков, там на всех хватит, а найдете по зарубкам, я их много наделал. Только не жадничай, один не найдешь, всех бери, кому хочется» [Артемьев, 2012, *202*]. Мужики не поделили самоцветы на копи, разразилась страшная гроза. «Только гроза разом кончилась, мужики подбегают к яме, а она вся в воде, и аметисты все в трещинах, бледные, куда такие, только в собак кидать. С тех пор яму эту кличут *Серафимовой*» [Там же, *203*].

За корыстные интересы наказан и герой предания «Егоркина горка». Егорка из Шайтанки «пьяница был беспробудный, но вот странность: везло ему по каменному делу отчаянно. То под выворотнем с аметистами проснется, то в копь провалится с недобранным занорышем, то еще какая оказия случится» [Маковецкий, 2013, *46*]. Камни же он не продавал, а отдавал просто так. Как только у Егорки появляется корысть, он не может выйти вторично к уже найденной богатой жиле: «А место то до сих пор не нашли. Загодя только *Егоркиной горкой* прозвали. Между копями Мора и рекой оно, точно так. Только глаз нужен ясный и мысли легкие, голодные, какие у Егора поначалу были» [Там же, *51*]. Больше Егорка не брал в руки кайла, а перед смертью «неделю бредил, говорил, что продал он и камни свои, и друзей, и Хозяйку…» [Там же]. Последняя фраза позволяет предположить, что герой наказан Хозяйкой горы. До сих пор старожилы рассказывают о Хозяине или Хозяйке (чаще) земных недр, хотя для большинства информантов сегодня это не конкретные персонажи, а некая природная сила, хранящая земные богатства, которая может подарить прекрасный самоцвет, а может и отвернуться от человека. Именно эта сила наказывает за жадность и открывает месторождения бескорыстным людям.

Мотив наказания за жадность часто встречается в преданиях о рукотворных кладах, в которых «клад рассматривается не только как реальное богатство или мифологическое явление, но и как инструмент соблазнения человека дьяволом» [Котельникова, 2015, *82*]. В преданиях горщиков отсутствует мотив намеренного соблазнения богатством — подобные предания служат скорее регулятором отношений между горщиками.

Предания с мотивом продажи и перепродажи камней

Предание с мотивом продажи и перепродажи камней приводит Д. Н. Мамин-Сибиряк в очерке «Самоцветы»: «Видите ли, как было дело. Шереметьев или Строганов, не помню хорошенько, в сороковых годах послал своего дворецкого на Урал, именно в Мурзинку, чтобы купить здесь камней на месте. Дворецкий отправился и прожил в Мурзинке целое лето. Ну, известно, летняя пора, народ весь в поле… Вот однажды дворецкий захотел напиться холодного квасу и полез в погреб. Только смотрит он, а на кадушке с грибами или с капустой лежит гнёт, т. е. камень, и камень совсем правильный, призмой. Дворецкий-то был со свечой и присмотрел камень к огню: просвечивает камень. Захватил он камень с собой и говорит хозяйке, когда приехали с поля, чтобы та продала ему камень. Ну, конечно, баба глупая, ничего не понимает — рада, что двугривенный получила. Поехал дворецкий в Петербург с камнями, а на дороге, как на грех, встречает какого-то англичанина, который ехал в Мурзинку, тоже за камнями. Разговорились: то-сё… Дворецкий показывает свои камни, англичанин смотрит, а потом и говорит: “Продайте вот этот”. Это он насчёт бабьего гнёта. И сразу, понимаете,

синенькую в зубы дворецкому. Ну, тот сообразил, что за двугривенный выгодно получить синенькую, и отдал, а англичанин-то продал в Англии камень за 10 тысяч рубликов. Оказался прекраснейший берилл густого кровяного цвета, длиной в 8 дюймов и шириной в 4 дюйма — он был в кожухе, ну, настоящего-то цвета и не видно. Потом уж этот берилл попал в Вену за 50 тысяч рублей» [Мамин-Сибиряк, 2013, *269*].

Мотив продажи камней нашел отражение в многочисленных названиях копей: *Двухсотенная*, *Трехсотенная*, *Сторублевка*, *Тридцатирублевка*, *Тысячница.* Вот как объяснял такие топонимы известный горщик И. И. Зверев, внук Данилы Зверева: «Есть еще копи *Трехсотенная*. Там старатель взял камней на триста рублей. — Мало вроде… — Тогда и триста рублей большие деньги были. Но есть и *Тысячница*. Там старатели камней добыли на всю тыщу...» [Саримов, 1975, *37*].

По свидетельству Д. Н. Мамина-Сибиряка, расчет производился прямо у ямы, за бесценок, так как в деревнях скупщики брали самоцветы еще дешевле: «Артелка в яме руководствует, а Якунька или Пронька, например, сидят вот этаким манером на борту и покупают камень… Всё форменно. Нашли гнездо амаститов, сейчас Пронька: “Выставляю полведра”, а ежели один камень — полштоф, два полштофа. У каждого камня по росту и цена своя…» [Мамин-Сибиряк, 2013, *269*]. *Полштоф* — своеобразная мера расчета, равная 45 копейкам; ср. название копи *Штофница* и объяснение информанта: «Значит, на этой копи можно было добыть камень в таком количестве, какое позволяло обменять у скупщика на необходимый душе объем жидкости — *штоф*» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Рядом с *Штофницей* находится копь *Полуторница*, и это позволяет предположить, что камни из нее были проданы за полтора штофа. Вероятно, сразу же после расчета копи присваивалось соответствующее название.

Предания с мотивом удивительного богатства месторождений

Этот мотив встречается во многих преданиях, но не является при этом сюжетообразующим, а относится к числу статических мотивов[7]. В преданиях горщиков восхваляется количество и качество минералов: «Как говорили мужики, за деревней Сизиковой в ямах столько добывали аметистов, что могли купить всю Сизикову вместе с жителями» (Кайгородское) [ЛТЭК]; «В бочке этой (в занорыше. — *Е. И.*) шерлы, так туго набито, что не знаешь, куда ломок засунуть, кое-как засунешь… Ох, и камня что этого раньше было! Прямо тарелками, шапками продавали» [ПЛУ, *105*]. Упоминается удивительная величина самоцветов: «Деды

[7] Принято различать мотивы динамические и статические [Швабауэр, 2002, *177*]. Динамические мотивы «передают движение повествования или описания», «заключают в себе зерно дальнейшего развития и часто — конфликтное начало» [Путилов, 1994, *179*]. Под статическими мотивами обычно понимаются «эмоциональные и интеллектуальные реакции персонажей, описания атрибутов, мест, внешнего облика, этикетные аспекты» [Там же, *178*].

наши тут такие камни добывали, что нам, нынешним, и не снилось… Взять Парфениху (копь. — *Е. И.*) — такие морионы прекрасные, с голову и больше были» [Артемьев, 2012, *80*]; «Хризолитина была величиной с кулак. Бывало, вытащит он ее из сундука, посмотрит, полюбуется и опять положит» [ПЛУ, *103*].

На первых этапах добычи самоцветов их действительно было гораздо больше, а преувеличение объясняется устойчивостью мотива удивительного богатства в предшествующие времена (ср. легенды о золотом веке). Такие предания бытовали и в XIX в., и в начале XX в. Вот что писал о них Д. Н. Мамин-Сибиряк: «Невозможного ничего нет, тем более что в старину не только люди были лучше, но, как оказывается, даже и камни…» [Мамин-Сибиряк, 2013, *269*]. Рассказы о том, «как в старину живали счастливо, как камень шел все самоцветный, чистый да с головками[8]», не раз слышал академик А. Е. Ферсман [1960, *71*].

Указание на удивительное богатство месторождений часто встречается в мотивациях топонимов: остров *Хрустальный* («хрустали по метру прямо на отвалах лежали, и никому они не нужны» (Реж) [ЛТЭК]); копь *Стаканница* («Кристаллы аметиста размером с граненый стакан добывали, и формой схожи» (Кайгородское) [ЛТЭК]); «Копь *Тележница* — потому что камень в большом количестве добывали и возили телегами» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Другое объяснение также указывает на богатство копи: «Говорят, там занорыши такие были, что телега могла заехать» (Березовский) [ЛТЭК]. При объяснении названия копи *Лопатница* информанты подчеркивают легкость добычи и обилие минералов: «Зачерпнул лопатой породу, а на ней аметисты лежат» (Екатеринбург) [ЛТЭК]. Встречается в среде горщиков идиома: *самоцветы* (*аметисты* / *хрустали*) *чуть ли не с первой лопаты пошли* (Екатеринбург) [ЛТЭК] (ср. новосиб. *хоть лопатой греби* ‘*экспр*. очень много’ [ФСРГС, *48*]).

Выводы

1. Топонимические предания — ценный источник выявления мотивации топонима. Иногда ее удается установить только благодаря преданиям (предания о копях *Бык*, *Подкопытница*, *Сарафанница*).

2. Корреляция устойчивого мотива преданий и устойчивой номинативной модели помогает определить верную мотивировку топонима: мотив продажи самоцветов и модель «указание на доходность копи» (причем не только в рублях, но и в штофах) позволяют объяснить топонимы *Двухсотенная*, *Трехсотенная*, *Сторублевка*, *Тридцатирублевка*, *Тысячница*, *Штофница.*

---

[8] «*Головкой* называется верхняя оконечность кристалла, покрытая гранями. Хорошо образованная головка не только представляет научный интерес, но и, по справедливому наблюдению горщиков, является следствием чистой и спокойной кристаллизации, а потому ей обычно сопутствует и бóльшая прозрачность камня» [Ферсман, 1960, *71*].

3. Обращение к историческим данным и комплексный этнолингвистический анализ позволяют установить истинность или ложность мотивации топонима, содержащейся в предании (предания о копях *Мора*, *Ватихе*).

4. Предания уральских горщиков — ценный источник изучения их образа жизни и мировоззрения. Так, «фартовое сознание» порождает мотив случайной находки. Регулятором отношений в профессиональной среде выступают предания с мотивами наказания за жадность и нарушения запрета.

5. Предания вырастают из реальной практики горщиков, их рассказов и баек. Повторяясь, рассказы становятся полноценными преданиями, оформляются с использованием устойчивых мотивов. Известные повествовательные мотивы конкретизируются применительно к данной профессиональной среде: так, мотив заговоренного и «недающегося» клада замещается мотивом неудачной разработки месторождения, мотив самопогребения чуди — мотивом погребения сокровищ.

6. В преданиях горщиков прошлое и настоящее тесно переплетаются, и рядом с реалиями нового времени мы обнаруживаем архаические пласты: следы анимистических представлений, веру в горных духов. Так, в предании о копи *Вдовья* сочетаются рассказ о Великой Отечественной войне и наказание за нарушение запрета.

Источники

Акчим — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф. Л. Скитова. Пермь : Перм. гос. ун-т им. А. М. Горького, 1984–. Вып. 1–.

Артемьев И. И. Кайгородская быль : рассказы. Екатеринбург : Квадрат, 2012.

Бажов П. П. Малахитовая шкатулка : науч. изд. / подгот. и коммент. М. Литовской, Д. Жердева, Е. Федотовой. М. ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2019.

Блинова, 1941 — Тайные сказы рабочих Урала / сост. Е. М. Блинова. М. : Советский писатель, 1941.

Власова С. К. Сказание о Щелкане и Сулее. Челябинск : Челяб. кн. изд-во, 1961.

Гора-недотрога. Из тагильских старинных устных преданий / записал А. Гашев // Тагильский рабочий. 1940. 20 июл. С. 3.

ЛТЭК — картотека «Лексика, топонимия, этнография камня» (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Маковецкий, 2013 — По следам самоцветов. Байки уральских хитников / ред. А. Маковецкий. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2013.

Мамин-Сибиряк Д. Н. Самоцветы : очерки. Нижний Тагил : Робин Гуд, 2013.

Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Ч. 2, кн. 1. СПб. : Имп. АН, 1786.

ПЛУ — Предания и легенды Урала : фольклорные рассказы / сост., вступ. ст. и коммент. В. П. Кругляшовой. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1991.

Рычков А. В. Город Реж: 12 поколений. Реж : Малыш и Карлсон, 2013.

Саримов Р. В лес... за камнем // Вокруг света. 1975. Ноябрь. С. 34–38.

Соловьев Ю. С. Аметистовое ожерелье // Уральский следопыт. 1969. № 8. С. 38–42.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1964–1988.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мызникова (вып. 43–). М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–. Вып. 1–.

Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. М. : Астрель : АСТ, 2008.
Ферсман А. Е. Путешествия за камнем. М. : Изд-во АН СССР, 1960.
ФСРГС — *Федоров А. И.* Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск : Наука, 1983.
Чупин Н. К. Географический и статистический словарь Пермской губернии. Пермь : Тип. Поповой, 1873.

Исследования

Ахметшин Б. Г. Горняцкие легенды и предания народов Урала // Ватандаш. 2017. № 7. С. 163–187.
Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000.
Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.
Березович Е. Л. Чудь // Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М. : Международные отношения, 2012. С. 560–562.
Березович Е. Л., *Кучко В. С.*, *Сурикова О. Д.* Топонимическое предание и исторический факт (на материале преданий о разбойниках восточного Вологодско-Костромского пограничья) // Вопросы ономастики. 2015. № 1 (18). С. 108–133. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.006
Грибанова О. Д. Региональное своеобразие зауральских топонимических преданий : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.09 / Курган. гос. ун-т. Челябинск, 2006.
Котельникова Н. Е. Мотив наказания за жадность в фольклорной прозе о кладах // Традиционная культура. 2015. № 4. С. 82–90.
Криничная Н. А. Русская народная историческая проза: Вопросы генезиса и структуры. Л. : Наука, 1987.
Лазарев А. И. Предания рабочих Урала как художественное явление. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1970.
Матвеев А. К. Географические названия Урала : топонимический словарь. Екатеринбург : Сократ, 2008.
Пешина К. С. Топонимические предания Пермского края: мотивирующие основы топонимов и группы сюжетов (по материалам XIX–XX вв.) // Традиционная культура. 2018. Т. 19, вып. 5. С. 72–83.
Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. СПб. : Наука, 1994.
Соколова В. К. Русские исторические предания. М. : Наука, 1970.
Швабауэр Н. А. Типология фантастических персонажей в фольклоре горнорабочих Западной Европы и России : дис. … канд. филол. наук : 10.01.09 / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. Челябинск, 2002.

Рукопись поступила в редакцию 10.01.2022

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские
влг.	вологодские
новосиб.	новосибирские
перм.	пермские
свердл.	свердловские

* * *

Иванова Елена Эдуардовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: paklina.len@yandex.ru

Ivanova, Elena Eduardovna
PhD, Associate Professor
Department of Russian Language,
General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: paklina.len@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-7761-3265

Elena E. Ivanova
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

TOPONYMIC LEGENDS OF URAL AMATEUR MINERS

This article analyses the legends of Ural amateur miners (*gorshchiks*) — people who recover precious stones and gemstones as their private business. The folklore of amateur miners still remains virtually unstudied; that differentiates it from the folklore of professional miners (*gorniaks*). The research is based on field records of various periods, both published and unpublished. These records are part of the card index *Vocabulary, Toponymy, Ethnography of the Stone* kept at the Department of the Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication (Ural Federal University). The article demonstrates that the legends spring from the real working practices of amateur miners; traditional motifs, including fantastic ones, add to these legends. The research centres on toponymic legends which are considered as a source for deriving the inner form and motivation of the place name (toponym). The author points out that applying to historical records and a comprehensive ethnolinguistic analysis help establish if the motivation of the toponym given in the legend is correct or erroneous. The research reveals that a correlation between a firmly established legendary motif and a firmly established nominative model helps correctly determine the motivation of a toponym. In addition, the amateur miners' legends are seen as a source for studying their way of life and worldview. The article analyses the following motifs characteristic of the amateur miners' legends: the stroke of luck and the chance discovery of gemstones, the not given treasure and the unlucky development of a mine, the prophetic dream, the violation of a taboo and punishment for greed, the miraculous richness of mines. The author highlights specific professional interpretations that well-known folklore motifs acquire in the amateur miners' legends. Specifically, the self-burial of the Chud people is replaced by the motif of treasure burial.

K e y w o r d s: Russian language; toponymy; folklore; toponymic legend; legendary motif; the motivation of a place name; history of the Urals

Acknowledgements

The research was carried out within the framework of the project *The Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies*, funded by the Ministry of Education and Science of Russia (topic number FEUZ-2020-0056).

Akhmetshin, B. G. (2017). Gorniatskie legendy i predaniia narodov Urala [Mining Legends of the Ural Peoples]. *Vatandash*, 7, 163–187.

Berezovich, E. L. (2000). *Russkaia toponimiia v etnolingvisticheskom aspekte* [Russian Toponymy in Ethnolinguistic Aspect]. Ekaterinburg: Ural University Press.

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

Berezovich, E. L. (2012). Chud' [Chud]. In N. I. Tolstoy (Ed.), *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary] (Vol. 5, pp. 560–562). Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia.

Berezovich, E. L., Kuchko, V. S., & Surikova, O. D. (2015). Toponimicheskoe predanie i istoricheskii fakt (na materiale predanii o razboinikakh vostochnogo Vologodsko-Kostromskogo pogranich'ia) [Toponymic Legend and Historical Fact (Based on the Legend about the Robbers of the Eastern Vologda-Kostroma Border)]. *Voprosy onomastiki, 18*(1), 108–133. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2015.1.006

Gribanova, O. D. (2006). *Regional'noe svoeobrazie zaural'skikh toponimicheskikh predanii* [Regional Originality of Trans-Ural Toponymic Legends] (Doctoral dissertation). Kurgan State University, Chelyabinsk.

Kotelnikova, N. E. (2015). Motiv nakazaniia za zhadnost' v fol'klornoi proze o kladakh [The Motive of Punishment for Greed in Folk Prose about Treasures]. *Traditsionnaia kul'tura*, 4, 82–90.

Krinichnaya, N. A. (1987). *Russkaia narodnaia istoricheskaia proza: Voprosy genezisa i struktury* [Russian Folk Historical Prose: Questions of Genesis and Structure]. Leningrad: Nauka.

Lazarev, A. I. (1970). *Predaniia rabochikh Urala kak khudozhestvennoe iavlenie* [Legends of the Workers of the Urals as a Creativity Phenomenon]. Chelyabinsk: Yuzh.-Ural. kn. izd-vo.

Matveyev, A. K. (2008). *Geograficheskie nazvaniia Urala: toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of the Urals: A Toponymic Dictionary]. Ekaterinburg: Sokrat.

Peshina, K. S. (2018). Toponimicheskie predaniia Permskogo kraia: motiviruiushchie osnovy toponimov i gruppy siuzhetov (po materialam XIX–XX vv.) [Toponymic Traditions of the Perm Territory: Motivating Foundations of Toponyms and Groups of Plots (Based on Materials from the 19th–20th Centuries)]. *Traditsionnaia kul'tura, 19*(5), 72–83.

Putilov, B. N. (1994). *Fol'klor i narodnaia kul'tura* [Folklore and Folk Culture]. St Petersburg: Nauka.

Sokolova, V. K. (1970). *Russkie istoricheskie predaniia* [Russian Historical Legends]. Moscow: Nauka.

Swabauer, N. A. (2002). *Tipologiia fantasticheskikh personazhei v fol'klore gornorabochikh Zapadnoi Evropy i Rossii* [Typology of Fantastic Characters in the Folklore of Miners in Western Europe and Russia] (Doctoral dissertation). Ural State University, Chelyabinsk.

Received on 10 January 2022

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.023
УДК 811.161.1’276.1 + 811.161.1’373.21 +
+ 94(470.54-25)

Ю. А. Кривощапова
С. О. Горяев
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

«КАМЕННЫЕ» УЛИЦЫ ЕКАТЕРИНБУРГА*

В публикации представлен комплекс названий улиц Екатеринбурга, связанных с идеей «каменного дела». К анализу привлекаются годонимы, мотивированные минералогической лексикой напрямую (ул. *Аметистовая*, ул. *Родонитовая*) или же опосредованно связанные с «каменной» номинативной темой (ул. *Каменотёсов*, ул. *Бажова*). Годонимия уральской столицы рассматривается с позиции формирования локального бренда региона, а сами названия улиц расцениваются как трансляторы региональной идентичности. Авторы отмечают, что среди годонимов, мотивированных геммонимами, выделятся группа названий, связанных с обозначениями «самоцветных» (драгоценных и полудрагоценных) камней, добываемых на Урале и осмысляемых массовым сознанием как своего рода продукт со знаком уральского «качества» (ул. *Малахитовая*, ул. *Изумрудная*). С другой стороны, существуют названия улиц, отсылающие к наименованиям полезных ископаемых, малоизвестных широкой публике и, в отличие от «уральских самоцветов», не нагруженных оценочными коннотациями (пер. *Бокситовый*, ул. *Сланцевая*). К годонимам, напрямую мотивированным геммонимами, примыкают названия улиц, косвенно связанные с «каменной» темой. Это меморативы, посвященные деятелям «каменных» наук и искусств (ул. *Академика Ферсмана*, ул. *Данилы Зверева*), а также коллективные названия-посвящения, прославляющие представителей горнодобывающих профессий (ул. *Геологов*, пер. *Старателей*). Авторы приходят к выводу, что «каменная» модель и сегодня является вполне востребованной и активно используется для создания годонимических микросистем, особенно

* Исследование выполнено в рамках проекта «Региональная идентичность России: компаративные историко-филологические исследования», финансируемого Минобрнауки России (номер темы FEUZ-2020-0056).

© Кривощапова Ю. А., Горяев С. О., 2022

если дело касается новых районов или поселков, когда нужно сразу назвать множество улиц, а разнообразие минералов позволяет легко это сделать. Кажется, что перед нами тот счастливый случай, когда номинативная прагматика не противоречит благородной идее популяризации уральских минералов и формированию локальной идентичности посредством «каменной» городской годонимии и шире — урбанонимии, которая еще ждет своего исследователя.

Ключевые слова: городское онимическое пространство; урбанонимия; годонимия; номинативная тема; мотивы номинации; локальная идентичность; Екатеринбург

Введение

В центре нашего внимания — годонимия Екатеринбурга (названия линейных городских объектов: улиц, переулков, проспектов, проездов, бульваров и пр.), так или иначе связанная с горнозаводским делом, прославившим Урал и ставшим своего рода брендом уральской столицы. Годонимы, являясь наиболее востребованным типом онимов городского пространства, не только выполняют функцию пространственной и временно́й ориентировки, служат маркерами пространства [см.: David, 2013], но и отражают исторические этапы развития того или иного города, а также идейные доминанты, присущие определенному локусу. Названия улиц могут рассматриваться как трансляторы региональной идентичности[1] [см.: Разумов, 2020], т. е. знаки, несущие культурные смыслы и актуализирующие ценностные представления о том или ином месте (городе или регионе, как в случае с Уралом).

Одним из таких смыслов является связь современного Екатеринбурга, как и всего Среднего Урала, с горнозаводским прошлым и настоящим. Город возник как поселение-завод, занятый добычей и переработкой полезных ископаемых. Неудивительно, что в годонимии Екатеринбурга можно выделить целый пласт «каменных» названий[2], появление которых связывается с «геологической» тематикой и объясняется желанием номинатора сформировать определенный образ, отражающий специфику города и — шире — всего региона.

Нами было зафиксировано 90 годонимов, так или иначе воплощающих мотивировку «камень, минерал, горное дело» и относящихся к объектам в современных границах Екатеринбургского муниципалитета. Основным источником материала послужила публикация [Качалкова, 2013], данные проверены и дополнены по [КЛАДР].

---

[1] Региональную идентичность мы вслед за М. В. Голомидовой понимаем как «часть коллективного самосознания, особенности которого находят свое проявление в общей языковой и речевой деятельности» [Голомидова, 2022, *163*] — в нашем случае такой языковой деятельностью является практика топонимической номинации городских объектов.

[2] Сами геммонимы (в частности, названия поделочных камней) уже рассматривались нами с позиции лингвокультурного брендинга Урала [см.: Кривощапова, 2020].

Весь материал следует разделить на две большие группы. В названиях первой группы «каменная» мотивировка воплощена непосредственно, на уровне лексического значения производящего апеллятива-геммонима. В названиях второй группы «каменная» мотивировка воплощена косвенно, метонимическим, ассоциативным или иным путем, в частности посредством создания номинаций-посвящений.

1. «Каменные» названия с прямым воплощением мотивировки

В годонимах этой группы (65 названий) так или иначе обыгрываются обозначения полезных ископаемых. Среди последних можно выделить несколько групп: горнохимическое сырье (апатиты, фосфаты), горючие полезные ископаемые (уголь), руды металлов, нерудные ископаемые (известняк, глина), полудрагоценные камни (так называемое камнесамоцветное сырье) и драгоценные камни.

Различение подгрупп связано не только с химическим составом и физическими свойствами минеральных образований, но и с возможным разграничением в общественном массовом сознании представлений о ценности, использовании и даже существовании того или иного минерала. Так, драгоценные и полудрагоценные камни, которые используются при изготовлении украшений, представляют собой самостоятельный языковой общественно значимый концепт, за их названиями стоят ассоциативные цепочки и культурные представления. В свою очередь, названия минерального сырья часто известны только специалистам и сравнительно узкому кругу интересующихся, поэтому появление их в урбанонимии не связано с идеей популяризации уральских камней, а направлено на достижение эффекта просвещения и констатацию факта добычи конкретных ископаемых на Урале. Исходя из этого, в первую очередь имеет смысл рассмотреть годонимы, мотивированные геммонимами, которые обозначают широко известные уральские камни.

1.1. Годонимы, отсылающие к обозначениям поделочных и драгоценных камней

Они актуализируют комплекс представлений о ценности, редкости и красоте камня и реализуют языковой концепт «самоцветный камень». Ср. *самоцветный* ‘о драгоценных и полудрагоценных минералах, поделочных камнях: блестящий, с красивой окраской’ [Шведова, 2011, *854*]; при этом характерно, что в словарном определении для *самоцвет* приводится иллюстративный контекст *уральские самоцветы* [Там же], так что можно с определенной долей уверенности говорить о том, что идеи «самоцвет» и «Урал» в языковом сознании связаны и в их корреляции проявляется региональная идентичность.

К группе урбанонимов, которые мотивированы названиями самоцветных камней, добываемых именно на Урале, относятся 30 названий — начиная с годонима, образованного от заглавного родового обозначения: бул. *Самоцветный.*

Уральскими следует считать самоцветные и поделочные камни, добываемые на Урале еще с конца XVIII в., ср. связанные с их названиями годонимы: ул. *Агатовая*, ул. *Аметистовая*, ул. *Бирюзовая*, ул. *Малахитовая*, пер. *Малахитовый* (важность этого камня для уральской идентичности подчеркивается двумя годонимами, именующими переулок в городе и улицу в коллективном саду), ул. *Родонитовая*, ул. *Селенитовая*, ул. *Халцедоновая*, ул. *Хрустальная* и ул. *Горнохрустальная* (последние два названия могут быть связаны не с *горным хрусталем*, а с горой Хрустальной в окрестностях Екатеринбурга, где сейчас находится почти выработанный карьер), пер. *Цитриновый*, ул. *Яшмовая* (шесть годонимов, различающихся индексом). Интересно отметить, что одно название осталось «потенциальным» — в справочнике [Улицы Свердловска, 1965] в качестве планируемой отмечена ул. *Орлецкая* (*орлец* — одно из названий родонита, встречающееся преимущественно на Среднем Урале), но в более позднем издании [Улицы Свердловска, 1988] это название уже не дается.

«Каменная тема» представлена также названиями улиц по драгоценным камням[3], добываемым на Урале: ул. *Аквамариновая*, ул. *Алмазная*[4], ул. *Берилловая*, ул. *Изумрудная*, пер. *Изумрудный* (соотношение объектов аналогично «малахитовым» годонимам, упомянутым выше), пер. *Опаловый*, ул. *Рубиновая*, ул. *Сапфировая*, ул. *Топазовая*, ул. *Турмалиновая*. Подчеркнем, что в этой группе также есть родовое обозначение: ул. *Яхонтовая* (*яхонт* — старинное название рубина, сапфира и некоторых других драгоценных камней [Шведова, 2011, *1137*]).

Несколько названий восходят к геммонимам, не имеющим региональной «уральской» привязки: пер. *Жемчужный*, пер. *Коралловый*, ул. *Фианитовая*, ул. *Чароитовая*, ул. *Янтарная*. Собственно говоря, в этом списке только один минерал — не встречающийся на Урале чароит. Жемчуг и янтарь не минералы, а минералоиды, коралл не ископаемое, а фианит — не природный, а искусственный кристалл. В этих названиях, однако, воплощается идея драгоценного / ювелирного камня в принципе, и их появление объясняется, кроме прочего, внутрисистемной мотивированностью, они «подверстываются» в сложившуюся модель «геммоним → урбаноним».

1.2. Годонимы, отсылающие к названиям отделочных камней и полезных ископаемых

Эти урбанонимы (35 наименований) актуализируют комплекс представлений о горной промышленности, о городе-заводе и об Урале как «опорном крае державы»: ул. *Базальтовая*, ул. *Гранитная*, ул. *Известковая*, ул. *Кварцевая*,

---

[3] Если разновидности минерала дают и драгоценный, и полудрагоценный (поделочный) камень, мы рассматриваем название среди обозначений драгоценных камней — более значимых для языкового сознания.

[4] Впрочем, алмазы добываются на Урале в крайне незначительных количествах, и в массовых представлениях Урал не «алмазный», а «изумрудный» край.

ул. *Мраморная*, ул. *Песчаная* (впрочем, для последнего годонима можно предположить иную мотивацию — по типу почвы или по отношению к расположенному неподалеку оз. Песчаное). Бóльшая часть урбанонимов мотивирована названиями минералов — полезных ископаемых. Пять из них относится к сырью черной и цветной металлургии: пер. *Бокситовый* (*боксит* — алюминиевая руда), пер. *Железняковый*, ул. *Железнорудная*, пер. *Лимонитовый* (*лимонит* — бурый железняк), пер. *Магнитный*, ул. *Медная.* С добычей золота связаны названия ул. *Золоторудная*, ул. *Пиритная* (пирит не относится к металлургическому сырью, но устойчиво ассоциируется с золотом из-за внешнего сходства и из-за того, что встречается в месторождениях вместе с золотом), ул. *Самородная*[5] (12 названий, различающихся индексами). Единственный «не уральский» пример — ул. *Платиновая.*

Другие ископаемые представлены такими названиями, как ул. *Апатитовая*, пер. *Слюдяной*, ул. *Тальковая* и пер. *Тальковый* (между этими двумя городскими объектами около 5 км, переулок относится к собственно городской территории, а улица — к поселению Сулимовский Торфяник; дублирование возникло при расширении административной границы). Два годонима основаны на родовых терминах: ул. *Сланцевая* (по типу горной породы) и ул. *Рудная* (*руда* — родовое обозначение почти для всех производящих апеллятивов в данной группе названий).

Интересна группа названий, образованных от терминов, не вошедших в литературный язык (в частности, они отсутствуют в [Шведова, 2011]): ул. *Баритовая* (47 названий, различающихся индексом), ул. *Доломитовая*, пер. *Дунитовый*, пр. *Кианитовый* (20 названий, различающихся индексом). Впрочем, словообразовательная модель с суффиксом *ит-* позволяет носителю языка опознать производящие основы как технические термины, а другие примеры этой модели номинации (ср. упомянутые выше примеры: *Малахитовая*, *Родонитовая*, *Бокситовый*) — понять принадлежность термина к геммонимам.

Отметим также небольшую группу годонимов, отсылающих не к названиям конкретных камней или минералов, а к более общим терминам, поддерживающим в мотивировке саму идею камня и шире — полезных ископаемых и горного дела: и пер. *Каменный*[6], ул. *Карьерная*, ул. *Кристальная*, ул. *Минеральная*,

---

[5] Лексема *самородный* теоретически может относиться к любому металлу, но в краю старателей и горняков *самородок* прежде всего ассоциируется с золотом (отметим, что в словарном определении как иллюстративный контекст приводится именно *золотой самородок* [Шведова, 2011, *853*]).

[6] Интересно, что первоначально пер. *Каменный* носил название пер. *Карьерный*, но во второй половине XX в. расположенный рядом Сибирский тракт был немного отодвинут от зоны застройки, оставшийся от него проезд получил статус отдельной улицы с названием *Карьерная*, а расположенный рядом переулок был переименован. Рядом же находятся ул. *Бурильщиков* и ул. *Взрывников*, которые мы включаем в классификационную группу ниже. Все названия возникают как отражение смежности территории с действующим до сих пор Сибирским гранитным карьером.

ул. *Приисковая*, пер. *Рудный*, ул. *Скальная*, ул. *Сульфатная* (мы полагаем, что подразумеваются сульфаты как тип минералов, а не как группа химических соединений), ул. *Шламовая* (*шлам* — мелкодисперсное сырье или отходы обработки полезных ископаемых).

Таким образом, «каменная» модель названий улиц является весьма востребованной и продуктивной. «Каменные» улицы расположены по всему городу (выше уже отмечалось, что даже однокоренные названия улицы и переулка обозначают пространственно отдаленные объекты). Следует отметить также удобство приведенной модели для создания годонимических микросистем, особенно когда дело касается новых районов или поселков, в случае с которыми нужно сразу назвать множество улиц, и разнообразие названий минералов позволяет легко это сделать. Так, например, ул. *Берилловая*, *Халцедоновая*, *Нефритовая*, *Платиновая*, *Селенитовая*, *Сланцевая*, *Чароитовая*, *Фианитовая*, пер. *Цитриновый* расположены рядом — в пос. Шабровский Чкаловского района Екатеринбурга.

Обратим внимание на ряды «одноименных» улиц. Например, в районе жилой застройки «Горнощитский луч» в Чкаловском районе Екатеринбурга часть микрорайона «Полеводство–3» получила шесть *Яшмовых* улиц и двадцать *Кианитовых* проездов (*кианит* — минерал, силикат алюминия). Недалеко расположился жилой район «Горнощитские пруды — 1», где улицы были названы *Самородными*: с первой по двенадцатую. Интересен комментарий председателя комиссии по градостроительству Д. Сергина: «Это дачные поселки, нет смысла для них придумывать разные названия. Такой принцип есть в Америке: *1-я линия*, *2-я линия*… Здесь за основу взяли уральские минералы. Углубляться в имена великих людей для дачной застройки не стоило, а уральские камни надо популяризировать» [Загороднева, 2018].

2. «Каменные» названия с косвенным воплощением мотивировки

Эту группу составляют 25 названий улиц. Такие наименования сформированы в русле еще одного из направлений региональной идентичности — связанного с людьми, так или иначе вовлеченными в «каменное дело». Мемоpативные названия этой группы разделяются на две категории — персональные и коллективные посвящения. Под первыми понимаются названия-посвящения конкретным личностям — людям, занимавшимся добычей, описанием или исследованием уральских минералов. Под коллективными посвящениями подразумеваются мемоpативы в честь целой группы людей — чаще всего это профессиональные сообщества, демонстрирующие сферы занятости горожан и жителей региона. Примыкают к индивдуальным и коллективным посвящениям оттопонимические годонимы, метонимически отсылающие к идее горнорудного дела.

2.1. Мемоpативы — индивидуальные посвящения

Шесть мемоpативных годонимов Екатеринбурга посвящены знаковым фигурам науки и искусства, связанным с «каменной» темой.

В названии 13 улиц Екатеринбурга содержится указание ученого звания *академик*[7]. К нашему корпусу относятся три таковых: ул. *Академика Губкина* (известен в сфере нефтяной геологии, не характерной, правда, для Среднего Урала), ул. *Академика Карпинского* (виднейший ученый в сфере геологии, в честь него назван г. *Карпинск*) и ул. *Академика Ферсмана* (крупнейший русский минеролог, создатель и глава Уральского филиала АН СССР). Сферу искусства представляет название ул. *Бажова* (уральский писатель, произведения которого стилизованы под сказы горнорабочих и посвящены соответствующей тематике). Имя горщика[8] увековечено в названии ул. *Данилы Зверева* (впрочем, это название также косвенно связано со сферой искусства, так как Данила Кондратьевич Зверев послужил прототипом Данилы Мастера — героя сказов Бажова). Наконец, сфера изобразительного искусства представлена в названии бул. *Денисова-Уральского*, данного в честь известного живописца и камнереза.

Подобные названия составляют небольшую группу обозначений, которые «растворяются» среди многочисленных посвящений деятелям революции, партийным и государственным лидерам, советским знаковым фигурам науки и культуры, однако все же вносят свой вклад в формирование горнозаводского имиджа города и региона.

2.2. Мемоpативы — коллективные посвящения

Названия улиц по профессиям характерны для многих городов. Екатеринбург тоже не стал исключением, и в названиях его улиц зафиксированы традиционные сферы деятельности горожан. В контексте «каменной» годонимии обращают на себя внимание 11 названий, отсылающие к профессиям горнодобывающей или металлургической отраслей. Среди них выделяются профессии, связанные с геологией, геологоразведкой (ул. *Геологов*, ул. *Искателей*[9], ул. *Изыскателей*[10], ул. *Рудознатцев*), с добычей полезных ископаемых шахтным и открытым способом (ул. *Бурильщиков*, пер. *Взрывников*, ул. *Горнорабочих*, ул. *Горняков*, пер. *Старателей*[11], ул. *Забойщиков*[12]), с обработкой камня (ул. *Каменотесов*[13]).

---

[7] В дальнейшем планируется присвоить «академические» имена еще нескольким улицам.

[8] Ср. *горщик* ‘человек, занимающийся добычей драгоценных и цветных камней’ [ЛТЭК].

[9] Ср. *искатель* ‘тот, кто занимается поисками новых месторождений ископаемых’ [МАС, 1, *676*].

[10] Ср. *изыскатель* ‘тот, кто занимается изысканиями, предварительными исследованиями местных условий для разработки естественных богатств, изысканиями’ [МАС, 1, *658*].

[11] Ср. *старатель* ‘тот, кто занимается кустарной добычей золота, золотоискатель’ [МАС, 4, *249*].

[12] Ср. *забойщик* ‘горнорабочий, работающий в забое’ [Шведова, 2011, *239*].

[13] Ср. ул. *Камнетесов* в Нижнем Тагиле — другом крупном городе Среднего Урала.

Интересно, кстати, отметить, что в Екатеринбурге нет ул. *Шахтеров*, которая есть в ряде городов области (близлежащие Березовский, Нижний Тагил, Кушва и др.) и более ста раз встречается в иных городах России.

2.3. Меморативы — географические посвящения

Семь годонимов раскрывают «каменную тему» через отсылку к обозначению географического объекта. Прежде всего отметим названия, связанные с городами и сельскими поселениями Свердловской области, — в Екатеринбурге это частотная номинативная модель[14], и в наш корпус мы включаем пер. *Асбестовский* (< г. *Асбест*), ул. *Колчеданская* (< с. *Колчедан*), пер. *Рудянский* (< пос. *Нейво-Рудянка*). Несмотря на существование названий минералов *асбест*, *колчедан* и апеллятива *руда*, эти слова мы рассматриваем как производные от топонимов, так как они образованы с участием суффикса *ск*-, что характерно для оттопонимической модели наименования улиц в целом (а, например, годоним, образованный от названия минерала *асбест* имел бы иное суффиксальное оформление — **Асбестовый*, ср. также потенциальные годонимы **Колчедановый* вместо *Колчеданский*, **Рудный* вместо *Рудянский*). Приведем словообразовательно близкие названия: ул. *Златогорская*, ул. *Медногорская*, пер. *Рудногорский* и просто пер. *Горский.* Подчеркнем, что г. Медногорск и пос. Рудногорск на карте России представлены (в Оренбургской и Иркутской областях соответственно), но мы полагаем, что в данном случае речь идет о топонимах с компонентом *горка*, типичных для Среднего Урала (в границах современного Екатеринбурга есть возвышенности *Вознесенская горка*, *Московская горка*, *Шишимская горка*, *Обсерваторская горка* / неоф. *Плешивая горка*). В одном случае годоним сохраняет отсылку к давно вошедшему в состав города поселению: место добычи песка дало название небольшому пос. *Пески*, но сейчас поселок административно не выделяется, а название перешло на его единственную улицу — ул. *Пески*.

Заключение

Итак, нами были рассмотрены названия улиц Екатеринбурга, так или иначе связанные с идеей камня и горного дела. Наименования улиц анализировались как репрезентанты городской идентичности. «Каменная» модель в годонимии Екатеринбурга представлена, с одной стороны, названиями, мотивированными геммонимами (ул. *Пиритная*), с другой стороны — названиями-посвящениями, ориентированными на увековечивание памяти о людях, связанных с горным делом (ул. *Академика Ферсмана*), а также названиями «профессионального» характера (пер. *Старателей*). При достаточно скромной доле рассмотренных названий

[14] Ср. ул. *Билимбаевская* (< пос. *Билимбай*), ул. *Вижайская* (< пос. *Вижай*), ул. *Кировградская* (< г. *Кировградск*).

от общего количества годонимов можно отметить, что описанная модель остается довольно востребованной как с точки зрения номинативной прагматики (она удобна при необходимости назвать сразу много улиц и позволяет создавать топонимические микросистемы), так и с позиций региональной политики нейминга, которая направлена на закрепление в общественном сознании представления об Урале как о сокровищнице минеральных богатств и самоцветов, а также значимости «каменной» составляющей имиджа уральской столицы.

Источники

Загороднева С. «Как в Америке»: авторы шести Яшмовых улиц и 20 Кианитовых проездов объяснили «креативный нейминг» // Новый день. 09.08.2018. URL: https://newdaynews.ru/ekb/642436.html (дата обращения: 10.01.2022).

КЛАДР — Классификатор адресов Российской Федерации. URL: https://kladr-rf.ru/ (дата обращения: 10.01.2022).

МАС — Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.

ЛТЭК — Лексика, топонимия, этнография камня (картотека кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).

Улицы Свердловска : справочник / сост. Р. И. Рабинович, С. Л. Шерстобитов. 2-е изд., доп. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1965.

Улицы Свердловска : справочник / сост. Р. И. Рабинович. 5-е изд., доп. Свердловск : Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988.

Исследования

Голомидова М. В. Городские топонимы в аспекте трансляции региональной идентичности: кейс города Уфы // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19, № 1. С. 160–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008

Качалкова Ю. А. Урбанонимическое пространство современного Екатеринбурга (официальные названия) // Вопросы ономастики. 2013. Т. 14, № 1. С. 88–104.

Кривощапова Ю. А. Имена камней как лингвокультурный символ Урала // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 3. С. 241–262. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042

Разумов Р. В. Урбанонимы — трансляторы региональной и локальной идентичности (на примере городов Ярославской области) // Ярославский текст в пространстве диалога культур : материалы IV всерос. науч. конф. / сост. и отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2020. С. 188–192.

Шведова, 2011 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2011.

David J. Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage // Acta onomastica. 2013. Vol. 54. P. 53–60.

Рукопись поступила в редакцию 20.01.2022

* * *

Кривощапова Юлия Александровна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры филологии Специализированного
учебно-научного центра (СУНЦ),
старший научный сотрудник, заведующая
топонимической лабораторией кафедры
русского языка, общего языкознания
и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: insekt@yandex.ru

Горяев Сергей Олегович
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: gorajev@yandex.ru

Krivoshchapova, Yulia Aleksandrovna
PhD, Associate Professor
Department of Philology of the Advanced
Educational Scientific Center,
Senior Researcher, Head of the Toponymic
Laboratory of the Department of Russian
Language, General Linguistics and Verbal
Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: insekt@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-3096-708X

Goryaev, Sergey Olegovich
PhD, Associate Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: gorajev@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-1684-0384

Yulia A. Krivoshchapova
Sergey O. Goryaev
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

"STONE" STREETS OF EKATERINBURG

The paper studies a group of Ekaterinburg street names associated with "stone craft". These would include the names directly motivated by mineralogical vocabulary (*Ametistovaya St.*, *Rodonitovaya St.*) or indirectly conveying the "stone" naming motif (*Kamenotesov St.*, *Bazhova St.*). Street names of the Ural capital are considered from the standpoint of the formation of a local brand of the region, as markers of regional identity. The authors note that some street names motivated by gemmonyms refer to the designations of "gem-colored" (precious and semi-precious) stones mined in the Urals and commonly regarded as a kind of Ural "kite-mark" (*Malakhitovaya St.*, *Izumrudnaya St.*). On the other hand, there are street names associated with the designations of minerals that are little known to the general public and, unlike the "Ural gems", lack the evaluative connotations (*Boksitovy lane*, *Slantsevaya St.*). Among the street names implicitly referring to the "stone" theme are those dedicated to the memory of public figures in the field of "stone" sciences and arts (*Academician Fersman St.*, *Danily Zvereva St.*), as well as collective titles-dedications to the people of mining professions (*Geologists St.*, *Starateley Lane*). The authors conclude that the "stone"-related naming pattern is still productive

today, particularly in the case of emerging districts or settlements where lot of streets should be named at once, and the variety of minerals simplifies the task. It also seems to be a fortunate case in which the naming pragmatics does not contradict the noble idea of popularizing the Ural minerals and the formation of local identity by means of creating new names for streets and other urban objects which are yet to be studied.

K e y w o r d s: urban names; street names; naming theme; name motivation; local identity; Ekaterinburg

Acknowledgements

The study was carried out in the framework of the project *Regional Identity of Russia: Comparative Historical and Philological Studies* funded by the Ministry of Science and Higher Education of Russia (project number FEUZ-2020-0056).

David, J. (2013). Street Names — Between Ideology and Cultural Heritage. *Acta onomastica, 54*, 53–60.

Golomidova, M. V. (2022). Gorodskie toponimy v aspekte transliatsii regional'noi identichnosti: keis goroda Ufy [Urban Toponymy as a Means of Manifesting Regional Identity: The Case of Ufa City]. *Voprosy onomastiki, 19*(1), 160–179. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2022.19.1.008

Kachalkova, Yu. A. (2013). Urbanonimicheskoe prostranstvo sovremennogo Ekaterinburga (ofitsial'nye nazvaniia) [Urbanonymic Space of Contemporary Ekaterinburg (Official Names)]. *Voprosy onomastiki, 14*(1), 88–104.

Krivoshchapova, Yu. A. (2020). Imena kamnei kak lingvokul'turnyi simvol Urala [Stone Names: A Linguocultural Symbol of the Urals]. *Voprosy onomastiki*, *17*(3), 241–262. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.3.042

Razumov, R. V. (2020). Urbanonimy — transliatory regional'noi i lokal'noi identichnosti (na primere gorodov Yaroslavskoi oblasti) [Urban Place Names as Carriers of Regional and Local Identity (on the Material of the Cities of the Yaroslavl Region)]. In O. N. Skibinskaya, & T. K. Khovrina (Eds.), *Yaroslavskii tekst v prostranstve dialoga kul'tur: materialy IV vseros. nauch. konf.* [The Yaroslavl Text in Intercultural Space: Proceedings of the 4th All-Russian Research Conference] (pp. 188–192). Yaroslavl: RIO YaGPU.

Shvedova, N. Yu. (Ed.). (2011). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka s vkliucheniem svedenii o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language Supplemented with Etymological Information]. Moscow: Azbukovnik.

Received on 20 January 2022

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.024
УДК 811.161.1’354 + 811.161.1’373.23 +
+ 811.161.1’276.2

Е. В. Арутюнова
Е. В. Бешенкова
О. Е. Иванова

Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
Москва, Россия

ПРОПИСНЫЕ И СТРОЧНЫЕ БУКВЫ В СОБСТВЕННЫХ ИМЕНАХ ЛЮДЕЙ, ПРОЗВИЩАХ, ПСЕВДОНИМАХ, КЛИЧКАХ: ИЗ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРАВИЛ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ*

В статье предлагается развернутое правило употребления прописных и строчных букв в собственных именах людей, прозвищах, псевдонимах, кличках. Правило отражает системное устройство орфографии антропонимов — использование прописной буквы как маркера индивидуализирующих компонентов антропонимической модели, в состав которой могут также входить различные компоненты, пишущиеся со строчной буквы: структурообразующие слова (в том числе непереводимые иноязычные предлоги, союзы, артикли; нарицательные слова, указывающие на степень родства, пол, возраст) и определения, обозначающие социальное положение, служащие для придания вежливости обращению и др. Правило не меняет сложившиеся в русской культуре письменные нормы и при этом вводит актуальные нормы написания для структурных типов имен, кличек, прозвищ, которые ранее правилами не регламентировались или регламентировались лишь

* Авторы благодарят сотрудников научного издательства «Большая Российская энциклопедия», а также специалистов по восточным языкам и ономастике А. Р. Абянову, Г. Р. Аганину, А. В. Байыр-оол, А. Д. Бахматову, Н. В. Бубнову, К. М. Пименову, М. Б. Рукодельникову, Н. Д. Сувандии за помощь в сборе материала, консультации и обсуждение проблем русской передачи иностранных имен.

© Арутюнова Е. В., Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., 2022

частично и противоречиво (*Петушок со шпорами* и *Петушок со Шпорами*). Основное правило дополнено подправилом-исключением о написании имен, представляющих собой предложно-падежные сочетания или глагольные сочетания (*Некто в сером*, *лиса Принеси огня*), и примечанием, в котором описывается зависимость оформления именных сочетаний от осмысления пишущим границ собственного имени (*курочка ряба*, *курочка Ряба*, *Курочка Ряба*), а также параграфами о применении правила в сложных случаях: 1) при неоднозначной функционально-семантической интерпретации слов, входящих в состав антропонимической модели (*Юлиан-отступник* и *Юлиан Отступник*); 2) при использовании имен собственных не в своей основной функции (*Цербер — цербер*, *проба Манту — сделать манту*); 3) при написании родового имени для выделения одного из членов фамильного рода (*ван Гог — Ван Гог*), при разрыве традиции в написании (*ван де Вельде — Вандевельде*, *ла Гранж — Лагранж*); 4) при передаче современных и исторических имен из арабского и связанных с ним языков (приводятся структурные элементы (артикль *аль* и его варианты), термины родства (*ибн*, *бен*, *заде*, *оглы* ‘сын’, *бинт*, *кызы*, *кыз* ‘дочь’, но *Абу* ‘отец’, *Умм* ‘мать’; тув. *оол* ‘мальчик’ и *кыс* ‘девочка’), термины социального статуса (*ага*, *бей, мурза*, *паша*)); 5) при передаче китайских имен.

Ключевые слова: русский язык; правила орфографии; кодификация; прописная буква; антропонимы; антропонимика; имена собственные

Предварительные замечания

Имя собственное не обозначает, а называет, оно «служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [ЛЭС, *473*]. Эти сущностные свойства имени собственного обусловливают особенности его фонетического и орфографического облика.

Имена собственные редко включаются в орфографические словари в той же мере, что и апеллятивная лексика, и причина этого не только в необозримости их количества. Существует широкий ряд возможностей в понимании границ имен собственных, состава конкретного имени, что, соответственно, определяет употребление прописной или строчной букв. Например, имена собственные часто сопровождаются нарицательными именами, обращениями, разнообразными определениями, которые по правилу пишутся со строчной буквы (***дед*** *Щукарь*, *Юлиан-**отступник***, ***курочка*** *Ряба*, *Снежная **королева***). Иногда же эти нарицательные имена осмысляются носителями языка как часть имени собственного и пишутся поэтому с прописной (***Дед*** *Мороз*, *Юлиан **Отступник***, ***Курочка*** *Ряба*). Подобные разнонаписания не являются чистыми орфографическими вариантами, варьирующими форму записи при полной смысловой, фонетической и стилистической идентичности[1]. Разное написание здесь содержательно и отражает разное понимание границ собственного имени (подробнее см. прим. к § 1).

[1] О разных определениях орфографических вариантов и обосновании принятого в данной работе см. подробнее в [Бешенкова, Иванова, 2016, *21*].

Анализ современного письма и словарных материалов обнаружил большую пестроту в применении прописной буквы как знака выделения в тексте собственного имени. При этом разнонаписания не всегда оцениваются образованными людьми как неправильные, часто они воспринимаются как знакомые и вполне приемлемые. В связи с этим было выдвинуто предположение о наличии причин, обусловливающих разные интерпретации имени собственного и разные возможности его оформления на письме.

Основные обстоятельства, порождающие разнонаписания, могут быть и собственно лингвистическими, и не совсем лингвистическими. К ним относятся[2]:

1) возможная неоднозначность функционально-семантической интерпретации слов, входящих в состав антропонимической модели, что приводит к разному определению границ собственного имени и разным написаниям, каждое из которых соответствует правилу;

2) для иноязычных имен — наличие двух разнонаправленных тенденций в лингвистическом адаптационном механизме употребления: стремление адаптировать, русифицировать иноязычное имя собственное или стремление сохранить его иноязычность, опознаваемость его источника[3], стремление следовать иноязычным традициям даже при написании как давно освоенных, так и исконно русских имен;

3) наличие трех векторов в социокультурной адаптации собственного имени: стремление к соблюдению традиции в написании имени, стремление к интернациональной унификации модели имени, стремление к индивидуализации фамильного имени;

4) наличие разных степеней перехода имени собственного в нарицательное, актуальность связи нарицательного и собственного имени в коммуникации;

5) существование транскрипции и транслитерации — разных способов передачи иноязычных слов, приводящих к разным написаниям.

Все перечисленные факторы, вызывающие колебания в передаче на письме собственных имен людей, имен персонажей и кличек животных учтены в предлагаемом ниже правиле, для них даются разъяснения (за исключением передачи способами транскрипции и транслитерации). При этом важно отметить, что правило, в том числе подправило-исключение для имен, представляющих собой предложно-падежные сочетания или глагольные сочетания (*Некто в сером*, *Принеси огня*), не меняет сложившиеся нормы письма и отражает системное устройство орфографии антропонимов — использование прописной буквы как маркера индивидуализирующих компонентов антропонимической модели, в состав которой

---

[2] Подробный разбор факторов, определяющих разнонаписания собственных имен, содержится в работе [Арутюнова и др., 2021].

[3] Русконаправленная и иноязычнонаправленная тенденции в области современной орфоэпии описаны в [Зализняк, 2019]. Эти термины представляются нам удачными и для описания орфографии.

могут также входить различные компоненты, пишущиеся со строчной буквы: структурообразующие слова (непереводимые иноязычные артикли, союзы, предлоги, нарицательные слова, указывающие на степень родства, пол, возраст и под.) и определения, обозначающие социальное положение, служащие для придания вежливости обращению и др.

Предлагаемое правило было разработано на основе анализа: 1) научной лингвистической литературы и различных лингвистических и энциклопедических словарей и справочников[4]; 2) реального современного употребления антропонимов разных типов в текстовых источниках многообразных жанров (литературные тексты, новости, официальные релизы и документы, библиографические сведения и пр.)[5].

Структура правила и приемы описания языкового материала согласованы с правилом о прописной букве в географических наименованиях, прошедшем обсуждение и утвержденном на заседании Орфографической комиссии [см.: Арутюнова и др., 2020; Арутюнова и др., 2021].

Структура правила

§ 1. Основное правило. Исключение-подправило об именах типа *Некто в сером*, *лиса Принеси огня*. Примечание о границах собственного имени: слова, входящие в имя, и слова, сопровождающие имя.

§ 2. О написании имен собственных, употребленных не в своей основной функции, и имен собственных, ставших нарицательными.

§ 3. Дополнительные сведения о написании иноязычных имен.

§ 3.1. О написании имен из германских, романских и других европейских языков. Непереводимые служебные слова (*ван*, *д'*, *де*, *ла…*). Условия возможного отклонения от правила (индивидуализация родового имени, освоение имени другим языком, разрыв традиции, авторские тексты). Неслужебные слова (*дон*, *донья*).

§ 3.2. О написании начальных частей фамилий *Мак-*, *Сан-*, *Сант-*, *Сен-*, *Сент-*, *Тер-*, *О'*.

---

[4] 1. Научные труды по ономастике и антропонимике, исследования в области истории формирования, структуры, орфографии антропонимов в русской и других национальных культурах, например [Арутюнова, 2021; Калакуцкая, 1974; Королёва, 2000; Крюков, 1986; Николенкова, Дин, 2020; Селищев, 2003; Суперанская, 1973; Успенский, 2004]. 2. Своды правил и справочники по правописанию, отражающие историю кодификации данной области письма [Мильчин, Чельцова, 2014; Правила, 1956; Правила, 2006; Розенталь, 1967; Розенталь и др., 2010]. 3. Предложения по усовершенствованию правил, например [Сталтмане, 1965; Суперанская 1965]. 4. Словари и энциклопедии, например [Агеенко, 2010; БРЭ; БСЭ; Зализняк, 2019; Лопатин и др., 2011; Розенталь, 1989; РОС, 2012; Суперанская, 1987; Тупиков, 2004]. 5. Работы по транскрипции иноязычных названий, инструкции по русской передаче географических названий, например [Гиляревский, Старостин, 1985; Инструкция, 1975; Концевич, 2002]. 6. Электронные ресурсы, например [Гугл. Книги; НКРЯ; РГБ].

[5] Электронные ресурсы, например [НКРЯ; Яндекс. Новости; Гугл. Книги; eLIBRARY.RU; МИД].

§ 3.3. О написании арабских имен и других восточных имен со сходной моделью: артикль, термины родства (условия употребления прописной или строчной букв), термины возраста, социального положения. Освоение арабского имени другими языками (сращение компонентов имени с артиклем), употребление терминов родства как компонента собственного имени.

§ 3.4. О написании китайских имен.

Прописные и строчные буквы в собственных именах людей, прозвищах, псевдонимах, кличках

§ 1. Основное правило. **В собственных именах людей, прозвищах, псевдонимах, кличках и т. д. с прописной буквы пишутся все слова и соединенные дефисом части слов** (*Александр Сергеевич Пушкин*, *Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский*, *Владимир Красное Солнышко*, *Максим Грек*, *Катон Старший*, *Камиль Сен-Санс*, *Шолом-Алейхем*, *Зевс*, *Афина Паллада*, *Каштанка*, *Наф-Наф*), **кроме непереводимых иноязычных служебных слов и слов, обозначающих родственные отношения**[6] (*Бодуэн де Куртенэ*, *Людвиг ван Бетховен*, *Хосе Ортега-и-Гассет*, *Жанна д'Арк*, *Абд ар-Рахман аль-Хамиси*, *Тимур ибн Тарагай*). **Пишутся со строчной буквы нарицательные имена**[7]**, сопровождающие собственное имя, прозвище, кличку и не входящие в их состав** (*отец Иннокентий, Дюма-отец*, *Рони-старший*, *князья Барятинские*, *Снежная королева*, *дядя Степа*, *граф Монте-Кристо*, *король Лир*, *леди Макбет*, *мистер Пиквик*, *дед Мазай*, *царь Дадон*, *доктор Айболит*, *кот Леопольд*, *пес Цербер*).

Исключение-подправило. **В именах персонажей, выраженных предложно-падежным сочетанием или глагольным сочетанием, с прописной буквы пишется только первое слово**, например: *Рике с хохолком*, *Кот в сапогах*, *Кот в шляпе*, *Некто в сером*, *Петушок со шпорами*; *Двое из ларца, одинаковых с лица*; *(лиса) Принеси огня*.

Примеры.

1. Простые личные имена (*Адам*, *Иван*, *Мария*); фамилии (*Иванов*, *Мицкевич*); прозвища (*Кюхля* — В. К. Кюхельбекер, *Сверчок* — А. С. Пушкин); клички (*Васька*, *Мурка*, *Машка*, *Сивка*; *Старик*); имена персонажей (*Карлсон*, *Мойдодыр*, *Морозко*, *Снегурочка*); индивидуальные религиозные[8] и мифологические имена

---

[6] О написании непереводимых иноязычных служебных слов (например, *аль*, *ар*, *ван*, *де*) и слов, обозначающих родственные отношения (например, *ибн*, *заде*), см. § 3.

[7] Нарицательные имена могут служить обращениями, называть родовую принадлежность, титул, звание, должность и под., быть характеристикой человека или служить для различения людей с одним именем. В некоторых случаях наименования титулов, званий, должностей могут быть написаны с прописной буквы. См. об этом § 3.

[8] Особенности употребления прописной буквы в сфере религиозной лексики (например, *сатана*, *Фома неверующий*) будут освещены в подготавливаемом полном своде правил.

(*Атлант*, *Богоматерь*, *Брахма*, *Будда*, *Венера*, *Геркулес*, *Магомет*, *Перун*); наименования династий (*Пушкины*, *Романовы*, *Рюриковичи*, *Бурбоны*); имена во мн. ч., называющие двух и более лиц с одним именем: (две) *Елены*, (братья) *Жемчужниковы*, (супруги) *Толстые*.

2. Составные личные имена, в которые могут входить личное имя (одно или более), отчество, фамилия (одна или более), прозвище, кличка, например: *Михаил Васильевич Ломоносов*, *Николай Андреевич Римский-Корсаков*, *Григорий Александрович Потемкин-Таврический*, *Николай Николаевич Миклухо-Маклай*, *Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов-Смоленский*, *Владислав Маркович Илич-Свитыч*; *Антоша Чехонте*, *Козьма Прутков*, *Искандер Ислахи*; *Ференц Лист*, *Уильям Шекспир*, *Альберт Эйнштейн*, *Исаак Ньютон*, *Гай Юлий Цезарь*, *Хорхе Франсиско Исидоро Луис Борхес Асеведо* (сокр. *Хорхе Луис Борхес*), *Федерико Гарсия Лорка*, *Артур Игнатиус Конан Дойль*; *Афина Паллада*, *Иисус Христос*, *Робинзон Крузо*, *Оливер Твист*, *Чайльд Гарольд*, *Карабас-Барабас*.

Примечание. **О границах собственного имени**

Правило построено на понимании различия между словами, входящими в состав имени собственного, и словами, сопровождающими имя собственное. Нарицательные слова входят в состав имени собственного, если они становятся референтно прикрепленными к конкретному лицу и, соответственно, полностью или частично теряют свое нарицательное значение. Нарицательные слова, сопровождающие имя собственное, сохраняют свое словарное значение. Для некоторых сложных переходных случаев требуются пояснения.

1. В составное имя собственное человека, в кличку, прозвище, псевдоним, имя любого литературного персонажа входят существительные, потерявшие свое нарицательное значение, они не могут трактоваться как родовые для данного героя и не могут восприниматься как метонимический перенос, например: имена людей (*Григорий Саввич Сковорода*, *Всеволод Большое Гнездо*, *Ричард Львиное Сердце*, *Климушка Тихое Лето*), имена персонажей-людей (*Серый Волк*, *Черная Пантера*, *Чингачгук Большой Змей*, *Орлиный Глаз*, *Солнечный Свет*, *Ослиная Шкура*). Все компоненты такого составного имени, кроме служебных слов, пишутся с прописных букв.

Если в основе номинации лежит метонимический перенос, то возможна двойная трактовка границы имени и, соответственно, разное написание, например: *Серая шейка* (у героини-уточки шейка серая) и *Серая Шейка*, *Серебряное копытце* и *Серебряное Копытце*, *Черное ухо* и *Черное Ухо.* При обозначении героев-людей такая метонимия тоже отмечается, хотя и реже: *царь Огненный щит, Пламенное копие с большим войском напал врасплох на наше царство*. В авторских произведениях часто встречается написание с двумя прописными, например: *Железная Маска* (на герое была маска), *бродяга Син, известный как*

Железная Нога (у героя была железная нога), *Синяя Борода* (у героя борода была необыкновенного цвета), *Красная Шапочка*.

2. В составное имя собственное человека, его прозвище могут входить нарицательные существительные, прилагательные, сохраняющие свое значение, но и приобретшие прикрепленность к конкретному лицу (референтную прикрепленность), персонажу, их называют обычно нарицательными[9] словами, например: *Анна Пророчица*, *Владимир Креститель*, *Иван Воин*, *Максим Грек*, *Лев Филолог*, *Толстой-Американец*, *Филипп Пустынник*, *Иоанн Богослов*, *Иоанн Златоуст*, *Феофан Исповедник*, *Нестор Летописец*, *Епифаний Премудрый*, *Елена Прекрасная*. Их использование как части имени собственного задается прямой номинацией в тексте или/и фиксируется энциклопедическими и орфографическими словарями, словарями имен собственных.

Употребление таких существительных и прилагательных как части имени собственного надо отличать от их употребления как определений. В контекстах, в которых подчеркивается прямое значение сопровождающего существительного, оно пишется со строчной буквы (ср. *Нестор-летописец — это не просто ученый монах, сидящий в тепле и выводящий буковки на пергаменте. Это труженик. — Нестор Летописец родился около 1056 г.*)[10].

3. Слова, сопровождающие имя собственное, сохраняют свое прямое значение.

Они могут сопровождать имя собственное:

а) выраженное существительным, например, в препозиции (*архимандрит Палладий*, *император Александр I*, *княгиня Ольга*, *математик Колмогоров*, *директор музея И. А. Антонова*, *отец Александр*, *братья Карамазовы*, *сестрица Аленушка*, *фантазер Никита*, *угодник Николай*, *пророчица Анна*, *царевич Иван*, *батюшка Мороз*, *сватья баба Бабариха*, *пес Тотошка*, *кошка Мурка*, *горгона Медуза*, *госпожа Метелица*, *товарищ Швондер*); в постпозиции (простые и составные): *Николай-угодник*, *Анна-пророчица*, *житие Филиппа-митрополита*, *Марфа-посадница*, *Маша-растеряша*, *Дюма-отец*, *Дюма-сын*, *Медуза-горгона*, *Иван-царевич*, *Аника-воин*, *Марья-искусница*, *Василиса-поповна*,

---

[9] Здесь и далее под обычно нарицательными существительными мы понимаем существительные, «выраженные именами, обычно имеющими значение нарицательных» [Правила, 1956, *§ 98*].

[10] Еще пример: император Юлиан II в христианской историографии получил прозвище *Отступник*. В текстах, описывающих его жизнь, он сначала просто характеризуется как отступник (*старец назвал его безбожником, отступником, человеком без веры*; *отступник Юлиан, а с ним и другие отступники*), но затем эта характеристика становится частью имени: *император Юлиан Отступник*. Значение у слова *отступник* сохраняется, но при этом слово приобретает прикрепленность к данному лицу, что приводит к невозможности поставить его в ряд однородных членов предложения с таким же нарицательным существительным, ср.: некорректно **Юлиан Отступник и другие отступники* при возможном *Юлиан-отступник и другие отступники*.

Курочка-хохлатка; *царь Берендей до колен борода*; *Финист ясный сокол*; *Иван крестьянский сын*; *Иван коровий сын*; *Мороз красный нос*[11];

б) выраженное прилагательным[12], например: *Солунские братья*, *Белый генерал* (о М. Д. Скобелеве), *Великий комбинатор* (об Остапе Бендере), *Вечный жид*, *Маленький принц*, *Железный хромец* (о Тамерлане), *Скупой рыцарь*, *Снежная королева*, *Спящая красавица*, *Мертвая царевна*, *Шамаханская царица* (у А. С. Пушкина), *Зеленый рыцарь*, *Великий инквизитор*, *Орлеанская дева*, *Синяя птица*, *Железный дровосек*.

4. При упоминании того или иного персонажа литературного произведения в другом произведении статус имени может меняться. Например, в сказке А. С. Пушкина «Сказка о мертвой царевне и семи богатырях» сочетание *мертвая царевна* не является именем собственным, но если в другом произведении говорится именно об этой мертвой царевне, то автор вправе отнестись к нему как к имени собственному, т. е. правомерно написание *Мертвая царевна*[13].

5. В авторском тексте часто встречаются отступления от общепринятой нормы: автор придает статус имени собственного любому слову, любому словосочетанию по своему усмотрению, например: *Волк*, *Лиса*, *Колобок*, *Хлеб*, *Русалка*, *Хитрый Лис*, *Серый волк* или *Серый Волк*, *Иван Царевич*, *Бова Королевич*, *Братец Кролик*, *Братец Лис* (ср. *ну что, брат Пушкин*) и др. Автор в своем произведении может выбрать нарицательное обозначение *курочка ряба* (*курочка-рябушка*), или придать статус имени собственного только определительному компоненту *курочка Ряба* (*Жили-были бабушка Даша, внучка Маша да курочка Ряба*), или все словосочетание представить как собственное имя *Курочка Ряба*. Выбор автора должен оправдываться текстом[14]. Известные имена в основном отражаются в литературных и других энциклопедиях, в орфографических словарях, словарях имен собственных.

---

[11] Сочетание имени собственного с последующим устойчивым определением, выраженным существительным с зависимыми словами и обозначающим постоянный признак (*царь Берендей до колен борода*; *Финист ясный сокол*), следует писать без знаков препинания.

[12] Ср. аналогичную структуру в топонимах типа *Черное море.*

[13] Еще пример: в сказке Шарля Перро «Кот в сапогах» действует герой *кот*: *кот спустился с крыши, но кот — на то ведь он и кот — погнался за ней* [мышью], и только в других текстах при отсылке к этой сказке ее герой именуется *Кот в сапогах.*

[14] Так, при выборе написания *Иван Царевич* Иван может быть царевичем, а может и не быть им, в отличие от сочетания *Иван-царевич*, в котором однозначно выражается статус Ивана — *царевич.* Если в тексте нарицательное значение актуализируется (*Жил-был Аника, воин непобедимый, сильномогучий богатырь*), то это предполагает дальнейшее написание *Аника-воин*, а не *Аника Воин.* Написание с двумя прописными будет обоснованным, если в дальнейшем тексте встретится прямое наименование героя (*И прозвали его Аника Воин*) или если имя это достаточно известно.

§ 2. О написании имен собственных не в своей основной функции и имен собственных, ставших нарицательными

1. Основная функция имен собственных — выделение конкретного субъекта или предмета из ряда однородных, его индивидуализация.

2. Имена собственные также могут выступать индивидуализаторами других объектов (*сальто Корбут*, *проба Манту*, *говядина Веллингтон*, *автомат Калашникова*, *таблица Менделеева*, *кристаллы Сваровски*).

3. Имена собственные могут выражать и нарицательные значения — обозначать признак, характерный для хорошо известного участникам коммуникации обладателя данного имени собственного (*оказался Иудой кто-н.*; *второй Чадаев, мой Евгений...*; *еще один Фома неверующий*; *ни одного Шумахера среди наших водителей не нашлось или хотя бы Шварценеггера*; *еще одна Маша-растеряша* и просто *еще одна Маша* (т. е. человек со свойствами знакомой Маши).

Фамилии и имена в форме множественного числа, называющие тип людей с теми же качествами, свойствами характера, что и известный носитель данной фамилии, человек или персонаж с данным именем, сохраняют прописную букву. Написания со строчной буквы возможны как экспрессивно-стилистический прием, чаще всего с целью усиления отрицательной или иронической оценки лица.

Примеры: *Иваны, не помнящие родства*; *Мы все глядим в Наполеоны* (А. С. Пушкин); *советские Шариковы*; *...Что может собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов / Российская земля рождать* (М. В. Ломоносов); *Вот и бредут наши маленькие Ломоносовы в грязь и холод по нескольку километров за знаниями*; но: *современные чичиковы*, *новоявленные геббельсы*, *прибегут плюшкины местного разлива.*

4. Имена собственные могут передавать нарицательные значения, обозначая предметы по имени их создателя, руководителя фирмы: *коллекция Фаберже* (об изделиях), *выставка Репина, Врубеля* (о работах Репина, Врубеля).

Некоторые имена собственные не просто употребляются в функции нарицательных, но — приобретя свое собственное значение — переходят в разряд нарицательных и поэтому фиксируются в словарях (толковых, орфографических) в соответствующем значении и в написании со строчной буквы.

Примеры.

1. Все имена собственные, употребленные для обозначения единиц измерения (*ампер*, *вольт*, *герц*, *джоуль*, *кюри*, *ом*, *ньютон*[15]), химических элементов и минералов (*тантал*, *уран*) переходят в разряд нарицательных и пишутся со строчной буквы.

---

[15] Сокращения названий единиц измерения, данные по фамилиям, пишутся с прописной буквы, например: *Вт* (ватт), *Гц* (герц), *Дж* (джоуль), *Кл* (кулон), *Н* (ньютон), *Ом* (ом), *Па* (паскаль) и др.

2. К именам собственным восходят некоторые нарицательные существительные, обозначающие:

а) предметы, виды животных, названия растений и др., например: *батист*, *галифе*, *гобелен*, *макинтош*, *фигаро* (ткани, предметы одежды); *геркулес*, *карпаччо*, *наполеон*, *оливье*, *пармезан*, *чеддер* (продукты питания, блюда и напитки); *браунинг*, *винчестер*, *кольт*, *маузер*, *наган* (виды оружия); *лутц*, *сальхов*, *риттбергер* (спортивные, танцевальные элементы); *адонис*, *гиацинт*, *нарцисс* (цветы); *махаон*, *аполлон* (бабочки); *голиаф*, *геркулес*, *сизиф* (жуки); *сэссон*, *гаврош* (стрижки); а также *август*, *бойкот*, *дизель*, *екатеринка*, *пирке*[16] и др.;

б) человека по признаку, качеству, свойству, характерному для носителя данного имени собственного, например: *айболит* '*разг.*, *шутл.* человек, который лечит животных' [ТСРЯ, *7*], *иуда* 'предатель, изменник' [ТСРЯ, *312*], аналогично: *альфонс*, *аполлон*, *бурбон*, *ванек*, *ванька*, *геракл*, *геркулес*, *голиаф*, *ирод*, *искариот*, *ихтиандр*, *каин*, *ловелас*, *ментор*, *хам*, *цербер* и др.[17]

Таким образом, одни имена собственные, если они используются для характеристики другого субъекта или объекта, полностью переходят в разряд нарицательных существительных и пишутся со строчной буквы, другие — не переходят в разряд нарицательных и сохраняют прописную букву (*Он не цербер*, *я не Склодовская-Кюри*), третьи находятся на стадии перехода и пишутся в реальных текстах по-разному (*в чем отличия Дерби (или дерби) от оксфордов, блюхеров*). Переход собственного имени в нарицательное фиксируется орфографическими и толковыми словарями.

Существуют опознавательные контексты, позволяющие определить, к какой группе принадлежит то или иное слово.

1. Слова, перешедшие в разряд нарицательных, могут употребляться в роли постпозитивного приложения (*Латники-геркулесы с широко раздвинутыми ногами*; *Мечта любого начальника — буквоедка-цербер в приемной*), слова, не перешедшие в разряд нарицательных, — не могут.

2. Слова, не перешедшие в разряд нарицательных, могут употребляться в контексте со словами *второй*, *другой*, *новый* 'подобный', *сам* (*второй Чадаев, мой Евгений…*; *Видимо, и сам Геркулес не смог бы одолеть весь этот бесконечный путь*), слова, перешедшие в разряд нарицательных, — не могут (**второй цербер, мой сосед*).

---

[16] Ср. нарицательные существительные, восходящие к географическим наименованиям: *аляска*, *балаклава*, *бикини*, *бостон*, *джерси*, *кашемир*, *панама* (предметы одежды, ткани); *бордо*, *коньяк*, *кьянти*, *мадера*, *напареули*, *токай*, *цинандали*, *арзни*, *боржоми*, *ессентуки*, *нарзан* (вина и другие напитки), *гжель*, *палех*, *хохлома*, *баккара* (изделия промыслов и производств), *йоркширы* (порода свиней), *ньюфаундленд*, *джек-рассел-терьер*, *бостон-терьер*, *кинг-чарльз-спаниель* (компоненты сложных названий пород собак).

[17] Нарицательные имена *донжуан* и *донкихот* восходят к именам собственным *Дон Жуан* и *Дон Кихот*.

3. Наличие в тексте явно выраженной отсылки к исконному носителю имени предполагает употребление слова как имени собственного: *Это была настоящая сторожевая собака, неусыпный Цербер, подобный трехголовому псу у ворот Тартара* (В. Н. Фигнер); *Недостаточно слышать Паганини в концертах, где он, как Геркулес, повергает в прах состязающихся с ним скрипачей северных стран* (А. К. Виноградов). При отсутствии поддерживающего контекста, усиливающего ассоциацию с прообразом, автор может выразить свое намерение усилить или не усиливать ассоциацию, выбрав написание с прописной или со строчной. Читающий это может понять, но для записывающего (например, под диктовку) этот смысл может остаться неясным, и он может выбрать любое написание, исходя из своего понимания, ср., например: *Настоящий Геркулес и к тому же умница* (К. Г. Шахназаров) — *Он приземист, скуласт, широкогруд страшно, настоящий геркулес* (В. М. Дорошевич).

§ 3. Дополнительные сведения о написании иноязычных имен

§ 3.1. О написании имен из германских, романских и других европейских языков

Иностранные фамилии могут сопровождаться непереводимыми иноязычными служебными словами (артикли, предлоги, союзы). В русском языке при употреблении некоторых фамилий эти слова могут быть факультативными (например, *изучать творчество Гете*, хотя *фон Гете*) или, наоборот, могут становиться неотъемлемой частью фамилии (*гениальный да Винчи*, но не *гениальный *Винчи*). Иноязычные служебные слова, согласно правилу, пишутся со строчной буквы.

Примеры:

а) германские служебные слова: *фон* (нем. ‘из’), *цу* (‘в’), *ауф* (‘на’) и в сочетаниях *фон дер*, *фон дем*, *ауф дер* и др. (нем.), *ван* (*фан*), *ван дер* (голл.), *аф* (шв.); примеры фамилий, сочетаний имени и фамилии: *фон Штольберг*, *Иоганн Вольфганг фон Гете*, его отец *Иоганн Каспар фон Гете*, *Отто фон Бисмарк*, *барон Манфред фон Арденне*, *Гюнтер фон Хагенс*, *Василий Федорович Шмидт фон дер Лауниц*, *Карл Федорович фон Мекк*; *цу Гуттенберг*, *принц Йозеф цу Зальм-Райффершайдт-Дик*, *цу Изенбург*, *Франц Ксавье цу Штольберг*, *Карл Людвиг фон унд цу Гуттенберг*; *Франц ауф дер Мор*; *Людвиг ван Бетховен*, *Ян ван дер Ваальс*, *Рогир ван дер Вейден*, *Эдвин ван дер Сар*, *Симон ван дер Мер*; *Роберт аф Йокник*, *Густав аф Гейерстам*;

б) романские служебные слова: *да* (ит. ‘из’), *де* (фр. ‘из’), *ле* (артикль), *и* (исп. ‘и’) и их варианты и сочетания: *д’*, *дель*, *делла*, *ди*, *дос*, *дю*; *-и-*, *л’*, *ла* (*ля*), *лас*, *-и-де-*, *де ла*, *де лос*; *душ* (португ. ‘из’); примеры фамилий, сочетаний имени и фамилии: *Леонардо да Винчи*, *Барклай де Толли*, *Лопе де Вега*, *Альфред де Мюссе*, *И. А. Бодуэн де Куртенэ*, *Шарль де Костер*, *Альвар Гомес де Кастро*, *Жанна д’Арк*, *Лука делла Роббиа*, *Паоло делла Стелла*, *Андреа дель*

Сарто, *Доменико ди Джованни, Джовани дос Сантос*, *Мартен дю Гар Роже*, *Ортега-и-Гассет*, *Алеман-и-де-Энеро*, *Чад Гай Бертран ле Кло*, *Хуана Инес де ла Крус*, *Бретон де лос Эррерос*, *баронесса де Сталь*, *Шарль-Мишель де л'Эпе*, *Мануэл душ Сантус Лопиш.*

Примеры текстовых употреблений: *пять секретов да Винчи*; *известные лица династии де ла Крус*; *скульптор делла Стелла*; *изобретатель языка жестов Шарль-Мишель де л'Эпе*, *также известен как аббат де л'Эпе.*

Возможны отклонения от правила.

1. При особом выделении одного из членов рода — носителя фамилии — в написании именно его фамилии иноязычное служебное слово может закрепиться с прописной буквы, ср.: художник *Винсент Ван Гог* (нидерл. *van Gogh*) при *Теодор ван Гог* — кинорежиссер, праправнучатый племянник художника; а также *Ян Ван Эйк* (нидерл. *van Eyck*), *Антон* (*Антонис*) *Ван Дейк* (нидерл. *van Dijck*, *van Dyck*), *Якоб Хендрик Вант-Гофф* (нидерл. *van't Hoff*). Сведения о написании таких фамилий содержатся в лингвистических и научных энциклопедических словарях.

2. При потере или отсутствии связи с традицией передачи династического имени (фамилии рода) в языке-источнике или в русском языке написание непереводимых служебных слов при фамилиях может меняться:

а) служебные слова могут срастись с родовой фамилией в одно слово как в русском языке, так и в языке-источнике или языке-посреднике: например, фамилия русского драматурга *Фонвизин* восходит к нем. *von Wiesen*; фамилия *Вандевельде* восходит к нидерл. *van de Velde* (династия художников *ван де Вельде*: Виллем, Антоний, Ян-старший и Ян-младший); ср. также *Делоне* и *де Лоне* (художник *Робер Делоне* < фр. *Delaunay*, член-корр. РАН *Б. Н. Делоне* — маркиз *Бернар Рене де Лоне* < *de Launay*, геолог *Луи де Лоне*); *Лагранж* и *ла Гранж* (математик *Джозеф Луис Лагранж* < *Lagrange* — *Анри-Луи ла Гранж* < *la Grange*, *Амори де ла Гранж* < *de la Grange*); мореплаватель *Жан Лаперуз* при фр. *La Pérouse* и *Lapérouse*; *Эдгар Дега* — его отец банкир *Огюст де Га*;

б) служебные слова (одно или все) в составе фамилий могут писаться с прописной буквы. В русскоязычном мире они иногда воспринимаются не как значимые единицы (ср. переводимые: *Аристотель из Стагиры*, *Аристотель из Митилены*), а как неотъемлемые условные части фамилии и пишутся соответственно. Например, так пишется фамилия первого директора Императорского Московского технического училища (ныне МГТУ): *Виктор Карлович Делла-Вос*[18]. В сочетании служебных слов прописная буква может писаться только в одном из них (обычно менее частотном), например: *Андрей Андреевич фон Цур-Милен*, *Люк Ауф дер Мор*, *Мелисса Ауф дер Маур*, *Бартоломео де Лас Касас* (*Las Casas*), *Лионель*

[18] Употребление дефиса при написании служебных слов, характерное для XIX в., также объясняется переосмыслением компонентов фамилии в иноязычной среде.

де Ла Лоранси, *Николай* и *Елизавета Фан-дер-Флит*. Сведения о написании таких фамилий содержатся в лингвистических и научных энциклопедических словарях.

3. При создании новых фамилий, псевдонимов, прозвищ могут использоваться служебные слова, их написание в языке-источнике определяется волей автора и воспроизводится в русском языке, например: *Ле Корбюзье* (*Le Corbusier*; настоящие имя и фамилия — Шарль Эдуар Жаннере), *Эдуардо Де Филиппо* (*De Filippo*; настоящая фамилия — *Пассарелли* < *Passarelli*).

4. Современные тексты характеризуются потерей традиционных связей с культурой, что отражается в хаотичном употреблении прописной буквы при передаче непереводимых служебных слов. Написание любого имени по правилу является соответствующим современной орфографической норме русского языка, даже если оно противоречит зафиксированному в том или ином источнике.

5. От служебных слов следует отличать слова *дон*, *дона*, *донна*, *донья*, предшествующие романским именам и фамилиям и означающие ‘господин’, ‘госпожа’. Согласно правилу, они пишутся со строчной буквы, кроме тех случаев, когда они стали компонентом закрепившихся в русском языковом фонде целостных единиц — имен персонажей известных произведений, например: *дон Базилио*, *дон Сезар де Базан*, *донна Роза*, *донна Мария*, *донья Долорес*, *донья Росита*, но имена персонажей: *Дон Кихот* (Мигель де Сервантес), *Дон Жуан* (Ж. Б. Мольер)[19], *Дон Гуан* (А. С. Пушкин), *Дон Карлос* (И. Ф. Шиллер)[20], *Дона Анна* (А. С. Пушкин).

§ 3.2. О написании начальных частей фамилий *Мак-*, *Сан-*, *Сант-*, *Сен-*, *Сент-*, *Тер-*, *О’*

1. Начальные части иностранных фамилий *Мак-*[21], *Сан-*, *Сант-*, *Сен-*, *Сент-*[22], *Тер-*[23], присоединяющиеся к последующей части дефисом[24], пишутся с прописной буквы, например: *Мак-Грегор*, *Мак-Дугалл*, *Мак-Кинли*, *Сан-Мартин*, *Сант-Элиа*, *Санта-Анна*, *Санта-Крус-и-Калаумана*, *Сен-Жюст*, *Сен-Санс*, *Сен-Симон*, *Сент-Бев*, *Сент-Экзюпери*, *Тер-Минасова*, *Тер-Петросян*.

---

[19] О нарицательных словах *донкихот* и *донжуан* см. сноску 17.

[20] Цельность имен персонажей может выражаться и в несклоняемости первого компонента. Ср.: *За XIX век реликвия сменила нескольких хозяев и в 1895 году попала в руки дона Карлоса, графа Мадридского и легитимного претендента на французский трон* (здесь дон Карлос — реальная историческая личность) и *Роль Дон Карлоса создана, так сказать, по форме его таланта* (Дон Карлос — персонаж драмы И. Ф. Шиллера).

[21] *Мак-* — компонент шотландских, ирландских, английских фамилий, восходит к слову со значением ‘сын’.

[22] *Сан-*, *Сант-*, *Сен-*, *Сент-* — компоненты романских фамилий, восходят к слову со значением ‘святой’.

[23] *Тер-* — компонент армянских фамилий, означает ‘господин’.

[24] Слитное и дефисное написание начальных частей фамилий будет освещено в подготавливаемом полном своде правил.

Если часть *Мак-* пишется с последующей частью слитно, то эта часть начинается со строчной буквы, вне зависимости от написания в языке-источнике, например: *Джеймс Макферсон* (*Macpherson*), *Джеймс Эдуард Херви Макдоналд* (*MacDonald*), *Джозеф Реймонд Маккарти* (*McCarthy*).

2. Начальная часть иностранных фамилий *О'*[25], присоединяющаяся к последующей части без пробела, пишется прописной буквой, например: *О'Нил*, *О'Коннор*, *О'Брайен*[26].

§ 3.3. О написании арабских имен и других восточных имен со сходной моделью

В системах письма многих восточных языков нет прописных букв. Русская передача имен из этих языков подчиняется правилам русской орфографии. С прописной буквы пишутся слова и соединенные дефисом части слов, входящие в состав имен, за исключением непереводимого артикля, некоторых терминов родства, а также в разной степени освоенных русским языком слов, обозначающих социальное положение, титул, выражающих почтительное отношение при обращении[27].

1. Артикль *аль* (варианты его написания, отражающие ассимиляцию согласного с последующим согласным *ад*, *аз*, *ан*, *ар*, *ас*, *ат*, *аш*[28], и другие его модификации, например: *ль*, *ш*, *т*, *зуль*, *оль*, *уль*), согласно правилу о написании служебных слов, пишется со строчной буквы.

Примеры:

а) в середине именной конструкции: *Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах*, *Ибрахим аль-Куни*, *Абдулла Мухаммед аз-Зури ад-Дусари*, *Нассер Али аш-Шамрани*, *Абд ар-Рахман I*, *Шейх ат-Таифа*; *Абу-ль-Фарадж*, *Абу-ль-Аббас*, *Абу-р-Рида*, *Абу-с-Сакр*, *Абу-т-Тами*, *Салах зуль-Фикар*, *Кемаль оль-Мольк*, *Мухаммад Зия уль-Хак*;

б) в начале именной конструкции: *аль-Мухтар аль-Касим*, *ан-Насир Ахмед*[29].

---

[25] Начальная часть *О'* входит в состав ирландских и английских фамилий, восходит к слову со значением 'внук', 'потомок по мужской линии'.

[26] От фамилий с начальной частью *О'* нужно отличать псевдоним *О. Генри* (настоящие имя и фамилия — Уильям Сидни Портер), который пишется с точкой и пробелом в соответствии с написанием в языке-источнике *O. Henry*.

[27] Слитное, раздельное, дефисное написании арабских имен будет освещено в подготавливаемом полном своде правил.

[28] Ассимиляция согласного [l(')] происходит перед согласными звуками, передающимися русскими буквами *д* (не перед *дж*), *з*, *л*, *н*, *р*, *с*, *т*, *ш*, и не происходит перед гласными звуками и согласными, передающимися русскими буквами *б*, *в*, *г*, *дж*, *й*, *к*, *м*, *х*, *ф*. Начальная гласная артикля опускается после предшествующей части *Абу*. Ср.: в географических названиях начальная гласная артикля передается буквой э, например: город *Эль-Кувейт*.

[29] В начале предложения артикль пишется с прописной буквы.

2. Термины родства со значением ‘сын’ (например: *ибн*, *бен*, *заде*, *зода*, *оглы*, *оглу*, *улы*, *угыл*) и со значением ‘дочь’ (например: *бинт*, *бинти*, *гызы*, *кызы*[30]) пишутся со строчной буквы. Термины родства *Абу* (‘отец’), *Умм* (‘мать’)[31], *Аль* (‘род, семейство, династия’)[32] пишутся с прописной буквы.

Примеры:

а) включающие термины со значением ‘сын’ и ‘дочь’: *Ахмед ибн Фадлан* («сын Фадлана»), *Джамиль ибн Абдаллах ибн Муаммар аль-Узри*, *Саид бен Теймур*; *Гусейн Раси-заде*, *Сатым Улуг-зода*, *Лютфияр Муслим оглы Иманов* («сын Муслима»), *Саявуш Камран оглу Касумов* («сын Камрана»), *Алибек Шарап улы* («сын Шарапа»); *Хадиджа бинт Хувайлид* («дочь Хувайлида»), *Хайя бинт аль-Хусейн*, *Адина бинти Осман* («дочь Османа»); *Земфира Талгат кызы* («дочь Талгата»);

б) включающие термины со значением ‘отец’ и ‘мать’: *Абу Фирас* («отец Фираса»), *Балхи Абу Шакур*, *Хайрат Абу Бакр*, *Абу-ль-Хасан*; *Умм Хурайра* («мать Хурайры»), *Умм Джафар Зубайда*;

в) названия династий: *Аль Сауд*, *Аль Тани.*

Однако если слова *ибн*, *бен*, *бинт* стоят в начале имени или его сокращенного варианта, то они пишутся с прописной буквы.

Примеры: *Ибн Сина* (ср. с полным именем *Абу Али Хусейн ибн Абдаллах ибн Сина*), *Ибн Фадлан* (ср.: *Ахмад ибн Фадлан ибн Аббас*), *госпожа Бинт аль-Хусейн* (ср.: *Хайя бинт аль-Хусейн*).

От терминов родства нужно отличать слово *Абд* (‘раб’, ‘слуга’), которое в составном арабском имени пишется с прописной буквы, например: *Абд аль-Азиз*, *Абд ар-Рахим*, *Абд ар-Рахман*, *Абд ас-Салам*[33].

3. Названия лиц по гендерно-возрастному признаку *оол* (‘мальчик’) и *кыс* (‘девочка’) при тувинских личных именах и фамилиях пишутся со строчной

---

[30] Термины родства со значением ‘сын’ и ‘дочь’ образуют часть имени, подобную русскому отчеству (в арабских и некоторых других восточных именах она называется *насаб*). Части имени, включающие термины родства, могут иметь эквиваленты — отчества, построенные по русской модели, например: *Муслим оглы — Муслимович*, *Талгат кызы — Талгатовна*, *ибн Хоттаб — Хоттабыч.* Элементы *оглу*, *оглы*, *кызы* авторы [РОС, 2012; Правила, 2006] рекомендуют писать с предшествующей частью имени через дефис. Однако в отчествах такие элементы устойчиво пишутся раздельно в официальных документах, СМИ, в научной и справочной литературе. В академическом электронном ресурсе «Академос» были внесены соответствующие исправления.

[31] Слова *Абу*, *Умм* в сочетании с последующим именем образуют особую часть имени, называющуюся *кунья*.

[32] Слово *Аль*, в русском языке совпадающее по произношению и буквенному составу с артиклем *аль*, употребляется в составе названий правящих династий.

[33] Слово *Абд* в сочетании с именем Аллаха или одним из его эпитетов образует составное личное имя, называющееся *алам*. Например, *Абд аль-Азис* буквально означает «слуга Всемогущего», *Абд ар-Рашид* — «слуга Мудрого», *Абд ар-Рахман* — «слуга Всемилостивого».

буквы, например: *Байыр-оол*, *Сарыг-оол*, *Борбак-кыс*, *Кек-кыс*[34] (ср.: *Уруг* ‘ребенок’ по основному правилу пишется с прописной буквы, например: *Бичии-Уруг*, *Кызыл-Уруг*).

4. Термины, обозначающие титул, социальное положение, выражающие почтительное отношение при обращении и под.: *ага*, *бей* (варианты *бек*, *бег*, *бий*), *каган*, *кади*, *мирза*, *мурза*, *паша*, *тайши*, *тегин*, *хаджи*, *хан*, *ханум* (*ханым*), *шах*, *эфенди* и др. — пишутся со строчной буквы.

Примеры:

а) в препозиции: *бек Саид Ахмед*, *бий Муса*, *мирза Ибрагим*, *хан Токтамыш*, *шах Исмаил I*;

б) в постпозиции: *Мехмет-ага*, *Мамед Гаджи-ага оглы*, *Мурад-бей*, *Якуб-бек*, *Бильге-каган*, *Ирадж-мирза*, *Ших-мурза*, *Ибрахим-паша*, *Гейдар-Кули-хан*, *Кюль-тегин*, *Ибири-тайши*, *Нушафарин-ханум*, *Реза-шах*, *Мухаммед Дурри-эфенди*.

5. В связи с давней практикой записи восточных имен при отсутствии кодификации и с процессами заимствования имен из одного восточного языка (чаще арабского) в другой (например, персидский, таджикский, турецкий) в русском письме встречаются различные модификации арабских имен.

5.1. Написание может отражать различные варианты сращения компонентов имени с артиклем[35]. Например, имя *Абд аль-Азис* передается как *Абдель Азиз*, *Абду-ль-Азиз*, *Абдул-Азиз*, *Абдулазиз*; *Абд ар-Разак* — как *Абдул Разак*, *Абдерразак*; *Салах ад-Дин* — как *Салахуддин*, *Салахеддин*. Варианты написания с отклонением от пп. 1–4 настоящего примечания не рекомендуются, кроме тех случаев, когда имена со сращением компонентов закрепились в русской языковой традиции за известными представителями арабского мира, персонажами, например: *Аладдин* (персонаж арабских сказок, ср.: *Ала ад-Дин*), *Гасан Абдуррахман ибн Хоттаб* (персонаж повести Л. И. Лагина «Старик Хоттабыч», ср.: *Абд ар-Рахман*), *Ходжа Насреддин* (фольклорный персонаж народов Востока, ср. *Наср ад-Дин*).

5.2. Сращение компонентов имени с артиклем может происходить в языках, заимствовавших арабские имена. Например, к арабскому имени *Абд ар-Рашид* восходят кумыкское имя *Абду-Рашид* и татарские *Абдрашид* и *Абдрашит*; к арабскому имени *Абд аль-Азиз* восходят абазинское имя *Абдулазиз* и дагестанское *Абдул-Азиз*[36]; имя персидского поэта, известного под псевдонимом Фирдоуси, закрепилось в форме *Хаким Абулькасим Хасан* (ср. *Абу-ль-Касим*).

---

[34] При образовании от имен с компонентами *-оол* и *-кыс* отчеств с помощью русских аффиксов написание второго компонента через дефис и со строчной буквы сохраняется, например: *Байлак-оолович*, *Байлак-ооловна* (от *Байлак-оол*).

[35] В практике письма варьируют как один и тот же элемент в именах разных людей, так и имя одного человека.

[36] Написание имен регламентируется в специальных справочниках и словарях [см., например: Суперанская, 1987].

5.3. Слова, обозначающие титул, социальное положение, придающие обращению почтительность, могут использоваться вне связи со своим значением — как личное имя или фамилия[37], как часть составного имени или составной фамилии, а также как формант имени или фамилии, что отражается в написании их по-русски[38].

Примеры:

а) имена: *Абу*, *Мирза*, *Мирзо*, *Султан*, *Солтан*, *Хан*; *Алим-Паша*, *Алим-Солтан*, *Девлет-Мурза*, *Аслы-Ханум*, *Сары-Кыс* (алтайское имя); *Абдулхамит*, *Солтанмырза*, *Арсланбек*, *Бекмурза*, *Быдайхан*, *Каирбек*, *Илмуханум*;

б) фамилии: *Ага-Заде*, *Бей-Биенко*, *Бек-Мурза*, *Бен-Хаим*, *Кара-Мурза*, *Исмаил-Заде*, *Хан-Пира*, *Шах-Эмиров*; *Сеидзаде*, *Холзода*, *Мирзазаде*, *Сарсенбайулы*.

В практике письма наблюдается вариативное написание некоторых имен и фамилий, обусловленных разным осмыслением образующих их компонентов, например: *Саидали Вали-заде* и *Вализаде*, *Халык Гусейнович Кор-Оглы* и *Короглы*. На письме следует сохранять официальную форму фамилии или ту форму, которая закрепилась в научных справочных изданиях.

§ 3.4. О написании китайских имен

В китайском иероглифическом письме нет заглавных (больших) знаков для указания начала предложения или для выделения китайских собственных названий в тексте. В записи китайским фонетическим алфавитом используются прописные буквы, но по своим, особым правилам. В русской передаче китайских собственных имен нельзя копировать употребление прописных букв с написаний в языке-источнике, а нужно следовать правилам, установленным для русского языка.

1. Китайские собственные имена состоят из фамилии и имени[39], которые, согласно правилу, пишутся с прописной буквы, например: *Лу Синь*, *Чжан Цзай*, *Чжан Бинлинь*, *Сунь Ятсен*, *Сыма Цянь*, *Оуян Сю*, *Сыма Сянжу.*

2. Числительные *и* ‘один’, *эр* ‘два’, *сань* ‘три’, *сы* ‘четыре’, *у* ‘пять’ и т. д. в составе имени пишутся:

а) со строчной буквы, если присоединяются к личному имени;

б) с прописной, если используются в качестве имени[40].

Примеры:

а) имя + числительное: *Ван-ци*, *Ли-шиэр* (букв. «Ли двенадцатый»), *Ду-эр*;

---

[37] Использование в качестве личных имен слов, называющих титул, обозначающих социальный статус, обусловлено древней традицией называть детей в честь почитаемого в семье человека.

[38] См. сноску 36.

[39] В китайском полном имени фамилия всегда предшествует личному имени.

[40] Использование числительных в качестве имен характерно для бытовой, неофициальной речи.

б) фамилия + имя + числительное: *Чжан Лю-сань*[41];

в) фамилия + имя, выраженное числительным: *Ван Ци*, *Тан Сань*, *Чэнь И.*

3. Непереводимые формы обращения *лао* ‘господин, старина’, *сяо* ‘маленький’, *а* ‘братец’ перед фамилией устойчиво пишутся с прописной буквы, хотя это противоречит правилу (имя при этом обычно опускается), например: *Лао Ван*, *Сяо Ли*, *А-Чжан*[42].

4. Непереводимые титулы, ранги знатности, слова, обозначающие социальное положение (*ван*, *гун*, *ди*, *хоу*, *хуанди*, *цзу*, *цзун*, *цзы* и др.), пишутся со строчной буквы, например: *У-ван*, *Вэнь-гун*, *Гуан У-ди*, *Сяо У-ди*, *У-хоу*, *Эрши-хуанди*, *Гао-цзу*, *Шэн-цзун*, *Мэн-цзы*, *Сипин-гунчжу*, *Байюань-сяньшэн*[43].

5. От слов, обозначающих титулы, обращения и под., образовались многие китайские фамилии, например: *Ван Говэй*, *Цзы Цай*, *Цзу Сюецин*, *Хоу Ифань*, *Гун Лумин*, *Бо Лэтянь*, *Сяо Чжань.*

6. Ввиду трудности выделения звания, титула, термина родства и под. из состава имени представителей древней китайской культуры, учитывая изменения, происходившие в системе имен, по-русски их имена пишутся по сложившейся традиции, закрепленной в специальной литературе, научных трудах и энциклопедических словарях.

Источники

Агеенко Ф. Л. Словарь собственных имен русского языка: ударение, произношение, словоизменение. М. : Мир и Образование, 2010.

Академос : академический орфографический ресурс / Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. URL: https://orfo.ruslang.ru (дата обращения: 15.12.2021).

БРЭ − Большая российская энциклопедия. URL: https://bigenc.ru/ (дата обращения: 15.12.2021).

БСЭ — Алфавитный указатель иностранных имен (фамилий) // Большая советская энциклопедия / гл. ред. С. И. Вавилов. 2-е изд. Т. 51. М. : Большая советская энциклопедия, 1958. С. 376–413.

Гугл. Книги. URL: https://books.google.ru/ (дата обращения: 15.12.2021).

Инструкция, 1975 − Инструкция по русской передаче географических названий стран испанского языка / Гл. упр. геодезии и картографии при Совете Министров СССР. М. : [б. и.], 1975.

---

[41] Существует две традиции написания имен, включающих в свой состав числительные. Одна из них отражена в данном правиле, вторая состоит в слитном написании подобных имен. Для унификации написания требуется согласование со специалистами и решение Орфографической комиссии РАН.

[42] *Лао-цзы* (древнекитайский философ; компонент *цзы* не является фамилией).

[43] Согласно рекомендации Л. Р. Концевича, односложные в китайском языке слова, указывающие на титулы, ранги знатности, социальное положение, следует писать через дефис, а двусложные — отдельно, например: *Чжан тунчжи* «товарищ Чжан», *Ли сяньшэн* «учитель [достопочтенный] Ли», *Лю гуаньжэнь* «господин Лю», *Сунь фужэнь* «госпожа Сунь», *Чжао цзяошоу* «профессор Чжао», *Ван боши* «доктор [наук] Ван», но *Чжоу-гун* «князь Чжоу», *Чжу-цзы* (*Чжу Си*) «мудрец Чжу» [Концевич, 2002, *49*]. Однако эта рекомендация не является общепринятой. Для унификации написания требуется согласование со специалистами и решение Орфографической комиссии РАН.

Лопатин В. В., *Нечаева И. В.*, *Чельцова Л. К.* Прописная или строчная? Орфографический словарь. М. : Эксмо, 2011.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990.

МИД — Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/home (дата обращения: 15.12.2021).

Мильчин А. Э., *Чельцова Л. К.* Справочник издателя и автора: редакционно-издательское оформление издания. 4-е изд. М. : Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: http://ruscorpora.ru (дата обращения: 15.12.2021).

Правила, 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации / Акад. наук СССР, М-во высш. обр. СССР и М-во просвещ. РСФСР. М. : Гос. уч.-пед. изд-во М-ва просвещ. РСФСР, 1956.

Правила, 2006 — Правила русской орфографии и пунктуации : полный академический справочник / отв. ред. В. В. Лопатин. М. : Эксмо, 2006.

РГБ − Единый электронный каталог // Российская государственная библиотека. URL: https://search.rsl.ru/ru/search#q=%D0%BB%D0%B 0%D0%BE (дата обращения: 15.12.2021).

Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию и литературной правке. М. : Книга, 1967.

Розенталь Д. Э. Прописная или строчная? Словарь-справочник. 5-е изд., испр. М. : Русский язык, 1989.

Розенталь Д. Э., *Джанджакова Е. В.*, *Кабанова Н. П.* Справочник по русскому языку: правописание, произношение, литературное редактирование. 7-е изд. М. : Айрис-пресс, 2010.

РОС, 2012 — Русский орфографический словарь / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012.

Суперанская, 1987 — Справочник личных имен народов РСФСР / отв. ред. А. В. Суперанская. 3-е изд., испр. М. : Русский язык, 1987.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004.

Яндекс. Новости. URL: https://newssearch.yandex.ru/ (дата обращения: 15.12.2021).

eLIBRARY.RU — Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU. URL: https://www.elibrary.ru/defaultx.asp (дата обращения: 15.12.2021).

Исследования

Арутюнова Е. В. Русская орфография арабских личных имен. Материалы к правилу // Русский язык в современном мире : сб. ст. по итогам науч.-практ. конф. (17–18 мая 2018 г.) / под ред. В. Н. Селедцовой, Н. В. Бубновой. Смоленск : ВА ВПВО ВС РФ, 2021. С. 5–12.

Арутюнова Е. В., *Бешенкова Е. В.*, *Иванова О. Е.* Прописные и строчные буквы в географических и административно-территориальных названиях: академические правила русской орфографии // Вопросы ономастики. 2020. Т. 17, № 2. С. 256–277. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027

Арутюнова Е. В., *Бешенкова Е. В.*, *Иванова О. Е.* Прописные и строчные буквы в собственных именах, прозвищах, псевдонимах, кличках: проект академических правил // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. Вып. 3. С. 25–53.

Бешенкова Е. В., *Иванова О. Е.* Теория и практика нормирования русского письма. М. : ЛЕКСРУС, 2016.

Гиляревский Р. С., *Старостин Б. А.* Иностранные имена и названия в русском тексте : справочник. 3-е изд., испр. и доп. М. : Высш. школа, 1985.

Зализняк А. А. Имена собственные : приложение // Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 6-е изд., стер. М. : АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2019. С. 731–786.

Калакуцкая Л. П. Орфография фамилий // Нерешенные вопросы русского правописания / отв. ред. Л. П. Калакуцкая. М. : Наука, 1974. С. 68–93.

Концевич Л. Р. Китайские имена собственные и термины в русском тексте : пособие по транскрипции. М. : Муравей, 2002.
Королёва И. А. Становление русской антропонимической системы : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Моск. пед. гос. ун-т. М., 2000.
Крюков, 1986 — Системы личных имен у народов мира / отв. ред. М. В. Крюков. М. : Наука, 1986.
Николенкова Н. В., *Дин Ц.* Правописание имен собственных в текстах конца XIX века как этап освоения китайских заимствований // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 345–347.
Селищев А. М. Труды по русскому языку. Т. 1 : Язык и общество. М. : Языки славянской культуры, 2003.
Сталтмане В. Э. Раздельное, слитное и дефисное написание собственных названий // Орфография собственных имен / отв. ред. А. А. Реформатский. М. : Наука, 1965. С. 25–43.
Суперанская А. В. Прописная и строчная буква в именах собственных разных категорий // Орфография собственных имен / отв. ред. А. А. Реформатский. М. : Наука, 1965. С. 44–80.
Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М. : Наука, 1973.
Успенский Ф. Б. Словарь Н. М. Тупикова и принципы имянаречения в Древней Руси // Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. М. : Русский путь, 2004. С. 881–891.

Рукопись поступила в редакцию 25.12.2021

* * *

Арутюнова Елена Вячеславовна
кандидат филологических наук,
член Орфографической комиссии РАН,
старший научный сотрудник отдела
культуры русской речи
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: arutyunova.elena@gmail.com

Бешенкова Елена Виленовна
кандидат филологических наук,
член Орфографической комиссии РАН,
ведущий научный сотрудник отдела
культуры русской речи
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: evbeshenkova@gmail.com

Иванова Ольга Евгеньевна
кандидат филологических наук,
член Орфографической комиссии РАН,
ведущий научный сотрудник отдела
культуры русской речи
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2
E-mail: olliva95@yandex.ru

Arutyunova, Elena Vyacheslavovna
PhD, Member of the Spelling Commission
of the RAS, Senior Research Fellow
Department of Culture of Russian Speech
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Email: arutyunova.elena@gmail.com
https://orcid.org/0000-0003-1515-9869

Beshenkova, Elena Vilenovna
PhD, Member of the Spelling Commission
of the RAS, Leading Research Fellow
Department of Culture of Russian Speech
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Email: evbeshenkova@gmail.com
https://orcid.org/0000-0002-5357-6885

Ivanova, Olga Evgenievna
PhD, Member of the Spelling Commission
of the RAS, Leading Research Fellow
Department of Culture of Russian Speech
V. V. Vinogradov Russian Language Institute
of the RAS
18/2, Volkhonka Str., 119019 Moscow, Russia
Email: olliva95@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0003-4887-8376

Elena V. Arutyunova
Elena V. Beshenkova
Olga E. Ivanova
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the RAS
Moscow, Russia

UPPERCASE AND LOWERCASE LETTERS IN PROPER NAMES, PSEUDONYMS, NICKNAMES: ACADEMIC RULES OF RUSSIAN SPELLING

The article proposes a detailed rule for the use of uppercase and lowercase letters in proper names, pseudonyms, and nicknames. It follows the systemic principle of personal names' spelling under which a capital letter is used to mark the individualizing components of an anthroponymic pattern. The latter may also include various components written with lowercase letters such as function words (including untranslatable foreign prepositions, conjunctions, articles; common words indicating degree of kinship, gender, age) and definitions denoting social status, serving to impart courtesy, etc. The rule does not change the existing written norms while introducing the new ones to cover the structural types of names, nicknames, and pseudonyms that previously were not regulated at all or regulated only partially and inconsistently. The main rule is supplemented by a sub-rule exception on the spelling of names that are prepositional-case combinations or verb combinations, and a note introducing the correlation between capitalization in compound names and the writer's understanding of the proper name's delimitation (*chicken Ryaba, Kurochka Ryaba*). It also includes a paragraph applying to the following difficult cases: 1) ambiguous functional and semantic interpretation of words that make up the anthroponymic formula, 2) proper names used as appellatives (*Mantoux test — to do a mantoux*), 3) changing a surname spelling to single out a particular member of the family (for Romance and other European languages) (*van Gogh — Van Gogh*) or a general change in the spelling tradition (*van de Velde — Vandevelde*, *la Grange — Lagrange*), 4) rendering modern and historical names from Arabic and related languages, namely structural elements (the article *al* and its variants), kinship terms (*ibn*, *bin*, *zade*, *ogly* 'son', *bint*, *kyzy*, *kyz* 'daughter', but *Abu* 'father', *Umm* 'mother'), terms of social status (*aga*, *bey*, *murza*, *pasha*), 5) rendering Chinese names.

K e y w o r d s: Russian language; spelling rules; codification; capital letter; anthroponyms; anthroponymy; proper names

Acknowledgements
The authors express their gratitude to the staff of the scientific publishing house "Big Russian Encyclopedia," as well as to the specialists in Oriental languages and onomastics (A. Abyanov, G. Aganina, A. Baiyr-ool, A. Bakhmatova, N. Bubnova, K. Pimenov, M. Rukodelnikov, N. Suvandia) for their valuable assistance in collecting material, consultations, and discussion of the problems of Russian translation of foreign names.

Arutyunova, E. V. (2021). Russkaia orfografiia arabskikh lichnykh imen. Materialy k pravilu [Russian Spelling of Arabic Personal Names. Materials to the Rule]. In V. N. Seledtsova, & N. V. Bubnova (Eds.), *Russkii iazyk v sovremennom mire: sb. st. po itogam nauch.-prakt. konf. (17–18 maia*

2018 g.) [Russian Language in the Modern World — 2018: Proceedings of the Research Conference] (pp. 5–12). Smolensk: VA VPVO VS RF.

Arutyunova, E. V., Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2020). Propisnye i strochnye bukvy v geograficheskikh i administrativno-territorial'nykh nazvaniiakh: akademicheskie pravila russkoi orfografii [Uppercase and Lowercase Letters in Geographical and Administrative Territorial Names: Academic Rules of Russian Spelling]. *Voprosy onomastiki, 17*(2), 256–277. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2020.17.2.027

Arutyunova, E. V., Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2021). Propisnye i strochnye bukvy v sobstvennykh imenakh, prozvishchakh, psevdonimakh, klichkakh: proekt akademicheskikh pravil [Uppercase and Lowercase Letters in Proper Names, Nicknames, Pseudonyms: a Draft of Academic Rules]. *Trudy Instituta russkogo iazyka im. V. V. Vinogradova*, 3, 25–53.

Beshenkova, E. V., & Ivanova, O. E. (2016). *Teoriia i praktika normirovaniia russkogo pis'ma* [Theory and Practice of Normalizing Russian Writing]. Moscow: LEKSRUS.

Gilyarevsky, R. S., & Starostin, B. A. (1985). *Inostrannye imena i nazvaniia v russkom tekste: spravochnik* [Foreign Names and Titles in the Russian text: A Reference Book] (3rd ed.). Moscow: Vysshaia shkola.

Kalakutskaya, L. P. (1974). Orfografiia familii [Spelling of Surnames]. In L. P. Kalakutskaya (Ed.), *Nereshennye voprosy russkogo pravopisaniia* [Unresolved Problems of Russian Spelling] (pp. 68–93). Moscow: Nauka.

Kontsevich, L. R. (2002). *Kitaiskie imena sobstvennye i terminy v russkom tekste: posobie po transkriptsii* [Chinese Proper Names and Terms in the Russian Text: A Transcription Guide]. Moscow: Muravei.

Koroleva, I. A. (2000). *Stanovlenie russkoi antroponimicheskoi sistemy* [The Development of Russian Anthroponymic System] (Habilitation thesis). Moscow State Pedagogical University, Moscow.

Kryukov, M. V. (Ed.). (1986). *Sistemy lichnykh imen u narodov mira* [Systems of Proper Names of the Peoples of the World]. Moscow: Nauka.

Nikolenkova, N. V., & Din, Ts. (2020). Pravopisanie imen sobstvennykh v tekstakh kontsa XIX veka kak etap osvoeniia kitaiskikh zaimstvovanii [Spelling of Proper Names in the Texts of the Late 19th Century as a Stage in the Adaptation of Chinese Borrowings]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia*, 1(80), 345–347.

Selishchev, A. M. (2003). *Trudy po russkomu iazyku* [Works on the Russian Language] (Vol. 1). Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury.

Staltmane, V. E. (1965). Razdel'noe, slitnoe i defisnoe napisanie sobstvennykh nazvanii [Separate, Merged, and Hyphenated Spelling of Proper Names]. In A. A. Reformatsky (Ed.), *Orfografiia sobstvennykh imen* [Spelling of Personal Names] (pp. 25–43). Moscow: Nauka.

Superanskaya, A. V. (1965). Propisnaia i strochnaia bukva v imenakh sobstvennykh raznykh kategorii [Uppercase and Lowercase Letter in Proper Names of Different Categories]. In A. A. Reformatsky (Ed.), *Orfografiia sobstvennykh imen* [Spelling of Personal Names] (pp. 44–80). Moscow: Nauka.

Superanskaya, A. V. (1973). *Obshchaia teoriia imeni sobstvennogo* [General Theory of the Proper Name]. Moscow: Nauka.

Uspenskij, F. B. (2004). Slovar' N. M. Tupikova i printsipy imianarecheniia v Drevnei Rusi [Nikolai Tupikov's Dictionary and the Principles of Naming in Ancient Russia]. In N. M. Tupikov, *Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen* [Dictionary of the Old Russian Personal Names] (pp. 881–891). Moscow: Russkii put'.

Zaliznyak, A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo iazyka. Slovoizmenenie* [Grammatical Dictionary of the Russian Language. Inflection] (6th ed.). Moscow: AST-PRESS ShKOLA.

Received on 25 December 2021

СООБЩЕНИЯ

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.025
УДК 811.512.141’373.23 + 39(=512.141) + 81’286 +
+ 94(470.57)“1920/1930” + 930.2:81’22

Т. Г. Мухтаров
Уфимский федеральный
исследовательский центр РАН
Уфа, Россия

ОНОМАСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ БАШКОРТОСТАНА В МАТЕРИАЛАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ 1920–1930-х гг.

Целью статьи является выявление и интерпретация ономастического материала лингвистических и комплексных экспедиций 1920–1930-х гг. в Тамьян-Катайском и Аргаяшском кантонах Башкирии, организованных Академическим центром Народного комиссариата просвещения БАССР совместно с АН СССР. Источниками послужили документы, отчеты, тексты, собранные у населения во время экспедиций 1928–1929 гг. и хранящиеся в Научном архиве УФИЦ РАН. Установлено, что в научных экспедициях собран значительный материал по ономастике башкирского языка: личные имена и фамилии, коллективные и индивидуальные прозвища, географические названия, этнические наименования родов и племен, родовых подразделений и этносов, проживающих на территории республики, а также мифонимы, мифотопонимы, космонимы, зафиксированные, с одной стороны, в отчетах, маршрутных листах, списках информантов, указателях родоплеменных названий и атрибутов башкирских родов, племен, родовых подразделений, а с другой стороны — в связных текстах информантов, посвященных истории рода, деревни, семьи, обычаям, верованиям, сказкам, легендам и др. Эти документы представляют большую ценность, так как в них содержится архаичный материал, касающийся не только ономастики, но и воззрений и верований башкир. В качестве примера можно привести имена и прозвища духов-помощников башкирских знахарей (*баксы*), фиксация которых свидетельствует о том, что в начале XX в. у лесных башкир еще сохранялись реликты шаманизма.

Ключевые слова: башкирский язык; башкиры; лингвистические экспедиции; ойконимы; антропонимы; этнонимы; мифонимы

© Мухтаров Т. Г., 2022

Введение

Для ономастической науки одной из важнейших задач является поиск и введение в научный оборот новых письменных источников, которые дают возможность расширить и углубить сведения об изучаемом объекте. Источниковедческий потенциал башкирской ономастики используется довольно активно: башкирскими ономатологами введены в научный оборот личные имена и фамилии башкир, извлеченные из таких документов, как ревизские сказки 6–10 ревизий 1811–1859 гг. [НА РБ, ф. И-138, оп. 1], формулярные списки о службе чиновников башкиро-мещерякского войска за 1838–1842 гг. [ФС], родословные-шежере XVI–XX вв. [БШ]; топонимические сведения, зафиксированные в документах XVII–XIX вв.[МИБ] и содержащиеся в «Экономических примечаниях к генеральному межеванию» (1795–1798) [РГАДА, ф. 1355, оп. 1], трудах П. И. Рычкова, путевых записках И. И. Лепехина, П. С. Палласа, картографических материалах С. У. Ремезова, И. К. Кириллова, а также в шежере, рукописных историях деревень, «Письме Батырши» и т. д. [Хисамитдинова, 1991, *27–48*]. Активно вводятся в научный оборот письменные источники по башкирской мифонимии: в частности, в работе Ф. Г. Хисамитдиновой [2016, *270*, *352*] рассмотрены памятники древнетюркской письменности VI–XI вв., из которых особую ценность представляют «Гадательная книга», книга ибн-Фадлана о путешествии на Волгу в 921–922 гг., словарь М. Кашгари «Дивану Лугат-ит-тюрк» (XI в.) и др. Материал, касающийся башкирской мифологии и мифонимии, извлекается из таких русскоязычных письменных источников XVIII–XIX вв., как «Описание всех в российском государстве обитающих народов…» И. Г. Георги [1799], «Дневные записки...» И. И. Лепехина [1771], «Путешествие по разным провинциям...» П. С. Палласа [2007], материалы статей М. В. Лоссиевского [1878], монография Д. П. Никольского [1899], словарь В. В. Катаринского [1899], «Предрассудки и суеверия башкирцев» П. М. Кудряшева [1989] и др. Из материалов башкирской мифонимии особенно значимы работы М. Уметбаева [1883, *12–20*], Б. Юлуева [1892, *246*], А. Алимгулова [1915, *210–213*], А. Инана [1998, *153–154*], З. Валиди [1994, *78–79*]. Богатая источниковая база представлена по башкирской этнонимии: сюда относятся различные своды, реестры, росписи башкирских волостей, историко-административные сведения о башкирском народе, его родоплеменной структуре, а также труды и путевые записки российских ученых и путешественников XVII–XVIII вв. [Кузеев, 2010, *49–62*]; особую ценность представляют башкирские родословные-шежере XVI–XX вв.[БШ].

Безусловно, корпус источников по башкирской ономастике не ограничивается приведенным нами кратким списком: он включает лишь наиболее крупные и значимые памятники. В целом можно заключить, что досоветские письменные источники по башкирской ономастике полноценно введены в научный оборот, описаны и изучены.

Иначе обстоят дела с источниками советской эпохи, особенно первых ее десятилетий. Революция, гражданская война, репрессии, Великая Отечественная война нанесли огромный урон сбору и введению в научный оборот как ономастического, так и лингвистического материала в целом. Однако часть башкирских лингвистических материалов 1920–1930-х гг. все же удалось сохранить: они находятся в Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра РАН и архиве РАН (Московское отделение). Особую ценность представляют материалы лингвистических и комплексных экспедиций, организованных Академцентром (позднее Научно-исследовательским институтом культуры, ныне Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН). Всего было организовано около 20 научных экспедиций во все башкироязычные регионы Башкирской республики и Советского Союза. Задачи этих экспедиций — изучение национального состава населения Башкирской республики, описание особенностей разговорного языка, быта, нравов, сбор материала для разработки нового литературного языка и словарей башкирского языка, определение языка обучения, воспитания детей и культурного обслуживания взрослого населения республики [БЭ, 1, *88*]. Исходя из поставленных целей были составлены анкеты-вопросники, которые содержали вопросы об истории деревень и других населенных пунктов, о башкирских родах, племенах, родовых подразделениях, названиях местностей (гор, рек, озер, лесов, полей, урочищ и др.), занятиях и ремеслах, верованиях и обычаях башкир, мечетях и учебных заведениях, языковых особенностях взрослого и детского, мужского и женского, работающего и неработающего населения республики.

Присутствие в анкете такого широкого круга вопросов способствовало тому, что был собран богатый ономастический материал, включающий личные имена, фамилии, коллективные и индивидуальные прозвища, географические названия, включая наименования башкирских летовок; огромное количество наименований родовых подразделений; народные термины, связанные с мифологией, космологией, верованиями башкир начала XX в. Материалы записаны в трех графических системах (арабской, латинской, кириллической), функционировавших у башкир в первые десятилетия советской эпохи.

В настоящей статье мы остановимся только на материалах первой комплексной экспедиции, организованной Академцентром совместно с Академией наук СССР в 1928–1935 гг. В работе академической экспедиции приняли участие более ста исследователей, которые были объединены в 17 отрядов. Наряду с отрядами, занимающимися изучением хозяйственной деятельности населения и полезных ископаемых, флоры и фауны Башкирской республики, были отряды, ведущие этноязыковые, археологические, фольклорные исследования. К числу таковых относится фольклорно-лингвистический отряд комплексной экспедиции Академии наук СССР, возглавляемый известным тюркологом Н. К. Дмитриевым. Членами экспедиции являлись М. М. Билялов, З. Ш. Шакиров, О. И. Шацкая, Н. А. Цветинович, Н. Ф. Лебедев, Г. Я. Давлетшин и С. Г. Мирасов [Дмитриев,

1959, *54*]. Этот отряд работал в Башкортостане в 1928–1929 гг. в составе трех фольклорно-лингвистических экспедиций на территории Тамьян-Катайского и Аргаяшского кантонов Башкирской республики. Отчеты и материалы этих экспедиций хранятся в фондах Н. К. Дмитриева в Уфе и Москве [НА УФИЦ РАН, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 11–19; АРАН, ф. 1568, оп. 1, р. 1, ед. хр. 1–62].

В работе лингвистической экспедиции 1928 г. принимали участие три группы — усмангалинская, серменевская и тирлянская. Усмангалинская группа описала 12 деревень, тирлянская обследовала 8 деревень. Всего участниками экспедиции в 1928 г. было охвачено 37 деревень и летовок.

В 1929 г. члены фольклорно-лингвистического отряда разделились на две группы и работали в двух регионах проживания башкир. Первая группа исследователей под руководством Н. К. Дмитриева работала в Белорецком, Абзелиловском и Учалинском районах Башкирской республики. Вторая группа под руководством известного башкироведа З. Ш. Шакирова совершила экспедицию в населенные пункты Аргаяшского кантона (современная Челябинская область). З. Ш. Шакировым и его студентом Б. А. Альметьевым был собран солидный материал, включающий диалектные и фольклорные тексты, ономастический материал Карабольской, Буринской, Кунашакской волостей Аргаяшского кантона [НА УФИЦ РАН, ф. 94, оп. 1].

Топонимический материал комплексной экспедиции 1928–1929 гг. фигурирует в отчетах, маршрутных листах, списках информантов, указателях родоплеменной принадлежности башкирских деревень. Так, например, в научном отчете Н. К. Дмитриева указаны населенные пункты, которые были обследованы в 1928 г.: *Бутаево*, *Шырышки*, *Худайбердино*, *Куюково* (Катайская волость), *Хуирово* (*Суирово*), *Аисово*, *Арышпарово*, *Нукат*, *Субханкулово*, *Зуяково*, *Габдюково*, *Бришево*, *Ассы*, *Маныштыы*, *Сафаргулово*, *Ново-Хасаново*, *Гумбино*, *Усмангали* (Усмангалинская волость), *Кадышево*, *Азыкеево*, *Азналкино*, *Серменево*, *Кузгун-Ахмерово*, *Арипкулово*, *Гадельшино*, *Карталы*, *Азнагулово* (Серменевская волость) и др. Некоторые населенные пункты к настоящему времени исчезли: так, ойконимы *Куюково*, *Хуирово* (*Суирово*), *Субханкулово*, *Арипкулово*, *Гадельшино* в списке деревень современного Белорецкого района Республики Башкортостан отсутствуют. В ряде случаев это исчезновение объясняется изменениями в структуре хозяйственной деятельности населения: некоторыми из указанных ойконимов именовали летовки, которые в конце 1920-х гг. еще были многочисленными. Н. К. Дмитриев отмечает, что в 1928 г. отряды «на своем пути обследовали не только аулы, но и летовки, так как летом население обычно делит свое время между этими двумя пунктами» [НА УФИЦ РАН, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 1]. Летовки со временем были упразднены[1].

---

[1] Еще в начале XX в. летовки под названиями *Йәйге йорт*, *Йәйләү*, *Йәйлек* ‘Летнее кочевье’, *Яҙгы йорт*, *Яҙлау*, *Яҙлык* ‘Весеннее кочевье’, *Көҙгө йорт*, *Көҙләү*, *Көҙлөк* ‘Осеннее кочевье’ еще в начале XX в. были распространены у башкир [Хисамитдинова, 2017, *49*, *61*, *95*, *97*, *99*, *106*, *130*, *131*].

Что касается антропонимического материала, то он также представлен в отчетах, в списках информантов по каждому башкирскому аулу. В качестве примера можно привести отчетные сведения Н. К. Дмитриева по д. Худайбердино:

1) материалы по диалектологии и лексике доставили: *Давлет-бай*[2] *Сахауддинов* (45 л.), *Керимэ Хиляль кызы* (35 л.), *Нагима Ахмедджан кызы* (40 л.) и др. Записано около 700 вокабул;

2) фольклорный материал доставили: *Давлет-бай Сахауддинов* (45 л.), *Сайфулла Ахмадуллин* (22 г.), *Йемиле Хубби-хужакызы* (45 л.). От них записано 23 йыр'а и сказочная фразеология (95 фраз);

3) номенклатура родства записана З. Ш. Шакировым;

4) образцы тамг записали М. М. Билялов и З. Ш. Шакиров [НА УФИЦ РАН, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 1];

по д. Хуирово (Суирово):

1) материалы по диалектологии и лексике доставили: *Бедегуль-Ямал Халлиулла кызы* (65 л.), *Кинйэ-Бике Файзуллина* (53 г.). Всего записано около 300 вокабул;

2) отрывки связной прозы дала *Кинйэ-Бике Файзуллина* (59 л.);

3) фольклорные материалы доставили: *Сахиб-Ямал Рафикова* (35 л.), *Хафиза Захидуллина* (50 л.) [НА УФИЦ РАН, ф. 94, оп. 1, ед. хр. 1].

Аналогичный материал, свидетельствующий об особенностях антропонимической системы башкирского языка начала XX в., представлен по всем обследованным деревням и летовкам башкир. Предварительный анализ показывает, что в начале XX в. в башкирском именнике еще не сложилась современная трехступенчатая система, включающая имя, отчество, фамилию. Она появилась у башкир под влиянием русской трехчленной антропонимической формулы.

В отчетах и списках родоплеменных названий присутствуют этнонимы. Так, например, в отчете за 1929 г. руководителя аргаяшского отряда З. Ш. Шакирова представлены наименования следующих родовых групп д. Аязгулово: *сырзы*, *бякатин* (*мякатин*), *улу-катай*, *бала-катай*, *балды-катай*, *салзаут*, *терсяк*, *сынрян*, *кара-табын* [НА УФИЦ РАН, ф. 94., оп. 1, д. 11]. Кроме башкирских этнонимов, в отчетах научной экспедиции зафиксированы этнонимы *татары-мещеряки*, *мещеряки-татары*, *мещеряки*, *ойраты*, *калмыки*, *киргизы*, *туркмены* [Шакиров, 1929]. Изложенные факты свидетельствуют о контактах башкир Челябинского Зауралья с другими народами региона.

Ономастический материал (личные имена, прозвища, названия гор и рек, народов, родовых подразделений, наименования мифических персонажей)

[2] Двухсоставные имена Н. К. Дмитриевым даны раздельно. В современной орфографии они даются слитно, ср.: *Давлетбай*, *Кинйэбике*.

зафиксирован не только в отчетной документации, но и фигурирует в текстах, записанных у информантов. Так, например, в топонимическом предании об основании д. Асы Катайской волости, записанном от информанта, нашли отражение антропонимы *Колман Тархан* (имя тархана XVI–XVII вв.), *Юлаҡ* (мужское имя), *Төркмән* (личное имя башкира) и др.; топонимы: ур. *Айрыҡарағай* ‘Сосна с развилиной’, ур. *Ләмәҙ буйы* ‘Берега реки Лемез’, г. *Нәре тауы* ‘гора Нарэ’, кочевье *Бесән йорт* ‘Сенное кочевье’ и др.

В тексте рассказа о былых временах, записанном от Маннафа Шарипова (63 г.) из д. Бутаево, представлена номенклатура племенной организации, тамги и родословные башкир-катайцев: ср. родоплеменные названия башкир-катайцев *ҡатай*, *төркмән*, *сыскан*, *суртан*, тамги с наименованиями *балға* ‘молоток’, *туға* ‘дуга’ и др.

В загадках и мифологических текстах нашло отражение множество мифонимов. Так, например, в загадке *Йөҙ йылкы һыуға төштө, Сөләймән батыр ҡыуа төштө* «Сто лошадей вошли в воду, Сулейман-батыр бросился (за ними) вдогонку» зафиксировано имя духа воды *Сулейман*.

В мифологических рассказах встречаются мифонимы, называющие обитателей нижнего мира: *убыр* ‘упырь’, *убыр ҡарсыҡ* ‘упыриха’, *аждаһа* ‘дракон’, *юха йылан* ‘мифическая девушка-змея’, *шүрәле* ‘лесной дух’, *аҙбар* / *абҙар эйәһе* ‘дух двора’, *һыу эйәһе* ‘дух / хозяин воды’, *шайтан* ‘черт’, *пәрей* ‘ведьма / фея’, *дейеү пәрейе* ‘злой великан’, *ызба эйәһе* ‘домовой, дух дома’ и др. [НА УФИЦ РАН, ф. 94., оп. 1, ед. хр. 11–19].

В связных текстах из области народной медицины (заговорах, молитвах, описаниях обрядов), также зафиксированы наименования мифических персонажей башкир. В частности, в тексте, посвященном лечению детского рахита (*өсйән*), содержатся имена и прозвища духов-помощников знахаря (*баҡсы*): *Әүбаш*, *Әбәжәй*, *Һәүбәс*, *Ҡәрсәй*, *Ҡойдис*, *Кәләмәс*, *Сәғәбәс*, *Ҡараман*, *Ғараҙылан*, *Хатабәрәкәт*, *Ғаҙиғолан*, *Әксалим*, *Билғәҙизи*, *Рәхмәни* и др. Перечисленные мифонимы в 1980–1990-х гг. ни нами, ни другими исследователями уже не фиксировались. Между тем их присутствие в заговоре свидетельствует о сохранении шаманистических воззрений у лесных башкир еще в начале XX в.

* * *

Подводя итоги, можно констатировать, что архивные материалы лингвистических экспедиций 1920–1930-х гг. представляют ценный источник по ономастике башкирского языка. В них сохранились наименования исчезнувших в XX в. географических объектов, родовых подразделений, мифологических персонажей, а также антропонимическая система башкир ранней советской эпохи.

Источники

Алимгулов А. Башкирские мифологические рассказы // Вестник Оренбургского учебного округа. 1915. № 5. С. 210–213.

АРАН — Архив Российской академии наук (Москва).

БШ — Башкирские шежере / сост. Р. Г. Кузеев. Уфа : Башкнигоиздат, 1960.

БЭ — Башкирская энциклопедия : в 7 т. / ред. М. А. Ильгамов. Уфа : Башкирская энциклопедия, 2006.

Валиди, 1994 — *Заки Валиди Тоган*. Воспоминания. Кн. 1. Уфа : Китап, 1994.

Георги И. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятников : в 2 ч. СПб. : Имп. Акад. наук, 1799.

Дмитриев Н. К. Отчет о работе лингвистико-фольклорного подотряда Башкирской экспедиции АН СССР за 1928 г. // Башкирский диалектологический сборник / ред. Т. М. Гарипов. Уфа : БФАН СССР, 1959. С. 53–88.

Катаринский В. Башкирско-русский словарь. Оренбург : Тип. Б. Бреслина, 1899.

Кудряшев П. М. Предрассудки и суеверия башкирцев // Башкирия в русской литературе : в 5 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Н. Киреева. 2-е изд. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1989. С. 507.

Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году : в 4 кн. СПб. : Изд-во при Имп. Акад. наук, 1771.

Лоссиевский М. В. Из суеверий и легенд мусульман Оренбургского края // Оренбургский листок. 1878. № 36. С. 1–6.

МИБ — Материалы по истории Башкирской АССР : в 6 т. Т. 1 / ред. А. П. Чулошников. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1936 ; Т. 3 / ред. Н. В. Устюгов. М. : Изд-во АН СССР, 1949 ; Т. 4, ч. 1 / ред. Б. Д. Греков. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1956 ; ч. 2 / ред. А. Н. Усманов. М. : Изд-во АН СССР, 1956 ; Т. 5 / ред. С. М. Васильев. М. : Изд-во АН СССР, 1960 ; Т. 6 / ред. Ю. М. Абсалямов. Уфа : Китап, 2002.

НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан (Уфа).

НА УФИЦ РАН — Научный архив федерального исследовательского центра РАН (Уфа).

Паллас П. С. Путешествия по разным провинциям Российской империи. Извлечения. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2007.

РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Уфа).

Уметбаев М. Приметы, поговорки и изречения магометан Уфимской губернии // Справочная книжка Уфимской губернии / ред. Н. Блохин. Уфа : Печатня Н. К. Блохина, 1883. С. 11–20.

ФС — Документы и материалы по истории башкирского народа (1836–1842). Формулярные списки о службе чиновников башкиро-мещерякского войска за 1836–1842 годы : в 2 кн. / сост. А. Я. Ильясова, З. Г. Гатиятуллин. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012–2014.

Хисамитдинова Ф. Г. Башкирская ойконимия XVI–XIX вв. Уфа : Башк. кн. изд-во, 1991.

Шакиров З. Ш. Краткий отчет по изучению говоров и фольклора Аргаяшского кантона летом 1929 г. // Башкирский краеведческий сборник. 1929. № 1–2. С. 218.

Юлуев Б. Аждаха-змей в рассказах башкир // Этнографическое обозрение. 1892. № 2. С. 246.

Исследования

Инан А. Шаманизм тарихта һәм бөгөн. Өфө : Китап, 1998.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. 2-е изд., доп. Уфа : Дизайн Полиграф-Сервис, 2010.

Никольский Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб. : Тип. П. П. Сойкина, 1899.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологическая лексика башкирского языка. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2016.

Хисамитдинова Ф. Г. Избранные труды : в 7 т. Т. 2 : Ономастика. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2017.

Рукопись поступила в редакцию 24.01.2022

* * *

Мухтаров Тимур Гаязович
кандидат социологических наук,
научный сотрудник
Институт истории, языка и литературы
Уфимский федеральный исследовательский центр РАН
450054, Уфа, пр. Октября, 71
E-mail: Qoz-gon@yandex.ru

Mukhtarov, Timur Gayazovich
PhD, Research Fellow
Institute of History, Language and Literature,
Ufa Federal Research Center of the RAS
71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russia
Email: Qoz-gon@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-5588-315X

Timur G. Mukhtarov
Ufa Federal Research Center of the RAS
Ufa, Russia

BASHKIR ONOMASTIC HERITAGE IN THE MATERIALS OF LINGUISTIC EXPEDITIONS IN THE 1920s–1930s

The article aims to identify and interpret the onomastic material collected in the course of linguistic and general field research in the Tamyan-Katai and Argayash cantons of Bashkiria, carried out by the Academic Center of the People's Commissariat of Education of the BASSR together with the Academy of Sciences of the USSR in 1920s–1930s. The source materials were the documents, reports, and texts collected from the population during the expeditions of 1928–1929, now stored in the Scientific Archives of the Ural Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. These sources were found to include much data on the onomastics of the Bashkir language: personal names and surnames, collective and individual nicknames, geographical names, ethnic names of clans and tribes, tribal divisions and ethnic groups living on the territory of the republic. This also includes the names of mythical characters, placenames, and cosmic objects registered both is documents (reports, route sheets, lists of informants, indexes of tribal names and attributes of Bashkir clans, etc.) and first-person records from informants (regarding the history of the clan, village, family, customs, beliefs, fairy tales, legends, etc.) These documents are of great value, since they contain archaic material relating not only to onomastics, but also to the views and beliefs of the Bashkirs. A good example would be the mention of names and nicknames of the Bashkir healer-spirits (*baksy*), which evidences that the forest Bashkirs still retained relics of shamanism at the beginning of the 20th century.

K e y w o r d s: Bashkir language; Bashkirs; linguistic expedition; oikonym; anthroponym; ethnonym; mythonym

Inan, A. (1998). *Shamanizm tarikhta hem begen* [Shamanism in History and Today]. Ufa: Kitap.
Khisamitdinova, F. G. (2016). *Mifologicheskaia leksika bashkirskogo yazyka* [Mythological Vocabulary of the Bashkir Language]. Ufa: IIIaL UNTs RAN.
Khisamitdinova, F. G. (2017). *Izbrannye trudy* [Selected Works] (Vol. 2). Ufa: IIIaL UNTs RAN.

Kuzeev, R. G. (2010). *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskii sostav, istoriia rasseleniia* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition, History of Settlement] (2nd ed.). Ufa: Dizain Poligraf-Servis.

Nikolsky, D. P. (1899). *Bashkiry. Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe issledovanie* [Bashkirs. Ethnographic and Sanitary-Anthropological Research]. St Petersburg: Tip. P. P. Soikina.

Received on 24 January 2022

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.026
УДК 811.581’373.231 + 811.581’373.235 +
+ 81’373.6

Цянь Цзысинь
Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

КИТАЙСКИЕ ЛИЧНЫЕ ИМЕНА, ВЫРАЖАЮЩИЕ ИДЕЮ МУЖЕСТВЕННОСТИ

В исследовании предпринят опыт анализа современных китайских мужских личных имен с точки зрения семантики наиболее часто отмечаемых в них лексем — тем самым выявляется корпус слов (иероглифов), служащих в китайском ономастиконе для обозначения «мужского начала». Автор отталкивается от современных данных, полученных в результате опроса 200 респондентов, однако к анализу привлекаются также исторические китайские мужские имена. Как показано в работе, в китайской лингвокультуре мужественность оказывается многогранным понятием. Его главным содержанием являются такие качества, как сила, упорство, воля, решительность, умение противостоять любым жизненным трудностям. В именах это выражается как через соответствующие прямые определения («сильный», «твердый», «крепкий», «решительный» и т. п.), так и через образы, в которых подобные качества воплощены аллегорически («волна», «дракон», «тигр», «кипарис» и т. п.). В то же время в китайских мужских именах XX в. представлена и иная семантика, связанная с историей страны, гражданственностью, патриотизмом («Сияй, Китай», «Сделай страну сильной» и др.). По мнению автора, значимым является также тот факт, что начиная с конфуцианской эпохи в целом ряде имен в «мужскую» семантику вплетены представления о таких качествах, как мудрость, гуманность, доброжелательность, следование этикету, гибкость. По всей видимости, это те качества мужчин, без которых невозможно выживание в современном мире со всем комплексом присущих ему сложных проблем.

Ключевые слова: китайский язык; ономастика; антропонимия; мужские личные имена; традиционные народные имена; имена конфуцианской эпохи; идеологические имена

© Цянь Цзысинь, 2022

Введение

Личное имя является одним из основных персонифицирующих признаков человека. Благодаря именам люди могут различать и называть друг друга, обращаться друг к другу. Называя имя какого-то лица, мы уже создаем некое представление о нем, неосознанно перенося на характер человека буквальный смысл его имени или связанные с этим именем культурные ассоциации.

Данная статья посвящена китайским мужским именам, выражающим идею мужественности[1]. Специально эта тема пока не исследовалась, хотя некоторые филологи обращались и к общей системе личных имен Китая, и к их связи с культурой страны [см., например: Сяо Яотян, 2007; Ван Цзяньхуа, 1990].

С точки зрения представителей традиционной китайской культуры, к которым принадлежит и автор, мужчина должен быть уверенным, суровым, стойким духом, непоколебимым. Кроме того, с мужским началом в Китае издревле связывались жизненные амбиции, слава, ум, воля и характер, стремление к процветанию и долголетию.

Как можно видеть, традиционная идея мужественности достаточно многогранна. Мы, с одной стороны, постарались проследить, как эта идея реально воплощается в современных китайских именах, а с другой стороны — выявить ее возможные новые грани и оттенки, возникшие в последнее столетие.

В качестве материала использовалась информация, полученная от 200 респондентов — друзей и знакомых автора. Им было предложено ответить на ряд вопросов, ключевыми из которых являются следующие:

- Какие имена, выражающие понятие «мужественность», вы знаете?
- Каким именем вы назвали бы своего ребенка (мальчика)?

Результаты этого опроса представлены ниже в виде наиболее популярных «именных идеограмм» и их лексических воплощений.

Великий, большой

宏 *хун* ‘обширный’, 伟 *вэй* ‘великий’, 大 *да* ‘большой’, 高 *гао* ‘высокий’, 广 *гуан* ‘широкий’, 泰 *тай* ‘великий, мирный’, 洪 *хун* ‘большой’, 浩 *хао* ‘безбрежный’, 瀚 *хань* ‘широкий’.

Выдающийся, лучший ~ герой, победитель

豪 *хао* ‘выдающийся’, 杰 *цзе* ‘герой, выдающийся’, 凯 *кай* ‘победная песня, победа’, 雄 *сюн* ‘вожак’, 威 *вэй* ‘престиж, авторитет, сила’, 俊 *цзюнь* ‘лучший, выдающийся’.

---

[1] Рассматриваются имена, в составе которых есть хотя бы один иероглиф, выражающий эту идею.

Обладающий силой, крепостью, здоровьем

强 *цян* ‘сильный, мощный, стойкий’, 刚 *ган* ‘твердый, крепкий’, 健 *цзянь* ‘здоровый’.

Волевой, храбрый, решительный, смело движущийся вперед

志 *чи* ‘стремление, воля, идеал’, 毅 *и* ‘решительный’, 达 *да* ‘продвигаться вперед’, 勇 *юн* ‘храбрый’, 猛 *мэн* ‘свирепый’.

Обладающий высокими нравственными качествами

德 *дэ* ‘мораль’, 忠 *чжун* ‘верность’,仁 *жэнь* ‘человеколюбие’, 义 *йи* ‘справедливость’, 礼 *ли* ‘этикет’, 信 *синь* ‘честность’, 建 *цзянь* ‘строить, выступать в защиту’.

Умный, знающий, мудрый

通 *тун* ‘знаток, эксперт’, 智 *чжи* ‘ум’, 贤 *сянь* ‘умный, мудрый’.

В ряде имен многие из этих качеств комплексно передаются через образы мира природы: 涛 *тао* ‘водяные валы, волны’, 波 *бо* ‘волна’, 龙 *лонг* ‘дракон’, 鹏 *пэн* ‘гигантская птица’.

Согласно результатам опроса, наиболее популярными символами в китайских мужских именах являются 强 *цян* ‘сильный, мощный, стойкий’, 杰 *цзе* ‘герой, выдающийся’, 涛 *тао* ‘водяные валы, волны’, 鹏 *пэн* ‘гигантская птица’, 波 *бо* ‘волна’, 凯 *кай* ‘победная песня, победа’, 志 *чи* ‘стремление, воля, идеал’, 刚 *ган* ‘твердый, крепкий’, 建 *цзянь* ‘здоровый’. Из 200 имен опрошенных нами мужчин около 80 включают эти графемы.

Вместе с тем мы обнаружили, что в китайских мужских именах последнего столетия нередко используются иероглифы, указывающие на гражданскую позицию носителя имени, его любовь к родине: 国强 *Гоцян* «Сделай страну сильной», 卫东 *Вэйдун* «Защити Восток», 耀东 *Яодун* «Сияй на Востоке» и др. С другой стороны, в составе китайских мужских имен сохраняют определенную популярность и традиционные иероглифы: 松 *сун* ‘сосна’, 国 *го* ‘страна’, 荣 *жун* ‘слава’, 德 *дэ* ‘добродетель’, 富 *фу* ‘богатство’, 祥 *сян* ‘благоприятный’, 贵 *гуй* ‘дорогой’. В составе 200 имен, которые мы рассматривали, каждое из этих слов встречалось как минимум дважды (祥 *сян* ‘благоприятный’ — четыре раза, 德 *дэ* ‘добродетель’ — три).

Анализируя результаты опроса, мы пришли к пониманию того, что популярность определенных графем в китайских мужских именах менялась в зависимости от событий, происходивших в стране, а также представлений и настроений, преобладавших в разные эпохи. Поэтому далее мы более подробно рассмотрим, как события и настроения разных периодов времени способствовали

формированию смысловых вариантов китайских имен, выражающих идею мужественности.

Ниже рассматриваются три основные группы имен: 1) традиционные имена; 2) имена, вошедшие в обиход под влиянием философии конфуцианства; 3) имена идеологического характера, возникшие в последнее столетие.

1. Традиционные имена

Эту группу представляют главным образом имена, которые созданы на основе названий животных и растений, воплощающих, с точки зрения традиционной китайской культуры, «мужские» качества.

1.1. Имена, восходящие к названиям животных

龙 *лон* ‘дракон’. В традиционной китайской культуре дракон является символом власти, благородства и чести, а также символом удачи и успеха. Именуя так своего ребенка, родители выражают надежду на то, что он станет сильным и ему будут подвластны любые горизонты.

虎 *ху* ‘тигр’, 彪 *бяо* ‘молодой тигр, здоровяк’. В китайской культуре тигр символизирует воинскую доблесть. Изображения этого животного использовались с древних времен как символ храбрости и силы солдат.

豹 *бао* ‘леопард’. Образ леопарда воплощает силу, мощь, индивидуальность и упорство. Кроме того, шкура леопарда с ее расцветкой похожа на древнюю китайскую монету, поэтому животное является также символом удачи.

骏 *цзюнь* ‘конь’, 骐 *ци* ‘конь’, 骥 *цзи* ‘скакун’ — это символы чести, благополучия и верховной власти. При этом также считается, что конь метафорически обозначает трудолюбивого человека.

牛 *ню* ‘бык’. В китайской культуре бык (корова) является символом процветания, усердия, мира, благоприятных настроений и обстоятельств.

熊 *сюн* ‘медведь’ — символ мужества и силы.

雕 *дяо* ‘орел’, 鹰 *ин* ‘орел’. Эта могучая птица несет в себе мужскую энергию «ян» и символизирует победу, величие, силу.

Наряду с названиями «реальных» животных в китайских мужских именах используются названия мифических существ.

鹏 *пэн* ‘гигантская птица Пэн’. Она символизирует величие, большие надежды, будущие великие достижения. Поэты поздних поколений считают птицу Пэн символом высоких устремлений и необузданного духа.

麒麟 *ци линь* ‘мифическое животное Цилинь’. Согласно представлениям китайцев, это животное огромно, однако никому не приносит вреда — передвигаясь, оно даже не приминает траву. Внешне Цилинь похож на оленя, но имеет один рог, коровьи хвост и копыта. Является символом долговечности и благополучия.

1.2. Имена, восходящие к названиям растений

В рамках этой группы в китайских мужских именах отмечены 树 *шу* ‘дерево’, 林 *линь* ‘лес’, 森 *сэнь* ‘лес’, 松 *сун* ‘сосна’, 柏 *бай* ‘кипарис’, 桐 *тун* ‘тунг’, 楠 *нань* ‘феба’, 樟 *чжан* ‘камфорное дерево’, 枫 *фэн* ‘клен’, 梓 *цзы* ‘катальпа’.

Наиболее востребованными в этом ряду являются названия вечнозеленых растений, символизирующих упорство, непреклонность, способность стойко переносить невзгоды. Так, в составе мужских имен нередки иероглифы 松 *сун* ‘сосна’ и 柏 *бай* ‘кипарис’ — ср. суждения об этих деревьях в произведениях китайских авторов:

岁寒，然后知松柏之后凋也。到了每年天气最冷的时候，其他植物多都凋零，只有松柏挺拔,不落。	«Когда каждый год стоит самая холодная погода, большинство других растений увядают, только сосны и кипарисы стоят высоко и не падают». [Конфуций, 2010, *115*]
草木秋死，松柏独存	«Обычные растения и деревья к осени умирают и увядают, только сосна и кипарис даже осенью и зимой все еще цветут и полны жизни. Это хвала сосне за ее упорство и стойкость». [Лю Сян, 2019, *47*]

Вечнозелеными деревьями являются также 楠 *нань* ‘феба’ и 樟 *чжан* ‘камфорное дерево’. 楠 *нань* ‘феба’ — дерево из семейства лавровых. У него плотная древесина, ценная для строительства, и насыщенный аромат. Имена, в которых используется данный иероглиф, означают, что человек так же прочен и ценен, как это растение. Камфорное дерево 樟 *чжан* обладает нежной древесиной и источает чудесный стойкий аромат. В именах этот иероглиф указывает на такие качества человека, как упорство, настойчивость и одновременно мягкость.

2. Имена, вошедшие в обиход под влиянием конфуцианства

Конфуцианство является неотъемлемой частью китайской культуры — оно оказало огромное влияние на жизнь людей и страны в целом. Именно в конфуцианстве подчеркивается, что китайская нация — это великая нация с великими добродетелями.

С точки зрения конфуцианства, мораль есть внутреннее сознательное состояние людей, а не внешняя сдерживающая сила, налагаемая обществом. В обществе, где конфуцианство занимает ортодоксальную позицию, для достижения гармоничного и стабильного развития страны необходимо опираться на силу морали и рассудительность личности. В этой концепции подчеркивается первостепенная значимость самодисциплины и нравственного самосовершенствования. В конечном итоге жизненная этика конфуцианства направлена на саморазвитие,

гармонию в семье и в стране, сохранение мира в человеческом обществе. Положения конфуцианства установили широкий спектр моральных стандартов, которые воспринимаются как образцовые, поэтому слова, ключевые для конфуцианских норм морали, отражаются в именах людей.

Конфуций считал, что наивысшее достижение в личном самосовершенствовании — это быть 君子 *цзюнь-цзы* — человеком высших моральных качеств, благородным человеком. Поэтому иероглиф 君 *цзюнь* ‘господин’, который может обозначать такого благородного человека, нередко встречается в мужских именах: 王贞君 *Ван Чжэньцзюнь*, 周凤君 *Чжоу Фэнцзюнь*, 郭新君 *Го Синьцзюнь* и т. п.

Частью этики конфуцианства является концепция 五常 *саньганучан* — «пять постоянств», «пять незыблемых правил»[2]. Этими пятью «постоянствами» являются доброжелательность, праведность, вежливость, мудрость и вера, причем каждое из них подразумевает свой спектр внутренних качеств человека. В целом они образуют идеал, к которому должны стремиться все люди.

Первое «постоянство» 仁 *жэнь* — доброжелательность — вмещает в себя такие современные понятия, как гуманность и человеколюбие [Долгих, 2003]. По словам Конфуция, «только те, кто обладает качеством доброжелательности, являются настоящими людьми» [Конфуций, 2004, *170*], поэтому иероглиф 仁 нередко отражается в мужских именах: 薛仁贵 *Сюэ Жэнгуй*, 李丙仁 *Ли Бингрен*, 董学仁 *Дун Сюэжэнь*, 鲁景仁 *Лу Цзинжэнь*, 王守仁 *Ван Шурэнь*, 郑有仁 *Чжэн Южэнь*, 张惠仁 *Чжан Хуйжэнь*, 敖秉仁 *Ао Бингжэнь*. Доброжелательность подразумевает сострадательное, доброе и благодарное сердце, способность проявлять милосердие и понимание, что отражается в именах 慕念慈 *Му Няньси*, 叶至善 *Е Чжишань*, 张友善 *Чжан Юшань*, 龚慈恩 *Гун Цянь*, 吴承恩 *У Ченгэнь*, 张有恩 *Чжан Юэнь*, 杨恩 *Ян Энь*, 郭世恩 *Го Шиен*, 祁蒙恩 *Ци Мэнжэнь*, 何思恩 *Хэ Сиен*, 刘恩东 *Лю Эндун*, 杨恩茂 *Ян Эньмао*.

Второе «постоянство» 义 *йи* — праведность, справедливость. Конфуций считал, что после того, как человек становится милосердным, в его сердце складывается ценностная концепция «правильного и неправильного». Прежде чем что-то делать, такой человек выносит решение, соотносящееся с его нравственными ценностями, — эта способность и есть 义 ‘праведность’, что отражено в именах 姚善义 *Яо Шаньи*, 肖忠义 *Сяо Чжуньи*, 李权义 *Ли Цюаньи*, 邢福义 *Син Фуй*, 肖存义 *Сяо Цуньи*.

К сфере праведности в конфуцианстве относится также принципиальность, твердость нравственных установок. Пока человек действует в соответствии с ними, он уверен в своих действиях, силен и неподкупен. Принципиальность — это неукоснительное следование убеждениям, поэтому слова 节 *цзе* ‘этикет,

[2] По мнению некоторых исследователей, эта часть этики конфуцианства использовалась его приверженцами для поддержания феодальной иерархии [см., например: Ван Дань, 2019].

моральная ценность’, 志 *чжи* ‘стремление, воля, идеал’, 操 *цао* ‘поведение; управлять’ используются в именах 张守节 *Чжан Шоуцзе*, 徐广志 *Сюй Гуанчжи*, 肖长志 *Сяо Чанчжи*, 曹操 *Цао Цао*, 邵镇操 *Шао Чжэньцао*.

Третье «постоянство» — 礼 *ли* — в е ж л и в о с т ь. Как отмечает Ли Цзыхань, «строгое соблюдение правил поведения, в которых фиксируются иерархические отношения, рассматривается как условие социальной гармонии, благополучия государства и каждого человека» [Ли Цзыхань, 2015]. Слова 恭 *гун* ‘уважение, учтивость’, 敬 *цзин* ‘почтение’, 谦 *цянь* ‘скромность’,让 *ран* ‘уступать, позволять’ также находим в мужских именах: 杨恭如 *Ян Гунжу*, 张恭义 *Чжан Гунъи*, 李敬 *Ли Цзин*, 董敬 *Дун Цзин*, 邵敬敏 *Шао Цзинминь*, 于谦 *Ю Цянь*, 张克让 *Чжан Кэран* и др.

Четвертое «постоянство» — 智 *чжи* — м у д р о с т ь, б л а г о р а з у м и е. Последователи конфуцианства времен правления династий Сун (960–1279) и Мин (1368–1644) верили, что 智 ‘мудрость’ есть знание. Мэн-цзы и Дун Чжуншу считали, что человеку «необходимо быть гуманным и мудрым» («必仁且知») [Дун Чжуншу и др., 1992, *314*]. От благоразумного человека, который впоследствии может стать «благородным мужем», требуется заниматься самопознанием и освоением сущности явлений — это способствует его моральному совершенствованию. В силу этого иероглифы 敏 *минь*, 明 *мин* и 颖 *инь*, связанные с 智 *чжи*, также являются нередкими компонентами мужских имен: 方以智 *Фан Чжи*, 郭智辉 *Го Чжихуэй*, 张敏 *Чжан Минь*, 赵明 *Чжао Мин*, 陈炯明 *Чен Цзионмин*, 张颖 *Чжан Инь*, 董颖 *Дун Инь*, 王颖 *Ван Инь* и др.

Пятое «постоянство» — 信 *синь* — в е р а, б л а г о н а д е ж н о с т ь. Как считал Конфуций, в общении с людьми, особенно с друзьями, следует придавать особое значение доверию: 君子义以为质, 礼以行之, 孙以出之, 信以成之 «Праведный человек рассматривает справедливость как основу, делает все благопристойно, говорит все скромно и преуспевает благонадежно» [Чжан Яньин, 2007, *239*]. Доверие к человеку тесно связано с его добросовестностью, поэтому в именах используются слова, выражающие это понятие: 公孙信诚 *Гунсунь Синьчэн*, 刘建诚 *Лю Цзяньчэн*, 董守诚 *Дун Шоучэн*, 肖立诚 *Сяо Личэн*, 胡中信 *Ху Чжунсинь*, 富有信 *Фу Фу Синь*, 董舒信 *Дун Шусинь*, 闾世信 *Лу Шисинь*.

Таким образом, «благородный муж» [см.: Цао Лян, 2018] — это воплощение лучших черт человеческого характера, пример для подражания. Это мужчина, наделенный целым комплексом качеств: гуманность, справедливость, принципиальность, почтительность, учтивость, мудрость, добросовестность. Все эти качества вызывают безусловное уважение у окружающих.

3. Имена идеологического характера

Эта группа имен связана с идеологическими доктринами, которые в разное время господствовали в Китае, а также с политическими отношениями,

в которые вступала страна. В данном разделе мы приводим наиболее характерные примеры.

1. Образование Китайской Народной Республики (1 октября 1949 г.) Это было время, когда народ ликовал, вся страна радовалась, сердца жителей были преисполнены гордостью и счастьем. Чтобы подчеркнуть важность этого великого дня, родители давали своим новорожденным детям имена 解放 *Цзефан* «Освобождение», 建国 *Цзяньго* «Основание нации», 建民 *Цзяньминь* «Строительство для людей» и т. п. Тем самым они выражали восторг, царивший тогда в душе каждого китайца, и бесконечную надежду на светлое будущее.

2. Война в Корее (1950–1953), начавшаяся как гражданская война между севером и югом страны, но в скором времени превратившаяся в международную. 19 октября 1950 г. китайские добровольцы отправились на помощь соседям для противодействия американской агрессии. В это время многие родители называли своих детей 援朝 *Юань Чжао* «Помощь Корее» и 卫国 *Вэйго* «Защищать родину».

3. Трехлетний трудный период, или «Три года стихийных бедствий» (1960–1962). В это время Китай оказался перед лицом стихийных бедствий, которые были вызваны целым рядом неблагоприятных факторов — социально-политической нестабильностью и погодными условиями, что привело к Великому китайскому голоду. Однако в этот сложный период люди не отступили, а активно откликнулись на призыв партии: «Опора на собственные силы и упорный труд». Благодаря этому обрели популярность имена 坚强 *Цзянь Цян* «Сильный», 向党 *Сян Дан* «Поддерживать партию» и т. п. — они отражали глубокую веру народа в свою страну и поддержку партийной идеологии.

4. Культурная революция (1966–1976) и последующие годы. В этот период появились мужские имена 耀武 *Яову* «Демонстрация силы» / «Бряцать оружием», 卫国 *Вэйго* «Защищать Родину» и т. п. После Культурной революции страна ждала процветания, повсюду царило стремление восстанавливать и развивать страну, поэтому дети получали такие имена, как 耀华 *Яохуа* «Сияй, Китай» или 文明 *Вэньмин* «Цивилизация».

Выводы

В китайской лингвокультуре хорошо проявлено то, что мужчины должны быть упорными и сильными духом, а их характер закаляется путем противостояния трудностям, проблемам, неудачам. В мужских именах это выражается не только через слова, называющие конкретные черты характера («твердый», «крепкий», «решительный» и т. п.), но и через образы, являющиеся аллегорическим воплощением подобных качеств («тигр», «дракон», «кипарис», «волна» и т. п.). Это объясняется тем, что система именования связана с традиционной китайской культурой, однако мы видим, что традиционная система мужских имен Китая

трансформировалась из-за исторических событий: в XX в. появились имена, отражающие пути становления Китайской Народной Республики, ценности и гражданскую позицию ее жителей, патриотизм («Сделай страну сильной», «Сияй на Востоке», «Основание нации» и др.). Интересно также, что начиная с конфуцианской эпохи в целом ряде имен в «мужскую» семантику вплетаются представления о таких качествах, как мудрость, гуманность, доброжелательность, следование этикету, гибкость. По всей видимости, это те качества мужчин, без которых невозможно выживание в современном мире со всем комплексом присущих ему сложных проблем.

Отметим, что тема, которой посвящена данная статья, является достаточно емкой и требует дальнейшего исследования с охватом более широкого круга исторических и современных имен.

Источники

礼记. 孔子《五经》 北京：北京联合出版公司，2019年. (*Конфуций.* Книга обрядов // Конфуцианское «Пятикнижие». Пекин : Пекинская объединенная издательская компания, 2019.)

刘向，北京，中华书局, 2019年. (*Лю Сян*. Шуоюань. Пекин : Книжный магазин Чжунхуа, 2019.)

论语. 上海：上海古籍出版社，2010年 (*Конфуций*. Лунь Юй. Шанхай : Шанхайское изд-во древних книг, 2010.)

张燕婴. 论语译注 / 张燕婴. 北京 : 中华书局, 2007年. (*Чжан Яньин*. Перевод и комментарии к «Лунь Юй». Пекин : Китайское книгоиздательство, 2007.)

Исследования

Ван Дань. Происхождение и определение традиционных китайских ритуалов и обычаев // Культура и цивилизация. 2019. Т. 9, № 2. С. 105–114.

Долгих О. Конфуцианство: традиции и современность // Вестник Челябинского государственного университета. 2003. № 1. С. 101–110.

Ли Цзыхань. Этикетное поведение как реализация конфуцианских ценностей // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 5, № 3. С. 92–100. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/etiketnoe-povedenie-kak-realizatsiya-konfutsianskih-tsennostey (дата обращения: 27.01.2022).

Цао Лян. Понятие «благородный муж» и профессиональная этика журналиста // Китай: история и современность : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 18–20 октября 2017 г.) / отв. ред. С. В. Смирнов. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2018. С. 141–150.

董仲舒. 春秋繁露 / 董仲舒, 苏舆, 钟哲. 北京 :中华书局, 1992年 (*Дун Чжуншу*, *Су Юй*, *Чжун Чжэ*. Обильная роса летописи Чуньцю. Пекин : Китайское книгоиздательство, 1992.)

王建华.文化的镜像—人名[M].吉林教育出版社, 1990. (*Ван Цзяньхуа*. Зеркальное отражение культуры — личные имена. Цзилинь : Образовательная пресса, 1990.)

萧遥天，《中国人名研究》北京，新世界，2007年 (*Сяо Яотян.* Исследование китайских антропонимов. Пекин : Синьшицзе, 2007.)

Рукопись поступила в редакцию 13.02.2022

* * *

Цянь Цзысинь
аспирант кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: 809314697@qq.com

Qian Zixin
PhD Student
Department of Russian Language, General Linguistics and Verbal Communication
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Ekaterinburg, Russia
Email: 809314697@qq.com
https://orcid.org/0000-0002-7602-9649

Qian Zixin
Ural Federal University
Ekaterinburg, Russia

CHINESE PERSONAL NAMES EXPRESSING THE IDEA OF MANLINESS

The study attempts to analyze modern Chinese male personal names from the standpoint of the semantics of the most frequently used lexemes, thereby revealing a corpus of words (hieroglyphs) that serve to designate “masculine” in the Chinese name system. The author relies on the recent data obtained from a survey with 200 respondents, however, historical Chinese male names are also considered. It is established that in Chinese linguistic culture, masculinity is a multifaceted concept, essentially associated with such qualities as strength, perseverance, will, determination, the ability to withstand any life challenges. The name semantics may convey that both through direct definitions (“strong”, “solid”, “strong”, “resolute”, etc.), and through images in which these qualities are embodied allegorically (“wave”, “dragon”, “tiger”, “cypress”, etc.). At the same time, Chinese male names of the 20th century also showcase the semantics related to the history of the country, citizenship, patriotism (“Shine, China”, “Make the country strong”, etc.). The author notes that since the Confucian era, such qualities as wisdom, humanity, benevolence, following etiquette, and flexibility have been blended into the “male” semantics. Apparently, these are the newly adopted virtues of manliness, without which it would be impossible to survive in the modern world.

K e y w o r d s: Chinese; onomastics; anthroponymy; male personal names; traditional folk names; names of the Confucian era; ideological names

Dolgikh, O. (2003). Konfutsianstvo: traditsii i sovremennost’ [Confucianism: Tradition and Modernity]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1, 101–110.

Dong Zhongshu, Su Yu, & Zhong Zhe (1992). *Chūnqiū fán lù* [Abundant Dew of Chunqiu Chronicle]. Beijing: Zhōnghuá shūjú.

Li, Ts. (2015). Etiketnoe povedenie kak realizatsiia konfutsianskikh tsennostei [Etiquette Behavior as a Realization of Confucian Values]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina, 5*(3), 92–100.

Tsao, L. (2018). Poniatie “blagorodnyi muzh” i professional’naia etika zhurnalista [The Concept of a “Noble Man” and the Professional Ethics of a Journalist]. In S. V. Smirnov (Ed.), *Kitai: istoriia i sovremennost’: materialy XI mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [China: History and Modernity: Proceedings of the 11th International Research and Practice Conference] (pp. 141–150). Ekaterinburg: Ural University Press.

Van, D. (2019). Proiskhozhdenie i opredelenie traditsionnykh kitaiskikh ritualov i obychaev [Origin and Definition of Traditional Chinese Rituals and Customs]. *Kul’tura i tsivilizatsiia, 9*(2), 105–114.

Wang, Jianhua (1990). *Wénhuà de jìngxiàng—rénmíng* [Personal Names as a Reflection of Culture]. Jilin City: Jiàoyù chūbǎn shè.

Xiao, Yaotian (2007). *Zhōngguó rénmíng yánjiū* [Study of Chinese Personal Names]. Beijing: Xīn shìjiè.

Received on 13 February 2022

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.2.027
УДК 811.161.1’373.21 +
+ 811.161.1’282.2(470.317) +
+ 94(470.317)

Т. В. Горлова
Г. Д. Неганова
Костромской государственный университет
Кострома, Россия

ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СТАРИННЫХ ГОДОНИМОВ ГОРОДА НЕРЕХТЫ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ

Нерехта — малый провинциальный город Центральной России, известный с начала XIII в., — возникла и развивалась параллельно с Костромой, Ярославлем, Москвой, являлась одним из центров солеварения средневековой Руси, ныне это районный центр Костромской области. В статье отражены результаты историко-этимологического анализа годонимов Нерехты XVI в. Источниками исследования послужили писцовые книги, духовные и договорные грамоты, а также данные картотеки «Костромского областного словаря» и полевые записи, сделанные в Нерехте и Нерехтском районе в 2017–2019 гг. Выявленные в исторических источниках названия улиц Нерехты, бытовавшие в XVI в., сгруппированы по характеру номинации: 1) отантропонимные годонимы; 2) отэкклезионимные годонимы; 3) годонимы, содержащие во внутренней форме указание на характер окружающего ландшафта; 4) годонимы с затемненной мотивировкой. С привлечением данных диалектологии, истории и этнографии предпринята попытка определить связи проприальных и апеллятивных лексем в говоре нерехтской этнодиалектной зоны. Особенности структурных моделей годонимов Нерехты обозначенного периода свидетельствуют о том, что отантропонимные названия тяготели к модели, где адъектив выражен притяжательным прилагательным, а для образования названий улиц других типов использовалась модель «адъектив + термин», которая позднее становится наиболее продуктивной в годонимии города. Наблюдения показали, что бóльшая часть рассмотренных именований имеет славянское происхождение, и лишь некоторые — субстратное финно-угорское, опосредованное славянскими языками и диалектами. Описание исторической городской

© Горлова Т. В., Неганова Г. Д., 2022

топонимии, рассматриваемой в ситуационных условиях диалектного окружения, способствует определению особенностей говора нерехтской этнодиалектной зоны.

Ключевые слова: ономастика; историческая топонимия; урбанонимия; историко-этимологический анализ; город Нерехта; нерехтская этнодиалектная зона; структурные модели годонимов

В фокусе внимания современной урбанонимии — широкий спектр вопросов: от разработки проблем собственно урбанонимов как отдельного объекта ономастики [Мадиева, Супрун, 2017; Разумов, Горяев, 2019; и др.], «моделей интегрального описания городского пространства» [Шмелева, 2019, *113*], исследования семиотической структуры современного города и проблемы переименований [Голомидова, 2019; Разумов, 2020; и др.] до анализа системы названий отдельных городов [Теркулов, 2020; Асанов, 2015; Щербак, Асанов, 2015; и др.], фрагментов городского ономастикона (годонимы, агоронимы и др.) [Егорова, 2018; Голикова, 2014; и др.] и т. д. Несмотря на усиливающийся в последнее время интерес к изучению топонимии провинциальных малых городов[1], особенности ее семантики, структуры и условия ее функционирования остаются недостаточно описанными. Важную роль здесь играет анализ урбанонимов в ситуационных условиях диалектного окружения: исследование связей топонимических названий малых городов с апеллятивной диалектной лексикой представляет интерес как для региональной ономастики, так и для решения проблемы членения говоров внутри того или иного диалектного объединения. На примере костромских говоров эту проблему обозначила Н. С. Ганцовская [2017]: используя материалы лингвистических карт Г. Г. Мельниченко, она выделила нерехтскую этнодиалектную зону, эскизно представив особенности ее говора, и высказала мнение, что «тип топонимики» — один из маркеров при характеристике этнокультурного пространства [Там же, *67*].

Цель настоящего исследования — произвести историко-этимологический анализ годонимов Нерехты XVI в. с привлечением данных диалектологии, истории и этнографии. Основными источниками послужили исторические документы, в которых встречаются внутригородские названия средневековой Нерехты: духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. [ДГ], писцовые книги Московского государства [ПК], писцовая книга города Костромы [ПК Костромы]. Наиболее интересный из источников — писцовая книга Нагорной половины Костромского уезда письма Василия Афанасьевича Вельяминова и Пантелея Дмитриевича Усова, однако рукопись эта, видимо, не сохранилась [Каталог ПО, *121*]. Тем не менее именно этот документ был в распоряжении М. Я. Диева, когда он работал над «Историей города Нерехты» (сер. XIX в.): ссылаясь на «приправочные писцовые книги Василия Вельяминова и Пантелея

[1] К малым относятся города с численностью населения до 50 тысяч человек.

Усова 1596–1594 годов», М. Я. Диев приводит описание Нерехты XVI в. При подготовке нашего исследования использовалась рукопись М. Я. Диева, хранящаяся в Костромском музее-заповеднике [КМЗ КОК], и современное издание этого труда, подготовленное к печати Т. Б. Кастальевой [Диев, 2014].

* * *

Средневековая Нерехта не являлась городом в классическом понимании: в ней отсутствовали защитные военные укрепления, а среди занятий населения преобладало аграрное производство. Все же благодаря развитию солеваренного промысла в XIII–XVII вв. и получению особых привилегий для солеваров Нерехта постепенно урбанизируется. Первое упоминание о поселении на данной территории относится к 1214 г. До получения официального статуса уездного города, который был присвоен Нерехте в 1778 г., она фигурирует в документах и как *волость Нерехта* (1406–1407), и как *город Нерехта* (1572) [ДГ, *442*]; в 1719 г. Нерехта становится пригородом Костромской провинции [Диев, 1920, *67*].

Наличие в недрах этих земель солевых запасов (что получило отражение в местной топонимии: р. *Солоница*, ул. *Усольская*[2]) предопределило ориентированность населения на солеваренный промысел. Из слобод крестьян, задействованных в добыче и производстве соли, которые, как можно предположить, селились вблизи варниц, складывался средневековый город: в XVI в. в Нерехте имелись храмовые и административные постройки, велась торговля. Одними из самых ранних топонимов Нерехты, зафиксированных в документах, стали названия соляных варниц, что вполне ожидаемо, если учитывать их «градообразующую» роль [Горлова, 2020]. К XVI в. в межевых и писцовых книгах встречается все больше названий, относящихся к топографии самой Нерехты, среди них упоминаются и некоторые названия улиц.

В градостроительстве Западной Европы направляющая и ориентирующая роль улиц начинает приобретать значение лишь в эпоху Ренессанса и получает развитие во времена господства в архитектуре барокко и классицизма; в Россию эти идеи проникают в XVIII в., во времена преобразований Петра I. В Средние века улиц в современном понимании не существовало: «дома строились без всякого порядка, с проходами вокруг каждого» [Миллер, Сытин, 1938, *5*], в средневековом городе *улица* — это и ряд построек, вытянутых в линию (например, вдоль реки), и какой-либо район населенного пункта. В топонимии Нерехты XVI в. встречаются и такие термины, как *сторона* (*Борисоглебская сторона*, *Афанасьевская сторона*, *Зарецкая сторона*), *площадь* (*Борисоглебская площадь*, *Соборная площадь*), *слобода* / *слободка* в значениях ‘то же, что улица’ («монастырская Верхняя

[2] Улица появилась на плане города во второй половине XVIII в., ныне не существует.

слобода» [Диев, 2014, *16*]; «на самом берегу реки Нерехты и под собором была слободка, называемая Шеретянская, или Шеретянка» [Диев, 2014, *18*]), ‘часть улицы’ («в Нерехте ж на посаде на Егорьевской улице Троетцкая слободка, а в ней 9 мест дворов» [ПК, *919*]). К XVII в. в топонимии Нерехты уже превалирует термин *улица*, а *слобода* встречается реже, но отмечен случай онимизации: «на Борисоглебской стороне Слободка из шести дворов и одного дворового места» [Диев, 2014, *18*]. Термин слобода «дожил» в Нерехте до XX в.: «Когда я маленькая была, взрослые иногда говорили *Верхняя слободка*, а где она была, я сейчас точно и не скажу, где-то у реки» (Нерехта, записано в 2017 г.)[3].

Нами выявлены названия улиц, бытовавшие в Нерехте в XVI в.: *Борисоглебская*, *Бритвина*, *Вятская*, *Егорьевская*, *Ильинская*, *Кашникова*, *Корсакова*, *Нагорная*, *Никольская*, *Сергиева слободка*, *Шадрина*, *Шартомская.* Эти названия можно разделить на несколько типов, отталкиваясь от характера номинации.

1. Отантропонимные годонимы: *Бритвина*, *Кашникова*, *Корсакова*, *Шадрина улицы*.

Бритвина улица — наименование предположительно мотивировано антропонимом (прозвищем и отпрозвищной фамилией) *Бритва* / *Бритвин*, который фиксируется начиная с XV в.: *Ивашко Бритва, крестьянин Черенчинскаго погоста* [Тупиков, 1903, *64*], *Иван Бритва* (крестьянин, 1495 г., Новгород), *Дмитрий Бритвин* (помещик, 1608 г., Нижегородский уезд) [Веселовский, 1974, *50*]. Е. Н. Полякова полагает, что основой современной пермской фамилии *Бритвин* стал патроним *Бритва*, упоминаемый в XVII в., и мотивирует его апеллятивом *бритва* ‘острый стальной инструмент’, а также ‘рыба рода сельдей’ [Полякова, 2005, 60] (И. А. Кюршунова считает, что связь антропонима *Бритвин* с апеллятивом *бритва* ‘рыба чехонь’ в волховских ленинградских говорах маловероятна [Кюршунова, 2010, *63*]).

Кашникова улица — ср. *Кашников Микифор* (углицкий помещик, 1612) [Тупиков, 1903, *568*]. По мнению И. А. Кюршуновой, на русском Северо-Западе мотивом возникновения антропонима *Кашников* «стало название лица по роду деятельности, в древнерусском языке *кашник* — ‘тот, кто торгует кашей’» [Кюршунова, 2010, *209*]. Мотивированность по роду деятельности кажется наиболее вероятной и для Костромского региона, ср. названия профессий, зафиксированные в писцовых книгах Костромы и образованные в рамках той же семантико-словообразовательной модели: *блинник*, *хлебник*, *пирожник*, *короваяшник*, *колачник* / *колашник*, *мучник*, *ржаник*, *крупеник*, *масленик*, *луковник*, *вандышник*, *рыбник*, *мясник*, *солоденик* и др.: «Лавка Фомки — кисельника» [ПК Костромы, *207*], «Лавка Неустройка Иванова сына — рыбника» [Там же, *208*], «Лавка Ондрюшки — орешника»

[3] «…В половине XVI века упоминается на Афанасьевской стороне Мокрая слободка, а 1662 года на Борисоглебской стороне — монастырская Верхняя слобода» [Диев, 2014, *16*].

[ПК Костромы, *214*], «Двор Дружинки Васильева сына — крупеника. <...> Промысел его — торгует крупами» [Там же, *130*].

Корсакова улица — личное именование *Корсак* (*Корсаков*, *Корсакович*) обнаруживается в источниках начиная с XV в. [Тупиков, 1903, *200*, *590–591*; Веселовский, 1974, *157*]. Н. А. Баскаков считает, что фамилия *Корсаков* «имеет своей основой русское слово *корсак* ‘вид небольшой лисицы’ <…> заимствованное из тюркских языков кыпчакской группы» [Баскаков, 1979, *73*]. Выдвигается предположение о связи рус. *Корсаков* с литовской фамилией *Ко́рсак*: «*ко́рсак* в этом случае — от названия балтийского племени *корсь*, обитавшего в Курземе» [Федосюк, 1972, *99*]. В нерехтских говорах, как и в целом в костромских, апеллятив *корсак* не зафиксирован.

Шадрина улица — вероятно, от фамилии *Шадрин*, которая восходит к древнерусскому мужскому личному имени *Шадра*, распространенному среди разных сословий и на обширной территории [Тупиков, 1903, *434*, *835*]: *Иван Васильевич Шадра Вельяминов* (вторая половина XV в.), *Козел Дмитриевич Шадрин* (1500 г., Новгород), *Григорий Никифорович Шадрин* (1526 г., Москва) [Веселовский, 1974, *359*], *Якушко Гаврилов сын Шадра* (1685 г., Ярославль) [ПК Ярославля, *623*]. Семантика антропонима связана с диалектным апеллятивом *шадра* ‘природная оспа’ (< тат. *šadra* ‘рябой’ [Фасмер, 4, *394*]), которое встречается в большинстве говоров Русского Севера [Мызников, 2019, *900*]. В костромских говорах также отмечены производные этой лексемы: *шадрина* / *шадринка* ‘небольшой шрам, след от оспы на лице, болячка’ (Буйск., Вохом., Красн., Макар., Мантур.) [ККОС; Ганцовская, 2, *190*], *шадра-бадра*, *шадрушка* ‘прозвище человека, лицо которого испещрено следами от оспы’ (Кологр.), *шадровитый* ‘покрытый следами оспы’ (Галич., Кологр., Костром., Нейск., Парф., Солиг.) и т. д. [Ганцовская, 2015, *421*]. Слова с основой *шадр-* функционируют также в топонимии: по данным [КЛАДР], в России на настоящий момент существует 22 топонима (названия улиц, деревень, сел) с этим корнем.

2. Отэкклезионимные годонимы[4]: *Борисоглебская*, *Ильинская*, *Никольская улицы*.

Борисоглебская улица — название входило в состав топонимической микросистемы *Борисоглебский собор*, *Борисоглебская сторона*, *Борисоглебский колодезь*, где ядром выступал экклезионим *Борисоглебский собор* / *собор Бориса и Глеба.* В XVIII в. *Борисоглебская улица*, видимо, исчезает с карты города в связи со строительством Казанского собора (1709–1713) на месте деревянного собора свв. Бориса и Глеба, а также с изменениями в планировке города после большого пожара 1785 г. и учреждением новых улиц. В [КСС] (издано в 1911 г.) встречается только экклезионим *Борисоглебская церковь*.

[4] Экклезионимы, в свою очередь, имеют отантропонимное происхождение.

Ильинская улица — по названию *Ильинской церкви.* После пожара 1785 г. на этом же месте возвели каменную Преображенскую церковь с престолом Ильи Пророка в нижнем храме. Несмотря на изменение официального названия экклезионима в XVIII в., Преображенскую церковь и в наши дни нерехтчане предпочитают именовать *Ильинской*.

Никольская улица («была расположена по обеим сторонам [реки] и состояла из 14 дворов и 1 пустого дворового места» [КМЗ КОК, *л. 25*]) — по названию *Никольской церкви.* В 1709 г. деревянная Никольская церковь сгорела, в 1710 г. было получено разрешение на строительство каменного Богоявленского храма с приделом Николая Чудотворца, который и ныне находится на левом берегу р. Нерехта. Никольский храм был доминирующим архитектурным элементом и противопоставлялся Борисоглебскому собору, стоящему на правой стороне реки. Отсюда названия правобережной и левобережной частей города: *Борисоглебская сторона* и *Никольская сторона.*

Свои исторические названия улицы *Ильинская* и *Никольская* сохранили вплоть до начала XX в. — времени, когда начались масштабные переименования, связанные с политическими изменениями в стране. Как географические объекты они и по сей день существуют на карте города, но под другими названиями: *Ильинская* — ул. *Розы Люксембург*, *Никольская* — ул. *Володарского.* При этом неофициальные названия *Никольская*, *Ильинская* по-прежнему функционируют в разговорной речи нерехтчан: «…дом-от они тогда поставили на Никольской стороне», «…а ты у Ильинской [церкви] сверни и иди потом прямо, по Нерехтской [улице]» (Нерехта, записано в 2017 г.).

Выше речь шла о случаях, когда название улице давалось по именованию расположенной здесь храмовой постройки. Разберем теперь ситуации, когда объект, названный мотивирующим годоним экклезионимом, находился в значительном удалении от Нерехты.

Улица Сергиева слободка — название связано с *Троице-Сергиевой лаврой*: будучи крупным экономическим субъектом, этот монастырь владел собственностью далеко за пределами прилегающих территорий. В Нерехте лавре принадлежало несколько варничных мест: «Сергиева монастыря два места варнишных, место варнишное Перепелка, да место варнишное Бурко» [Диев, 2014, *12*].

Во всех приводившихся случаях производящие для годонимов экклезионимы имели отантропонимное происхождение. Исключением в этом списке является ***Шартомская улица***: она названа по *Николо-Шартомскому монастырю*, имя которого, в свою очередь, имеет оттопонимное происхождение и соотносится со старинным субстратным названием реки *Шартома* (ныне *Шахмахта*). Монастырь расположен в с. Введенье Шуйского района Ивановской области, но был собственником нерехтских варниц: «место варнишное Векша, что была варница Николы Шартомского монастыря» [Диев, 2014, *12*].

3. Годонимы, содержащие во внутренней форме указание на характер окружающего ландшафта.

Нагорная улица располагалась на правом берегу р. Нерехта, на восточной границе города. Характерно, что в Поволжье правый берег реки принято называть *нагорным*, а левый — *луговым* [Даль, 2, *395*]. Н. С. Ганцовская и Г. Д. Неганова, исследуя народно-разговорную лексику произведений А. Н. Островского, также отмечают употребление названий и географических терминов с корнем *гор-* по отношению к правому берегу Волги [Ганцовская, Неганова, 2012, *158*; Неганова, 2013, *254*]. В «Истории города Нерехты» М. Я. Диева есть упоминание *луговой* и *нагорной сторон*: «28 декабря Кострома была взята Лисовским, пришедшим, заметно, луговою стороною из Данилова, после того как он разбил Монастырского в Данилове (речь идет о левобережье Волги. — *Т. Г.*, *Г. Н.*)» [Диев, 2014, *14*]; «Лисовский <…> прибыл нагорною стороною (правобережье Волги. — *Т. Г.*, *Г. Н.*) подать помощь своим клевретам, стесненным в костромском Ипатском монастыре» [Там же, *15*].

Эта номинативная оппозиция отражает реальную физико-географическую ситуацию: было замечено, что «за немногими местными исключениями, находящими себе легко объяснение, правый берег таких рек является крутым и более или менее высоким, между тем как левый представляет более или менее обширную низменную луговую долину <…> Наблюдения на месте, исторические факты и рассказы местных жителей, подтверждаемые особенностями геологического строения, свидетельствуют в пользу постоянной упорной деятельности реки, направленной к тому, чтобы подмыть крутой правый берег и хотя медленно, но постоянно отступать от левого, оставляя за собою низменную луговую террасу» [ЭС, 5, *272*]. Несмотря на то что река Нерехта имеет довольно пологие берега, так как протекает по низменной местности, все же правый берег возвышается над левым. Возможно, раньше эта разница была более заметной, что отразилось и в местной топонимии.

4. Отдельная группа — годонимы, установление реальных обстоятельств наименования которых затруднено (*Егорьевская*, *Вятская улица*).

Годоним ***Егорьевская улица*** хочется объединить с рядом нерехтских топонимов: *церковь св. Егория* (*Георгия*), *сельцо Егорьевское*, *сельцо Егорьево*, *Егорьева гора*[5], но эта улица не была связана ни с одним из номинируемых объектов про-

[5] М. Я. Диев, повествуя о событиях, которые относятся к началу XVIII в., дает достаточно точное указание на местоположение *Егорьевой горы*: «Серную руду нашел Нерехотского Девичьего м-ря священник Иаков Иванов: шедши из леса <…> увидел, что на Егорьевой горе сверкает, как золото, закричал: “Слово и дело государя!” <…> Завод был против деревни Окулихи, на противоположном берегу реки Нерехты, от города на западе в одной версте» [Диев, 1920, *68*]. Район *Егорьевой горы* становится частью города лишь в XX в., а *Егорьевская улица* в XVI в. упоминается как часть посада: «в Нерехте ж на посаде на Егорьевской улице Троетцкая слободка, а в ней 9 мест дворов» [ПК, *919*]. Отметим, что название *Егорьева гора* демонстрирует удивительную устойчивость, в речи нерехтчан в настоящее время распространен неофициальный хороним *Егорьева гора*: «А он на Любке с Егорьевой горы жонился» (Нерехта, записано в 2017 г.).

странственными отношениями. Кроме того, трудно определить, имеет ли этот годоним отантропонимный или отэкклезионимный характер.

Вятская улица — можно предположить, что название мотивируется отношением к путям сообщения: так, в XVIII в. в Нерехте были *Костромская*, *Ярославская*, *Нижегородская*, *Суздальская улицы*, которые являлись своеобразными указателями направлений. Однако достоверных сведений, которые подтверждали бы связь названия *Вятской улицы* с направлением на город Вятка, отсутствуют.

Не исключено также, что рассматриваемое название образовано от антропонима *Вятка*. Имя зафиксировано в различных источниках начиная с XIII в.: *Кузьма Вятка Яковлев сын Сахарусова* (дворецкий Московского митрополита, 1498), *Степан Вятка Даурский* (казачий пятидесятник, 1663), *Вятко Новгородец* (1225) [Тупиков, 1903, *101*] и т. д. Однако структурная модель, использованная для образования названия *Вятская улица*, ставит под сомнение предположение об отантропонимной мотивированности: в годонимах отантропонимного происхождения этого периода адъектив, как правило, выражен притяжательным прилагательным (ср.: улицы *Бритвина*, *Кашникова*).

Вероятна связь годонима с катойконимом *вятчане* — так называли выходцев из Вятской земли: может быть, свое название *Вятская улица* получила по наименованию поселенцев, прибывших в Нерехту с Вятской стороны. Однако сведений, подтверждающих данное предположение, не имеется.

Кроме того, нельзя исключать возможность метафорической номинации. В говорах апеллятив *вятка* имеет значения ‘клин или ножка, чересполосный участок земли, вдавшийся узкой полосой в чужие земли’ (ряз.) [Даль, 1, *338*], ‘пашня’, ‘соха, выкованная в кузнице’ (арх.) [АОС, 9, *17*]. Река Нерехта в той местности, где предположительно находилась *Вятская улица*, делает изгиб, образуя своеобразный клин, — возможно, такой характер ландшафта мог послужить мотивом для метафорической номинации.

* * *

В завершение вкратце опишем структурные особенности годонимов Нерехты XVI в. Предпочтительной является структурная модель «адъектив + термин», при этом распространены образования от основ, выраженных отсубстантивными относительными прилагательными с суффиксом *ск-* (*Шартомская*, *Ильинская*, *Борисоглебская*, *Вятская*, *Егорьевская улицы*). Впоследствии — начиная с XVII в. — данная модель становится едва ли не единственно возможной (возникают улицы *Кладбищенская*, *Варваринская*, *Суздальская*, *Костромская* и др.).

Кроме того, встречаются названия, где адъектив, образованный от антропонима, выражен притяжательным прилагательным (*Бритвина*, *Кашникова*,

Корсакова, *Шадрина улицы*). Отмечен и единственный случай, где один из компонентов названия представлен словосочетанием, а другой является термином (*улица Сергиева слободка*). Такая модель весьма характерна для современной городской онимии и чужда топонимии средневекового города. Возможно, это показатель буферного состояния термина в составе онима: *слобода* заменяется на термин *улица*, при этом не исчезает из состава онима, а переходит в состав именной части (ср. *село Троице-Слободское* в Ярославской области).

Источники

АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М. : Изд-во МГУ, 1980–. Вып. 1–.

Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома ; М. : КГУ им. Н. А. Некрасова : Книговек, 2015.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1989–1991.

ДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / подгот. Л. В. Черепниным. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950.

Диев М. Я. Город Нерехта в XVIII и в первой половине XIX века. Кострома : Советская тип., 1920.

Диев М. Я. История города Нерехты / предисл. и подгот. Т. Б. Кастальевой. Кострома : ЛинияГрафик, 2014.

Каталог ПО — Каталог писцовых описаний Русского государства середины XV — начала XVII века (Предварительный список) / сост. К. В. Баранов. М. : Древлехранилище, 2015.

ККОС — картотека «Костромского областного словаря» (хранится в Костромском государственном университете).

КЛАДР — Классификатор адресов России. URL: kladr-rf.ru (дата обращения: 01.05.2020).

КМЗ КОК — *Диев М. Я.* История г. Нерехты // Костромской музей-заповедник. КОК 24761.

КСС — Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии : справ. книга. Кострома : Губ. тип., 1911.

ПК — Список с писцовой книги 7101 (1592–1593) г. земель Троице-Сергиева монастыря в волостях Нерехте и Емстне и станах Сорохотцком, Вятском, Черном, Шачебольском и Андомском, письма и меры Третьяка Вельяминова и подъячаго Казарина Федорова // Писцовые книги Московского государства. Ч. 1. Отд. 1 / под ред. Н. В. Калачова. СПб. : Тип. II отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. С. 893–919.

ПК Костромы — Писцовая книга г. Костромы 1627/28–1629/30 гг. / подгот. Л. А. Ковалевой. Кострома : Костромаиздат-850 : Промдизайн-М, 2004.

ПК Ярославля — Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII в. // Труды Ярославской ученой архивной комиссии. 1913. Кн. 6. Вып. 3/4.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1903.

ЭС — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона : в 86 т. СПб. : Тип. И. А. Ефрона, 1890–1907.

Исследования

Асанов А. Ю. Урбанонимия города Тамбова в лингвокогнитивном аспекте : дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / Тамбов. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов, 2015.

Баскаков Н. А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979.

Ганцовская Н. С. Говоры Костромской области: проблемы внутреннего членения // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. С. 65–70.

Ганцовская Н. С. Костромские говоры : в 2 т. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2018.

Ганцовская Н. С., *Неганова Г. Д.* Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А. Н. Островского // Щелыковские чтения — 2011 : А. Н. Островский и его эпоха / науч. ред., сост. И. А. Едошина. Кострома : Авантитул, 2012. С. 155–159.

Голикова Т. А. Официальные vs. неофициальные годонимы Москвы: модели трансонимизации // Научный диалог. 2014. № 9 (33). С. 24–36.

Голомидова М. В. Урбанонимы как ресурс управления восприятием городского пространства // Коммуникативные исследования. 2019. Т. 6, № 1. С. 11–30.

Горлова Т. В. К истории урбанонимии провинциального города: названия варнишных мест старинной Нерехты // Неофилология. 2020. Т. 6, № 22. С. 287–293. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293

Егорова Л. В. Опыт сопоставительного исследования годонимикона двух республик Поволжья (Чувашии и Марий Эл) : дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. Чебоксары, 2018.

Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб. : Дмитрий Буланин, 2010.

Мадиева Г. Б., *Супрун В. И.* Система современной русской урбанонимической терминологии // Вопросы ономастики. 2017. Т. 14, № 2. С. 115–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014

Миллер П. Н., *Сытин П. В.* Происхождение названий улиц, переулков, площадей Москвы. М. : Московский рабочий, 1938.

Мызников С. А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М. ; СПб. : Нестор-История, 2019.

Неганова Г. Д. Ландшафтная лексика народно-разговорного характера в частотно-аналитическом словаре языка А. Н. Островского // Диалектная лексика — 2013 / отв. ред. О. Н. Крылова. СПб. : Нестор-История, 2013. С. 254–259.

Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005.

Разумов Р. В. Переименование городских топографических объектов и проблемы экспертизы названий // Человек в информационном пространстве / под науч. ред. Т. П. Курановой. Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2020. С. 96–102.

Разумов Р. В., *Горяев С. О.* Урбанонимическая терминология: системы и проблемы // Научный диалог. 2019. № 9. С. 130–145.

Теркулов В. И. Изучение урбанонимии в лингворегиональных исследованиях // Ономастика Поволжья : материалы XVIII Междунар. науч. конф. : в 2 т. / под науч. ред. Н. С. Ганцовской, В. И. Супруна. Кострома : КГУ им. Н. А. Некрасова, 2020. Т. 2. С. 177–184.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. О. Н. Трубачева. М. : Прогресс, 1964–1973.

Федосюк Ю. А. Русские фамилии : популярный этимологический словарь. М. : Детская литература, 1972.

Шмелева Т. В. Ономастический портрет города как модель интегрального описания // Ономастика Поволжья : материалы XVII Междунар. науч. конф. / сост., ред. В. Л. Васильев. Великий Новгород : Печатный двор, 2019. С. 112–117.

Щербак А. С., *Асанов А. Ю.* Принципы построения урбанонимической системы // Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2015. № 10 (150). С. 194–199.

Рукопись поступила в редакцию 29.12.2020

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях районов Костромской области

Буйск.	Буйский	Макар.	Макарьевский
Вохом.	Вохомский	Мантур.	Мантуровский
Галич.	Галичский	Нейск.	Нейский
Кологр.	Кологривский	Парф.	Парфеньевский
Костром.	Костромской	Солиг.	Солигаличский
Красн.	Красносельский		

В названиях говоров русского языка

арх.	архангельские	ряз.	рязанские

* * *

Горлова Татьяна Владимировна
аспирант, начальник отдела сопровождения публикационной деятельности
Костромской государственный университет
156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17
E-mail: tat4060@yandex.ru

Неганова Галина Дмитриевна
кандидат культурологии, старший научный сотрудник учебно-научной исследовательской лаборатории «Лексикология и лексикография»
Костромской государственный университет
156005, Кострома, ул. Дзержинского, 17
E-mail: g_neganova@ksu.edu.ru

Gorlova, Tatiana Vladimirovna
Graduate Student, Head of the Department of Publishing Support
Kostroma State University
17, Dzerzhinsky Str., 156005 Kostroma, Russia
Email: tat4060@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0002-2942-7951

Neganova, Galina Dmitrievna
PhD, Senior Researcher
Laboratory “Lexicology and Lexicography”
Kostroma State University
17, Dzerzhinsky Str., 156005 Kostroma, Russia
Email: g_neganova@ksu.edu.ru
https://orcid.org/0000-0003-3247-1440

Tatiana V. Gorlova
Galina D. Neganova
Kostroma State University
Kostroma, Russia

HISTORICAL AND ETYMOLOGICAL INTERPRETATION OF THE OLD STREET NAMES OF THE TOWN OF NEREKHTA IN CENTRAL RUSSIA

The paper presents the results of the historical and etymological analysis of 16th-century street names of Nerekhta, a small provincial town in Central Russia, known since the beginning of the 13th century. Nerekhta has been developing along with Kostroma, Yaroslavl, and Moscow and was known as one of the centers of salt production in medieval Russia; now it is a regional

center of the Kostroma region. The sources of the study were scribe books, spiritual and contractual letters, as well as data from the card index of the Kostroma Regional Dictionary and field records made in Nerekhta and the Nerekhtsky district in 2017–2019. The names of historical streets of Nerekhta are grouped according to their motivation: 1) deanthroponymic names, 2) names derived from ecclesionyms, 3) names referring to landscape features, 4) names with obscure motivation. Using dialectological, historical and ethnographic information, the study attempts to unveil the connections between proprial and appellative lexemes in the respective ethno-dialectal area. In terms of structure, deanthroponymic street names of Nerekhta commonly contain a possessive adjective, whereas other types of names adhere to the "adjective + term" pattern, which later becomes the most productive in the town's hodonymy. Observations have shown that most of the considered names are of Slavic origin, and only a few are a Finno-Ugric substrate, mediated by Slavic languages and dialects. The analysis of historical urban toponymy against a situational context of the dialect environment contributes to understanding the dialect features of the Nerekhta ethno-dialectal zone.

K e y w o r d s: onomastics; historical toponymy; urbanonymy; historical and etymological analysis; city of Nerekhta; ethno-dialect zone; structural models of street names

Asanov, A. Yu. (2015). *Urbanonimiia goroda Tambova v lingvokognitivnom aspekte* [Urbanonymy of the City of Tambov in the Linguo-cognitive Aspect] (Doctoral dissertation). Tambov State University, Tambov.

Baskakov, N. A. (1979). *Russkie familii tiurkskogo proiskhozhdeniia* [Russian Surnames of Turkic Origin]. Moscow: Nauka.

Egorova, L. V. (2018). *Opyt sopostavitel'nogo issledovaniia godonimikona dvukh respublik Povolzh'ia (Chuvashii i Marii El)* [A Comparative Study of Street Names of Two Republics of the Volga Region (Chuvashia and Mari El)] (Doctoral dissertation). Chuvash State University, Cheboksary.

Fedosyuk, Yu. A. (1972). *Russkie familii: populiarnyi etimologicheskii slovar'* [Russian Surnames: A Dictionary of Popular Etymology]. Moscow: Detskaia literatura.

Gantsovskaya, N. S. (2017). Govory Kostromskoi oblasti: problemy vnutrennego chleneniia [Dialects of the Kostroma Region: The Problems of Internal Division]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta, 23*, 65–70.

Gantsovskaya, N. S. (2018). *Kostromskie govory* [Dialects of the Kostroma Region] (Vols. 1–2). Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova.

Gantsovskaya, N. S., & Neganova, G. D. (2012). Landshaftnaia leksika v Chastotnom slovare iazyka A. N. Ostrovskogo [Landscape Vocabulary in the Frequency Dictionary of Alexander Ostrovsky's Language]. In I. A. Edoshina (Ed.), *Shchelykovskie chteniia — 2011: A. N. Ostrovskii i ego epokha* [Shchelykov Readings — 2011: Alexander Ostrovsky and his Time] (pp. 155–159). Kostroma: Avantitul.

Golikova, T. A. (2014). Ofitsial'nye vs. neofitsial'nye godonimy Moskvy: modeli transonimizatsii [Official vs. Unofficial Street Names of Moscow: Models of Transonymization]. *Nauchnyi dialog*, 9(33), 24–36.

Golomidova, M. V. (2019). Urbanonimy kak resurs upravleniia vospriiatiem gorodskogo prostranstva [Urbanonyms as a Resource for Managing the Perception of Urban Space]. *Kommunikativnye issledovaniia, 6*(1), 11–30.

Gorlova, T. V. (2020). K istorii urbanonimii provintsial'nogo goroda: nazvaniia varnishnykh mest starinnoi Nerekhty [On the History of Urbanonymy of a Provincial Town: Names of Places of Salt Making in Old Nerekhta]. *Neofilologiia, 6*(22), 287–293. https://doi.org/10.20310/2587-6953-2020-6-22-287-293

Kyurshunova, I. A. (2010). *Slovar' nekalendarnykh lichnykh imen, prozvishch i famil'nykh prozvanii Severo-Zapadnoi Rusi XV–XVII vv*. [Dictionary of Non-calendar Personal Names, Nicknames and Family Nicknames of North-Western Russia in the 15th–16th Centuries]. St Petersburg: Dmitrii Bulanin.

Madieva, G. B., & Suprun, V. I. (2017). Sistema sovremennoi russkoi urbanonimicheskoi terminologii [The System of Modern Russian Urbanonymic Terminology]. *Voprosy onomastiki, 14*(2), 115–125. https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.014

Miller, P. N., & Sytin, P. V. (1938). *Proiskhozhdenie nazvanii ulits, pereulkov, ploshchadei Moskvy* [The Origin of the Names of Streets, Lanes, Squares in Moscow]. Moscow: Moskovskii rabochii.

Myznikov, S. A. (2019). *Russkii dialektnyi etimologicheskii slovar'. Leksika kontaktnykh regionov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects. Vocabulary of Contact Regions]. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Neganova, G. D. (2013). Landshaftnaia leksika narodno-razgovornogo kharaktera v chastotno-analiticheskom slovare yazyka A. N. Ostrovskogo [Landscape Vocabulary of Folk Colloquial Nature in the Frequency-analytical Dictionary of Alexander Ostrovsky's Language]. In O. N. Krylova (Ed.), *Dialektnaia leksika — 2013* [Dialectal Vocabulary — 2013] (pp. 254–259). St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Polyakova, E. N. (2005). *Slovar' permskikh familii* [Dictionary of Perm Surnames]. Perm: Knizhnyi mir.

Razumov, R. V. (2020). Pereimenovanie gorodskikh topograficheskikh ob"ektov i problemy ekspertizy nazvanii [Renaming of Urban Topographic Objects and Problems of Name Examination]. In T. P. Kuranova (Ed.), *Chelovek v informatsionnom prostranstve* [Man in Informational Space] (pp. 96–102). Yaroslavl: YaGPU im. K. D. Ushinskogo.

Razumov, R. V., & Goriaev, S. O. (2019). Urbanonimicheskaia terminologiia: sistemy i problem [Urbanonymic Terminology: Systems and Problems]. *Nauchnyi dialog*, 9, 130–145.

Shcherbak, A. S., & Asanov, A. Yu. (2015). Printsipy postroeniia urbanonimicheskoi sistemy [Inherent Principles of the Urbanonymic System]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 10(150), 194–199.

Shmeleva, T. V. (2019). Onomasticheskii portret goroda kak model' integral'nogo opisaniia [Onomastic Portrait of the City as a Model of Comprehensive Description]. In V. L. Vasilyev (Ed.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 7th International Conference] (pp. 112–117). Veliky Novgorod: Pechatnyi dvor.

Terkulov, V. I. (2020). Izuchenie urbanonimii v lingvoregional'nykh issledovaniiakh [The Study of Urbanonymy in Linguo-regional Research]. In N. S. Gantsovskaya, & V. I. Suprun (Eds.), *Onomastika Povolzh'ia: materialy XVIII Mezhdunar. nauch. konf.* [Onomastics of the Volga Region: Proceedings of the 8th International Conference] (Vol. 2, pp. 177–184). Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova.

Vasmer, M. (1964–1973). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [Etymological Dictionary of the Russian Language] (Vols. 1–4). Moscow: Progress.

Received on 29 December 2020

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ, СИМПОЗИУМЫ

XIX Международная научная конференции «Ономастика Поволжья»

11–12 ноября 2021 г. в Оренбургском государственном педагогическом университете состоялась XIX Международная научная конференции «Ономастика Поволжья», организованная совместно с Волгоградским государственным социально-педагогическим университетом. Конференция проводилась при содействии РОПРЯЛ.

В 2021 г. конференции исполнилось 54 года: 18–22 сентября 1967 г. выдающийся русский ономатолог и организатор науки Владимир Андреевич Никонов (1904–1988) провел на своей родине, в Ульяновске (Симбирске), первую конференцию «Ономастика Поволжья». При жизни ученого прошли еще четыре конференции: в Горьком (Нижнем Новгороде), Уфе, Пензе и Саранске. В силу различных обстоятельств «Ономастика Поволжья» четырежды проводилась в Волгограде, а затем вернулась к задуманному В. А. Никоновым формату, перемещаясь из одного поволжского города в другой: Уфа, Йошкар-Ола, Казань, Ярославль, Тверь, Арзамас, Ульяновск, Великий Новгород, Кострома.

Впервые конференция «Ономастика Поволжья» прошла в Оренбурге, который стоит на реке Урал, но вся западная часть области гидрографически входит в волжский бассейн. Кроме того, Оренбуржье отмечено яркими ономастическими метаморфозами: здесь и знаменитое стирание с карт Российской империи имени реки *Яик* в XVIII в., и замена областного астионима именем *Чкалов* в XX в.

Дата проведения конференции была приурочена ко дню рождения В. И. Даля и к 185-летию его приезда в Оренбургский край, где он провел восемь лет, значительно обогативших русскую лексикографию и литературу. На родине «Толкового словаря» В. И. Даля обсуждали проблемы одного из актуальных направлений лингвистики ученые из 32 российских городов: Арзамаса, Благовещенска, Борисоглебска, Великого Новгорода, Волгограда, Вологды, Воронежа, Екатеринбурга, Ижевска, Кемерово, Костромы, Кумертау, Махачкалы, Москвы, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Оренбурга, Перми, Пскова, Самары, Санкт-Петербурга, Симферополя, Смоленска, Сургута, Тамбова, Твери, Тюмени, Ульяновска, Читы, Элисты, Якутска, Ярославля и с. Прямухино Тверской обл., в котором расположен музей дворянского рода Бакуниных. Зарубежные участники представили города Алматы и Нур-Султан (Казахстан), Чанчунь (КНР), Кишинев (Молдавия), Прешов (Словакия), Карс (Турция), Киев и Одессу (Украина), Париж (Франция), Денцлинг (Германия) и т. д.

За два дня работы конференции было заслушано 59 докладов. Среди участников — известные ученые, крупные специалисты по проблемам ономастики, в том числе два

члена-корреспондента РАН, 23 доктора наук, 48 кандидатов наук. Вместе с тем «Ономастика Поволжья» была открыта для начинающих исследователей и любителей-краеведов.

К началу конференции опубликован сборник материалов: Ономастика Поволжья : материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию со дня рождения В. И. Даля / науч. ред. Е. Н. Бекасова, В. И. Супрун ; сост. П. А. Якимов. — Оренбург : Оренбургская книга, 2021. — 404 с. Сборник размещен в базе данных РИНЦ и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU.

Доклады, объединенные в несколько тематических блоков, охватывали все разнообразие ономастической проблематики: «Теоретические и методологические аспекты ономастики», «Современные проблемы антропонимики и этнонимики», «Современные проблемы топонимики и микротопонимики», «Городское ономастическое пространство», «Ономастическая периферия и апеллятивно-ономастическое пограничье», «Современные вопросы зоонимики», «Ономастика в образовательном пространстве», «Литературная и фольклорная ономастика».

Участники конференции «Ономастика Поволжья» убедительно показали, что имя — «ключ ко многим проблемам истории человечества и его языков» — способно «даже при поверхностном контакте преодолевать языковые границы, временны́е рамки и территориальные рубежи» [Матвеев, 2004, *13*], именно поэтому на конференции прозвучали доклады: *Г. К. Байзаковой* и *Ж. Н. Жунусовой* (Нур-Султан, Казахстан) «Ономастическое пространство Восточного Казахстана в лингвокультурологическом аспекте» — о топонимическом своеобразии Восточно-Казахстанской области; *Вэн Цзятун* (Чанчунь, КНР) «Сопоставительный анализ ономастических реалий русского и китайского языков с точки зрения калькирования (тематическая группа “названия провинциальных административных территорий”)» — о корреляции китайских и русских топонимов; *С. С. Калинина* (Кемерово) «YU MERI WANTOK: из истории одного апеллятива в языке ток-писин» — о значимости имени *Mary* в креольском языке с англоязычной основой в Новой Гвинее; *Е. Р. Николаева* (Якутск) «О фонетическом освоении русских личных имен в словаре Э. К. Пекарского» — о процессах симбиоза двух языковых культур — русской и якутской — в якутском антропонимиконе; *Д. Д. Шайбаковой* (Алматы, Казахстан) «Влияние русского языка на казахский в сфере антропонимики» — об антропонимах казахов, созданных под влиянием русского языка; *Р. Г. Жамсарановой* (Чита) «Самоедоязычный антропонимический субстрат в своде исторической антропонимии хори-бурят» — о некоторых личных именах дотибето-монгольского происхождения; *Н. Г. Архиповой* (Благовещенск) «Антропонимы в речевой практике старообрядцев Южной Америки» — об актуальных процессах в антропонимической системе старообрядцев, проживающих в Южной Америке; *Е. А. Шохенмайера* (Париж, Франция; Денцлинген, Германия) «Кузнечное дело в свете “профессиональных” фамилий в России, Франции и Германии» — об особенностях фамильного «ландшафта» в области кузнечного дела; *С. Н. Пахомовой* (Прешов, Словакия) «Этнические связи словаков по данным проприальной и апеллятивной лексики» — о значимости ономастической лексики в решении проблем этногенеза народа.

На пленарном заседании были представлены основные направления ономастических исследований. В докладе *С. А. Мызникова* (Москва) «О прибалтийско-финском происхождении некоторых фамилий в Верхнем Поволжье» акцентируется внимание на некоторых фамилиях в зоне прибалтийско-финско-русских контактов. Как

показывает анализ материала, в ряде случаев следует или рассматривать их изолированно от общерусского контекста, или предполагать их возможное гетерогенное происхождение, особенно в дистантных ареалах. *Е. Л. Березович* и *Ю. А. Кривощапова* (Екатеринбург) в докладе «Топонимы и этнонимы как основа наименований минералов» обратили внимание на особенности топонимической и этнонимической моделей номинации камней, которые представлены в системах стандартизированной международной номенклатуры и нонстандартной терминологии камня. *В. И. Супрун* (Волгоград) в докладе «Проблемы орфографии имен собственных в русском языке» указал на необходимость теоретической разработки и практического воплощения новых правил орфографии имен собственных в современном русском языке, поскольку практически во всех разрядах ономастики наблюдаются колебания в написании, склонении, деривационных возможностях и сочетательных вариантах имен. *Е. Н. Бекасова* (Оренбург) в докладе «Закономерности организации антропонимической системы в условиях глобализации» определила специфику взаимодействия русского и тюркских именников в условиях полиэтничного региона (Оренбуржье), динамику оценки личных имен под влиянием всемирной интеграции и, основываясь на анкетировании, выявила основные реакции на личное имя и его осмысление в гетерогенном регистре. *Ж. Н. Жунусова* (Нур-Султан, Казахстан) в докладе «Лексикографизация географических терминов в региональных словарях» показала значимость словаря по топонимике Кокшетауского (Акмолинского) региона для изучения сложного и взаимосвязанного казахского и русского ономастического пространства. *В. И. Теркулов* (Донецк) в докладе «История астионимов Донецка: *Юзово* и *Юзовка*» в результате лингвистического и этиологического исследования выявил последовательность и причины появления вариантов названия одного и того же населенного пункта.

На секции «Теоретические и методологические аспекты ономастики» было заслушано 13 докладов. В докладе *Е. Л. Березович* и *О. Д. Суриковой* (Екатеринбург) «К реконструкции принципов организации ономастических микросистем (на материале имен змей в заговорах)» были рассмотрены механизмы формирования в восточнославянских заговорах микросистем из взаимосвязанных элементов с различным ономастическим статусом и происхождением. В докладе *Н. А. Фатеевой* (Тюмень) «Военная ономастика: постановка проблемы» ставится вопрос о самостоятельном научном направлении — военной ономастике. В докладе *М. В. Ахметовой* (Москва) «Пародийные монументонимы: к определению границ» обращается внимание на пограничное положение исследуемых единиц — между урбанонимами и идеонимами, отмечаются особенности их функционирования. В докладе *Т. П. Романовой* (Самара) «Орфографическая вариативность ивентонимов в современном медиапространстве» рассматриваются графико-орфографические проблемы написания ивентонимов.

Другое направление в исследовании ономастического пространства было представлено докладами, связанными с процессами, которые влияют на топонимическую номинацию последних десятилетий: *В. И. Мозговой* (Донецк) в докладе «Уроки идеологизации онимного пространства» проанализировал причины трансформации мотивированной ономастики в идеологическую и предложил методику дезавуирования и устранения явных и скрытых переименований. *Р. В. Разумов* (Ярославль) в докладе «Урбанонимический вкус эпохи как объект научного исследования» наметил основные направления анализа «идеального» урбанонима и, соответственно, определения урбанонимического вкуса эпохи и его эволюции. *С. А. Попов* (Воронеж) в докладе «Экстралингвистическое

воздействие на процессы топонимической номинации» на основании анализа наименований и переименований по идеологическим соображениям представил проект словаря исчезнувших названий населенных пунктов Воронежского края. *О. В. Врублевская* (Волгоград) в докладе «Динамика коннотативных значений топонима *Крым*» указала на перспективность анализа коннотативного потенциала топонимов и их лексикографического описания в разрабатываемом ею и ее коллегами словаре «Коннотативные имена собственные постсоветского периода».

На секции «Современные проблемы топонимики и микротопонимики» ряд докладов был посвящен исследованию регионального топонимического пространства. *Н. В. Бубнова* (Смоленск) в докладе «К вопросу о выделении топонимического ядра единого национального культурного пространства (на примере анализа смоленского материала)» представила результаты определения культурологической ценности онимов на региональном уровне. *А. С. Щербак* (Тамбов) в докладе «Переосмысление тамбовских субстратных онимов на основе русского языкового сознания» рассмотрела процессы переосмысления субстратных топонимов и гидронимов с целью наделения их дополнительными дифференциальными признаками. *А. В. Приображенский* (Санкт-Петербург) в докладе «Отражение оленеводческой лексики в топонимии Карелии» показал существование оленеводства в прошлом не только на севере, но и в центральной и южной частях Карелии. *Н. А. Кичикова* и *Э. Б. Манджиева* (Элиста) в докладе «Специфика лексико-семантических типов топонимов юга России» обратили внимание на мотивы номинации названий населенных пунктов указанного региона. В «Заметках по ойконимии Тверской области» *В. П. Шульгач* (Киев, Украина) акцентировал внимание на наиболее архаичных словообразовательных моделях названий населенных пунктов Тверской области.

В докладе *Н. В. Беленова* (Самара) «Топонимическое пространство эрзя-мордовского села Нуштайкино Бугурусланского района Оренбургской области» рассматривается комплекс географической лексики нуштайкинского говора эрзя-мордовского языка, анализируются происхождение и языковая принадлежность топонимов населенного пункта. В докладе *Ю. С. Костылева* (Пермь) «Наименования объектов южноуральских месторождений пьезокварца с точки зрения стратегий номинации» определяются особенности формирования топонимических систем Астафьевского и Светлинского месторождений пьезокварца. *Ю. Ю. Гордова* (Москва) в докладе «Топонимический атлас Тамбовской области: картографируемые группы русских топонимов» проанализировала ряд топонимов на картах топонимического атласа. *И. А. Королева* (Смоленск) в докладе «Региональная топонимика: новые аспекты изучения» предложила образец карточки смоленского топонима в единой общероссийской информационной базе данных «Топонимия России», созданной в Институте языкознания РАН. Доклад *Е. В. Цветковой* (Кострома) «“Толковый словарь живого великорусского языка” В. И. Даля как источник для топонимических исследований (на материале костромской топонимии)» еще раз доказал значимость словаря В. И. Даля, в том числе для ономастических исследований.

На секции «Городское ономастическое пространство» *В. Е. Замальдинов* (Нижний Новгород) рассматривал разновидности графического словообразования и функции эргонимов («Графиксаты-эргонимы Нижегородского региона как средство воздействия на горожан»); *М. С. Дзюба* (Тамбов) исследовала тамбовские эргонимы с точки зрения их национально-идентифицирующей функции («Национально-идентифицирующая

функция эргонимической лексики»); *Ю. В. Железнова* (Ижевск) представила результаты анализа оценочных коннотаций эргонимических единиц Казани и Ижевска по данным свободного ассоциативного эксперимента («Отрицательные оценочные коннотации эргонимов с положительной семантикой (гендерный аспект)»); *Е. А. Казнина* (Ярославль) описала эргонимы с точки зрения прагматики («Эргонимы малого города (на примере г. Углич Ярославской области)»); *И. Ю. Русанова* (Ижевск) выявила основные концепты, наиболее ярко представленные в национальной эргонимике («Лингвокультурологическое своеобразие номинаций на удмуртском языке (на материале эргонимов Удмуртской республики)»). В докладе «Муниципальное администрирование и городское онимическое пространство как актуальная проблема (на примере урбанонимов г. Ульяновска)» *А. П. Рассадин* и *В. Н. Ильин* (Ульяновск) указали на наиболее типичные ошибки, которые допускают органы муниципальной власти в области наименования и переименования городских улиц.

На секции «Современные проблемы антропонимики и этнонимики» были рассмотрены особенности систем соответствующих разрядов ономастики в литературном языке и диалектах, в синхронии и диахронии. *И. М. Ганжина* и *М. Ю. Черненок* (Тверь) в докладе «Антропонимические предпочтения дворянского рода Львовых» представили двухвековую традицию базовых родовых имен. *Т. Е. Баженова* (Самара) в докладе «Антропонимы в одном из говоров Среднего Поволжья» рассмотрела продуктивные способы образования уменьшительных антропонимов в диалекте, позволяющие передавать широкий диапазон стилистических оттенков. *В. В. Шаповал* (Москва) в докладе «Псевдонимы в цыганской литературе 1928–1938 гг.» определил корпус псевдонимов в советских изданиях на цыганском языке. В двух докладах были рассмотрены личные прозвища и особенности их мотивации: это сообщения *А. В. Цепковой* (Новосибирск) «Модели прозвищ-антропонимов, образованных на основе комбинации мотивов (на материале русского языка)» и *М. В. Бобровой* (Санкт-Петербург) «Обозначение цвета волос в современных прозвищах», где сравнивались особенности прозвищ русских и коми-пермяков. Коллективных прозвищ коснулись *Н. Е. Григорьева* (Псков) — «К вопросу о локации псковских микроэтнонимов» и *В. С. Кучко* (Екатеринбург) — «*Фараоны*, *англичане* и другие прозвища Терского берега». Докладчики из Волгограда представили разноаспектный анализ динамики трансформации имен теле- и кинодискурса и культовых актеров в постсоветский период (*И. В. Крюкова* — «Имена теледискурса постсоветского периода в современной массовой коммуникации»; *О. В. Кирпичева* — «Имена киногероев как инструмент социальной оценки»; *Е. С. Куваева* — «Прецедентные имена голливудских актеров в русской лингвокультуре»).

Секция «Современные вопросы зоонимики» была представлена двумя сообщениями: *Е. Н. Варникова* (Вологда) в докладе «Типологические особенности русских кличек кошек» на основании анализа 5 000 фелинонимов определила современные семантические и словообразовательные особенности данного класса зоонимов; *С. А. Залужанская*, *О. С. Попцова* и *Т. В. Шеремета* (Пермь) в докладе «Закономерности присвоения кличек служебным собакам» показали принципы и механизмы номинации служебных собак на территории 83 субъектов РФ за последние два года.

На секции «Ономастическая периферия и апеллятивно-ономастическое пограничье» был рассмотрен спектр проблем: *О. Н. Скляренко* (Одесса, Украина) в докладе «Персонификация дней недели: типологические параллели»

говорила о переосмыслении собственных имен как универсального ономастического источника; *Э. Н. Шехтман* (Оренбург) в сообщении «Апеллятивно-онимическое пограничье в сфере англоязычных брендов» рассуждала о процессе перехода онимов в апеллятивы; *И. Ю. Баранов* (Москва) — об успешности бренда в зависимости от его имени («Роль коммерческого имени в онлайн-продаже»).

На секции «Литературная и фольклорная ономастика» прозвучали доклады, посвященные роли ономастического пространства в формировании литературного текста: *Л. А. Климкова* (Арзамас) — «Текст как функциональная среда онимов (на материале одного романа)»; *Н. С. Кочнева* (Тюмень) — «Игровое ономастическое миромоделирование в литературном творчестве В. П. Крапивина»; *М. А. Фокина* (Кострома) — «Ономастическое пространство в повествовательной структуре романа А. М. Ремизова». Речь шла о функциях антропонимов в художественном произведении: *А. А. Бурченкова* (Смоленск) — «Антропонимы в повести Бориса Васильева “Завтра была война”»; *Н. В. Комлева* (Вологда) — «Роль прозвищ в произведениях В. И. Белова»; *Н. В. Ланге* (Смоленск) — «Функция отчества в романах Д. И. Рубиной»; *Е. К. Щербакова* (Оренбург) — «Прозвища в детских повестях С. М. Голицына». Говорилось об особенностях использования ономастических единиц в лирическом дискурсе: *Е. А. Вербовская* (Кострома) — «Ономастикон поэтического сборника Евгения Рейна “Сапожок. Книга итальянских стихов”»; *Е. А. Король* (Кумертау) — «Лексическое представление города Ишимбай в поэзии XXI в.»; в газетном тексте: *И. А. Паневина* (Смоленск) «Трансформация крылатых фраз и выражений с использованием имен собственных в газетном заголовке»; в интернете: *А. В. Петров* (Симферополь) — «Трансонимизация астионима *Керчь* / *Пантикапей* (на материале интернет-источников)». В докладе *С. С. Волкова*, *Е. М. Матвеева*, *А. С. Смирновой* и *М. Г. Шарихиной* (Санкт-Петербург) «Антропонимы в мифологическом дискурсе русской панегирической поэзии XVIII века» были представлены материалы научного проекта «Словарь антропонимов в русской панегирической поэзии XVIII века», осуществляемого в Институте лингвистических исследований РАН. В докладе *Е. В. Генераловой* (Санкт-Петербург) «Имена собственные в паремиях Петровской эпохи» показаны различия в использовании антропонимов и топонимов в пословицах конца XVII — начала XVIII в.

На секции «Ономастика в образовательном пространстве» были рассмотрены направления в организации изучения ономастики в школах и вузах. *Г. М. Кулаева* (Оренбург) в докладе «Методические пути изучения ономастики в учебном предмете “Русский (родной) язык”» представила разработку урока и примерные проектные задания в рамках изучения русской антропонимики и топонимики в урочной и внеурочной деятельности. *Е. П. Черногрудова* (Воронеж) в докладе «Об использовании ономастического материала для организации проектной деятельности в начальных классах» показала значимость изучения топонимов и антропонимов для формирования интереса школьников к исследованию языка и развитию навыков исследовательской работы. *Т. А. Сироткина* (Сургут) в докладе «Школьный этнонимический словарь русского языка: из опыта проектирования» представила информацию о готовящемся к печати словаре (в соавторстве с Р. А. Агеевой). *Е. О. Орлова* (Великий Новгород) в докладе «Развитие топонимической грамотности студентов-педагогов» акцентировала внимание на образовательном процессе, ориентированном на развитие топонимической грамотности. *А. А. Соколова* (Тюмень) в докладе «Названия внутригородских объектов на занятиях по русскому языку

как иностранному в военном вузе (на примере города Тюмени)» раскрыла особенности комплексной исследовательской работы в открытой языковой среде.

На втором пленарном заседании была утверждена резолюция конференции. XX Международную научную конференцию «Ономастика Поволжья» было решено провести 5–7 октября 2022 г. в Элисте, на базе Калмыцкого государственного университета им. Б. Б. Городовикова.

Матвеев А. К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7–14.

Е. Н. Бекасова
доктор филологических наук, профессор
Оренбургский государственный педагогический университет
Оренбург, Россия
bekasova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-0630-2395

В. И. Супрун
доктор филологических наук, профессор
Волгоградский государственный
социально-педагогический университет
Волгоград, Россия
suprun@vspu.ru
https://orcid.org/0000-0003-2489-9199

ПАМЯТИ УЧЕНОГО

ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА ПОЛЯКОВА (1932–2021)

8 декабря 2021 г. ушла из жизни Елена Николаевна Полякова, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета.

Е. Н. Полякова родилась 26 мая 1932 г. в Саратове, в семье инженера-гидротехника Николая Алексеевича и филолога Марии Алексеевны Поповых. Какое-то время семья жила в г. Пушкин Ленинградской области, а в 1938 г. переехала в Пермь.

Окончив с отличием среднюю школу, Елена Попова в 1950 г. поступила на историко-филологический факультет Пермского государственного университета. Она полагала, что в будущем займется журналистикой, поэтому сразу начала работать в университетской сатирической газете «Перец», а затем в многотиражке «Молотовский университет». Но знакомство с Ксенией Александровной Федоровой, специалистом по истории языка и диалектологии, изменило планы Елены Николаевны. Именно К. А. Федорова познакомила студентов с хранящимися

в Пермском краеведческом музее свитками деловых документов XVII в., написанными скорописью, и предложила заняться их прочтением, палеографическим и лингвистическим анализом. Желание изучать эти свитки выразила Елена Николаевна. Это стало началом исследования лексики и ономастики пермских памятников письменности — дела всей жизни Елены Николаевны. И кандидатская (1968), и докторская (1983) диссертации Е. Н. Поляковой связаны с изучением этих древних текстов.

Елена Николаевна прошла большой профессиональный путь. В 1955–1956 гг. работала преподавателем русского языка и литературы в средней школе с. Березовка (Алтайский край), в 1956–1958 гг. — в Кунгурском вечернем кожевенно-обувном техникуме (Пермская область), в 1958–1960 гг. — в Кунгурском сельскохозяйственном техникуме. В 1960 г. она вернулась в университет и прошла все ступени профессиональной карьеры: от лаборанта кафедры иностранных языков до доцента кафедры русского языка и общего языкознания, затем профессора кафедры общего и славянского языкознания (позже — теоретического и прикладного языкознания).

Профессиональные знания и преподавательский опыт Елены Николаевны были всегда востребованы: в 1997 г. она стала профессором кафедры русского языка Пермского государственного педагогического института и прослужила в этой должности до 2006 г.

Е. Н. Полякова чутко откликалась на современные тенденции в лингвистической науке и в то же время сама всегда была источником новых идей. Благодаря ей в пермской лингвистике зародились направления «Лексика и ономастика пермских памятников письменности XVI–XVIII вв.», «Лексика и ономастика Пермского края в историческом аспекте», «Реконструкция регионального лексического фонда на базе ономастики и диалектной лексики». Первоначально материалом для исследований выступили многочисленные памятники письменности, хранящиеся в пермских и центральных краеведческих музеях, архивах и библиотеках. Составленная на этой основе картотека имен нарицательных включает более 100 000 карточек, картотека имен собственных — более 50 000 карточек. Однако неизбежно в сферу внимания ученого попали местные говоры, а затем и ономастика, тем более что Е. Н. Полякова активно участвовала в сборе и написании словарных статей для «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области» (Пермь, 1984–2011), «Словаря русских говоров севера Пермского края» (вып. 1: А–В; Пермь, 2011).

В научной деятельности Е. Н. Поляковой органично переплелось множество направлений: палеография, этимология, история языка, диалектология, ономастика, этнолингвистика, лингвокультурология, лексикография. Особенность Е. Н. Поляковой как ученого — это поразительная широта и глубина, «панорамность» видения мира в целом и мира слов в частности. Вероятно, интерес к свидетельствам отдаленных эпох, а вместе с тем изучение современной диалектной

речи жителей Пермской области, погружение в ономастику разных исторических периодов позволяли исследовательнице выходить за пределы собственно языковых процессов и видеть в наблюдаемых лингвистических фактах отражение быта и бытия, культуры и мировоззрения наших предков и современников. Показательны названия отдельных публикаций: «Наименования людей в Соли Камской и Цидве в XVII — начале XVIII в.» (1974), «Наименования имущества в пермских памятниках XVII — начала XVIII в.» (1976), «Названия предметов одежды в пермских памятниках XVII — начала XVIII в.» (1977), «Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI — начала XVIII в.» (1995), «Лексика, связанная с суеверными представлениями, в Прикамье в XVI — начале XVIII в.» (2000), «Культура питания в Прикамье XVI–XVIII вв. (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности)» (2009), «Что носили модницы в Прикамье в XVII — начале XVIII в. (по данным лексики пермских памятников письменности)» (2010) и под.

С самого начала в трудах Е. Н. Поляковой разрабатывались проблемы тех направлений, которые теперь мы называем лингвокультурологией, языковой контактологией и др. В немалой степени это было обусловлено глубиной знаний Елены Николаевны в области истории и археологии Западного Урала, в том числе ее знакомством с самыми последними открытиями археологов, что называется, «из первых рук». Очень плодотворным оказался союз лингвиста и историка. Выезжая с супругом, одним из известных пермских археологов Ю. А. Поляковым, в совместные экспедиции, Е. Н. Полякова имела возможность участвовать в изучении древней коми-пермяцкой культуры (прежде всего гляденовской, III в. до н. э. — V–VI вв. н. э.) в Верхнем и Среднем Прикамье и одновременно исследовать местные говоры и ономастику. Становлению мировоззрения лингвиста, интересующегося историей языка и культуры, помогало изучение хозяйственного уклада, материальной культуры, основ религиозных представлений, погребальных обрядов древних жителей Прикамья — всего того, что обеспечивало их единство и своеобразие.

Таким образом, например, было открыто происхождение названия урочища *Содом* на краю террасы восточного берега Чашкина (Чашкинского) озера, где в 1980 г. проводились раскопки Ю. А. Поляковым, а позднее и другими археологами. Историками было обнаружено, что в X–XII вв. здесь было производственное поселение родановской культуры — металлургический завод, на что указывали, например, так называемые льячки — кувшины, из которых в формы заливался расплавленный металл. Это дало основание присутствовавшей на раскопках Е. Н. Поляковой соотнести столь неожиданное для пермской глубинки библейское название с диалектным коми словом *сыыдэм*, *сывдом*, *сывдӧм* ‘плавка, выплавка’. В таком случае очевидно, что *Содом* — результат лексико-фонетической адаптации слова, ложной этимологизации слова русскими — носителями христианской культуры, хорошо знакомыми с текстом Библии, и в частности с преданием

о Содоме и Гоморре. Косвенным подтверждением русской огласовки коми по происхождению слова служит присутствие в данной местности других финно-угорских топонимов (например, *Лёнва*, *Яйва*, *Быгель*, *Лызоб*, *Ворга* и др.), а также этимология лимнонима *Чашкино озеро*. Если историки считали, что название его восходит к прозвищу первопоселенца, то Е. Н. Полякова справедливо полагала, что в основе именования этого объекта также следует искать слово языка исконного населения. Вероятно, это «слова с очень древней общепермской основой *čaš* (*чаш*) ‘расщеплять’, например глаголы *чашкавны* ‘разъехаться в разные стороны, разъединиться’, *чашкӧдны* ‘расщепить, разъединить’, *чаштыны* ‘расщепиться вдоль, лопнуть’», так как озеро возникло на месте старого русла реки Кама. (*Полякова Е. Н.* Происхождение прикамских топонимов *Чашкино озеро* и *Содом* // Живое слово в русской речи Прикамья / под ред. Ф. Л. Скитовой. — Пермь : ПГУ, 1985. — С. 64–70).

Научная работа велась Е. Н. Поляковой в разных направлениях, одним из которых была разработка проблем региональной лексикографии: принципов составления словаря нарицательной лексики памятников, словарей разных разрядов антропонимов в памятниках XVI–XVIII вв., словаря отдельной тематической группы — географических терминов. Итогом научного труда Елены Николаевны стали циклы статей, монографии, словари. Наиболее весомой книгой можно назвать «Словарь пермских памятников XVI — начала XVIII в.» в шести выпусках (1993–2001), который был позже переиздан в двух томах как «Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII в.» (2010) общим объемом более 50 п. л.

Весьма значимым для науки видится и «Словарь географических терминов в русской речи Пермского края» (2007). Очевидно, что автор постепенно шла к идее опоры и на проприальную, и на нарицательную лексику одновременно: если в первом, научно-популярном, варианте словаря «От “араины” до “яра”» (1988) лишь упоминаются топонимы, соотносимые с тем или иным географическим термином, то в словаре 2010 г. топонимам отведена особая зона, эти единицы сопровождаются развернутыми текстами из памятников письменности или речи диалектоносителей, ссылками на место фиксации и источник. Такой подход позволил придать историческую глубину современным материалам, отразить в словаре закономерности взаимодействия онимов и апеллятивов, принципы формирования ономастического пространства отдельного региона, особенности становления лексического фонда в крае, специфику хозяйственного освоения физико-географического пространства и т. д.

Особое место в научной деятельности Е. Н. Поляковой занимала ономастика. Будучи еще аспиранткой, в 1964 г. Елена Николаевна окончила курсы по топонимике при Всесоюзном географическом обществе. Вдохновленная лекциями В. А. Никонова, А. В. Суперанской, Э. М. Мурзаева, Е. Н. Полякова выступила проводником их интереса к именам собственным и заложила научные традиции

изучения онимической лексики в пермской лингвистике. Профессор Е. Н. Полякова — автор более 270 научных работ: статей, монографий, словарей, учебных пособий, более 120 из которых посвящены проблемам пермской ономастики. Местные имена собственные привлекались ею в качестве материала для анализа в большинстве публикаций. Монография «Память языка» (1991), избранные труды «Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья» (2002), учебные пособия «Региональная лексикология и ономастика» (2006), «Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья» (2009), многочисленные статьи демонстрируют органичный сплав разнообразных интересов исследователя. В этом же русле — преимущественно на пермских материалах — велась подготовка обобщающей работы — учебника «Региональная лексикология и ономастика», для которого Елена Николаевна успела написать восемь глав из 16 задуманных.

Особенно важны для становления ономатологии в Пермском крае специальные работы Е. Н. Поляковой. В первую очередь это антропонимические труды. Первым из них стала книга для учащихся «Из истории русских имен и фамилий» (1975), где в популярной форме излагалась история русских имен, отчеств, фамилий и прозвищ с широкой опорой на пермские исторические и современные данные.

Личным именам посвящена монография «История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII вв.» (2010), дающая теоретическое обобщение материалов «Словаря имен жителей Пермского края XVI–XVIII вв.» (2007): в ней рассмотрены источники, особенности функционирования и динамика календарных и некалендарных имен середины XVI — конца XVIII в., данные пермских памятников письменности представлены в сопоставлении с данными древнерусских текстов, а также текстов иных территорий.

Наиболее востребован широкой аудиторией «Словарь пермских фамилий» (2005). Если в первом издании словаря — «К истокам пермских фамилий» (1997) — представлены сведения примерно о 2 500 единиц, зафиксированных в пермских памятниках письменности, то во втором это уже около 5 500 фамилий. В словаре 2005 г. приведены отрывки из текстов памятников, даны справки о происхождении таких антропонимов. Особое научное значение имеет предваряющий словарь очерк об истории пермских фамилий.

Еще один раздел ономастики, к которому профессор Е. Н. Полякова испытывала огромный интерес на протяжении полувека своей научной деятельности, — топонимика, но Елена Николаевна не успела довести до конца и опубликовать фундаментальные изыскания в этой области. Одно из последних изданий — «Старинные названия на карте Перми» (2013). Е. Н. Полякова предполагала продолжить обнародование исторических фактов в форме словарей и начала сбор географических имен собственных, которые были зафиксированы в памятниках письменности и должны были послужить базой для исторической части

в диахроническом топонимическом словаре Пермского края. То, что Елена Николаевна успела сделать в этом направлении, собрав около 1 500 топонимов, представлено в последнем прижизненном издании — в «Материалах памятников XVI — начала XVIII в. для топонимического словаря Пермского края» (2020). К сожалению, не успела увидеть свет рукопись «Словаря топонимов Пермского края», для которого была написана вводная часть, разработана структура словарной статьи и написано более 800 статей. Для каждого географического объекта указано название, служащее заголовочным словом, дана привязка к местности, приведены справки об этимологии или истории, а также ссылки на источники и исследования.

Заслуги Елены Николаевны в исследовательской и преподавательской деятельности были по достоинству оценены. Ей было присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации». В 1998 г. за цикл работ по лексике и ономастике пермских говоров и памятников письменности она стала лауреатом областной премии имени Л. Е. Кертмана, в 2010 г. — лауреатом премии Пермского края в области науки. За значительный вклад в преподавание Е. Н. Полякова была награждена медалью «Ветеран труда», знаком Минвуза СССР «За отличные успехи в работе» и знаком «Почетный работник высшего образования России», ей было присвоено звание «Заслуженный профессор Пермского университета».

Помимо преподавания, Е. Н. Полякова вела большую общественную и административную работу: была заместителем декана (1968–1971) и деканом (1984–1985) филологического факультета, председателем методической комиссии Пермского государственного университета. Длительное время она возглавляла лабораторию «Духовная культура Прикамья в лингвистическом аспекте» (ныне — лаборатория региональной лексикологии и лексикографии).

В 1985–2000 гг. Елена Николаевна состояла в диссертационном совете Уральского государственного университета (Екатеринбург), многие годы была членом диссертационного совета в Пермском государственном национальном исследовательском университете, многократно выступала в качестве официального оппонента на защитах диссертаций. Все, кто защищал в этих советах свои диссертации, вспоминают ее как строгого, но очень справедливого и сердечного оппонента.

Профессором Е. Н. Поляковой подготовлено 11 кандидатов филологических наук, семь из которых успешно защитили диссертации на материале пермской ономастики. Е. Н. Полякова была членом редакционной коллегии научных журналов «Вопросы ономастики» и «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология», главным редактором сборников научных статей «Лингвокультурное пространство Пермского края: материалы и исследования» (2009–2014).

Признанием общественной значимости ее деятельности стала многолетняя работа (1973–2011) в качестве члена Топонимической комиссии при Пермской городской администрации (затем — Общественного совета по топонимике при

главе Перми). К ее совету всегда прислушивались те, кто нарекал или переименовывал улицы Перми.

Е. Н. Полякова всегда вела активную просветительскую деятельность. Кроме монографий («Из истории русских имен и фамилий», «Память языка: Рассказы о лексике пермских памятников письменности и говоров», «Старинные названия на карте Перми»), рассчитанных на широкую аудиторию, ей принадлежат многочисленные публикации о пермской топонимии в местной периодике. Е. Н. Полякова читала лекции по линии общества «Знание», вела научно-популярные циклы передач на пермском телевидении: в 1970-е гг. — «Страна топонимия» и «Как вас зовут?», в 1990-е гг. — передачи о топонимии Перми и Пермской области в программе «Прикамье вечернее». Вклад Е. Н. Поляковой в распространение научных знаний неоценим. Таково, например, мнение А. Г. Мосина о «Словаре пермских фамилий»: «…замечательный пример действенного внедрения научных знаний в практику образования и воспитания в средней школе. Благодаря этой книге тысячи пермских школьников — завтрашних граждан России — получают ключ к пониманию собственного места в истории родного края и Отечества, приобщаются к богатствам родного языка» (*Мосин А. Г.* [Рец. на кн: Полякова Е. Н. Словарь пермских фамилий. Пермь : Книжный мир, 2005. 464 с.] // Вопросы ономастики. — 2007. — № 4. — С. 160–163). Эти слова применимы ко всему научному наследию профессора Е. Н. Поляковой.

Длительная тяжелая болезнь не позволила Елене Николаевне Поляковой осуществить все замыслы. Как программные прочитываются разбросанные в статьях и монографиях указания на необходимость продолжения работы по изучению лексики и ономастики Пермского края в историческом аспекте с привлечением современных данных, более широкого круга источников, на актуальность создания электронных картотек и ономастических словарей. Масштабной и перспективной видится главная идея Е. Н. Поляковой о формировании диахронического свода региональной лексики. Рабочим названием такого свода для Елены Николаевны служило понятие «Корнеслов». Ученики Е. Н. Поляковой рассматривают возможность доработки и публикации имеющихся рукописей.

У Елены Николаевны была непростая, но счастливая судьба ученого, который получил прижизненное признание, в том числе на мировом уровне, и оставил не просто разрозненных учеников, а группу единомышленников, представляющих научное направление «Региональная лексикология, лексикография, ономастика». Основные научные интересы «поляковичей, птенцов гнезда Полякова» (так они называют себя) отвечают научным интересам Елены Николаевны: этимология, историческая и диалектная лексикология, диалектная лексикография и фразеография, ономастика, ономастическая лексикография, этнолингвистика, лингвистическая география.

Многочисленные ученики Е. Н. Поляковой работают в школах и вузах Пермского края, в ведущих научных центрах России и продолжают дело любимого

преподавателя, исследуя языковые богатства Пермского региона и прививая своим ученикам любовь к слову, а через нее — любовь к малой родине и своей стране. Елена Николаевна для многих поколений филологов Пермского университета являла собой образец безупречной честности в науке и отношениях с людьми. Для всех них Елена Николаевна Полякова навсегда останется образцом выдающегося ученого, талантливого учителя, настоящего человека.

Жизнь Елены Николаевны в университете — это целая эпоха. С ее уходом он осиротел. Но память о ней живет не только в сердцах учеников и коллег — она живет в ее статьях и книгах, в ее словах и фотографиях, в той любви, которую она щедро дарила людям.

М. В. Боброва
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
bomaripgu@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9858-0573

И. И. Русинова
кандидат филологических наук, доцент
кафедра теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия
irusinova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3500-1604

Библиография ономастических работ Е. Н. Поляковой

1965

1. Из наблюдений над топонимикой д. Акчим Красновишерского района Пермской области в связи с составлением полного словаря акчимского говора // Всесоюзная конференция по топонимике СССР : тез. докл. и сообщ. (28 января — 2 февраля 1965 г.) / ред. С. Л. Берг. — Ленинград : Геогр. о-во СССР, 1965. — С. 257–260.

2. «Новые» соликамские свитки XVII–XVIII вв. // Вопросы русского и славянского языкознания. — 1965. — Вып. 1. — С. 107–115.

1968

3. Топонимия села Акчим // Ученые записки Пермского университета. — 1968. — Вып. 177 : Географические названия Прикамья. — С. 80–88.

1969

4. «Ердан»: Пробная словарная статья // Живое слово в русской речи Прикамья. — 1969. — Вып. 1. — С. 52.

1971

5. Слово *согра* в пермских памятниках XVII века и современных говорах Пермской области // Живое слово в русской речи Прикамья. — 1971. — Вып. 2. — С. 89–94.

6. Соликамские рукописи XVII—XVIII вв. как источник изучения топонимики // Ученые записки Пермского университета. — 1971. — Вып. 250 : Уральский археографический ежегодник за 1970 год. — С. 239–253.

1972

7. К изучению лексики пермских памятников XVII века (на материале географических терминов) // Актуальные проблемы лексикологии и лексикографии : материалы IX зональной конф. каф. рус. яз. вузов Урала / ред. С. Ю. Адливанкин и др. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1972. — С. 390–394.

8. Материалы к словарю географических терминов пермских памятников XVII века : учеб. пособие. — Пермь : [б. и.], 1972. — 46 с.

1973

9. Из топонимики Пермской области (предварительные заметки о топонимике д. Пещеры) // Языки и ономастика Прикамья / науч. ред. А. С. Гантман. — Пермь : Изд-во ПГПИ, 1973. — С. 49–54.

10. Фамилии русских в Кунгурском уезде в XVII — начале XVIII века // Языки и ономастика Прикамья / науч. ред. А. С. Гантман. — Пермь : Изд-во ПГПИ, 1973. — С. 87–94.

1974

11. О лексике чердынских актов XVII — начала XVIII века // Из прошлого Чердынского края / науч. ред. В. А. Оборин. — Пермь : Перм. кн. изд-во, 1974. — С. 51–58.

12. Проблема пермской чуди в лингвистическом аспекте // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. — 1974. — Вып. 1. — С. 124–131.

1975

13. Из истории русских имен и фамилий : кн. для учащихся. — Москва : Просвещение, 1975. — 160 с.

1976

14. Изучение ономастики в школе. Антропонимика // Основные аспекты в изучении литературы и языка : метод. сб. / отв. ред. А. И. Шорина. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1976. — С. 98–109.

15. Некоторые особенности микротопонимии пермских деловых документов XVII — начала XVIII века // Вопросы лингвистического краеведения Прикамья. — 1976. — Вып. 2. — С. 38–46.

16. Этнонимы Прикамья в русском языке XVII в. // Ономастика Поволжья. Вып. 4 / отв. ред. В. А. Никонов, Н. Ф. Мокшин. — Саранск : [б. и.], 1976. — С. 9–12.

1977

17. Географические термины в пермских деловых памятниках XVII — начала XVIII века // Вопросы ономастики. Вып. 12 : Русская топонимия и географическая терминология / отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1977. — С. 148–156.

18. Источники изучения русских неполных и оценочных имен прошлого // Русская ономастика / отв. ред. В. Д. Бондалетов. — Рязань : Рязан. пед. ин-т, 1977. — С. 65–69.

1979

19. Лексика местных деловых памятников XVII — начала XVIII века и принципы ее изучения : учеб. пособие по спецкурсу. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1979. — 102 с.

20. О связях фамилий и имен нарицательных в XVII в. (по материалам деловой письменности Прикамья) // Вопросы ономастики. Вып. 13 / отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1979. — С. 29–37.

1980

21. Значение ономастики для характеристики делового языка XVII века как одной из функциональных разновидностей литературного языка // Областная научная отчетная конференция : тез. докл. (секция филологического факультета и кафедры иностранных языков). — Пермь : Изд-во ПГУ, 1980. — С. 43.

1983

22. Географическая терминология и топонимика мелиоративного урочища Красава // Проблемы мелиоративной географии : тез. докл. V Всесоюз. конф. (Пермь, ноябрь 1983) / отв. ред. Б. А. Чазов, В. С. Аношко. — Ленинград : ГО СССР, 1983. — С. 129–130.

23. Об особенностях составления топонимической картотеки по пермским деловым памятникам XVI — начала XVIII века // Вопросы ономастики. Вып. 16 : Методы топонимических исследований / отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1983. — С. 124–130.

24. Откуда эти слова? О происхождении географических названий Прикамья // Звезда (Пермь). — 1983. — 25 марта.

25. Откуда это слово? [Рец. на кн.: Кривощекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья : с кратким топонимическим словарем. Пермь : Перм. кн. изд-во, 1983. 174 с.] // Звезда (Пермь). — 1983. — 3 июн.

26. Программа спецкурса «История русской антропонимии в школе» для студентов 3-го курса филол. фак. специальности «Русский язык и литература». — Пермь : Изд-во ПГУ, 1983. — 8 с.

1984

27. Календарные имена в Прикамье в конце XVI — первой половине XVII века // Литературный язык и народная речь. — 1984. — Вып. 1. — С. 91–101. (В соавт. с Л. В. Паниной).

28. О диалектном слове *отнога* в русском языке // Эволюция лексической системы севернорусских говоров / отв. ред. Ю. И. Чайкина. — Вологда : ВГПИ, 1984. — С. 45–50.

29. Откуда пошла фамилия: История возникновения отдельных фамилий // Звезда (Пермь). —1984. — 31 янв.

1985

30. Особенности отражения топонимов в текстах делового языка XVII — начала XVIII века (по материалам пермских памятников) // Вопросы ономастики. Вып. 17 : Топонимия Урала и севера Европейской части СССР / отв. ред. А. К. Матвеев. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1985. — С. 34–42.

31. Отчет «Топонимика пермских памятников XVI–XVIII вв.» // Деп. — 1985. — Инв. № 0286.0 0452288. — № гос. регистр. 01830042685. — 15 с. — Рукопись.

32. Предисловие // Улицы Перми : справочник. По состоянию на 1 ноября 1984 г. / сост. Е. И. Елесина, М. Л. Фукс. — 3-е изд., испр. и доп. — Пермь : Перм. кн. изд-во, 1985. — С. 3–4.

33. Происхождение прикамских топонимов *Чашкино озеро* и *Содом* // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф. Л. Скитова. — Пермь : ПГУ, 1985. — С. 64–70.

1986

34. Лексикография топонимики Прикамья XVI–XVII вв. // Проблемы филологии Западной Сибири и Урала : тез. докл. межвуз. конф., посвящ. 400-летию Тюмени / отв. ред. Н. К. Фролов. — Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 1986. — С. 55.

35. О воздействии литературного языка на речь жителей деревень и поселков Пермской области (по материалам географической терминологии) // Литературный язык и народная речь / ред. Ф. Л. Скитова. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1986. — С. 47–53.

1988

36. Взаимодействие литературного языка и народной речи в процессе формирования русских фамилий // Литературный язык и народная речь / ред. Ф. Л. Скитова. — Пермь : Перм. гос. ун-т, 1988. — С. 14–22.

37. Опыт научно-популярного словаря уральских географических терминов // Координационное совещание по проблемам изучения сибирских говоров кафедр Сибири,

Урала и Дальнего Востока : тез. докл. / отв. ред. Г. Г. Белоусова. — Красноярск : КГПИ, 1988. — С. 132–134.

38. От «араины» до «яра»: Русская народная географическая терминология Пермской области. — Пермь : Перм. кн. изд-во, 1988. —180 с.

39. Семантическая деривация географических терминов пермских говоров // Деривация в речевой деятельности (общие вопросы, текст, семантика) : тез. докл. науч.-теор. конф. / отв. ред. Л. Н. Мурзин. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1988. — С. 149.

1989

40. Актуальные проблемы изучения антропонимии Прикамья // Ономастика Поволжья : материалы VI конф. по ономастике Поволжья / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун, Т. П. Федянович. — Волгоград : ВГПИ, 1989. — С. 50–51.

41. Географические апеллятивы в просторечии городов и поселков Прикамья (названия возвышенностей и их частей) // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф. Л. Скитова. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1989. — С. 43–51. (В соавт. с Н. В. Кириченко, О. В. Окуловой).

42. Принципы составления словаря географических терминов Пермской области // Уральский лексикографический сборник / отв. ред. А. К. Матвеев, Е. Н. Полякова. — Свердловск : Изд-во Урал. ун-та, 1989. — С. 33–42.

43. Топонимы Прикамья как памятники духовной и материальной культуры // Исторические названия — памятники культуры : тез. докл. и сообщ. всесоюз. науч. конф. — Москва : Сов. фонд культуры, 1989. — С. 70–71.

1991

44. Актуальные проблемы изучения русской антропонимии Прикамья // Ономастика Поволжья : материалы VI конф. по ономастике Поволжья : в 2 ч. / отв. ред. Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун, Т. П. Федянович. — Москва : Ин-т этнологии и антропологии АН СССР, 1991. — Ч. 1. — С. 60–67.

45. Источники восстановления старых ойконимов Пермской области // Исторические названия — памятники культуры : сб. материалов II Всесоюз. науч.- практ. конф. — Москва : Сов. фонд культуры, 1991. — С. 138.

46. Принцип деривации в изучении русских ойконимов (по материалам Пермской области) // Принцип деривации в истории языкознания и современной лингвистике : тез. докл. / гл. ред. Л. Н. Мурзин. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1991. — С. 187–188.

1993

47. Об источниках исторической реконструкции пермских говоров XVII века (на материале лексики) // Живое слово в русской речи Прикамья / гл. ред. Ф. Л. Скитова. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1993. — С. 37–44.

1995

48. Формирование пермских фамилий в XVI — начале XVIII века // Проблемы региональной русской филологии : тез. докл. и сообщ. / отв. ред. Е. П. Андреева. — Вологда : ВГПИ, 1995. — С. 126–128.

1996

49. Культурно-исторический аспект изучения пермских отпрозвищных фамилий и прозвищ XVI — начала XVIII века // Филология на рубеже XX–XXI веков : тез. докл. междунар. науч. конф. / гл. ред. Т. И. Ерофеева. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1996. — С. 243–244.

50. Фамилии Прикамья коми происхождения и этимологические справки о них в словаре пермских фамилий XVI — начала XVIII века // Русская диалектная этимология : тез. докл. науч. совещ. / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1996. — С. 40–42.

51. Фамилии Прикамья коми происхождения и этимологические справки о них в «Словаре пермских фамилий XVI — начала XVIII века» // Этимологические исследования. — 1996. — Вып. 6. — С. 173–179.

1997

52. К истокам пермских фамилий : словарь. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1997. — 276 с.

53. Проблемы изучения пермской ономастики (географических названий и фамилий), возникшей в результате взаимодействия различных языков Прикамья // Национальная культура и языки народов Прикамья: возрождение и развитие (к 200-летию Пермской губернии) : материалы межрег. науч.-практ. конф. / ред. А. Г. Антипьев, Т. И. Ерофеева, Г. В. Пугина. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1997. — С. 24–27.

1998

54. О словаре географических терминов в русских говорах и просторечии Пермской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья / гл. ред. Н. Н. Назаров. — Пермь : Изд-во ПГТУ, 1998. — С. 141–142.

55. Пермские ойконимы в форме множественного числа // Русское слово: 70-летию профессора В. Д. Бондалетова посвящается / отв. ред. Е. С. Скобликова. — Пенза : ПГПУ, 1998. — С. 163–169.

56. Русская ономастика XVII века на территории Перми // Пермь: опыт развития, потенциал, перспективы : материалы науч.-практ. конф., посвящ. 275-летию Перми / отв. ред. И. К. Кирьянов. — Пермь : Изд-во ПГУ, 1998. — С. 13–14.

1999

57. Чердынские фамилии в период их становления (конец XVI — XVII в.) // Чердынь и Урал в историческом и культурном наследии России : материалы науч. конф., посвящ. 100-летию Чердын. краевед. музея им. А. С. Пушкина / под ред. С. А. Димухаметова и др. — Пермь : [б. и.], 1999. — С. 8–12.

58. Этимология диалектных основ пермских фамилий XVII века (*Батанов*, *Батаногов*, *Батов*) // Русская диалектная этимология : тез. докл. и сообщ. III науч. совещ. / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — С. 57–60.

2000

59. Источники русской народной географической терминологии Пермской области // Природное наследие и географическое краеведение Прикамья : сообщ. II Межрегион. науч.-практ. конф. / гл. ред. Н. Н. Назаров. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2000. — С. 88–89.

60. Ойконимия Пермской области в историческом аспекте // Словесность и современность : материалы науч. конф. : в 3 ч. / науч. ред. И. А. Подюков. — Пермь : ПГПУ, 2000. — Ч. 2 : Лингвистика. — С. 91–98.

2001

61. Изменения в пермской антропонимии XVI–XVIII веков // Изменяющийся языковой мир : тез. докл. междунар. науч. конф. / отв. ред. Б. В. Кондаков, Г. С. Двинянинова. — Пермь : ПГПУ, 2001. — С. 188–190.

62. Источники изучения пермской топонимии XVI–XVIII веков // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки: История. Филология. Искусство. — 2001. — Вып. 4. — № 20. — С. 78–84.

63. Литература по пермской ономастике // Страницы прошлого. Избранные материалы краеведческих Смышляевских чтений в Перми. Вып. 3 / сост. Т. И. Быстрых, А. Ф. Старовойтов. — Пермь : Реал, 2001. — С. 23–27.

64. Улица Камчатовская // Мой город Пермь (Пермь). — 2001. — 20 июл. — № 28 (89).

65. Этимология диалектных основ пермских фамилий XVI — начала XVIII века (*Батов*, *Батанов*, *Батаногов*, *Баталов*) // Этимологические исследования. — 2001. — Вып. 7. — С. 166–171.

2002

66. Динамические процессы в пермской географической терминологии во второй половине XX века // Мурзинские чтения: Динамика языка в синхронии и диахронии : материалы межвуз. науч. конф. / отв. ред. В. А. Мишланов. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. — С. 37–43.

67. Заметки о материалах «Словаря пермских фамилий XVI–XVIII вв.» // Филологические заметки / под ред. М. П. Котюровой, И. Н. Щукиной. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. — С. 129–135.

68. Из истории русских имен и фамилий : кн. для учащихся. — 2-е изд., стер. — М. : Монолит, 2002. — 160 с.

69. Изменения в пермской антропонимии XVI–XVIII веков // Изменяющийся языковой мир : докл. междунар. науч. конф. / отв. ред. Б. В. Кондаков, Г. С. Двинянинова. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. — С. 243–248.

70. Лексика и ономастика в памятниках письменности и в живой речи Прикамья : избр. тр. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. — 304 с.

71. Ойконимы в пермских ревизских сказках XVIII века // Проблемы лингвистического краеведения : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / гл. ред. М. П. Абашева. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. — С. 150–155.

72. Топонимические справочники по Пермской области для туристов // География и регион — 6: Туризм и туристский сервис: региональные аспекты : материалы междунар. науч.-практ. конф. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2002. — С. 118–121.

73. Этимология диалектных основ пермских фамилий XVI–XVIII вв. (*Брунцов*, *Бубин*, *Бузырев*) // Русская диалектная этимология / под ред. А. К. Матвеева. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — С. 143–145.

2003

74. Географическая лексика // Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение : учеб. пособие для школьников / сост. В. И. Шенкман. — Пермь : Изд-во ПОИПКРО, 2003. — С. 38–43.

75. Лексика, фразеология и ономастика Прикамья : метод. пособие. — Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2003. — 26 с. (В соавт. с А. Н. Борисовой, О. В. Гордеевой, К. Н. Прокошевой, Т. А. Сироткиной).

76. Об окончаниях в топонимах типа *Петухова*, *Симаково* // Осинский ежегодник. — 2003. — Вып. 11. — С. 21–22.

77. Этимология диалектных основ пермских фамилий XVI — начала XVIII века (*Кондырев*, *Кандырев*, *Калдырев*) // Этимологические исследования. — 2003. — Вып. 8. — С. 130–136.

2004

78. Географическая лексика // Русская речь Прикамья. Лингвистическое краеведение : учеб. пособие для школьников / сост. В. И. Шенкман. — 2-е изд. — Пермь : Книжный мир, 2004. — С. 43–49.

79. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров. Статья первая. *Кокуй* // Проблемы лингвистического краеведения : материалы межвуз. науч.-практ. конф. / сост. О. В. Гордеева. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2004. — С. 51–56.

80. О фамилиях жителей Ильинского района Пермского края // Ильинский: Страницы истории. К 425-летию поселка / сост. О. Л. Кутьев. — Пермь : Пушка, 2004. — С. 38–48.

81. Об отражении в пермской топонимии результатов взаимодействия разных языков // Межкультурная коммуникация : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Б. В. Кондаков. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2004. — С. 3–8.

82. Отражение в пермской топонимии связей разных культур (вишерский диалектный географический апеллятив *степь*) // Языковое сознание и текст : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. С. Двинянинова. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2004. — С. 251–260.

83. [Рец.] Новые работы по антропонимии Урала // Вопросы ономастики. — 2004. — № 1. — С. 152–163.

2005

84. О пермской диалектной и ономастической лексикографии // Проблемы филологии в синхронии и диахронии : сб. ст. к юбилею профессора Л. А. Глинкиной / отв. ред. С. Г. Шулежкова. — Челябинск : Полиграф-Мастер, 2005. — С. 267–275.

85. Роль делового языка в развитии русской антропонимии XVII–XVIII вв. // Ономастика в кругу гуманитарных наук : материалы междунар. науч. конф. / под ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2005. — С. 66–68.

86. Слова с корнем *ляд* в пермской лексике и ономастике // Филологические заметки. — 2005. — Вып. 2. — № 1. — С. 209–218.

87. Словарь пермских фамилий. — Пермь : Книжный мир, 2005. — 462 с.

2006

88. Географические термины с корнем *низ-* в русской речи Пермского края // Филологические заметки. — 2006. — Вып. 4. — № 1. — С. 254–262.

89. Диалектные апеллятивы в русских говорах и просторечии Пермского края (названия оврагов и природных ям) // Вестник Пермского университета. — 2006. — Вып. 3. — С. 98–109.

90. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров — 2 // Этнокультурное пространство региона и языковое сознание : материалы науч.-практ. конф. / ред. Н. К. Фролов. — Тюмень : Изд-во Тюмен. ун-та, 2006. — Ч. 2. — С. 87–91.

91. Диалектные апеллятивы, исчезнувшие из пермских говоров — 3. ГЛЯДЕН, ПРОСТЬ, РЕДРЫЙ // Вестник Пермского государственного педагогического университета. Сер. Филологическая. — 2006. — Вып. 1. — С. 130–137.

92. Исследования А. С. Кривощековой-Гантман в области ономастики // Пермистика — XI: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками : материалы междунар. симп. / отв. ред. Л. Г. Пономарева. — Пермь : Перм. гос. пед. ун-т, 2006. — С. 23–29.

93. Региональная лексикология и ономастика : учеб. пособие. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2006. — 256 с.

94. Этимология диалектных основ пермских фамилий XVI–XVIII веков (*Вакин*, *Вакорев*, *Вакуриных*, *Ваулин*, *Вежливцов*, *Вечтомов*, *Вештемов*, *Водолеев*, *Воропаев*) // Ad fontes verborum: Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Ж. Ж. Варбот / отв. ред. А. Ф. Журавлев. — Москва : Наука, 2006. — С. 291–302.

2007

95. К истокам названия *Пермь* // Глаголъ: Пермский филологический журнал. — 2007. — № 1. — С. 3–8.

96. Моя пермская топонимия // Глаголъ: Пермский филологический журнал. — 2007. — № 1. — С. 2–3.

97. Национально-культурные особенности возникновения пермских топонимов (*Дивий Камень*, *Ветлан*, *Долды*) // Национально-культурная специфика текста : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Г. С. Двинянинова. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2007. — С. 31–38.

98. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. — Пермь : [б. и.], 2007. — 420 с.

99. Словарь имен жителей Пермского края XVI–XVIII веков. — Пермь : Изд. дом Бывальцева, 2007. — 463 с.

2008

100. Из истории пермских гидронимов на *-иха*. Гидроним *Егошиха* // Проблемы социо- и психолингвистики. — 2008. — Вып. 11. — С. 14–30.

101. Об электронной версии базового словаря топонимов Пермского края // Вестник Пермского университета. Сер. филологическая. — 2008. — Вып. 3 (19). — С. 61–71.

102. Топонимия Урала в первом русском энциклопедическом словаре — «Лексиконе» В. Н. Татищева // Филолошки студии. — 2008. — № 1. — С. 13.

2009

103. Закономерности развития русской антропонимии Пермского края в XVI–XVIII вв. // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г.) / под ред. Е. Л. Березович. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. — С. 216–218.

104. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности) — 1 // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — Вып. 1. — С. 5–17.

105. Культура питания в Прикамье XVI–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности) — 2 // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2009. — Вып. 5. — С. 5–15.

106. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья : учеб. пособие. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2009. — 260 с.

107. Положение женщины в Прикамье в XVII — начале XVIII в. (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности) // Проблемы социо- и психолингвистики. — 2009. — Вып. 13. — С. 3–19.

108. Слова *слуда*, *слудка* в пермской лексике и топонимии // История русского слова. Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вып. 4 / отв. ред. Ю. И. Чайкина. — Вологда : ВГПИ, 2009. — С. 94–108.

109. Сложные (двухосновные) фамилии в Пермском крае в XVII–XVIII веках // Вестник Прикамского социального института. Филология. — 2009. — № 4 (35). — С. 22–27.

110. Этимологический комментарий в русском региональном словаре отпрозвищных фамилий // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — № 2 (24). — С. 214–218.

2010

111. История имен жителей Пермского края в XVI–XVIII веках. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2010. — 277 с.

112. О связи языка и культуры по данным лексики и ономастики (фамилия *Коноплев* и слово *конопля*) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — Вып. 5 (11). — С. 7–17.

113. Развитие пермских отыменных топонимов в Прикамье XVI–XVII вв. (по материалам писцовых и переписных книг) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2010. — Вып. 4. — С. 7–16.

114. Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века : в 2 т. — Пермь : Изд-во ПГУ, 2010.

2011

115. Заметки о происхождении названия *заимка* в городе Перми // Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования. Вып. 3 / под ред. Е. Н. Поляковой. — Пермь : ПГНИ, 2011. — С. 50–54.

116. Национально-культурные особенности возникновения пермских топонимов (*Дивий камень*, *Ветлан*, *Долды*) // Текст в филологических исследованиях : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Б. В. Кондакова. — Пермь : ПГНИУ, 2011. — С. 5–11.

2013

117. Старинные названия на карте Перми. — Пермь : ПГНИУ, 2013. — 102 с.

2014

118. Культура питания в Прикамье XIV–XVIII веков (по данным лексики и ономастики пермских памятников письменности) // Традиционная культура Пермского края

в зеркале лексики и фразеологии / под общ. ред. И. И. Русиновой. — Пермь : ПГНИУ, 2014. — С. 194–228.

2015

119. Материалы памятников XVI — начала XVIII в. для топонимического словаря Пермского края (А–Г) // Лингвокультурное пространство Пермского края : материалы и исследования. Вып. 4 / гл. ред. И. И. Русинова. — Пермь : ПГНИУ, 2015. — С. 125–170.

2016

120. Научное направление «Региональная лексикология, лексикография, ономастика» в Пермском университете // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. — 2016. — № 1 (33). — С. 137–154. (В соавт. с И. И. Русиновой, М. В. Бобровой).

121. О работе Общественного совета по топонимике города Перми // В руках у нас частица времени : календарь-справочник города Перми на 2017 год / сост. О. А. Мельчакова. — Пермь : Пушка, 2016. — С. 60–71. (В соавт. с М. В. Бобровой).

2020

122. Материалы памятников XVI — начала XVIII в. для топонимического словаря Пермского края / под ред. М. В. Бобровой. — Пермь : ПГНИУ, 2020. — 168 с.

2021

123. Историческая топонимия Пермского края: проблемы лексикографирования // Лексикография цифровой эпохи : сб. материалов междунар. симп. / отв. ред. Е. А. Юрина, С. С. Земичева. — Томск : Изд-во ТомГУ, 2021. — С. 314–317. (В соавт. с М. В. Бобровой).

М. В. Боброва
кандидат филологических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Институт лингвистических исследований РАН
Санкт-Петербург, Россия
bomaripgu@yandex.ru
https://orcid.org/0000-0001-9858-0573

И. И. Русинова
кандидат филологических наук, доцент
кафедра теоретического и прикладного языкознания
Пермский государственный национальный исследовательский университет
Пермь, Россия
irusinova@mail.ru
https://orcid.org/0000-0003-3500-1604

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ
2022. Т. 19. № 2

Выпускающий редактор *А. А. Макарова*
Редакторы *Д. В. Спиридонов*
О. Д. Сурикова
Перевод *Е. С. Ессяк*
Корректор *Я. В. Малькова*
Компьютерная верстка *Л. А. Хухаревой*

Свободная цена

Журнал не подлежит маркировке в соответствии с п. 2 ст. 1
Федерального закона РФ от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ
как содержащий научную информацию.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-75393 от 05.04.2019.
Учредители: ФГБУН Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН.
119019, Москва, Гоголевский б-р, 2/18/1, стр. 1, 3;
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина».
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19.

Дата выхода в свет 15.07.2022. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Уч.-изд. л. 22,84. Усл. печ. л. 23,89. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 500 экз. Заказ 131.
Издательство Уральского университета.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ.
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
http://print.urfu.ru

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Общие правила

▪ Статья объемом до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков) может быть опубликована на русском, английском (британском или американском варианте), французском или немецком языке. Объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией. Краткие сообщения не должны превышать по объему 0,5 уч.-изд. (авт.) листа (20 000 знаков).

▪ Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.

▪ Статья проходит рецензирование как минимум двумя членами редколлегии и, если это необходимо, другими специалистами из числа членов экспертного совета журнала или внешними экспертами («слепое» рецензирование), обладающими необходимыми компетенциями. В течение двух-трех месяцев после поступления рукописи в редакцию автор письменно извещается о возможности публикации в журнале.

Общие требования к авторскому оригиналу

1. Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на диске или по электронной почте). Параметры: Word 6.0/7.0 (формат doc или rtf), шрифт Times New Roman, кегль основного текста 14-й, сносок — 12-й, интервал — 1,5, абзац 0,7 (установленный через меню). Если вы используете нестандартный шрифт, приложите к письму файл с шрифтом, а также копию статьи в формате pdf.

2. Фамилии авторов должны быть перечислены в алфавитном порядке над заголовком. Там, где имя может быть прочитано неоднозначно (например, двойное имя и фамилия), автору следует ясно указать правильный вариант чтения.

3. Под заголовком на языке статьи размещаются резюме (200–250 слов) и ключевые слова (5–10).

Для статей, сообщающих об оригинальных исследованиях, резюме должно содержать следующее описание: основную цель и гипотезу исследования, изучаемый материал, методы и процедуры исследования, основные итоги, результаты и выводы, а также указание на значение этих выводов для последующего исследования или практического применения.

Список ключевых слов должен быть информативным и отражать содержание статьи.

4. Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются марровские кавычки (‘’), при цитировании — угловые («»), при цитировании внутри цитаты — английские двойные кавычки (“”). Смысловые выделения обозначаются разрядкой.

5. Иллюстрации (карты, изображения, фотографии) должны быть хорошего качества. Их следует приложить отдельными файлами (формат jpeg, разрешение 300 dpi, ширина изображения не менее 13 см).

6. Примечания — подстрочные (даются в сносках внизу страницы), нумерация сквозная.

7. Библиографические ссылки — затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом — с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это необходимо) в квадратных скобках.

8. Если статья публикуется на русском языке, то после списка литературы на английском языке приводятся метатекстовые данные (все то, что предшествует основному тексту), а также список литературы в формате APA (подробнее см. ниже). Если статья подается на английском языке, то список литературы сразу же выполняется в формате APA.

9. При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.

10. В конце статьи необходимо поместить краткие сведения об авторе: ФИО, ученая степень и ученое звание, должность, место работы, рабочий адрес (и адрес для отправки авторского экземпляра, если не совпадает с рабочим), рабочий телефон, e-mail, ORCID (см. на сайте: http://www.orcid.org).

Правила оформления библиографических ссылок

Форма связи ссылок с основным текстом с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий.

1. Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, *28*], [Мамонтова, Муллонен, 1991, *52*].

2. Для многотомных изданий и изданий из нескольких выпусков указывается номер тома или выпуска: [СРНГ, 12, *270*].

3. Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенной аббревиатуры к году: [Макарова 2007а, *182*]. В этом случае необходимо сделать соответствующее указание в списке литературы:

Макарова А. А. Из материалов экспедиции Уральского университета в Кадуйский район Вологодской области // Вопр. ономастики. 2007а. № 4. С. 179–184.

4. Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе — сокращенное название): [Уральские имена, *73*], [МДС, *81*], [ААЕ, *9*].

5. Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, *22*] — курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, опись, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.

6. Карты, словники, картотеки и т. п. — с помощью сокращенного названия: [КСГРС].

Правила оформления списка литературы

Список литературы и источников дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы. Список литературы должен быть разделен на две рубрики: *Источники* (сюда включаются словари, архивные материалы, литературные произведения, исторические источники) и *Исследования*.

Если статья подается на русском языке, то библиографическое описание должно соответствовать требованиям ГОСТ 7.0.5–2008 и обязательно содержать наименование издательства, фамилии редакторов, составителей (для сборников, материалов конференций, справочных изданий), наименование научной организации (для диссертаций и авторефератов диссертаций). Например:

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1979. С. 272–346.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Зализняк А. А., *Янин В. Л.* Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 3–11.

Лысова Е. В. Орнитонимия Русского Севера : дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. URL: http://www.dwds.de/.

Gammeltoft P. Islands great and small: a brief survey of the names of islands and skerries in Shetland // Cultural contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names / ed. by P. Gammeltoft, C. Hough and D. Waugh. Lerwick : NORNA, 2005. P. 119–126.

Harvalík M. Synchronní a diachronní aspekty české onymie. Praha : Academia, 2004.

Kleiber G. Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques // Journal of French Language Studies. 1992. № 2. P. 185–205.

Room A. Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London : Bloomsbury, 1988.

Список литературы, составленный в соответствии с российским ГОСТом, должен быть продублирован в формате APA (American Psychological Association) с обязательной транслитерацией и переводом кириллических названий (за исключением названий периодических изданий). Дублировать следует только рубрику *Исследования.*

Названия изданий на языке, использующем не латинский алфавит (например, кириллицу), должны быть транслитерированы и переведены на английский язык, при этом в качестве основного названия используется транслитерация оригинального названия, а английский перевод дается в квадратных скобках сразу после нее.

Ввиду многообразия стандартов транслитерации и необходимости унификации ее принципов редакция журнала просит авторов использовать правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization или LC romanization). Обратите внимание, что при транслитерации следует делать исключения для имен собственных и названий периодических изданий, которые необходимо транслитерировать в соответствии со сложившейся традицией (например: В. Янин = V. Yanin, а не V. Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, а не Voprosy iazykoznaniia и т. п.).

Пример приведенного выше списка, оформленного в соответствии с требованиями журнала (записи располагаются в алфавитном порядке):

Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka.

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/.

Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia.

Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: the Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies, 2*, 185–205.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.

Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.

Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11.

Принципы оформления библиографической записи в формате APA описаны на сайте http://www.apastyle.org/, а также на многочисленных сайтах библиотек. Правила транслитерации Библиотеки Конгресса США (ALA-LC romanization) описаны на сайте http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html. При транслитерации кириллических названий можно воспользоваться автоматическими системами транслитерации, например translit.ru (в выпадающем меню «Варианты...» выбрать LC).

Более подробная информация о правилах публикации рукописей размещена на сайте журнала: onomastics.ru — в разделе «Информация для авторов». Для отправки рукописи в редакцию можно воспользоваться размещенной там же формой обратной связи.

INSTRUCTIONS FOR CONTRIBUTORS

General Principles

▪ The article may be published in the Russian, English (American or British variant), French or German language. The article generally should not exceed 40 000 characters (spaces included), although exceptions are possible. A brief communication should not exceed 20 000 characters (spaces included).

▪ The journal does not accept papers previously published or being under consideration in other journals.

▪ Every submitted article is evaluated by at least two members of the editorial board and, if needed, by other reviewers (blind peer-review) with relevant experience and expertise. Within two to three month, the author receives the editors' response with their decision and a list of any changes needed for the article to be accepted for publication.

General Manuscript Formatting Guide

1. Your manuscript should be typeset using Microsoft Word and a 'standard' font, preferably 14-point Times New Roman (12-point for footnotes), with a line spacing of 1.5 and a first line indent of 0.7 cm on each paragraph. If you use a non-standard font, please attach the font file to your message as well as a copy of your paper in PDF format.

2. The names of authors must be listed in the alphabetical order above the title. Where the family name may be ambiguous (e.g. a double name), please indicate this clearly.

3. The abstract of 200–250 words and the list of key words (5–10) must be placed under the title. For papers reporting original research, the abstract should describe: the primary objective and any hypothesis tested; the data studied in the article and the methods and procedures of research applied to those data; the main outcomes, results and conclusions that might be drawn from these data and results, including their implications for further research or practice. The list of key words must be informative and specific to the content of the article.

4. Language units and illustrations cited in the article should be italicised. To indicate meaning, please, use English single quotes ('), also use French quotation marks («») for long citations, English double quotes ("") for citations within citations and letter-spacing for emphasis.

5. Any illustrations (maps, images, photos) should be of good quality, in JPEG format with a resolution of at least 300 dpi and the width of at least 13 cm.

6. Please, use footnotes with a continuous numbering.

7. The bibliography should be put into alphabetical order and placed at the end of the document. The references in square brackets should contain the author's name or the book title, the year of publication and, if necessary, page numbers.

8. If the article is submitted in the Russian, French, German, Polish, Czech, Serbian or Bulgarian languages supplement your article with parallel metadata (authors' names, title, abstract, key words) and reference list in English.

9. Please, include a list of the abbreviations and acronyms you use in your article. The list should be placed at the end of the document.

10. Place the detailed information about the article's author(s) (name, academic degree, affiliation, position, mailing address, electronic address, phone number, ORCID — see: http://www.orcid.org) at the end of the document.

References

References may have different formats depending on the type of the publication referred to.

1. Book by one, two or more authors: [Smith, 1989, *28*], [Smith & Bright, 1991, *52*], [Smith, Bright et al., 1993, *140*], etc.

2. For multivolume editions include the volume number: [СРНГ, 12, *270*], [CPJ, 2, *23*].

3. Where there are two or more publications by a same author and the years of publication are the same, a lower-case "a" should feature after the date in the first entry, a "b" in the second, and so on: [Bright, 2003a, *676*]. Please, include the same indications in the bibliography at the end of the document:

Bright, W. (2003a). What is a Name? Reflections on Onomastics. *Language and Linguistics, 4*(4), 669–681.

4. Collections of articles, conference proceedings, dictionaries and atlases: [Smith (ed.), 1999, *73*], [Smith & Bright (eds.), 1997, *142*], [AAE, *9*], etc. — the reference should include the editor's name or the abbreviated title.

5. Archival materials: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, *22*] — the pages are the only element to be italicised, all the other indications are given in an abridged form and separated by a comma.

6. Maps, card indexes, glossaries etc. are referred to by their abbreviated name or title: [КСГРС], [LGPN] etc.

Bibliography

The bibliography should be put into alphabetical order and placed at the end of the document. For abbreviated titles, please, first indicate the abbreviation. The bibliography must be divided using 2 categories: *Sources* (included here are: dictionaries, archive materials, literary works, historical sourses) and *References*.

If you submit your article in Russian, the bibliography should follow the Russian National Standard for Bibliography Items (ГОСТ 7.0.5–2008). Please note that in this case the name of the publisher and of the editor (for collections of articles, dictionaries etc.), as well as the name of the research institution or university (for dissertations) must not be omitted. For example:

Абаев В. И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки / отв. ред. В. С. Расторгуева. М. : Наука, 1979. С. 272–346.

Березович Е. Л. Язык и традиционная культура. Этнолингвистические исследования. М. : Индрик, 2007.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 2000.

Зализняк А. А., Янин В. Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2002 г. // Вопр. языкознания. 2003. № 4. С. 3–11.

Лысова Е. В. Орнитонимия Русского Севера : дис. … канд. филол. наук / Урал. гос. ун-т. Екатеринбург, 2002.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic resource]. URL: http://www.dwds.de/.

Gammeltoft P. Islands great and small: a brief survey of the names of islands and skerries in Shetland // Cultural contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names / ed. by P. Gammeltoft, C. Hough and D. Waugh. Lerwick : NORNA, 2005. P. 119–126.

Harvalík M. Synchronní a diachronní aspekty české onymie. Praha : Academia, 2004.

Kleiber G. Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques // Journal of French Language Studies. 1992. № 2. P. 185–205.

Room A. Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles. London : Bloomsbury, 1988.

In case of an article in English, please, follow the APA style, in other cases follow your national bibliography standard and supplement your reference list with a parallel list in English made in the APA style. Duplication is only done for the category of *References.*

The titles in a non-roman alphabet should be romanized and translated into English. The romanization should conform to the ALA-LC romanization principles (a transliteration standard approved by the Library of Congress and the American Library Association). Please note that proper names and titles of periodicals are romanized according to the existing tradition and not to the ALA-LC rules (e.g.: Валентин Янин = Valentin Yanin, and not *Valentin Ianin; Вопросы языкознания = Voprosy jazykoznanija, and not *Voprosy iazykoznaniia, etc.).

Here is the same reference list as remade according to the APA style and romanized following the ALA-LC Romanization tables:

Abaev, V. I. (1979). Skifo-sarmatskie narechiia [Scytho-Sarmatian languages]. In V. S. Rastorgueva (Ed.), *Osnovy iranskogo iazykoznaniia. Drevneiranskie iazyki* [Elements of Iranian Linguistics. Ancient Iranian Languages] (pp. 272–346). Moscow: Nauka.

Berezovich, E. L. (2007). *Iazyk i traditsionnaia kul'tura: etnolingvisticheskie issledovaniia* [Language and Traditional Culture: Ethnolinguistic Studies]. Moscow: Indrik.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Electronic Dictionary of the German Language]. Retrieved from http://www.dwds.de/.

Gammeltoft, P. (2005). Islands Great and Small: A Brief Survey of the Names of Islands and Skerries in Shetland. In P. Gammeltoft, C. Hough & D. Waugh (Eds.), *Cultural Contacts in the North Atlantic Region: the Evidence of Names* (pp. 119–126). Lerwick: NORNA.

Harvalík, M. (2004). *Synchronní a diachronní aspekty české onymie* [Synchronic and Diachronic Aspects of Czech Proper Names]. Praha: Academia.

Kleiber, G. (1992). Quand le nom propre prend l'article: le cas des noms propres métonymiques [When a Proper Name Takes an Article: the Case of Metonymic Proper Names]. *Journal of French Language Studies, 2*, 185–205.

Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2000). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka [A Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg: Norint.

Lysova, E. V. (2002). *Ornitonimiia Russkogo Severa* [Ornithonymy of the Russian North] (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

Room, A. (1988). *Bloomsbury Dictionary of Place-Names in the British Isles*. London: Bloomsbury.

Zaliznyak, A. A., & Yanin, V. L. (2003). Berestianye gramoty iz novgorodskikh raskopok 2002 g. [Birch Bark Manuscripts from Novgorod Excavations in 2000]. *Voprosy jazykoznanija*, 4, 3–11.

The rules of APA Style are described on the official site: http://www.apastyle.org/, as well as on many other Internet resources. The ALA-LC Romanization tables: http://www.loc.gov/catdir/cpso/roman.html. For romanization you may also use numerous automatic systems of transliteration, e.g. for the items in Russian: translit.ru (in the pull-down menu «варианты...» choose LC, i.e. Library of Congress).

For further information and for article submission, please visit the journal's website: onomastics.ru (page Call for papers).